РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИЕ НАУЧНЫЕ СВЯЗИ

В XIX-XX вв.

Издательство «Индрик»

inslav

Российская академия наук
Институт славяноведения
Комиссия историков России и Польши

РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИЕ НАУЧНЫЕ СВЯЗИ В XIX-XX вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2003

inslav

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
Р 76

Редколлегия:
В. К. Волков (отв. редактор),
Л. П. Марней, Б. В. Носов

Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. / Отв. ред. В. К. Волков. — М.: Индрик, 2003. — 288 с.

ISBN 5-85759-252-6

В коллективный труд российских и польских ученых включены статьи и другие материалы 35-й одноименной научной конференции Комиссии историков России и Польши, проведенной 16–17 октября 2001 г. в Институте славяноведения РАН в рамках «Дней польской науки в России». В нем опубликованы: выступление Президента РАН академика Ю. С. Осипова на совместном заседании президиумов Российской Академии наук и Польской Академии наук, посвященном открытию «Дней польской науки в России», и Приветствие Российской Академии наук в связи с 50-летием Польской Академии наук, а также помещены статьи польских ученых — участников приуроченной к 50-летию ПАН научной конференции в Москве 14 октября 2002 г., — в докладах которых анализировался опыт сотрудничества Польской и Российской Академий наук в области исторических наук и литературоведения. Статьи и публикации труда отражают более чем двухвековую историю и традиции российско-польского научного сотрудничества в основном в области исторических и гуманитарных наук, научные связи и совместную исследовательскую работу Академий наук Польши и России, а также сотрудничество ученых двух стран в рамках Комиссии историков России и Польши.

© Институт славяноведения, 2003
© Издательство «Индрик», 2003

ISBN 5-85759-252-6

inslav

Содержание

Предисловие *(Председатель российской части Комиссии историков России и Польши, член-корреспондент РАН В. К. Волков)* 5

Президент Российской академии наук академик Ю. С. Осипов
Российско-польские научные связи: история и современность (Выступление на совместном заседании президиумов Российской Академии наук и Польской Академии наук в связи с открытием «Дней польской науки в Российской Федерации». Москва, Дом ученых, 15 октября 2001 г.) 8

Приветственный Адрес Российской Академии наук Польской Академии наук в связи с 50-летием со дня основания. Варшава, 9 декабря 2002 г. 30

К юбилею Комиссии историков России и Польши

Фалькович С. М. 35 лет Комиссии историков России и Польши 32

Письма академика Юлиуша Бардаха о работе Комиссии историков России и Польши. Письма И. И. Костюшко и Я. Н. Щапову (Составление и комментарий: И. И. Костюшко и Я. Н. Щапов, подготовка публикации: Л. П. Марней) 39

Сливовская Виктория, Сливовский Рене. Полвека в кругах российской культуры и науки (несколько заметок личного свойства) (Перевод О. Морозовой) 58

Хорошкевич А. Л. Польские ученые — уроженцы России — исследователи славянского и русского средневековья 64

Статьи

Новак Анджей (Варшава). Ян Потоцкий, Тадеуш Чацкий, Н. М. Карамзин и другие: размышления о политическом и идейном контексте польско-российского научного сотрудничества в первой четверти XIX в. (Перевод Г. Макаровой) 71

Лаптева Л. П. (Москва) Русский славист А. Ф. Гильфердинг (1831–1872) и его взгляд на польский вопрос 91

Носов Б. В. (Москва). Разделы Речи Посполитой в трудах польских и российских историков второй половины XIX — начала XX вв. и становление современной историографии 103

inslav

Филипович Мирослав (Люблин). Ученые или патриоты? Взгляды польских историков на Россию и русских в конце XIX — начале XX в. (Перевод В. Волобуева) 117
Опацкий Збигнев (Гданьск). Контакты научных кругов Кракова с российскими учеными в конце XIX — начале XX в. (Перевод С. Фалькович) 140
Фалькович С. М. (Москва). Из истории научных связей СССР и Польши в межвоенный период 169
Ромек Збигнев (Варшава). Наука против идеологических догм: сотрудничество польских и советских историков после Второй мировой войны 181
Седов В. В. (Москва). Проблема славянского этногенеза в трудах российских и польских ученых XX в. 193
Дмитриев М. В. (Москва). Брестская уния в исследованиях польских и российских историков 203
Шварц Анджей (Варшава). Стефан Кеневич и российские исследователи истории Польши XIX в. (Перевод А. Орехова) 218
Сливовская Виктория (Варшава). К вопросу о сотрудничестве польских и российских ученых в публикации архивных документов — источников по истории Польши и польско-российских отношений 227
Макарова Г. В. (Москва). Материалы об участниках польского восстания 1863 г. в архиве Института славяноведения Российской Академии наук 233
Парсаданова В. С. (Москва). Начало Второй мировой войны в оценке маршала Э. Рыдз-Смиглы. К вопросу об интерпретации событий сентября 1939 г. 242
Яжборовская И. С. (Москва). Сотрудничество историков России и Польши в раскрытии правды о Катыни 252
Бухарин Н. И. (Москва). Российско-польское научное сотрудничество в 90-е гг. XX в. 266
Былина Станислав (Варшава). Сотрудничество Института Истории ПАН с институтами Российской Академии наук в области исторических наук (Перевод Л. Марней) 274
Снопек Ежи (Варшава). Основные направления и перспективы польско-русского сотрудничества в области литературоведения (из опыта Института литературных исследований ПАН) (Перевод В. Хорева) 279

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 286

inslav

В. К. Волков

ПРЕДИСЛОВИЕ

Два истекших года — первые годы нового века и нового тысячелетия — были ознаменованы значительными событиями в истории научного сотрудничества России и Польши. 13–18 октября 2001 г. в Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске проходили «Дни польской науки в России», в открытии которых принимали участие президент Польши Александр Квасьневский и президент России В. В. Путин. В рамках программы «Дней...» в Институте славяноведения РАН состоялись две российско-польские научные конференции: «Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре»* и «Российско-польские научные связи в XIX–XX вв.». Вторая конференция проводилась двусторонней Комиссией историков России и Польши и стала юбилейной 35-й конференцией Комиссии со времени ее создания в 1965 г.

«Дни польской науки» предшествовали юбилею Польской Академии наук, основанной в соответствии с решениями Первого конгресса польской науки в декабре 1952 г. и отмечавшей в 2002 г. свое пятидесятилетие. В связи с юбилеем Польской Академии наук 14 октября 2002 г. в Москве в Посольстве Республики Польша состоялась научная конференция, посвященная 50-летию ПАН, на которой с докладом выступили президент ПАН академик Ежи Колодзейчак и видные польские ученые, уделившие главное внимание развитию сотрудничества между Польской и Российской Академиями наук в области гуманитарных исследований. Торжественное заседание, посвященное 50-летию Польской Академии наук, прошло в Варшаве 9 декабря 2002 г. На нем от имени Российской Академии наук с приветствием выступил президент РАН академик Ю. С. Осипов.

Только краткое перечисление этих знаменательных событий свидетельствует об интенсивности и плодотворности сотрудничества ученых России и Польши, корни которого уходят в глубину веков и которое сегодня становится одним из важнейших факторов научного прогресса наших стран, интеграции российской и польской науки в интернациональный процесс научного познания развития природы, общества и культуры. Отрадно сознавать, что свой достойный вклад в это благое дело вносят и ученые-историки России и Польши.

---

* Материалы конференции опубликованы в сборнике: Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре / Отв. ред. В. А. Хорев. М., 2002.

inslav

Сотрудничеству ученых наших стран в области исторических наук призвана содействовать и двусторонняя Комиссия историков России и Польши. За 35 лет работы Комиссия, несмотря на возникавшие препятствия экономического и политического характера, ни разу не прерывала своей деятельности. В ее рамках было проведено 35 научных конференций и без малого сто двусторонних и иных рабочих заседаний. Последняя 35-я конференция, как уже было отмечено, была посвящена теме: «Российско-польские научные связи в XIX–XX вв.». Материалы заслушанных на ней докладов положены в основу предлагаемого вниманию читателя сборника. В нем опубликованы также доклад президента РАН академика Ю. С. Осипова на совместном заседании президиумов Российской Академии наук и Польской Академии наук, посвященном открытию «Дней польской науки в России», и Приветствие Российской Академии наук в адрес Польской Академии наук в связи с ее 50-летием. В сборнике помещены также статьи польских ученых — участников упомянутой выше научной конференции 14 октября 2002 г., — в докладах которых анализировался опыт сотрудничества РАН и ПАН в области исторических наук и литературоведения.

Публикации сборника в основном посвящены сотрудничеству ученых России и Польши в области гуманитарных наук. Это может служить доказательством особой роли гуманитарного знания на современном этапе развития науки. Возрастающее значение исторических исследований в начале XXI в. объясняется и состоянием российско-польских отношений, когда народы наших стран вступили в новый этап своего развития, связанный с преодолением наследия тоталитарного прошлого, с напряженными дискуссиями об истории и перспективах наших отношений, о месте наших стран в мировой цивилизации и культуре. Долг историков внести решающий вклад в создание объективной картины прошлого наших стран, в анализ важнейших тенденций их сегодняшнего развития.

Со времени конференции «Российско-польские научные связи в XIX–XX вв.» минуло почти два года. За это время было принято решение о создании при Отделении исторических и филологических наук РАН Научного совета по проблемам славяноведения с целью координации усилий российских ученых всех гуманитарных направлений как академии, так и университетов, работающих в этой области исследований. Несомненно, польская проблематика в работе совета займет достойное место. Институтом славяноведения РАН завершено издание двухтомного сборника документов «Советский фактор в Восточной Европе (1944–1953 гг.)», послужившего основой для монографии «Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа». В этих изданиях Польше уделено одно из

inslav

главных мест. Институтом также выпущены книги: «Россия — Польша — Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв.», «Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре». С удовлетворением хотелось бы отметить, что эти работы стали результатом непосредственного сотрудничества польских и российских авторов — историков, филологов, специалистов по истории и теории культуры.

Столь эффективное и плодотворное сотрудничество, разумеется, имеет объективную основу, обусловленную близостью исторических судеб и хозяйственных укладов, интенсивным культурным взаимодействием наших народов, схожестью стоящих перед ними проблем. Однако решающим фактором наших совместных достижений является творческий труд польских и российских ученых, которые, как и прежде, будут способствовать всестороннему развитию связей и контактов между поляками и россиянами, укреплению атмосферы дружбы и сотрудничества между Россией и Польшей. Утверждая это, я не могу не вспомнить слова ныне ушедшего от нас покойного президента Польской Академии наук и нашего дорогого друга светлой памяти Мирослава Мосаковского. В речи на открытии «Дней польской науки», говоря о содружестве ученых наших стран, он отмечал: «Совместная работа в области познания законов развития природы и общества обусловила не только формирование атмосферы творческого сотрудничества, но и добрых личных отношений между учеными. Все это стало общим достоянием нашего научного сообщества». Только в последние годы тяжелые утраты понесла и двусторонняя Комиссия историков России и Польши. Ушли из жизни Н. И. Щавелева — в течение многих лет ученый секретарь российской части Комиссии, — вместе с которой мы начинали подготовку к юбилейной конференции и к «Дням польской науки», и первый председатель российской части Комиссии академик Б. А. Рыбаков. Однако необратимые утраты не в силах остановить движения науки по пути познания. Опыт научного сотрудничества ученых России и Польши служит этому одним из непререкаемых доказательств.

Предлагая вниманию читателей помещенные ниже статьи и другие материалы, хотелось бы, не предваряя их содержания, отметить, что в них нашли отражение не только сама плодотворная история сотрудничества ученых наших стран, не только накопленный бесценный опыт, но и различные подходы в истории науки и в историографии к оценке многих важных процессов и явлений в развитии самой науки, а также во многом обусловившей их общественно-политической ситуации в российско-польских отношениях.

В. К. Волков

inslav

Ю. С. Осипов
Президент Российской академии наук академик

РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИЕ НАУЧНЫЕ СВЯЗИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выступление на совместном заседании президиумов Российской Академии наук и Польской Академии наук в связи с открытием «Дней польской науки в Российской Федерации»

Москва, Дом ученых, 15 октября 2001 г.

Глубокоуважаемые коллеги, дорогие гости, дамы и господа!

Для меня как ученого высокая честь выступить с докладом на совместном заседании президиумов Польской Академии наук и Российской Академии наук в связи с открытием «Дней польской науки в Российской Федерации». Об их значении было уже сказано немало высоких слов, которые, возьму на себя смелость утверждать, соответствуют вкладу польских и российских ученых в мировую науку. Из всех стран, где ныне существуют Академии наук как научно-исследовательские объединения, как национальные корпорации и товарищества ученых, Польша и Россия располагают Академиями, наиболее значительными как по своему научному потенциалу, так и по уровню научных достижений. Это предмет законной гордости наших народов и историческая заслуга многих поколений ученых Польши и России. Однако хотелось бы подчеркнуть, что в значительной степени наши общие успехи обусловлены творческими связями, установившимися между польской и российской наукой. Именно на них я хотел бы, с вашего позволения, сосредоточить внимание в предлагаемом докладе.

I. История и традиции

Более чем тысячелетняя история Польши и России, несмотря на периоды трагических конфликтов и противоборства, накопила бесценный опыт многогранного творческого сотрудничества двух крупнейших европейских и славянских народов, что позволяет говорить об общности наших исторических судеб. Эта общность стала фундаментом творческого и многообразного взаимодействия в области науки и культуры, позитивное воздействие которого трудно переоценить.

inslav

Еще в древности сочинения польских хронистов и русских летописцев получили распространение как на русских, так и польских землях. Они способствовали, в частности, накоплению научных знаний по истории, географии, сведений о наших народах и их соседях. Дополненные памятниками польской и русской литературы в переложениях и переводах, они стали ключевым элементом общего культурного пространства. Нельзя не упомянуть в этой связи о значении польского и русского книгопечатания. Сотрудничество русских и польских ученых значительно расширилось в XVII в., когда наряду с историей и географией было положено начало активному обмену знаниями в области языкознания, в изучении природы, в математике и астрономии. Тогда впервые на русском языке было опубликовано изложение учения Николая Коперника. Развитию научных контактов способствовала и религиозно-философская полемика, а об осознании современниками их значения свидетельствовало основание в Москве Славяно-греко-латинской академии. Взаимное накопление научных знаний в России и в Польше внесло фундаментальный вклад в развитие национальной культуры наших стран, повлияло на формирование в ней светских элементов и гуманистических начал.

Качественный новый этап научного взаимодействия Польши и России приходится на XVIII и XIX столетия, когда наука как специфическая форма общественной деятельности и фундаментальный элемент общественного сознания получает институциональное оформление. В этот период плодотворное воздействие на развитие российской и польской науки оказало установление ее неразрывной связи с системой народного просвещения и высшего университетского образования. Значительными вехами на этом пути стало основание Российской Академии наук, Комиссии народного просвещения в Польше, Московского, Варшавского и других университетов в России и в Польше. В связи с этим следует особо указать на роль работавшего в Варшаве в 1800–1832 гг. Общества друзей наук и одного из наиболее видных его членов — Станислава Сташица — ученого, просветителя, убежденного сторонника союза Польши и России и всех славянских народов. В этом ряду нельзя не упомянуть об открывшейся в 1872 г. Академии знаний в Кракове.

Многие представители польской науки и культуры XIX — начала XX вв. оставили заметный след в истории России. В качестве выдающихся примеров плодотворного взаимодействия российских и польских ученых можно назвать выполненные в 1860–1890 гг. в Восточной Сибири классические работы геолога и географа Яна Черского, зоолога Бенедикта Дыбовского, научную и общественную деятельность известного лингвиста, члена-корреспондента Российской академии наук Яна Бодуэна де Куртенэ. Мировой известностью в области теории права

inslav

пользовался профессор Петербургского университета Л. И. Петражицкий. Известно, что Мария Склодовская-Кюри, избранная в 1907 г. членом Российской Академии наук, поддерживала контакты с академиками В. И. Вернадским, А. Ф. Иоффе. В свою очередь, членами краковской Академии знаний являлись такие авторитетные российские ученые, как физиолог И. П. Павлов, патологоанатом А. И. Абрикосов, историк Н. И. Кареев, филологи А. А. Шахматов и Б. М. Ляпунов. Перечень подобных ярких примеров можно было бы продолжить. Однако уже сказанного, на наш взгляд, достаточно, чтобы утверждать, что мировая слава польской и русской науки была достигнута не в последнюю очередь благодаря плодотворному сотрудничеству российских и польских ученых. Признание этого факта мировым научным сообществом имеет особый вес еще и потому, что оно было приобретено в сравнении с не менее выдающимися научными открытиями, сделанными в других странах.

Первая мировая война и революционные события 1917–1918 гг. коренным образом изменили облик Европы и всего мира, что не могло не сказаться на характере российско-польских научных связей. Однако они не были прерваны после возрождения в 1918 г. Польского независимого государства и установления в России власти Советов, несмотря на сложные межгосударственные отношения. О значении для науки обеих стран польско-российского научного сотрудничества, о его высокой оценке польскими учеными, об их солидарности с российскими коллегами свидетельствует направленное учеными Польши в 1925 г. приветствие по случаю 200-летия Российской Академии наук, о чем мы помним с искренней благодарностью.

В 1921–1939 гг. налаживалось взаимодействие отдельных ученых и научных центров двух стран, поддерживалась переписка, был организован книгообмен. Объективная необходимость сотрудничества советских и польских историков диктовалась, в частности, общим для обоих народов корпусом исторических источников. Признание этого непреложного факта нашло отражение в положении Рижского мирного договора 1921 г. о доступе исследователей обеих стран к российским и польским архивам. Были установлены контакты между советскими математиками и представителями знаменитой польской математической школы, получившей мировую известность благодаря выдающимся работам в области математической логики, топологии и функционального анализа. Ее наиболее видными представителями были Стефан Банах и Казимеж Куратовский, впоследствии избранный иностранным членом АН СССР.

Систематические, хотя и затрудненные по политическим и идеологическим причинам, научные связи СССР и Польши дополнялись участием ученых в проходивших в наших странах научных форумах.

inslav

Примером может служить состоявшийся в 1927 г. в Польше Второй международный конгресс славянских географов и этнографов или же Международный географический конгресс 1934 г., в которых участвовали ученые из СССР. На состоявшемся в 1933 г. в Варшаве Международном конгрессе историков присутствовали академик В. П. Волгин и крупнейший специалист в области славянской филологии академик Н. С. Державин.

Новый этап российско-польского научного сотрудничества был открыт освобождением Польши от фашистских захватчиков. В первые послевоенные годы российские ученые делали все возможное, чтобы помочь своим польским коллегам в восстановлении практически полностью уничтоженной материально-технической научной базы, подготовке молодых научных кадров.

Когда в 1952 г. в соответствии с решениями Первого Конгресса польской науки была основана Польская Академия наук, АН СССР оказала ей и всей польской науке существенную помощь в развитии новых научных направлений, которые ранее не были представлены в Польше — ядерной физики, физики полупроводников, вычислительной техники, геофизики, квантовой химии и др. Одним из многих примеров такой бескорыстной помощи стала безвозмездная передача в 1958 г. Польше советской антарктической станции «Оазис», названной впоследствии именем известного польского ученого Антона Добровольского. Выступая на юбилейной научной сессии, посвященной 25-й годовщине освобождения страны от немецко-фашистских захватчиков, вице-президент ПАН академик В. Новацкий говорил: «Польская наука, экономика и культура многим обязаны всесторонней помощи Советского Союза в восстановлении и развитии нашей Родины. Несмотря на то, что мы являемся страной старых и славных научных традиций, — продолжал свою мысль выдающийся польский ученый, — сегодняшним состоянием и развитием нашей науки во многих областях мы обязаны в значительной мере этой помощи». Однако названная помощь не была благотворительностью, ибо, помимо священного не только среди ученых долга взаимопомощи, она служила высокой задаче расширения фронта научных исследований, развитию и интеграции мировой науки, продолжению славных традиций сотрудничества российских и польских ученых.

Именно эти идеи легли в основу подписанного 21 декабря 1957 г. в Москве президентами Академий А. Н. Несмеяновым и Тадеушем Котарбинским Соглашения о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Польской Академией наук. Оно почти на сорок лет определило материальные и организационные основы разносторонних связей двух Академий. Пролонгированное в 1960 г. Соглашение было затем

inslav

конкретизировано двусторонними протоколами и тематическими планами сотрудничества на различные сроки. В соответствии с Соглашением Академии установили безвалютный эквивалентный обмен учеными.

Отдавая заслуженную дань уважения нашим старшим коллегам и учителям, стоявшим у истоков совместной работы двух Академий, нельзя не признать их выдающегося научного предвидения, ибо избранные ими направления и намеченные формы научного сотрудничества успешно выдержали проверку временем, а брошенное в благодатную почву семя не только не погибло, но принесло богатые плоды. Этот вывод едва ли может быть оспорен, поскольку заложенные почти полвека тому назад фундаментальные направления и формы сотрудничества наших Академий и сегодня, даже после смены в Польше и в России общественно-экономического строя, политической системы и внешнеполитических приоритетов, сохранили свою актуальность и являются, по нашему общему мнению, оптимальными для решения новых задач, связанных с интеграцией научных сообществ наших стран в мировую науку.

II. Сотрудничество Российской и Польской Академий наук на современном этапе

В «Дни польской науки...», оценивая пройденный путь, уместно будет сказать, что присутствующие в зале Дома Ученых наши дорогие гости и коллеги представляют Польскую Академию наук, которая является ныне ведущим и крупнейшим научным учреждением Республики Польша. ПАН имеет 6 филиалов в наиболее крупных научных и промышленных центрах страны — городах Кракове, Вроцлаве, Познани, Гданьске, Лодзи и Катовице. Располагающая более чем 80 научными учреждениями ПАН отвечает за деятельность находящихся в Польше 5 международных научных центров. Всего в научных учреждениях и вспомогательных организациях ПАН работают около 10 тыс. специалистов, в том числе свыше 4 тыс. научных сотрудников. Они ведут исследования практически по всем современным направлениям фундаментальных наук.

С гордостью за наших польских партнеров и коллег хотел бы указать на высокую оценку мировой научной общественностью исследований польских ученых в области математики, теоретической и прикладной механики, астрофизики, физики плазмы, физики низких температур, физической химии, биокибернетики, нейрофизиологии, наук о Земле. Польские академические институты участвуют и в работах по программам исследований прикладного характера, тематика которых

inslav

определяется потребностями народного хозяйства страны. Высокий уровень отличает работы ученых Польши в области горных наук, углехимии, экологии и охраны окружающей среды, сельскохозяйственных наук, фармакологии. Со стороны Российской Академии наук в сотрудничестве с Польской Академией наук активно участвуют многие институты, включая региональные отделения и научные центры. Научные учреждения РАН заключили договоры о сотрудничестве на основе прямых связей более чем с 20 научными учреждениями ПАН.

В последнее десятилетие истекшего века Россия и Польша вступили в полосу кардинальных общественно-политических преобразований. В целом они были приняты научным сообществом наших стран, поскольку явились следствием массовых общественных движений, недвусмысленно свидетельствовавших о воле народа. Участвовали в них и многие ученые. Приветствуя установление демократических свобод, главной из которых для нас стала свобода научного творчества, мы не можем, однако, не отметить, что происшедшие перемены повлекли за собой тяжелейшие последствия для развития науки. Одним из наиболее болезненных и труднопреодолимых стал разрыв сложившихся научных связей. К чести Польской и Российской Академий наук такого поистине трагического развития событий удалось избежать. Сыграла в этом свою роль объективная потребность в сохранении научного сотрудничества между Россией и Польшей. Однако без доброй воли ученых, многих из которых я рад видеть и приветствовать в этом зале, без взаимной убежденности в ценности и необходимости нашего сотрудничества творческие связи между нашими Академиями едва ли могли бы получить продолжение.

В марте 1993 г. в Республику Польша выезжала делегация Российской Академии наук во главе с вице-президентом РАН академиком А. Ф. Андреевым. В ходе визита было подписано Соглашение о научном сотрудничестве между Российской Академией наук и Польской Академией наук, заменившее Соглашение 1957 г. В декабре 1997 г. в Варшаве состоялись юбилейные мероприятия, посвященные 40-летию сотрудничества между двумя Академиями. В торжествах приняла участие представительная делегация ученых РАН, возглавить которую было поручено мне. Одним из наиболее ярких впечатлений от пребывания в Польше стала поездка во Вроцлав, где члены российской делегации посетили Международную лабораторию сильных магнитных полей и низких температур, ставшую поистине нашим любимым детищем.

Однако столь памятный визит в Польшу не был для нас, как принято говорить, только «смотром достижений». Беседы с польскими коллегами были проникнуты общей заботой о дальнейшем развитии научных связей, о сохранении добрых традиций сотрудничества но-

inslav

выми поколениями польских и российских ученых. Мы вместе искали способы преодоления экономических, кадровых, организационных трудностей, которые всем присутствующим прекрасно известны, в частности, не сомневаюсь, и на собственном опыте. Вместе с тем отрадно отметить, что, несмотря на сложность стоящих перед обеими Академиями проблем, неизменно было наше общее убеждение в перспективности российско-польского научного сотрудничества и взаимная заинтересованность в его продолжении.

Спустя год, в ноябре 1998 г., Москву посетила делегация Польской Академии наук во главе с нынешним президентом ПАН и присутствующим здесь нашим дорогим другом академиком Мирославом Моссаковским. В ходе переговоров мы конкретизировали выдвинутые ранее идеи, сформулировали и обсудили взаимные предложения и согласовали Протокол о межакадемическом сотрудничестве на 1999–2001 гг., который тогда же и был подписан.

В соответствии с утвержденным тематическим планом сотрудничества совместные исследования проводились по 63 темам в области естественных и технических наук, по 14 темам в области общественных и гуманитарных наук. Ежегодная квота централизованного безвалютного обмена учеными между Академиями составила 200 недель. Она предназначалась для выполнения совместных работ, ознакомительных поездок и установления научных связей, участия в международных конференциях и различных научно-организационных мероприятиях, проводимых в двух странах.

Нельзя не отметить, что в количественном отношении объем сотрудничества по сравнению с наиболее успешными периодами значительно сократился. Так, величина установленной в настоящее время квоты межакадемического обмена учеными и специалистами (250 недель) соответствует уровню середины 1960-х гг., в то время как в наилучшие годы она достигала 1400 недель ежегодно. Из-за экономических трудностей и недостаточного финансирования были сокращены многие экспериментальные и экспедиционные исследования.

Однако, обращаясь к итогам проделанной в 1999–2001 гг. совместной работы, я хотел бы в первую очередь подчеркнуть ее позитивные результаты, которые, по нашему глубокому убеждению, свидетельствуют, что сотрудничество между Польской Академией наук и Российской Академией наук вышло на качественно новый уровень. Во-первых, это нашло выражение в концентрации имеющихся интеллектуальных и материальных ресурсов на наиболее перспективных направлениях научных исследований, что, несомненно, позитивно сказалось на эффективности двусторонних связей. Во-вторых, во многом благодаря сотрудничеству нам удалось сохранить и укрепить наши позиции

inslav

в важнейших областях научного знания, причем по ряду ключевых направлений и тем российская и польская наука обладает международно-признанным приоритетом. В-третьих, сотрудничество наших Академий развивается в самой тесной взаимосвязи с исследованиями ученых других стран, в совместной работе с организациями других ведомств и высшей школы, прежде всего с университетами. Это создает позитивные предпосылки к интеграции наших совместных исследовательских программ в процесс международного разделения труда в науке. В-четвертых, опыт нашей совместной работы в истекшие годы свидетельствует о набирающей силу отрадной тенденции активного включения научной молодежи в дело межакадемического сотрудничества. Разумеется, достигнутые результаты не дают нам основания почить на лаврах. Указанные позитивные тенденции только формируются и требуют для своего успешного развития в будущем неустанного труда, каждодневной заботы и немалых материальных вложений.

Далее мы хотели бы остановиться на результатах и перспективах сотрудничества по важнейшим направлениям совместной работы двух Академий. Надеюсь, что последующие выступающие не будут ко мне в претензии, если в известной части мне выпадет предвосхитить их сообщения.

Сотрудничество в области гуманитарных наук. Говоря об отдельных направлениях межакадемического сотрудничества, следует начать с гуманитарных наук. И это не случайно, ибо еще древние справедливо утверждали, что человек есть мера всех вещей. Однако помимо этого неоспоримого тезиса особое внимание к гуманитарным наукам продиктовано насущными проблемами сегодняшнего дня, когда в самом начале XXI в. человечество напряженно ищет оптимальные пути грядущего развития, обращаясь в этом поиске к мировому историческому опыту.

Возрастающее значение гуманитарного знания обусловлено также и состоянием российско-польских отношений, когда народы наших стран вступили в новый этап своего развития. Причем это вступление невозможно рассматривать и осмыслить вне контекста широкой и временами весьма острой общественной дискуссии об историческом прошлом России и Польши, о месте наших стран в мировой цивилизации и культуре.

В этой дискуссии представителям гуманитарных наук, и прежде всего историкам, принадлежит особая роль. Думается, что ученые наших Академий общими усилиями должны внести решающий вклад в создание объективной картины прошлого двух стран, в анализ важнейших тенденций их сегодняшнего развития. Накопленные нами традиции объективного и беспристрастного исследования служат этому непререкаемым залогом.

inslav

Начиная с середины 1950-х гг., практически со времени основания Польской Академии наук, прочные связи установились между историками и филологами двух стран. Одной из первых совместных работ стала трехтомная «История Польши». В результате сотрудничества Института славяноведения РАН и Института истории ПАН была подготовлена не имеющая аналогов по своим масштабам публикация архивных документов «Восстание 1863 года. Материалы и документы». В течение 30 лет вышли в свет 24 тома. Коллективы ученых этих же институтов опубликовали также несколько томов серии «Польское освободительное движение и российско-польские общественно-культурные связи в XIX в.». Совместно польскими и российскими историками были изданы 12 томов «Документов и материалов по истории советско-польских отношений», отразивших узловые проблемы истории СССР и Польши межвоенного и послевоенного периодов.

Только в последние годы Институтом славяноведения РАН были выпущены десятки книг, посвященных истории и культуре Польши. Среди них хотелось бы отметить такие издания, как «Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой» (М., 1999), «Поляки и русские в глазах друг друга» (М., 2000) «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным» (М., 2000), а также «Историю литератур народов Восточной Европы после Второй мировой войны» в двух томах и завершающееся в нынешнем году многотомное издание «Истории славянских литератур», в которых наиболее богатой польской литературе уделено подобающее место. Примером плодотворного многостороннего сотрудничества Академий наук славянских стран является проект ЮНЕСКО «История славянских культур», в рамках которого один из томов выпущен Институтом славяноведения РАН.

Говоря о многостороннем международном сотрудничестве с участием высшей школы и представителей науки в регионах, хотел бы указать на проведенную в этом году в Смоленске конференцию «Россия. Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв.», организаторами и участниками которой стали сотрудники наших Академий, Варшавского и Смоленского университетов, высших учебных заведений Белоруссии, Украины, Германии.

Наряду с Институтом славяноведения РАН значительный вклад в развитие сотрудничества между нашими Академиями в гуманитарной области вносят: Институт российской истории РАН, Институт русского языка РАН, Институт этнологии и антропологии РАН и ряд других институтов.

Учитывая широкий характер сотрудничества в области исторических наук, Академии в 1965 г. учредили двустороннюю Комиссию

inslav

историков. За прошедшие годы Комиссия ни разу не прерывала своей работы и провела в двух странах 29 научных конференций. Материалы двусторонних форумов публикуются на русском и польском языках. В рамках «Дней польской науки...» состоится 30-я юбилейная конференция Комиссии на тему: «Российско-польские научные связи в XIX–XX вв.». Придавая названной проблеме исключительное значение, я хотел бы предложить польским коллегам подумать о совместной научной публикации документов и материалов о сотрудничестве наших Академий, имея в виду накопленный опыт и традиции.

Наряду с историками и филологами в сотрудничество Российской и Польской Академий значительный вклад вносят представители и других гуманитарных наук. В 1973 г. Академии образовали двустороннюю Комиссию экономистов. За последнее время на проведенных ею ежегодных конференциях были рассмотрены актуальные, научно значимые темы: «Государственный долг России и Польши» (Москва, 1998 г.), «Трансформация аграрных отношений в России и в Польше» (Варшава, 1999 г.), «Иностранные инвестиции в России и Польше» (Варшава, 2000 г.).

К достижениям нашего сотрудничества я отнес бы также открытие для российских и иностранных исследователей, в том числе и для польских ученых, отечественных архивов. Это сделало, в частности, возможным раскрытие правды о Катыни и издания совместной российско-польской многотомной публикации документов, всесторонне отразившей трагическую судьбу интернированных в 1939–1940 гг. в СССР польских офицеров и историю одного из бесчеловечных преступлений тоталитарного режима.

Вместе с тем, отмечая несомненные успехи совместной работы в области гуманитарного знания, к которым я бы отнес в первую очередь расширение всесторонних контактов, а также углубление взаимопонимания между учеными, взаимный учет и сближение позиций национальных школ, нельзя не указать и на имеющиеся в этой области трудности. Так, начиная с 1993 г., в межакадемическом обмене учеными неуклонно сокращается доля представителей гуманитарных наук, что вызывает обоснованную озабоченность как с польской, так и с российской стороны. Подготовка специалиста-гуманитария требует относительно продолжительных командировок за границу с целью стажировки в ведущих научных центрах, работы в библиотеках и архивах, приобретения неформальных знаний о жизни и традициях изучаемой страны, без чего невозможно становление высококвалифицированного исследователя. Нельзя признать удовлетворительным и взаимный обмен научной литературой и оперативной научной информацией. Интернет, конечно, существенно расширил возможности нашего науч-

inslav

ного сотрудничества, но и всемирная компьютерная сеть не в состоянии компенсировать отмеченные недостатки, над устранением которых нам следует задуматься.

Сотрудничество на многосторонней основе в области естественных и технических наук. Все же основу сотрудничества Академий составляют исследования в области естественных и технических наук. На их долю приходится более 4/5 от общего числа тем, совместно разрабатываемых польскими и российскими учеными. Эта пропорция отражает традиционную структуру связей между Польской и Российской Академиями наук, соответствует месту наших Академий в мировой науке и потребностям наших стран в фундаментальных и прикладных исследованиях.

Опыт нашего сотрудничества убедительно свидетельствует, что наиболее эффективной и перспективной формой совместных исследований является работа в рамках международных научных центров, объединяющих ученых не только Польши и России, но и других стран. С инициативой их создания в Польше Академия наук СССР и Польская Академия наук выступили еще в 1960-е гг., когда в 1968 г. была основана Международная лаборатория сильных магнитных полей и низких температур во Вроцлаве, а спустя четыре года, в 1972 г., в Варшаве создан Международный математический центр им. С. Банаха. Их многолетняя и эффективная работа на практике подтвердила верность избранного направления сотрудничества, позволила распространить накопленный ценный опыт и на другие области науки. Так, в 1988 г. в Варшаве был открыт Международный центр по биокибернетике.

Первоначально международные центры объединяли лишь ученых социалистических стран. Однако с уходом в прошлое разделения мира на два противостоявших друг другу военно-политических лагеря и ликвидацией в наших странах коммунистических режимов международные научные центры не только не утратили значения, но приумножили свой авторитет. Они играют все более важную роль в организации исследований по комплексным и междисциплинарным проблемам. Одним из доказательств этого является создание в 1996 г. в Варшаве Международного экологического центра.

Международная лаборатория сильных магнитных полей. На пути создания системы международных научных центров, которыми по праву гордятся наши Академии, первенцем нашего сотрудничества стала Международная лаборатории сильных магнитных полей и низких температур во Вроцлаве (МЛ). В мае 1968 г. Академии наук Болгарии, ГДР, Польши и СССР подписали Соглашение о создании МЛ и ее Устав, определившие задачи и организационные основы МЛ.

inslav

Руководство всей деятельностью МЛ было возложено на состоящий из представителей академий-участниц коллективный орган — Совет МЛ, проводящий заседания два раза в год. Инициатором создания и первым директором МЛ стал выдающийся польский ученый, в то время президент ПАН академик В. Тшебятовский.

За сравнительно короткий срок МЛ превратилась в активно действующую международную научную организацию. В ней сложился успешно работающий интернациональный коллектив научных работников, который выполнил ряд интересных исследований и получил важные для практики результаты. МЛ стала крупным центром по подготовке и повышению квалификации научных кадров, здесь прошли стажировку молодые ученые из многих стран. Имеющие огромное научное и промышленное значение революционные достижения фундаментальной науки последних лет, прежде всего, в области высокотемпературной сверхпроводимости, открыли новые возможности совместных исследований и, одновременно, настоятельно потребовали развития МЛ, оснащения ее современным научным оборудованием. На состоявшемся в июне 1993 г. во Вроцлаве заседании Совета МЛ представители Российской, Польской и Болгарской Академий наук приняли важные решения по многим организационным и научным аспектам деятельности МЛ, поставили задачи широкого привлечения к совместным работам зарубежных научных организаций и отдельных ученых, превращения МЛ в базовый научный центр по подготовке научных кадров в области физики магнитных явлений.

МЛ предоставляет ученым из России широкие возможности для проведения исследований. В последние годы российские ученые используют около 40% рабочего времени на основных экспериментальных установках МЛ. Кроме сотрудников РАН, в лаборатории работают специалисты вузов и отраслевых институтов. Наряду с постоянными членами МЛ появились ассоциированные члены из Украины, Молдавии, Германии, Великобритании. Широкую программу научных исследований обеспечивает небольшой коллектив штатных научных сотрудников МЛ, насчитывающий 43 специалиста, в том числе 3 профессора, что служит хорошим примером рационального и высокоэффективного применения труда научных кадров.

Современная научная программа МЛ, в сравнении со временем ее основания, претерпела глубокие изменения и существенно расширена. Она охватывает наиболее актуальные направления физики конденсированного состояния вещества, в том числе, изучение свойств высокотемпературных сверхпроводников, исследование магнитных свойств редкоземельных соединений и органических металлов. В ближайшее время должна быть завершена очередная программа коренной модер-

inslav

низации МЛ. Большие надежды руководства МЛ и ее директора профессора Я. Клямута связаны с участием МЛ в научных программах Европейского Союза, прежде всего в программе ЕС, предполагающей поддержку так называемых первоклассных научных центров (centres of excellence). Все это позволяет обоснованно утверждать, что перед Международной лабораторией сильных магнитных полей и в будущем открыты широкие перспективы успешного научного поиска, а сама лаборатория по своему потенциалу способна решать самые сложные задачи, находясь в авангарде современной науки.

Международный математический центр им. С. Банаха. Говоря о развитии современной науки, нельзя не отметить универсальной роли математических исследований. Нет нужды развивать это ныне уже аксиоматическое утверждение среди ученых, для которых очевидно фундаментальное значение математики в системе сотрудничества между нашими Академиями. Именно из этого исходили Академии наук Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии, когда 13 января 1972 г. заключили Договор об учреждении Международного математического центра им. Стефана Банаха (ММЦ) с целью подготовки высококвалифицированных специалистов в области математики и ее приложений. Позднее к Договору присоединились Национальный центр научных исследований Вьетнама, Академия наук Корейской Народно-Демократической Республики и Академия наук Кубы. С инициативой создания ММЦ выступили польские математики. Директором Центра в течение многих лет был известный польский математик, иностранный член РАН академик Чеслав Олех. Общее руководство деятельностью ММЦ осуществляет Ученый совет, включающий представителей всех Академий наук — участниц Договора.

ММЦ организует международные симпозиумы, учебные семестры и рабочие семинары, тематика которых утверждается на ежегодных заседаниях международного Ученого совета. Для участия в работе семестров Центр ежегодно принимал в качестве лекторов и слушателей сотни математиков из стран-учредителей, а также из других стран, в том числе 30–40 специалистов из стран СНГ и Балтии. Приглашаемые ученые читают лекции, обмениваются своими научными достижениями. В их распоряжении прекрасная библиотека, где собраны математические книги и журналы со всего мира. За истекшие годы в ММЦ проведено 56 семестров и минисеместров, более 70 семинаров, конференций и симпозиумов, издано свыше 50 томов научных публикаций. Польская Академия наук прилагает энергичные усилия с целью привлечения к деятельности Центра научных организаций из различных стран мира. Начиная с 1993 г., ММЦ осуще-

inslav

ствляет свою деятельность в тесном взаимодействии с Европейском математическим обществом.

Международный центр по биокибернетике. В июне 1988 г. на базе Института биокибернетики и биомедицинской инженерии ПАН (Варшава) был создан Международный центр по биокибернетике (МЦБ). Директором Центра со времени его основания является видный польский ученый, иностранный член РАН академик Мацей Наленч. Работу Центра координирует Ученый совет.

МЦБ является многонациональной ассоциацией научных организаций из 18 стран, открытой для вступления новых членов. В 1996 г. он получил статус научного и учебного центра Всемирной организации здравоохранения. Ежегодно в Центре проводятся школы-семинары и конференции по различным направлениям биомедицинской механики, кибернетики, информатики, материаловедения, проблемам создания искусственных органов. Всего, начиная с 1988 г., в МЦБ проведено свыше 60 школ-семинаров, в работе которых приняли участие более 2 тыс. ученых из разных стран, в том числе около 180 российских специалистов. В Центре издается журнал «Биокибернетика и биомедицинская инженерия», периодически выходят сборники научных трудов. В своей области МЦБ является единственным в Европе научным учреждением, осуществляющим регулярный обмен научной информацией между учеными стран Востока и Запада.

Международный экологический центр. Более чем 20-летнее сотрудничество ученых-экологов Польши и России получило дальнейшее развитие в деятельности созданного в июле 1996 г. в Варшаве Международного экологического центра. Основными научными задачами Центра, а также расположенных вдоль государственной границы Польши Карпатского, Судетского и Щецинского его филиалов, являются оценка на модельных территориях состояния природного биоразнообразия Центральной и Восточной Европы, изучение его антропогенной динамики и прогнозирование изменений экосистем в условиях современного экономического развития. Наряду с российскими и польскими специалистами в его работе принимают также участие ученые из Украины и Германии. Результаты исследований, выполненных учеными Центра в 1996–1999 гг., опубликованы в журнале «Известия Российской Академии наук. Серия биологическая».

Цель начатого в 2000 г. нового цикла исследований — изучение устойчивости природных экосистем в условиях антропогенного стресса: загрязнения тяжелыми металлами, развития сети автомобильных дорог и индустрии туризма. Заседание Научного совета Центра, которое состоялось в феврале 2001 г., было посвящено оценке

inslav

современного состояния горных экосистем Восточной Европы (Судеты, Карпаты, горные системы Кавказа и Урала).

Расположенные в Польше международные научные центры позволили повысить уровень совместных исследований, более рационально использовать уникальные установки и оборудование, в широких масштабах осуществлять подготовку молодых научных кадров. Главным итогом сотрудничества наших Академий в рамках международных научных центров и вместе с тем перспективой их дальнейшего развития стал набирающий силу позитивный процесс интеграции Польской и Российской Академий наук в мировую науку, все более широкое участие наших стран в крупных международных научных проектах.

Сотрудничество институтов. Сказанное в полной мере распространяется и на сотрудничество отдельных институтов наших Академий. Длительные взаимовыгодные связи объединяют коллективы ученых Института проблем механики РАН и Института фундаментальных технологических исследований ПАН, Физического Института им. П. Н. Лебедева и Института физики плазмы и лазерного микросинтеза им. С. Калиского, Института химии неводных растворов РАН в Иваново и Института физической химии ПАН, Института проблем экологии и эволюции РАН и Института экологии ПАН, Палеонтологического института РАН и Института палеобиологии ПАН, Института проблем комплексного освоения недр РАН и Института механики горных пород ПАН в Кракове, Института океанологии им. П. П. Ширшова и Института океанологии ПАН в Сопоте, других академических институтов.

В сотрудничестве с Польской Академией наук активно участвуют многие институты региональных отделений и научных центров РАН: Казанский физико-технический институт им. Е. К. Завойского, Институт физики металлов Уральского отделения РАН, Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья Кольского научного центра РАН, Мурманский морской биологический институт, многие научные учреждения Сибирского отделения РАН.

Научными учреждениями РАН заключены договоры о сотрудничестве на основе прямых связей более чем с 20 различными польскими организациями. В качестве примеров результативного и взаимовыгодного сотрудничества можно назвать следующие циклы совместных исследований, выполненные коллективами ученых Российской и Польской Академий наук.

Ученые Физического института им. П. Н. Лебедева и Института физики плазмы и лазерного микросинтеза им. С. Калиского (Варшава) с 1976 г. проводят совместные исследования в области физики плотной высокотемпературной плазмы и лазерного термоядерного

inslav

синтеза. За прошедшие годы российские физики и их польские коллеги создали комплексы уникальной аппаратуры для лазерного нагрева и диагностики нестационарной плазмы. В ходе сотрудничества была создана и успешно испытана самая большая в мире установка «Плазменный фокус» с энергией в импульсе до 1 МДж. Специалисты ФИАН спроектировали и изготовили электроды, различную лазерную и рентгеновскую диагностическую аппаратуру. Уникальная установка составит основу учрежденного под эгидой ЮНЕСКО Международного центра по плотной замагниченной плазме. Основными направлениями деятельности центра, в работе которого примут участие специалисты из 16 стран, станут фундаментальные исследования в области физики плотной высокотемпературной плазмы, подготовка молодых научных кадров. Планируется разработка новых импульсных плазменных технологий с целью их последующего использования в промышленности. Результаты совместных работ российских и польских физиков получили широкое признание мировой научной общественности, неоднократно докладывались на международных конференциях, были дважды отмечены межакадемическими премиями.

Плодотворным было сотрудничество ученых Института физики высоких давлений РАН со своими польскими партнерами из Центра исследований при высоких давлениях ПАН. В ходе совместных исследований был разработан и успешно апробирован новый метод синтеза сверхтвердых объемных наноматериалов — композиции алмаза и карбида кремния — с рекордными механическими свойствами.

В последние годы внимание широкого круга специалистов многих стран привлечено к соединениям водорода с металлами, перспективными для применения в энергетике, металлургии, химических технологиях. Сотрудниками Казанского физико-технического института им. Е. К. Завойского в кооперации с польскими учеными из Института низких температур и структурных исследований во Вроцлаве выполнен большой цикл исследований влияния водорода на свойства металлов и сверхпроводников, обнаружен важный для использования на практике эффект возрастания плотности критического тока в высокотемпературном сверхпроводнике при его допировании водородом.

Ученые Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн РАН в кооперации со специалистами Центра космических исследований ПАН разрабатывают бортовую аппаратуру для исследования электромагнитных излучений в космической плазме как естественного, так и искусственного происхождения в диапазоне от длинных до ультракоротких радиоволн. Исследование ес-

inslav

тественных плазменных шумов важно для изучения процессов, протекающих в ионосфере Земли, радиоизлучения Солнца, для обнаружения ионосферных предвестников землетрясений. Излучения антропогенного происхождения дают информацию об электромагнитном загрязнении околоземного космического пространства. С этой целью были разработаны и изготовлены не имеющие мировых аналогов ионосферная станция, плазменный радиоспектрометр, УКВ-спектрометр, измеритель импенданса антенны, солнечный радиоспектрометр и другая научная аппаратура. Приборы прошли успешную апробацию на искусственных спутниках Земли. В настоящее время ведется работа по проекту «КОМПАС». Новый спутник предназначен для мониторинга из космоса чрезвычайных ситуаций, природных и техногенных катастроф. В ноябре этого года в рамках названного проекта на околоземную орбиту будет доставлен чувствительный радиочастотный анализатор, планируются совместные эксперименты на Международной космической станции (проект «Диагностика») и в рамках международного научного проекта по изучению Солнца «Интергелиозонд».

Давние традиции имеет сотрудничество двух Академий в области химических и биологических наук. Его основой стали установившиеся на рубеже 1950–1960-х гг. связи между наиболее крупными и авторитетными научными школами двух стран. При этом, как свидетельствует накопленный за десятилетия учеными опыт сотрудничества в указанных областях, совместная разработка фундаментальных научных проблем часто дает ключ к решению важных задач прикладного характера.

Ученые Института элементоорганических соединений им. Н. А. Несмеянова и их польские коллег из Центра молекулярных и макромолекулярных исследований в Лодзи в течение многих лет сотрудничают в области химии фосфорорганических соединений. В ходе работ были синтезированы и изучены многие новые препараты, нашедшие применение в медицине, сельском хозяйстве, гидрометаллургии. В последние годы усилия коллектива ученых Института элементоорганических соединений РАН и Института микробиологии и вирусологии ПАН направлены на создание новых боросодержащих биологически важных молекул для их использовании в борнейтронозахватной терапии рака — новом методе лечения злокачественных опухолей.

Одним из направлений совместного поиска специалистов Института нефтехимического синтеза им. А. В. Топчиева, Центра химии полимеров ПАН и ряда других польских научных организаций является создание биодеградируемых полимеров, а также новых эластомерных

inslav

мембран для разделения углеводородных газов — перспективных материалов, которые найдут широкое применение в экологически чистых технологических процессах.

Сотрудничество Института океанологии РАН и Института океанологии ПАН в области морской биологии началось еще в 1978 г., когда ученые двух стран объединили усилия для оптико-биологических исследований морского фотосинтеза. Целью этих исследований стала разработка основ спутникового мониторинга продуктивности морей и океанов для оценки роли морского фотосинтеза в тепловом балансе планеты. Основной формой реализации совместных исследований были проводившиеся на российских и польских судах совместные экспедиционные работы в Балтийском и Черном морях. В 1978–1991 гг. было выполнено 5 специализированных рейсов. В 1997 г. состоялся рейс на судне «Акванавт» в Черном море, в 1998–2000 гг. ряд совместных экспедиций выходили на судне «Профессор Штокман» в Балтийское море. Многолетние совместные исследования российских и польских ученых привели к важным результатам в области комплексного моделирования морских экосистем. В значительной мере это стало возможно благодаря применению искусственных спутников Земли для исследования океана.

Учеными Мурманского морского биологического института РАН и их польскими коллегами из трех институтов ПАН — геофизики, экологии и океанологии — выполнены комплексные геофизические и геоэкологические исследования архипелага Шпицберген, Кольского полуострова и прилегающих акваторий Баренцева моря. По результатам совместных экспедиционных работ подготовлена карта биологических ресурсов Баренцева моря и монография «Радионуклиды в экосистеме региона Баренцева и Карского морей».

Сотрудничество в области исследования живой природы, изучения природной среды и экологии не ограничивается изучением мирового океана. Так, многолетние совместные изыскания польских и российских географов нашли отражение в труде «Палеогеографическая основа современных ландшафтов» (М., 1994), в которой отражены главные тенденции развития геосистем Польши и Восточно-Европейской равнины за последние 130 тыс. лет. Традиции совместной творческой работы в указанной области успешно развивают ученые Института проблем экологии и эволюции, Зоологического института, Палеонтологического института и Беломорской биологической станции РАН. Хотелось бы особо отметить участие ученых наших Академий в «Международной биологической программе», объединившей исследователей практически всех континентов и существенно расширившей сферу российско-польского научного сотрудничества.

inslav

III. Организационные основы сотрудничества Российской и Польской Академий наук

Важным условием нашей совместной работы является постоянное совершенствование ее организационных форм, чему руководство обеих Академий уделяло постоянное внимание. В июле 1995 г. руководители Российской и Польской Академий наук подписали Протокол об учреждении постов Постоянного представителя ПАН в Москве и Постоянного представителя РАН в Варшаве. Круг возложенных на них задач включает: помощь в установлении связей между институтами и отдельными учеными двух Академий; решение вопросов, связанных с реализацией совместных программ исследований и взаимным командированием специалистов; содействие в организации и проведении различных научных и научно-организационных мероприятий; обмен научной информацией между РАН и ПАН. В настоящее время функции представителя ПАН исполняет видный польский ученый-историк, специалист в области новейшей истории профессор Эугениуш Дурачиньский, назначенный на этот ответственный пост в октябре 1997 г.

Значительный вклад в развитие наших связей, в их организационное обеспечение вносят иностранные службы двух Академий: именно на плечи сотрудников этих подразделений легла большая работа по подготовке «Дней польской науки...» и основных документов о межакадемическом сотрудничестве, которые нам с академиком Моссаковским предстоит подписать. Пользуясь случаем, хотел бы выразить нашу глубокую благодарность всем участникам подготовки сегодняшнего поистине выдающегося форума.

* * *

В заключение я хотел бы весьма кратко остановиться на важнейших моментах. Современная наука стремительно развивается, расширяется сфера познания, принципиально новый облик приобретает поистине безграничное многообразие взаимосвязанных явлений окружающего нас мира, ставших объектами научного исследования. Это влечет за собой революционные изменения предметного поля научного поиска, методологии науки, основных принципов организации исследований. Во всех без исключения областях познания на качественно новый уровень поднялось техническое обеспечение научных исследований. Быстрая смена поколений научной аппаратуры, приборов и дорогостоящих экспериментальных установок стала характерной чертой и, одновременно, необходимым условием современного научно-технического прогресса. К сожалению, в течение многих лет экономическая ситуация в обеих странах часто вынуждала

inslav

нас экономить на самом главном. По этой причине уже в самом ближайшем будущем двум Академиям придется направить значительные усилия на развитие научной инфраструктуры и материально-технической базы своих учреждений. Можно смело утверждать, что российско-польская кооперация в указанной области имеет самые благоприятные перспективы. В этой важнейшей работе ученые вправе рассчитывать на поддержку общества.

Нынешнее поколение работников науки стало свидетелем и участником нового этапа в интернационализации научного познания, когда от обмена результатами исследований и открытиями ученые разных стран все более переходят к совместному научному поиску. Указанные процессы требуют адекватных изменений организационных форм научных исследований. В этой связи хотел бы с удовлетворением отметить, что сотрудничество Польской и Российской Академий наук во многом способствовало эффективной интеграции российской и польской науки в мировую науку, обеспечило включение научных сообществ наших стран в международное разделение труда в этой весьма специфической области человеческой деятельности.

Современные условия настоятельно требуют сосредоточения интеллектуальных и материальных ресурсов на приоритетных направлениях исследований, развития многосторонней научной кооперации. По нашему глубокому убеждению, Академии наук России и Польши обладают для этого определенными возможностями, из которых мы исходили при подготовке Протокола о сотрудничестве Российской и Польской Академий наук на 2002–2004 гг. Документ предусматривает увеличение ежегодной квоты обмена специалистами между двумя Академиями на 50 недель, что позволит продолжать совместные работы по наиболее перспективным проектам.

Решающим фактором разрешения встающих перед наукой проблем всегда был и остается ее кадровый потенциал, интеллектуальные ресурсы самого научного сообщества. Новые задачи, кардинально изменившиеся условия труда в науке предъявляют новые требования к научным кадрам, когда творческая индивидуальность ученого должна оптимально сочетаться с коллективным характером работы, а исследования, проводимые отдельными коллективами и институтами, должны быть скоординированы в соответствии с приоритетными направлениями научного поиска. Из этого мы исходили, намечая планы сотрудничества наших Академий.

Развитие совместных исследований невозможно без непосредственного творческого общения самих ученых, их личных контактов, что в совокупности определяет атмосферу творческого неформального взаимодействия, которая установилась между польскими и россий-

inslav

скими учеными. В этой связи мы осознаем потребность возобновления сложившейся прежде практики длительной научной стажировки исследователей с зачислением их на штатные должности в институты наших Академий. С этой целью в 1987 г. в Москве был построен многоквартирный дом, в котором приезжающие на длительный срок для работы в нашей стране польские ученые проживали вместе со своими семьями. Однако реализация программы взаимной долгосрочной стажировки потребует, в первую очередь с российской стороны, увеличения уровня оплаты труда принимаемых зарубежных специалистов, их материального и социального обеспечения.

Мы и наши польские коллеги придерживаемся единого мнения о необходимости организации большего числа совместных конференций, симпозиумов, семинаров. Осуществление этих планов, как вы понимаете, будет также зависеть от финансовых возможностей Академий.

Главной нашей заботой должно стать привлечение к совместным исследовательским работам молодых ученых. Этому направлению придается исключительное значение, поскольку именно молодежи предстоит не только принять на себя ответственность за развитие российской и польской науки, не только внести решающий вклад в осуществление сегодняшних планов сотрудничества, но и пронести в будущее наши добрые традиции. Именно молодые исследователи, как мы надеемся, сохранят и приумножат не только наши общие достижения, но и тот не менее дорогой нам дух товарищества и сотрудничества, который отличает сегодняшние отношения ученых России и Польши. Этой мыслью мы руководствовались, когда предусмотрели в Протоколе предоставление молодым ученым 1/5 части годовой квоты межакадемического обмена специалистами исключительно для организации поездок молодых ученых.

В целях развития научных контактов между молодыми научными сотрудниками, расширения их творческих связей с ведущими учеными Польши и России, по моему мнению, было бы полезно шире практиковать проведение летних школ и семинаров, что будет также способствовать вовлечению талантливой молодежи в российско-польское научное сотрудничество.

И молодые ученые, и ученые старших поколений в нынешних условиях остро ощущают потребность в пропаганде значения науки в современном обществе, в укреплении авторитета подлинного научного знания, в признании со стороны научного сообщества России и Польши особого значения научного сотрудничества между нашими странами. Отвечая на эту потребность, Академии договорились учредить межакадемические премии за лучшие совместные работы ученых двух стран. Соответствующее соглашение будет также подписано зав-

inslav

тра. Эти премии, предусматривающие, помимо морального, также и весомое материальное вознаграждение для лауреатов, станут еще одним несомненным свидетельством непреходящего значения научного сотрудничества России и Польши.

Подводя итог сказанному, я хотел бы подчеркнуть, что многолетние связи ученых России и Польши, полувековое творческое взаимодействие Академий, составляющее ныне предмет нашей заслуженной гордости, стали важным фактором научного и общественного прогресса двух стран. Накопленный потенциал и действительно бесценный опыт сотрудничества будут, без всякого сомнения, способствовать успешной интеграции российской и польской науки в интернациональный процесс научного познания, включения ученых наших стран в мировое научное сообщество. Основанием для столь оптимистичного вывода является сам факт проведения в рамках открывающихся сегодня «Дней польской науки...» 15 крупных российско-польских семинаров и симпозиумов по наиболее актуальным направлениям совместных исследований в Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске. Заканчивая выступление, я хотел бы пожелать всем участникам российско-польских семинаров успешной работы.

inslav

Приветственный Адрес Российской Академии наук Польской Академии наук в связи с 50-летием со дня основания

Варшава, 9 декабря 2002 г.

ПОЛЬСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Наши уважаемые польские коллеги, дорогие друзья!

Российская Академия наук сердечно поздравляет Польскую Академию наук, всех польских ученых со знаменательной датой — 50-летием со дня основания Академии. Создание Польской Академии наук ознаменовало важную веху в истории польской науки. Это выдающееся событие стало закономерным этапом многовекового развития польской науки и отразило стремление основателей Академии, в числе которых были выдающиеся польские ученые, к восстановлению после Второй мировой войны науки и культуры возрожденной Польши. Образование Академии способствовало подъему национального самосознания польского народа, развитию его творческих возможностей, консолидации интеллектуального потенциала польского общества.

Опираясь на вековые культурные и научные традиции, Польская Академия наук, как и вся польская наука, прошла сложный путь становления и развития. За годы, истекшие со времени основания, Польская Академия наук, будучи многопрофильным объединением польских ученых, осуществляющим и координирующим фундаментальные исследования в области естественных и гуманитарных наук, не только сохранила традиции польской науки и приумножила ее достижения, но и обеспечила развитие исследований по наиболее актуальным направлениям современного научного знания, что определило международно признанное место Польши в авангарде современного научного прогресса.

История разносторонних научных, кооперационных и дружеских связей ученых России и Польши имеет двухсотлетнюю традицию. Со времени основания Польской Академии наук они развивались по всем направлениям, обогащаясь новыми эффективными формами взаимодействия научных коллективов и институтов. Сегодня создан-

inslav

ные в Польше при решающем участии наших Академий Международные научные центры приобрели статус интернациональных исследовательских и координационных центров. Предусмотренная Соглашением о научном сотрудничестве между Российской Академией наук и Польской Академией наук программа совместных исследований является уникальной по своей научной и практической значимости. Она включает в себя как фундаментальные исследования по широкому кругу наиболее актуальных проблем, так и работы прикладного характера по созданию новых технологий, необходимых для развития экономики двух стран.

Российская Академия наук высоко ценит многолетние, опирающиеся на давние традиции, дружеские связи с Польской Академией наук и выражает уверенность в дальнейшем плодотворном развитии нашего сотрудничества, которому обе Академии придают исключительное значение.

Приветствуя Польскую Академию наук по случаю ее 50-летия, желаем всем ученым и сотрудникам Академии больших успехов в благородном деле служения науке, польскому народу, прогрессу всего человечества.

Президент
Российской Академии наук
академик

Ю. С. Осипов

inslav

С. М. Фалькович
(Москва)

35 ЛЕТ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ РОССИИ И ПОЛЬШИ

Комиссия российских и польских историков — это наиболее наглядное выражение материализации российско-польского научного сотрудничества, это вместе с тем его знак, символ. Но это и очень важный фактор развития самого сотрудничества, дающий ему импульс и направление. Именно в таком качестве Комиссия задумывалась учеными обеих стран 35 лет назад. Со дня рождения Комиссии — 6 ноября 1965 г. — руководство ею осуществляли крупнейшие историки: председателем польской ее части до 1972 г. был замечательный ученый и человек, специалист по истории России, действительный член Польской Академии наук (ПАН) проф. Г. Ловмяньский; его российским партнером стал виднейший советский археолог, знаток древней истории славян академик Б. А. Рыбаков, стоявший во главе российской части Комиссии до 1989 г. В дальнейшем функции руководства были доверены также крупным специалистам в области истории российско-польских отношений: нашей исторической общественности хорошо известны и высоко ценимы труды действительных членов ПАН проф. Л. Базылёва и проф. Ю. Бардаха, последовательно возглавлявших Комиссию с польской стороны, а также нынешнего председателя польской ее части проф. В. Сливовской, давно и тесно сотрудничающей с российскими учеными. В свою очередь, для польских коллег было важно, что наследниками Б. А. Рыбакова в Комиссии стали также известные в Польше специалисты — академик Ю. С. Кукушкин, а затем член-корреспондент РАН проф. Я. Н. Щапов. Сегодняшний председатель Комиссии с российской стороны член-корреспондент РАН проф. В. К. Волков, будучи директором Института славяноведения РАН, как бы концентрирует в своем лице все то, что делается в российской науке по истории Польши и российско-польских отношений.

Вокруг Комиссии объединились видные российские и польские историки, заинтересованные в развитии научного сотрудничества, в объединении усилий для исследования российско-польской проблематики. Членами Комиссии в разное время были в Польше А. Гейштор (здесь

inslav

и далее приводятся только фамилии без обозначения титулов и званий), С. Кеневич, З. Вуйцик, М. Войцеховский, Г. Рехович, Е. Охманьский, Т. Цесляк, А. Чубиньский, А. Поше, Т. Василевский, И. Кобердова, П. Лоссовский, В. Т. Ковальский, М. Ожеховский, В. Лукашевич, З. Лукавский, И. Петшак-Павловская, В. Серчак, О. Вышомирская-Кузьминьская (являвшаяся ученым секретарем польской части Комиссии) и многие другие, в состав российской части входили И. Б. Греков (на протяжении долгих лет ее ученый секретарь), И. И. Костюшко, И. С. Яжборовская, В. С. Парсаданова, И. Р. Григулевич, В. А. Дьяков, Б. Н. Флоря, С. М. Фалькович, Л. В. Заборовский, Н. И. Бухарин, А. Л. Хорошкевич, И. П. Старостина, Г. Ф. Матвеев, М. В. Дмитриев, М. Е. Бычкова, Л. Л. Муравьева и Н. И. Щавелева (последовательно исполнявшие функции ученого секретаря), а также многие другие исследователи истории и культуры России и Польши.

С самого начала Комиссия ставила перед собой амбициозные цели: как отметил проф. Базылёв в предисловии к сборнику материалов конференции 1976 г., она рассматривала себя как «орган общеисторический, призванный находить самые существенные темы и проблемы, касающиеся по крайней мере одного тысячелетия истории обеих стран» [1]. Такой взгляд означал, что хронологические и тематические рамки интересов Комиссии очень широки, а сама тематика весьма разнородна, так как речь идет о политических, экономические, социальных, национальных, культурных, структурных и прочих процессах. При этом предполагалось, что внимание должно быть обращено на наиболее интересные и важные узловые проблемы, требующие комплексного рассмотрения, а потому в их изучении будут принимать участие не только историки, но и специалисты смежных дисциплин.

Для осуществления этих задач Комиссия намечала проведение научных форумов — конференций, симпозиумов, «круглых столов» и других мероприятий, где ученые двух стран могли бы встретиться по интересам. Такие встречи не обязательно должны были принести уже определенное решение той или иной проблемы, но непременно продвинуть это решение, привлечь к данной проблеме внимание, стимулировать процесс ее изучения, содействовать координации исследований в России и Польше. Этому способствовала бы и публикация материалов таких научных встреч, что также входило в планы Комиссии.

Разработка программы и конкретных планов на первые несколько лет, а затем организационная подготовка намеченных мероприятий — все это заняло известное время, но уже с 1968 г. началось ежегодное регулярное проведение конференций, причем в 1969 г. состоялись даже три встречи ученых — в Варшаве, Киеве и Минске. Конференции готовились каждый год одной из сторон поочередно и проходили не толь-

inslav

ко в столичных научных центрах, но также в ряде крупных городов Польши и России, а до 1991 г. и советских республик. Так, наряду с Москвой, Варшавой, Киевом и Минском, где встречи проводились неоднократно, гостей принимали Ленинград, Сухуми, Казань, Краков, Люблин, Катовице, Ольштын, Гданьск, Познань, причем некоторые из них (Казань, Краков) также не один раз. Такие встречи имели большое значение, так как появлялась возможность обсудить проблемы в более широком кругу участников, приблизить периферийную науку к центральным исследованиям, а одновременно обогатить и подкрепить их теми наработками, которые были сделаны на местах. Все это становилось достоянием научной общественности благодаря публикации материалов конференций и симпозиумов, осуществляемой Комиссией. Как правило, проведение конференций использовалось членами Комиссии для рабочих заседаний, где обсуждались и согласовывались планы дальнейшей работы, темы и сроки будущих встреч. Такая практика сохраняется и на сегодняшний день, но с той только разницей, что последние 10 лет конференции организуются не ежегодно, а каждые два года.

В течение двух десятилетий Комиссия работала в условиях ограниченного идеологического пространства, когда существовали партийно-государственные установки и клише, поощрялось определенное направление исследований, накладывалось негласное табу на разработку ряда проблем. При изучении прошлого России и Польши предпочтительными оказывались те моменты истории, которые могли служить основой современных отношений СССР и ПНР. В своем выступлении в ноябре 1984 г. Л. Базылёв говорил о деятельности Комиссии: «Наша работа помогала изысканию в прошлом СССР и Польши всего того, что способствовало и способствует делу укрепления связующих нас уз дружбы и сотрудничества» [2]. В свете этого не удивительно, что одной из центральных тем научных встреч, организованных Комиссией, стала история революционных связей и совместной революционной борьбы поляков и русских. Уже одна из первых конференций, проходивших в Варшаве в 1969 г., носила название «Революционное рабочее движение в борьбе за дружбу двух народов». Эта тема была продолжена в 1970 г. на краковской конференции, посвященной столетию В. И. Ленина, а в 1982 г. в связи со столетним юбилеем партии «Пролетариат» в Варшаве обсуждался вопрос о традициях совместной революционной борьбы народов Польши и России. Была отмечена и круглая дата первой российской революции (в 1976 г. в Кракове), причем в этом случае проблематика революционного сотрудничества рассматривалась сквозь призму русско-польских культурных связей конца XIX – начала XX вв.

Впрочем, проблемы культуры и культурных контактов обоих народов занимали самостоятельное и очень большое место в поле зрения

inslav

Комиссии. Одна из последних конференций (в Москве в 1996 г.) как бы подытожила исследования в этой области, представив широкий обзор культурных отношений России и Польши за период с X по XX в. А до этого Комиссия инициировала обсуждение темы культурных связей в эпоху Возрождения на обширном пространстве России, Польши, Украины, Белоруссии и Литвы (конференция в Ленинграде в 1973 г.). Культурные и научные контакты народов Восточной Европы рассматривались также в связи с политическими отношениями в регионе в XV–XVII вв. (конференция 1983 г. в Москве). Очень весомое добавление к теме российско-польского культурного и научного сотрудничества было сделано на казанской конференции 1992 г. «Польские профессора и студенты в университетах России». Из докладов участников сложилась впечатляющая картина, свидетельствующая, во-первых, о разветвленных и очень тесных польско-российских контактах на ниве науки и культуры, а, во-вторых, о том огромном вкладе, который внесли поляки как в науку и культуру России, так и в экономику, технику, организацию производства. Тема научных связей затрагивалась и на других конференциях, проходивших под эгидой Комиссии, в частности, когда речь шла о послевоенном сотрудничестве СССР и ПНР (варшавская конференция 1984 г.). Ее комплексное специальное рассмотрение на большом отрезке времени предусматривает и настоящая встреча в Москве, целиком посвященная этой проблематике.

Крупным тематическим комплексом, привлекавшим внимание Комиссии, являлись проблемы, связанные со спецификой развития у поляков и русских общественных и государственных структур начиная с самых ранних форм. Одна из первых конференций в 1969 г. в Киеве занималась историей раннесредневековых славянских феодальных государств, а вскоре объектом анализа стала специфика развития Руси и Польши в XII–XIV вв. (конференция в Москве в 1971 г.). Сравнительно-исторические исследования проводились также для позднейшего периода и на более широком фоне: так, темой конференции в Познани в 1986 г. было социально-экономическое и культурное развитие России, Украины, Белоруссии, Литвы и Польши во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. Сравнивалась роль городов в историческом развитии России и Польши времен позднего Средневековья (конференция 1978 г. в Люблине), предметом изучения были крестьянский вопрос и крестьянское движение этого периода (конференция 1979 г.). Проблемы города и деревни были рассмотрены и на более длительном отрезке истории России и Польши – с XII по XX в. – на московской конференции в 1981 г.

Среди задач, которые ставила Комиссия, была разработка истории народов России и Польши в контексте европейской и мировой исто-

inslav

рии, выявление зависимости от политических событий, происходивших в других странах. В этой связи родились такие темы конференций, как «Славянский мир и Римская империя» (Киев, 1989 г.), «Борьба народов Центральной и Восточной Европы против экспансии рыцарских орденов» (Ольштын, 1990 г.), «Политические отношения стран Восточной Европы и бассейна Черного моря с последней четверти XV до начала XVIII в.» (Сухуми, 1975 г.). Подобная тематика предусматривала расширение круга участников научной дискуссии за счет специалистов по истории европейских стран, в результате появлялся новый ракурс при взгляде на события в России и Польше, возникали новые направления исследования их прошлого.

Одной из основных проблем, находившихся в центре внимания российской и польской научной общественности, продолжал оставаться вопрос о российско-польских и советско-польских отношениях. Комиссия не могла пройти мимо этого факта. Если из комплекса проблем, касающихся истории российско-польских отношений, оказались выбраны для обсуждения вопросы революционного сотрудничества, то тема советско-польских отношений требовала постановки в полном объеме. В 1972 г. в Варшаве состоялась конференция, рассмотревшая эти отношения за период 1917–1939 гг., а в 1988 г. участники «круглого стола» обсудили вопрос о польско-советской войне 1920–1921 гг. Польско-советские отношения на следующем этапе — в период Второй мировой войны — также стали темой конференций: при этом и в 1969 г. в Минске, и в 1985 г. в Москве, в 40-летие победы над фашизмом, акцент делался на боевом содружестве советского и польского народов в борьбе с гитлеровской Германией, на международном значении их военного сотрудничества. Тогда же был затронут вопрос и о послевоенном сотрудничестве, но по-настоящему в полный голос он прозвучал в Варшаве в 1984 г. на конференции, посвященной 40-летию ПНР. Ее участники говорили обо всех областях советско-польского сотрудничества в 1944–1984 гг. — политического, экономического, культурного и научного. Этот период развития советско-польских отношений подвергался анализу и на ряде других научных форумов. Так, в Катовице в 1974 г., также в связи с юбилейной датой 30-летия ПНР, сравнивались достижения СССР и Польши в индустриализации и выяснялась роль советско-польских связей в развитии этого процесса. К другой знаменательной дате — 60-летию Октябрьской революции — была приурочена конференция в Киеве «Великая Октябрьская социалистическая революция и структурные изменения рабочего класса в СССР и Польше в период строительства социализма и коммунизма», также рассматривавшая параллели развития советского и польского общества. Теме Октябрьской

inslav

революции, ее значения для судеб польского народа была посвящена и конференция в Минске, проходившая в год 70-летия Октября.

Тот факт, что темы конференций связывались с юбилейными датами, напоминал о существовании идеологических рамок, ограничивавших свободу Комиссии в выборе обсуждаемой проблематики. Однако он отнюдь не означал, что содержание таких сессий сводилось к дежурным докладам и выступлениям, а их участники подвергались цензурному прессингу и были вынуждены повторять партийные лозунги. О научной ценности докладов и сообщений, о том новом, что они вносили в разработку проблемы взаимоотношений двух народов, широкая научная общественность могла судить по публикациям материалов той или иной конференции. К тому же юбилейные даты — 70-летие Октября и 70-летие Польского независимого государства — отмечались уже в иной, новой политической обстановке, обусловленной переменами, происходившими в СССР и Польше с середины 80-х гг. В этой ситуации оказалось возможным обращение к трудной, конфликтной проблематике, к темным страницам прошлого поляков и русских, остававшимся малоисследованными либо трактовавшимися предвзято. Исследование «белых пятен» истории стало знаком времени, и это нашло отражение в деятельности Комиссии. Уже в 1988 г. в ходе работы варшавской конференции, посвященной 70-летию независимости Польши, были организованы заседания «круглых столов», обсудивших острые темы: «Польско-советская война 1920–1921 гг.» и «Национальные меньшинства во Второй Речи Посполитой». В 1997 г. в Казани прошла конференция, посвященная вопросу о центрах польской ссылки в России — вопросу, представленному в очень широких географических и хронологических рамках. Свидетельством новых веяний можно считать и обращение ученых двух стран к вопросам конфессиональных отношений: католицизм и православие рассматривались участниками варшавской конференции 1994 г. в их связях и конфронтации на протяжении десяти веков.

Определяя значение того или иного комплекса проблем, выделяя круг тем для исследования, Комиссия рассчитывала через известное время получить результаты в виде новых трудов российских и польских историков. Первая конференция в Москве в 1968 г. констатировала определенный уровень историографической разработки темы российско-польских отношений. Впоследствии смотр достижений историографии 60–70-х гг. был проведен на конференции в Гданьске в 1980 г., а в 1999 г. в Варшаве обсуждалось уже то новое, что появилось в исторической науке по российско-польской проблематике за последние два десятилетия.

inslav

Комиссии историков России и Польши 35 лет — зрелый возраст, время расцвета умственной деятельности и трудоспособности. Она сумела объединить вокруг себя лучшие силы российской и польской исторической науки: невозможно перечислить всех ученых, так или иначе участвовавших в мероприятиях, организованных Комиссией. В ее работе было и есть немало трудностей, и связаны они не только с идеологией, но и с финансовым положением, которое ухудшалось как раз по мере улучшения идеологической обстановки. Именно поэтому пришлось поменять, замедлить ритм проведения конференций. Очень большие сложности возникают также с изданием сборников материалов проводимых Комиссией научных форумов. Однако уже есть накопленный за долгие годы опыт преодоления трудностей, в обеих странах есть много ученых, готовых помогать Комиссии в ее работе. Все это вселяет оптимизм и веру в то, что российско-польское научное сотрудничество будет развиваться и активная роль в этом процессе по-прежнему будет принадлежать Комиссии историков России и Польши.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku. Warszawa, 1980. S. 7.

2 Цит. по: *Wyszomirska-Kuzmińska O.* Polsko-radzieckie związki polityczne, ekonomiczne i kulturalne w czterdziestoleciu Polski Ludowej // Nauka Polska. Warszawa, 1985. № 3. S. 161–162.

inslav

ПИСЬМА АКАДЕМИКА ЮЛИУША БАРДАХА О РАБОТЕ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ РОССИИ И ПОЛЬШИ

В истории научных связей историков различных стран в послевоенный период особое значение приобрела деятельность двусторонних комиссий сотрудников научных учреждений, с одной стороны — АН СССР, а с другой — Академий наук или аналогичных им учреждений стран Европы и Азии. Комиссия историков СССР и Польши, созданная в 1965 г., является одной из старейших и наиболее активных. Ее работа выражалась в подготовке и проведении научных конференций специалистов двух стран по наиболее важным проблемам истории, в выпуске совместных трудов — материалов этих конференций, во взаимной информации по тем проблемам, которые вызывают интерес обеих сторон. В каждой из стран вела работу соответствующая часть Комиссии со своим председателем, членами бюро и ученым секретарем. Так, советскую часть с самого начала возглавил академик Б. А. Рыбаков, польскую — академик Г. Ловмяньский. Затем председателем советской части стал академик Ю. С. Кукушкин, председателем польской части — проф. Л. Базылев.

После 1990–1991 гг. произошли изменения — обновилась проблематика совместных исследований, включавшая также вопросы, которые не могли быть всесторонне рассмотрены прежде, сформировалась Российско-Польская комиссия, во главе которой с польской стороны стал академик Юлиуш Бардах, с российской — член-корреспондент РАН Я. Н. Щапов.

Настоящая публикация посвящена работе Российско-Польской комиссии историков за последние полтора десятилетия. Она содержит письма председателя польской части комиссии академика Юлиуша Бардаха к руководителям российской части — заместителю председателя советской (затем российской) части д. и. н. И. И. Костюшко (письма за 1985–1990) и председателю российской части Я. Н. Щапову (письма за 1991–1998).

Действительный член ПАН Юлиуш Бардах — крупнейший польский историк, участник Второй мировой войны, профессор Варшав-

inslav

ского университета, исследователь истории права Литвы и Польши, внесший значительный вклад в становление послевоенной польской историко-правовой науки, автор монографических и обобщающих исследований, трудов по историографии XIX–XX вв., председатель Международной комиссии по славяноведению при МКИН, член бюро Общества Жана Бодэна по истории государственно-политических институтов и других международных организаций.

В те годы, когда польскую часть Комиссии возглавлял профессор Бардах, Комиссия провела научные конференции в Познани (1986), Минске (1987), Варшаве (1988), Киеве (1989), Ольштыне (1990), Казани (1993) [1], Варшаве (1994) [2], Москве (1996) [3].

Публикуемые письма отражают большую совместную работу, нередко скрытую от окружающих. Без нее едва ли возможно было провести многочисленные конференции и опубликовать труды Комиссии. В отобранных письмах, написанных собственноручно академиком Ю. Бардахом, сохранены особенности авторской орфографии.

И. И. Костюшко, Я. Н. Щапов

1. Ю. Бардах — И. И. Костюшко

Варшава, 26 сентября 1985 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Иванович,

panie Prezydencie! Теперь это мой черед так Вас титуловать [4]. Пользуюсь случаем, чтобы передать через Маргариту Евгеньевну [5] Вам самый сердечный привет и, кстати, несколько, может быть, обширную ноту о моем докладе. Вы, конечно, сделаете с ней что следует сокращая, изменяя и т. д.

Я собираюсь в Москву 10 ноября поездом и должен приехать 11-го утром на Белорусский вокзал. Прием АН СССР подтвержден. Я буду гостем Вашего Института в течение двух недель. В это время я хотел бы побывать 4–5 дней в Ленинграде, где иметь возможность просмотреть личные дела Игнатия Даниловича (1787–1843), профессора Киевского, Харьковского и Московского университетов, а также сотрудника М. Сперанского по кодификации права и Адольфа Павинского (1840–1896), профессора Варшавского университета, а также директора Варшавского Главного архива, находящегося в подчинении Министерства юстиции. Тут меня интересовали бы очень также его доклады о работе архива. Был бы Вам, глубокоуважаемый и дорогой Президент, бесконечно благодарен, если бы Вы смогли организовать это дело так, чтобы я мог эти материалы использовать.

Тексты устава, с поправками, привезу с собой, чтобы окончательно установить их текст.

inslav

Приготовления к сессии 1986 г. в Познани на хорошем пути. Подробно расскажу при встрече.

Сердечный привет и всего, всего наилучшего.

Искренне Ваш

Юльюш Бардах

2. Ю. Бардах — И. И. Костюшко

Варшава, 12 марта 1986 г.

Многоуважаемый и дорогой Иван Иванович,

благодарю Вас, пане Президенте, за Ваше письмо от 12 февраля. Рад, что у Вас уже не в долгу. У нас все идет нормально. Пани Отильда[6] везет Вас полный перечень наших докладов. Взамен мы просили бы перечень Ваших для программы, которую мы должны заранее приготовить.

Позволяю себе напомнить Вам, что наиболее удобным для Вас было бы взять билеты непосредственно до станции Познань (и обратно) и выехать поездом Москва—Берлин так, чтобы быть 19 мая, в понедельник утром, в Познани. Мы будем Вас встречать на станции, т. е. на вокзале Познань-главный.

Телекс от Вас на адрес Иностранного отдела ПАН мы хотели бы получить примерно на неделю раньше, так как центральная касса должна перевести командировочные для упомянутых в телексе лиц на счет Отдела ПАН в Познани, а это потребует немного времени.

Не должен повторять Вам, насколько мы были бы рады видеть у нас Бориса Александровича[7] с супругой. Я пишу ему отдельно и прошу Вас передать ему это письмо.

До скорого свидания, пане Президенте, и всего наилучшего.

Искренне Ваш

Юльюш Бардах

3. Ю. Бардах — И. И. Костюшко

Варшава, 14 сентября 1986 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Иванович,

начинаю с выражения моего почтения президенту нашей Комиссии и перехожу к вопросам секции:

Нашу конференцию в Познани оценили у нас весьма положительно. Меня просили сделать на пленуме Отделения общественных наук ПАН доклад о деятельности Советско-польской исторической комиссии АН СССР и ПАН со дня ее основания. Доклад был обстоятельным, была интересная и положительная дискуссия, которой все остались довольны. Имеем мы согласие Академии на включение тома докладов с мая с. г. в издательский план ПАН. Думаю, что это хорошее начало для возобновления давнишней традиции печатания наших работ.

Пани Отильда везет с собой перечень докладов польской стороны на конференцию 1987 года. Там есть еще кое-какие пробелы, но в основном план уже

inslav

готов. Мы были бы очень рады, если бы можно было заблаговременно узнать время и место организуемой Вами конференции, чтобы можно было запланировать заблаговременно другие занятия. У меня уже заняты последняя декада апреля и последняя декада мая. Очень просил бы это, по возможности, учесть.

Посылаю Вам последний номер нашего Историко-юридического журнала и самые сердечные приветы.

Искренне Ваш

Юльюш Бардах

4. Ю. Бардах — И. И. Костюшко (Варшава, 7 января 1987 г.)

WARSZAWA, 7 STYCZNIA 1987 R.

Wielce Szanowny Panie Prezydencie,

strona polska przygotowuje się — jak piszę — do Konferencji z okazji 70-lecia Wielkiego Października. Do referatów, które już zaanonsowałem doszły jeszcze zgłoszone przez wojsko. Razem będzie więc polskich referatów aż 14. Będę bardzo zobowiązany za wstępne podanie (choćby orientacyjne) gdzie i kiedy projektuje się konferencję.

Ja będę chciał po niej zostać na jakiś tydzień w Moskwie i popracować sobie spokojnie w bibliotekach. Rozumiem, że jako organizacją przyjmującą można będzie podać Instytut Słowianoznawstwa i Bałkanistyki. W tej sprawie zwróci się nasza Akademia

Łączę serdecne pozdrowienia i do rychłego zobaczenia.

Juliusz Bardach

5. Ю. Бардах — И. И. Костюшко

Варшава, 7 марта 1987 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Иванович,

пользуюсь случаем поездки моего доброго друга др. и. н. Мечислава Шишко в Москву, чтобы написать Вам несколько слов. У нас подготовка к предусмотренной в этом году конференции проходит нормально. Делегация собирается большая, даже до 14 человек, так как несколько докладов поступило от военных добавочно. Академия наша предусмотрела 11 участников с нашей стороны, вопрос о дополнительных лицах должен быть решен на днях.

Можете ли Вы (хотя бы неофициально и устно) сообщить, на какое примерно время предусматривается конференция и где она будет. Это важно для того, чтобы приурочить другие занятия к ней, так чтобы все докладчики могли принять в ней участие.

Сердечный Вам привет и пожелания всего, всего хорошего.

Искренне Ваш

Юльюш Бардах

inslav

6. Ю. Бардах — И. И. Костюшко

Варшава, 16 мая 1987 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Иванович,
пользуюсь любезностью пани Отильды, которая едет в Минск, чтобы несколько ускорить получение Вами этого письма. Подготовка к конференции в Минске проходит у нас успешно. Собирается к Вам делегация человек 14, но и причина ведь значительная — 70-летие Октября!

У меня к Вам есть и личная просьба. На днях я сдал в Академию бумаги на 15-дневную командировку в Москву для работы над монографией о Н. И. Кареве как историке Польши. Материал у меня большой уже собран, кое-что, как, может быть, помните, я уже об этом писал, хотелось бы собрать все, подытожить в одной книге. Как научное учреждение, которое приняло бы меня, я указал Институт славяноведения и балканистики АН СССР, срок — август–сентябрь. Самым удобным для меня была бы вторая половина августа. Если бы Вы могли несколько ускорить продвижение бумаг, был бы очень признательным. Работать я хотел бы в Рукописном отделе Библиотеки им. Ленина, где есть фонд Н. И. Кареева, которым я когда-то отчасти уже пользовался, ну и конечно сама библиотека. Думаю, что здесь дело обстоит более просто, чем с архивами.

Рад буду встретить Вас, пане Президенте, в Минске. Сердечный привет Игорю Борисовичу[8].

Искренне Ваш

Юльюш Бардах

7. Ю. Бардах — И. И. Костюшко

Варшава, 23 апреля 1988 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Иванович,
на днях получил Ваше любезное приглашение на симпозиум 5–9 сентября. Завтра передам это в Академию для дальнейшего оформления и, надеюсь, в июне смогу Вас известить точно о координатах моего приезда.

Нашу конференцию по 70-летию возрождения польской государственности мы предусматриваем на 17–23 октября в Варшаве. Пани Отильда, которая взяла с собой и это письмо, согласует все подробности с Людмилой Леонидовной[9] по телефону из Киева, куда едет на две недели. Мы предусматриваем кроме докладов два «круглых стола»: один по вопросу войны 1919–20 гг., второй по вопросу о национальных меньшинствах в Польше. Думаю, что в основном это будет о украинском и белорусском вопросах. Первый «круглый стол» начнется с выступления проф. Лечика — он же, как Вы знаете, декан военно-политической академии им. Ф. Э. Дзержинского, вторым будет руководить проф. Вл. А. Серчик из Ягеллонского университета (ныне переехал в Белосток).

Думаю, что эти два «круглые стола» оживляюще повлияют на атмосферу конференции.

inslav

Был бы очень обязан, если бы в течение мая Вы могли бы уточнить темы Ваших докладов, чтобы в июне дать уже готовую программу для напечатания приглашений.

Сердечный привет и наилучшие пожелания к Первомайскому празднику.

Искренне Ваш

Юльюш Бардах

8. Ю. Бардах — И. И. Костюшко

Варшава, 28 ноября 1988 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Иванович,

сердечный Вам привет! Одновременно сообщаю, что:

1. Проф. Гензель[10], с которым я недавно провел обстоятельную беседу насчет сессии в будущем году, обещает личное участие и около 4–5 докладов из среды археологов и, может быть, лингвистов. Как время предлагает он начало октября, так как сентябрь у него целый занят. Место предпочтительно на юге — Киев, Одесса, ближе к родине славян, которые формировались в бассейне Днепра, как утверждают специалисты. Конечно, это дело хозяйское. Вам виднее.

2. Том докладов конференции в Познани 1986 г., уже после первой корректуры. Его печатает «Ossolineum», доклады на русском языке будут в оригинале.

Ожидаю Вашего приезда. Я до 18 декабря в Варшаве, после в Неборове до 3 января включительно.

Сердечный привет.

Искренне Ваш

Юльюш Бардах

9. Ю. Бардах — И. И. Костюшко

Варшава, 15 августа 1989 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Иванович,

получил на днях материалы симпозиума Комиссии с сентября прошлого года[11], в котором имел удовольствие участвовать. Спасибо за память. Два экземпляра передаю по назначению библиотекам, третий сохраняю для себя. Вышло это хорошо и является документом активной деятельности Комиссии под Вашим руководством.

Искал Вас на III конгрессе ученых польского происхождения в Варшаве в половине июля, но к сожалению не встретил. Что помешало Вашему приезду? Слушал несколько часов доклады по гуманитарным наукам. Уровень, как заранее можно было предполагать на съезде такого рода, разный, но были и интересные.

Говорил мне проф. Тржецяковский (из Познани), что Бернард Мишель будет кандидатом на 1990–1995 гг. на должность председателя Комиссии,

inslav

а ему предлагает секретарство. Это согласовано с Вами? Если да, то я охотно это поддержу, как просит Тржецяковский. Я, впрочем, в Мадрид не собираюсь. Летом там слишком жарко. Так что поддержка была бы письменной на адрес Мишеля. Жду Вашего мнения.

Я завтра уезжаю на $2^1/_2$ месяца и в Варшаве должен быть лишь к концу октября. В Киев едет делегация во главе с акад. Гензелем, но с незаменимой паней Отильдой, которая договорится насчет будущего года в Польше.

Сердечный привет и наилучшие пожелания всего, всего тоже наилучшего.

Искренне Ваш

Юльюш Бардах

10. Ю. Бардах — И. И. Костюшко

Варшава, 20 ноября 1989 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Иванович,

сегодня получил Ваше письмо и одновременно Вашу книгу о прусской аграрной реформе [12]. Я пока только успел бегло просмотреть ее, но уже вижу, какой богатый и ценный материал она содержит, а также какие интересные и во многом новые выводы Вы из него делаете. Также обратил внимание, как широко и всесторонне использовали Вы польскую литературу предмета. Очень, очень рад выходу Вашей книги в свет и большое Вам за нее спасибо!

Благодарю за дружеские пожелания и поздравления. Я никогда не сомневался, Drogi Panie Prezydencie, в Вашем ко мне расположении и принимаю их как еще один их довод. Искренне Вам сочувствую, так как слышал о том, какие тяжелые морально и физические обязанности и заботы приходится Вам переносить ежечасно.

В Мадрид я не собираюсь. От нас поедет, наверно, проф. Тжецяковский из Познани, и он уже, как меня информировал, договаривается — с Бернар Мишелем о составе Комиссии, где последний, по-видимому, будет председательствовать. Трудно выступить против, учитывая его долголетнюю работу как ген. секретаря для Комиссии. Ну, и на здоровье.

Наша конференция в Киеве [13] прошла, по мнению моих коллег, успешно. Они остались ею довольны и даже думают продолжить ее тематику на одной из конференций, которые польская часть Комиссии должна будет организовать в Польше в будущее пятилетие. Я собираюсь в Вильнюс поработать в архивах в марте будущего года примерно с 7 по 21 и охотно бы приехал дня на 2–3 в Москву уточнить наши проекты на будущее. Для этого, конечно, нужно приглашение сопредседателя советской части Комиссии, с которым до сих пор не имел возможности познакомиться.

Пользуюсь случаем, чтобы это письмо, а также мои наилучшие пожелания Вам в Новом 1990 году, который уже не за горами, Вы получили скорее, чем через международную почту.

Искренне Ваш

Юльюш Бардах

inslav

11. Ю. Бардах — И. И. Костюшко

Варшава, 8 июля 1990 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Иванович,
вам, наверно, уже дала подробный отчет Людмила Леонидовна о конференции в Ольштыне [14], так что Вы в курсе дела. Мне остается только добавить, что она — по мнению польской стороны и моему лично — прошла очень удачно. У нас все остались ей очень довольны. Очень жалко, что Вы не могли на ней присутствовать, тем более что обстоятельства, которые задержали Вас в Москве, так печальны. Вы переносите их со стойкостью и самоотверженностью, которые только углубляют уважение и симпатию к Вам, дорогой Иван Иванович!

Ярослав Николаевич [15] очень хорошо показал себя как руководитель делегации, представляющей историков эпохи феодализма. Мы были бы очень рады, если бы он стал постоянным участником нашей совместной работы, тем более, что проблематика средних веков будет, по-видимому, чаще в ближайшее время занимать внимание нашей Комиссии.

Мы провели соответствующие изменения в составе польской части, включая в нее ряд историков феодализма, как проф. А. Поппэ, проф. Т. Василевского (он был докладчиком в Ольштыне), доц. К. Модзелевского и нескольких других, за счет сокращения представительства специалистов по новейшей истории (особенно военных). После утверждения состава и выбора президиума, что наступит осенью, конечно, сообщим Вам весь новый состав нашей части. Пока эти предварительные данные, о которых я не говорил в Ольштыне, для Вашего, Иван Иванович, сведения.

Лето провожу на даче, работая довольно интенсивно. В Мадрид не собираюсь и, думаю, что в этом году уже никуда не поеду. Надо посидеть за письменным столом.

Сердечный Вам привет, пожелания здоровья и бодрости.

Искренне Ваш

Юльюш Бардах

12. Ю. Бардах — Я. Н. Щапову

Варшава, 10 января 1991 г.

Дорогой Ярослав Николаевич,
спасибо за Ваше письмо, весьма содержательное, от 13 декабря, которое я получил лишь после возвращения из санатория <...>

Как мне передавали, Ваше избрание председателем советской части нашей комиссии уже предрешено, а задержка только формальная. Было бы желательно, чтобы это произошло возможно скорее. У нас Вашу кандидатуру встретили с радостью и уверенностью, что это сулит оживление и улучшение нашей совместной работы. С Натальей Ивановной Щавелевой мы хорошо знакомы, ценим ее и уверены, что ваш выбор оптимальный.

inslav

Согласно нашим постановлениям в Ольштыне в текущем году польская сторона должна подготовить «круглый стол» по вопросу представления истории России в польских учебниках и истории Польши в русских. Я просил пару дней тому назад подобрать комплект имеющихся в нашем распоряжении польских учебников, которые вышлем Вам, и выяснить, какие имеются у нас русские учебники. Думаю, что учебников на языках сопредельных советских республик пока не будем касаться, дабы не осложнять вопроса, а сосредоточимся на основных: польских и русских. Согласно нашей договоренности, мы приглашаем на неделю на наш счет трех ваших представителей, с тем, что ожидаем представления, во-первых, основных принципов изложения польско-русских (после 1917 г. польско-советских) отношений в русскоязычных учебниках, во-вторых, критической оценки их изложения в польских учебниках. С нашей стороны мы сделаем тоже, но, конечно, vice versa *.

Как я понимаю, в основном мы должны заняться учебниками для средней школы, но так как они могут оказаться в известной степени уже устаревшими, то мы намерены включить также вспомогательную литературу для учителей, рекомендованную Министерством народного просвещения. Как раз эти книги могут оказаться самыми интересными для участников дискуссии. Исходя из соображения, что надо дать возможность хорошо к этому подготовиться, думаю, что последняя декада сентября была бы самая подходящая для нашего «стола».

Был бы рад узнать, каковы Ваши, дорогой Ярослав Николаевич, соображения и предложения.

Если Вас не затруднит, будьте добры вписать адрес и бросить в почтовый ящик письмо Валентину Лаврентьевичу [16] с поздравлениями о его избрании академиком. У меня была его визитная карточка, но как раз теперь не могу ее найти. Благодарю заранее. Сердечный привет Юлии Леонидовне [17] и молодым.

Искренне Ваш

Юльюш Бардах

13. Ю. БАРДАХ — Я. Н. ЩАПОВУ

КИЕВ, 25 МАЯ 1991 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Ярослав Николаевич,

приехал на три дня в Киев на конференцию по истории польско-украинских отношений, организованную Украинской академией. Довольно интересная. Телефонировал вчера Вам, но, к сожалению, узнал, что Вы в Смоленске и возвратитесь в Москву лишь 28-го, а я тогда буду уже дома.

Интересует меня, а также моих коллег, вопрос, как обстоит дело с оформлением советской части нашей комиссии. Я писал, как Вы знаете, месяца три тому назад председателю Национального комитета историков СССР акад. Тихвинскому, но до сих пор не удостоился ответа. Понимаю, что теперь много дел важнее, но все-таки надо, думаю, поддерживать те прочные взаимные связи, которые выдержали не одну пробу временем.

* Наоборот (*лат.*)

inslav

Был бы очень рад, если бы Вы, дорогой Ярослав Николаевич, нашли время и возможность сообщить, каково состояние дел на сегодня, а также, каковы перспективы и что с нашей стороны следовало бы сделать, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки? Вот вопрос. Я до октября никуда не собираюсь, сижу дома и работаю. В октябре должен быть в Неаполе, Вильне, а в ноябре — в Брюсселе. Все на 5–6 дней.

Не заедете ли Вы в Варшаву? Если вопрос о Комиссии оформится, мы бы Вас с удовольствием пригласили еще в этом году поговорить о плане работы.

Пока всего, всего наилучшего. Сердечный привет Юлии Леонидовне. Крепко жму вашу руку.

Искренне Ваш

Юльюш Бардах

14. Ю. Бардах — Я. Н. Щапову

Варшава, 16 июля 1991 г.

Дорогой Ярослав Николаевич,

недели три тому назад получил официальное письмо академика С. Л. Тихвинского с сообщением о Вашем утверждении председателем советской части нашей Комиссии. Не должен Вас уверять, что это меня очень обрадовало. Академик Тихвинский сообщал также, что ученым секретарем назначена Наталья Ивановна Щавелева и что вопрос о дальнейшем укомплектовании ее зависит в какой-то степени от республиканских академий, что более подробно освещает Ваше письмо от 20 июня. На днях получил также письмо от Владимира Анатольевича Дьякова, с которым давно поддерживаю постоянную связь. Он пишет, что Вы предложили ему пост заместителя, и приложил к этому проект «банка информации» о лицах, связанных с историей русско-польских и советско-польских отношений. Я сделал несколько ксерокопий этого письма и разослал заинтересованным и компетентным членам Комиссии с просьбой о выражении их мнения. Потом, вероятно, вернемся к этому вопросу.

Я очень рад, что тема «Польские профессора и студенты в высших учебных заведениях России» положительно воспринята Вами. Вопрос даты ad quem (1918 год, думаю, был бы наилучшим, так как потом начинается репатриация в Польшу) надо будет еще уточнить.

Я выступил в Академии с предложением пригласить Вас + еще одну особу на несколько дней осенью в Варшаву для обсуждения вопросов нашей дальнейшей работы. В Академии неимоверное безденежье (а за гостиницу мы должны платить баснословные цены), но уверен, что осенью все удастся устроить. Так как Наталья Ивановна поедет в порядке взаимного обмена (такой научный бартер), то мы могли бы пригласить Владимира Анатольевича и обсудить на пленарном заседании польской части Комиссии его предложения. Конечно, все зависит от Вас и я жду Вашего решения на этот счет.

Сердечные приветы всем Вашим вместе с искренне дружеским приветом.

Ваш

Юльюш Бардах

inslav

15. Ю. Бардах — Н. И. Щавелевой

Варшава, 6 декабря 1992 г.

Милая Наталья Ивановна [18],

желаю Вам и всем Вашим всего, всего наилучшего в новом 1993 году! О делах Комиссии пишу подробно Ярославу Николаевичу, поэтому не повторяю еще раз. Тепло вспоминаем Ваш радушный прием. Пани Отильда пристроилась к Друскеникам. Была там с мужем осенью и теперь едет с ним второй раз на Рождество!

У меня к Вам просьба. В начале будущего года в Варшаву едет сотрудник Владимира Анатольевича Леонид Горизонтов. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы передали с ним рукопись моего доклада, который я у Вас оставил. Если не переписан, не беда. У нас теперь появились русские и машинистки, и работники по печати, так что впредь затруднений с печатаньем на русском не предвижу. Это положительная сторона экономических миграций.

Еще раз наилучшие пожелания всего, всего наилучшего.

Искренне Ваш

Юльюш Бардах

16. Ю. Бардах — Я. Н. Щапову

Варшава, 15 декабря 1992 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Ярослав Николаевич,

пользуюсь любезностью Владимира Анатольевича, чтобы написать Вам. Во-первых, примите, пожалуйста, вместе с Юлией Леонидовной, мои самые лучшие пожелания спокойного и благополучного Нового 1993 года. Как говорили древние римляне: quod felix, faustum, fortunatumque sit! *

Конференцию в Казани мы оценили весьма положительно. Неполадки организационного характера, неминуемые в переходный, ныне переживаемый период, не могут повлиять на оценку как научных ее успехов, так и, это хотелось бы особенно подчеркнуть, дружественной атмосферы и тесного научного сотрудничества не только основного, русско-польского ядра Комиссии, но и широкого диапазона докладчиков и участников конференции из стран бывшего Советского Союза. Считаю это большим достижением, которое сулит и положительное будущее.

Переходя к конкретностям, я рад сообщить Вам, что эту положительную оценку разделяет и Президиум ПАН. Кстати, об этом спрашивал Гейштора Александр Оганович [19], с которым Александр Александрович [20] встречался на Западе еще до того, как узнал о том, как прошла конференция.

Насчет издания ее докладов в виде отдельного тома у нас все единогласно *за*. ПАН предлагает взять на себя компьютерный набор всего текста, так как у нас есть русские специалисты, которые могут подготовить это за 4–5 недель (20–25 печ. листов). Этот текст будет передан Вам в виде, готовом для

* Чтобы был счастливым, добрым и богатым (*лат.*)

inslav

печати (на фолии). Наличных, к сожалению, ПАН передать за границу не вправе, хотя эта сумма не составляла бы затруднений. Напишите, что Вы думаете о такого рода разделении труда.

На 26 января мы созываем пленум польской части Комиссии, на котором представим итоги Казанской конференции и Ваши предложения насчет программы на ближайшие годы. После конференции сообщу Вам подробно, о чем была речь и каковы наши предложения насчет тематики на 1994 и 1996 годы. Может быть, с практической точки зрения, пока этим ограничится, чтобы не затруднять деятельности тех, кто придет на смену (мне, во всяком случае).

Жду Ваших соображений по издательским вопросам и еще раз желаю Вам, дорогой Ярослав Николаевич, всего, всего наилучшего.

Искренне Ваш

Юльюш Бардах

17. Ю. Бардах — Я. Н. Щапову

Варшава, 1 февраля 1993 г.

Получил Ваше письмо из санатория, которое содержит такие же предложения, какие я изложил в моем письме к Вам, которое забрал с собой Владимир Анатольевич. Мы предлагаем сделать набор и выслать Вам материал, готовый для печати (дискету, фолию). Как я понимаю, это Вас устраивает. Вопрос в том, когда можно ожидать текстов докладов <...>

В конце января мы провели общее собрание польской части Комиссии. Все ее члены получили обстоятельный письменный отчет о Казанской конференции. В дискуссии все высказались весьма положительно о ней, подчеркивая, вслед за ее участниками, как научную, так и дружескую ее значимость.

Очень живой обмен мнениями относительно темы будущей конференции (которую предварительно предлагаем организовать в Гданьске в июне 1994 г.) привел к следующим результатам. Самое большое количество голосов собрала тема «Православие в Речи Посполитой и католицизм в России». Второй оказалась тема «Разделы Речи Посполитой, их значение и последствия в польской и русской публицистике, литературе и историографии».

Было высказано мнение, что первую тему лучше принять на 1994 г., чтобы не связывать ее с Брестской церковной унией, когда часть докладчиков может представить ее в «юбилейной форме» (положительной или отрицательной), а дать ей, по возможности, строго научную трактовку. Конечно, будут споры, даже острые, но такова и тема.

<...> Было бы, может быть, хорошо, если Вы посчитаете это удобным, чтобы от Вас были и представители Русской православной церкви. Мы попросили бы кого-нибудь из польских православных. Как насчет украинцев и белорусов? Раз речь идет о Речи Посполитой, то трудно без них обойтись. Может быть, вышлем им приглашение от нашего общего имени за двумя подписями.

Времени остается фактически немного, так что надо принимать решения.

В ожидании Вашего скорого ответа, искренне Ваш

Юльюш Бардах

inslav

18. Ю. Бардах — Я. Н. Щапову

Варшава, 19 марта 1993 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Ярослав Николаевич,
прилагаю при сем информацию о заседании польской части нашей Комиссии, на котором обсуждался вопрос будущей конференции. Раньше предполагали провести ее в Гданьске, но потом остановились на Варшаве. Нам будет легче организовать ее на месте, а Вам — ближе и удобнее доехать без пересадки. О других еще причинах пишу одновременно Наталии Ивановне, которой посылаю тоже нашу информацию.

Предлагаем провести конференцию в июне. В план нашей Академии подали заявку на прием делегации 10 человек на 5 дней. На нашем заседании большинство высказалось за обсуждение вопроса о положении православия в Речи Посполитой I и II, то есть до 1939 г. и католицизма в России до 1917 г. Это, равно как и другие предложения, о которых идет речь в «Информации», являются фактически Вашими, которые мы получили в Казани, поэтому, думаю, мы можем получить от Вас положительный ответ. В состав польской делегации мы хотели бы включить представителей Католического университета в Люблине, папской Католической академии в Кракове, а также от Факультета православной теологии Варшавской христианской академии. Если Вы включите представителей Русской православной церкви, это было бы с пользой для диалога. 1994 год — это два года перед годовщиной Брестской церковной унии, и хорошо было бы спокойно обсудить спорные вопросы. Конечно, различия останутся, но важен сам диалог и выяснение всякого рода недоразумений и взаимных ошибок также фактографического характера <...>

Примите, дорогой Ярослав Николаевич, самый сердечный привет и передайте, пожалуйста, Юлии Леонидовне, как говорят французы, mes hommages respecteux.

Искренне Ваш

Юльюш Бардах

19. Ю. Бардах — Я. Н. Щапову

Варшава, 2 июля 1993 г.

Дорогой Ярослав Николаевич,
спасибо за Ваше обстоятельное письмо от 11 июня, которое мне передал Владимир Анатольевич. Теперь это единственное верное средство коммуникации, так как на почту совсем полагаться нельзя. Скоро будем отправлять письма с нарочным.

Прежде всего я хотел бы Вас поблагодарить за очень счастливую идею расширения темы на средневековье, начиная с XI–XIII вв. Я информировал о Вашем предложении профессоров А. Гейштора и Е. Клочовского, и они отнеслись к нему очень положительно. Последний (он также теперь представитель Польши в ЮНЕСКО) считает, что было бы весьма желательным не терять из виду Украину, Белоруссию и Литву. Это практически неосуществимо, но рас-

inslav

сматривать вопросы, касающиеся этих стран, в их отсутствие было бы также неудобно и не тактично. Е. Клочовский предложил как выход, или, вернее, один из возможных вариантов выхода, включение как второго организатора конференции Национального комитета польских историков. Он мог бы выслать приглашения на нашу общую конференцию украинским, белорусским и литовским историкам, а заодно взять на себя расходы по их приглашению. Прецедент уже был сделан в Казани, где Национальный комитет историков России выступил как один из организаторов конференции. Это позволило бы расширить круг участников и создать форум, на котором могли бы все представить свои взгляды, сохранив за нашей Комиссией роль организатора и инициатора конференции. Ее название могло бы тогда звучать, например, в русском тексте: «Православие и католицизм в исторических взаимоотношениях Восточной и Центральной Европы». В польском тексте это было бы «Katolicyzm i prawoslawije we wzajemnych stosunkach narodów Europy Środkowo-Wschodniej». Может быть, даже лучше было бы перенести акцент на взаимоотношение не стран, а религий. Тогда была бы речь о «Взаимоотношениях православия и католицизма в странах Восточной и Центральной Европы» <...>

Сердечный привет Юлии Леонидовне. Хорошего отдыха и всего, всего наилучшего желаю Вам

Юльюш Бардах

20. Ю. Бардах — Я. Н. Щапову

Варшава, 21 декабря 1993 г.

Дорогой Ярослав Николаевич,

наши дела в Комиссии, думаю, продвигаются вперед. В Академии меня заверили, что завтра будет готово официальное письмо академику С. Л. Тихвинскому с приглашением для русской делегации. Мы предвидим в общей сложности 20 человек гостей, в том числе 14 из России и по два (если прибудут приглашенные) из Белоруссии, Украины и Литвы. В отношении последних приглашающим выступит Национальный комитет польских историков, который будет также, совместно с нашей Комиссией, «фирмой» нашей конференции. Теперь, после Нового года, займусь подбором польских докладчиков. До сих пор изъявили согласие профессор А. Гейштор, который сделает вступительный доклад с зарисовкой общего фона проблемы, проф. А. Поппэ по X–XII вв. и доц. Я. Замойски о Зарубежной православной церкви и проблемах ее отношений с Польшей в 1920–39 гг. Это, конечно, лишь начало. Больше увидим, когда даст свои предложения Католический университет в Люблине. После предварительных разговоров они обещали представить их в середине января. Два докладчика уже известны. Это люди серьезные, знатоки вопроса. Должен еще связаться с Киевом, где хорошие украинисты.

Ожидаем тексты докладов казанской конференции с указанием, какая форма подготовки для Вас самая желательная <...>

Конференцию намечаем на начало октября, так как в последнюю декаду сентября будет в Гданьске всеобщий съезд польских историков, который про-

inslav

водится каждые пять лет и собирает свыше 800 (а теперь может быть и 1000) участников. Надо после него дать людям несколько дней передохнуть.

О «Żywocie człowieka poczciwego» помню [21]. Теперь мы с женой, до 6 января, в пригородном санатории. Сразу после возвращения в Варшаву сделаю ксерокопию и вышлю Вам первой оказией.

Желаю всего, всего наилучшего в Новом 1994 году Вам и Юлии Леонидовне. И до скорой встречи.

Искренне Ваш

Юльюш Бардах

21. Ю. БАРДАХ — Я. Н. ЩАПОВУ

19 ЯНВАРЯ 1995 Г. (ФАКС)

Глубокоуважаемый и дорогой Ярослав Николаевич,
всего наилучшего в начинающемся 1995 году!

Печатание тома проходит успешно. На днях получаем корректуру, уже после издательской. С Вашего разрешения я сделал бы ревизию русских докладов, а польские отдал проф. Е. Рузевичу. Таким образом, мы очень ускорили бы выход книги, а издательство, конечно, заинтересовано в том, чтобы возможно скорее закончить продукционный процесс.

Посылаю Вам с просьбой утвердить и подтвердить обратным факсом титульный лист и его оборотную сторону с дополненным списком редколлегии сборника.

Ожидаем в марте приезда Наталии Ивановны и доктора Клосса. Хотелось бы, чтобы они смогли, уезжая, забрать с собой уже готовый том.

Всего, всего хорошего.

Искренне Ваш

Юльюш Бардах

22. Ю. БАРДАХ — Я. Н. ЩАПОВУ

25 МАРТА 1996 Г.

Глубокоуважаемый и дорогой Ярослав Николаевич,
рад был получить от Вас письмо с уточнением срока нашей конференции. Состав польской делегации уточнен, хотя возможно, что один или два участника не смогут приехать. Тогда их место займет «запасной» — Иероним Граля, который и так будет участником конференции (у него «грант», так что в случае комплекта он Вас не обременит, также как и сотрудница проф. Сливовской — Барбара Ендрыховская, которая приедет на счет «гранта». Оба они обеспечены также квартирами). Вот предполагаемый список докладчиков и докладов в хронологическом порядке: *акад. Александр Гейштор (Варшава)* — Образ Руси в средневековой Польше; *проф. Анджей Поппэ (Варшава)* — Вокняжение Святополка в Киеве; *проф. Станислав Александрович (Торунь)* — Земли Московского государства в польской и западноевропейской картографии XV–XVII вв.; *доц. Тереса Хынчевска-Хеннель* — Мотив общей борьбы Речи Посполитой и России с Турцией в творчестве профессоров и студентов Киево-Могилянской академии во

inslav

второй половине XVII в.; *проф. Элиза Малек (Лодзь)* — Община смеха: о некоторых аспектах польско-русских литературных связей XVII — начала XIX вв.; *Иероним Граля (Варшава)* — Русские в польской литературе периода романтизма и позитивизма; *Петр Пашкевич (Варшава)* — Русская архитектура в Царстве Польском (1815–1915 гг.); *проф. Виктория Сливовская (с Барбарой Ендрыховской, Варшава)* — Культурно-просветительная деятельность польских ссыльных в XIX в.; *акад. Юльюш Бардах (Варшава)* — «Полякующие» профессора Императорского варшавского университета (80-е годы XIX — начало XX вв.)[22]; *проф. Анджей Дравич (Варшава)* — Трудный диалог русских и польских поэтов в XX в.; *доц. Ян Замойский (Варшава)* — Русская эмиграция в Польше в 1919–1939 гг. и ее польские связи. Итого 11 докладов, в том числе один «внештатный», и 12 участников, из которых 10 — делегация ПАН.

На сегодняшний день, думаю, это для Вас, дорогой Ярослав Николаевич, достаточно. Факс подтверждаю письмом, которое повезет с собой И. Граля. Ему же вручил другое, адресованное Наталии Ивановне, где подробности насчет издания докладов варшавской конференции 1994 года.

Сердечный привет Юлии Леонидовне.

Искренне Ваш

Юльюш Бардах

23. Ю. Бардах — Я. Н. Щапову

Люблин, 4 сентября 1996 г.

Дорогой Ярослав Николаевич,

вчера мне передали Ваше письмо, из которого я узнал о происшествии, которого Вы и Юлия Леонидовна стали жертвами. К счастью, из Вашего письма, да и со снимка, очень интересного, на котором Вас видно уже выздоравливающим, можно быть уверенным, что еще до конца текущего года Вы сможете вернуться полностью к активной жизни < ... > Итак, надеюсь увидеть Вас, может быть, даже на сессии нашей Комиссии, даже если вместо Вас ее будет открывать А. Н. Сахаров в качестве директора Института российской истории РАН.

Мы собираемся в Москву 9 сентября самолетом LOT, который вылетает из Варшавы в 16.10 нашего времени. Наталья Ивановна говорила мне, что есть затруднения финансового порядка, но что она уверена в их преодолении. Жаль, что доставляем ей столько хлопот, но уверен, что с Вашей и других коллег помощью ей это удастся преодолеть. Приезжает нас 10 человек, в том числе акад. Гейштор и будущая председатель польской части Комиссии проф. Виктория Сливовская.

Я пишу это письмо на конгрессе C(omission) I(nternationale) d'H(istoire) E(cclésiastique) C(omparée). Проф. Клочовский собрал на нем более 300 человек, по-моему, для сессии Комиссии это слишком много; в результате работают по секциям, в то время как идея Комиссии — это собрание воедино специалистов данной ветви исторической науки. Но это уже дело хозяйское. Если научные результаты оправдают это количество, переходящее в качество, то останется только радоваться. Пока некоторые из организаторов в обиде;

inslav

в частности, проф. Бовуа, который не приехал, хотя значится в программе. Об остальном побеседуем уже скоро в Москве.

Итак, до скорого свидания. Самые сердечные приветы Вам, дорогой Ярослав Николаевич, и Юлии Леонидовне.

Искренне Ваш

Юльюш Бардах

24. Ю. Бардах — Я. Н. Щапову

Варшава, 25 октября 1996 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Ярослав Николаевич,

пользуясь любезностью Маргариты Евгеньевны [23], пишу эти несколько строк. После Вашего телефона проверил, что доклад Назаренко к нам не поступил. Видимо, автор его текста не представил. В отношении корректуры всех остальных текстов думаю, что самым лучшим будет передача их непосредственно кому-нибудь из сотрудников наших академий (или университетов), едущих в Варшаву. С нашей стороны И. Граля собирается в Москву 7–8 ноября на неделю. Он мог бы взять с собой корректуры, которые тогда мы получили бы к середине ноября. Тогда же Вы могли бы передать ему обещанные гранки корректуры книги древнерусской государственной и юридической терминологии, а также изданный в Москве том «Da Roma alla terza Roma». После приезда он обратится по телефону к Вам и Наталии Ивановне. Надеюсь, что она к тому времени уже вернется в Москву.

Напишите, сколько экземпляров нужно Вам для России. Насчет Украины спрошу Исаевича, который на будущей неделе должен быть в Варшаве, а Минск запросим непосредственно. Извините за хлопоты, которые доставили, посылая Вам гранки докладов Исаевича и Звонаревой. Мы им сразу выслали гранки, и если получат и от Вас, нет беды. На сегодняшний день это, кажется, все.

Сердечный привет Юлии Леонидовне. Дружески жму вашу руку. Всего, всего наилучшего.

Искренне Ваш

Юльюш Бардах

25. Ю. Бардах — Я. Н. Щапову

Варшава, 15 декабря 1997 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Ярослав Николаевич,

рад послать Вам ксерокопию вашего доклада [24]. Я думаю, что Вы можете обратиться к генеральному секретарю Societé Jean Bodin с просьбой прислать Вам этот том и оттиски Вашего доклада. Я сделал бы это сам, но с момента, когда четыре года назад вышел из Дирекции, не имею с ними никакой связи. Вот его координаты: Prof. Laurent Waelkens. Brugsebaan 12. B–8850 ARDOOIE. Belgie.

Благодарю вас сердечно за приглашение на чтения памяти Владимира Терентьевича Пашуто. Я тепло вспоминаю его, но все труднее мне двигаться с места.

inslav

Я программно ограничил заграничные выезды до одного в году. Стараюсь тоже, и с успехом, ограничить поездки в другие университетские города Польши.

Пользуюсь случаем, чтобы еще раз пожелать Вам, дорогой Ярослав Николаевич, и Юлии Леонидовне всего, всего наилучшего в Новом 1998 году.

Искренне Ваш

Юльюш Бардах

26. Ю. Бардах — Я. Н. Щапову

Варшава, 14 сентября 1998 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Ярослав Николаевич,

я в долгу перед Вами, и вдвойне: во-первых, не поздравил вас вовремя в мае, а, во-вторых, не подготовил статьи в юбилейное издание в Вашу честь. Совесть меня мучила и мучит до сих пор, но, к сожалению, с течением лет оказывается все труднее выполнять обязательства, даже те, которые самому хотелось бы сделать в первую очередь. Не только уменьшение работоспособности (а это особенно чувствительно в последние 3–4 года), но и все более тяжелое состояние здоровья жены <...> [25] В результате я занят главным образом уходом (массаж и т. д.) за ней, так как она с трудом переносит присутствие и помощь посторонних лиц <...>

Недели две тому назад мы тяжело пережили и переживаем до сих пор тяжелый инсульт Александра Александровича Гейштора <...> До сих пор к нему допускали только дочь и невестку. Сегодня в первый раз собираюсь повидать его в клинике, где он окружен самой заботливой опекой [26].

Как видите, дорогой Ярослав Николаевич, хорошего немного. Приходится с этим мириться, так как это натуральный результат течения времени. Ведь мы все в преддверии XXI столетия, а прожили почти целый XX век; а если считать, как это делают некоторые историки, что XIX век продолжался до Первой мировой войны, то фактически целую эпоху. Начало новой, а это закон общественного развития, или, точнее, перемен, всегда сопряжен с трудностями, если не с муками. Политологи удивлялись, что переход на переломе 1980-х — 90-х годов прошел так легко. Зато трудности появляются потом, что нетрудно наблюдать сегодня.

Хотя с опозданием, примите, дорогой Ярослав Николаевич, мои самые сердечные пожелания: здоровья, дальнейших творческих успехов. Я всегда тепло вспоминаю нашу многолетнюю общую работу в Комиссии ПАН — РАН. Надеюсь, что гармоническое сотрудничество, которое ее характеризовало даже в самые трудные годы, оставило следы и в науке, и в миросознании участников этих коллективных работ. Их успех был, дорогой друг, в большой части Вашей заслугой.

Пора кончать. Всего, всего наилучшего! Сердечный привет Юлии Леонидовне.

Искренне Ваш

Юльюш Бардах

Составление и комментарий: *И. И. Костюшко и Я. Н. Щапов*,
подготовка публикации: *Л. П. Марней*

inslav

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.). Варшава, 1995.

2 Katolicyzm w Rosji i Prawosławie w Polsce (XI–XX w.) Католицизм в России и Православие в Польше (XI–XX вв.). Варшава, 1997.

3 Культурные связи России и Польши XI–XX вв. Związki kulturalne między Polską a Rosją. XI–XX w. М., 1998.

4 И. И. Костюшко был выбран в 1985 г. председателем Международной комиссии по славяноведению при МКИН.

5 М. Е. Бычкова.

6 Отильда Вышомирска-Кузьминьска – ученый секретарь польской части Комиссии.

7 Б. А. Рыбаков.

8 И. Б. Греков, зам. председателя российской части Комиссии.

9 Л. Л. Муравьева – ученый секретарь российской части Комиссии.

10 Витольд Гензель – директор Института истории материальной культуры ПАН.

11 В 1988 г. в ходе работы варшавской конференции, посвященной 70-летию независимости Польши, были организованы заседания «круглых столов», на котором обсуждались темы: «Польско-советская война 1920–1921 гг.» и «Национальные меньшинства во Второй Речи Посполитой».

12 *Костюшко И. И.* Прусская аграрная реформа. К проблеме буржуазной аграрной эволюции прусского типа. М., 1989.

13 Конференция 1989 г. «Славянский мир и Римская империя».

14 Конференция 1990 г. «Борьба народов Центральной и Восточной Европы против экспансии рыцарских орденов».

15 Я. Н. Щапов – руководитель советской делегации.

16 В. Л. Янин.

17 Ю. Л. Щапова.

18 Н. И. Щавелева – ученый секретарь российской части Комиссии.

19 А. О. Чубарьян.

20 А. А. Гейштор.

21 Издание сочинения Фрыча-Моджевского, ксерокопию которого проф. Бардах позднее прислал в Москву.

22 В окончательном виде доклад имел заглавие: «Русские союзники борьбы за польскую высшую школу в Царстве Польском в 1905–1906 гг.».

23 М. Е. Бычкова.

24 Доклад Я. Н. Щапова «Jean Bodin et la science sociale russe» в трудах Общества Жана Бодэна.

25 З. М. Бардахова.

26 А. А. Гейштор (17.07.1916–9.02.1999).

inslav

Виктория Сливовская, Рене Сливовский
(Варшава)

ПОЛВЕКА В КРУГАХ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И НАУКИ (НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК ЛИЧНОГО СВОЙСТВА)

Просто не верится, но именно в такие же осенние дни более пятидесяти лет назад у нас обоих начинался двойной роман. Во-первых, личный — в тогдашнем Ленинграде (теперь вновь Петербурге) на Невском проспекте мы получили «свидетельство о браке», а несколько позже — «свидетельство о рождении» сына. Затем, уже на Мойке, — дипломы об окончании Института им. А. И. Герцена. И второй роман, длящийся до сегодняшнего дня: роман с российской культурой и наукой, которые заворожили нас сразу и навсегда. Надо сказать, что атмосфера того времени не слишком этому благоприятствовала: шел 1949/1950 учебный год. Велась борьба с космополитизмом, из Института исчезали выдающиеся ученые, оставались посредственности, ведущие семинары (в рамках изучения марксизма-ленинизма) о «вейсманистах-морганистах — злейших врагах человечества». От студентов требовалось зубрить наизусть «Краткий курс истории ВКП (б)», словно катехизис, историю русской литературы сводили к изучению А. М. Горького и М. А. Шолохова, отечественную историю — к примитивному восхвалению заслуг Ивана Грозного в расширении Российского государства, а историю революционного движения заключали в ленинскую схему трех этапов: дворянские революционеры, революционные демократы, подлинные революционеры. О А. В. Суворове мы узнавали из учебника А. М. Панкратовой, что он «гуманно» обошелся с населением Праги — правобережной части Варшавы, взятой штурмом русскими войсками в 1794 г.

В сущности, эта так называемая наука должна была оттолкнуть нас, поляков, от России и всего русского. Но даже в эти мрачные времена, когда мы инстинктивно ощущали, что вокруг происходит что-то нехорошее (на наше счастье, мы были достаточно отгорожены от действительности и слишком заняты друг другом), мы с энтузиазмом бегали на некоторые «факультативные» занятия — тогда еще профессор С. Б. Окунь читал лекции о декабристах, профессор В. Н. Бернадский — об истории России для студентов-заочников (с дневного отде-

inslav

ления он был удален), об истории мировой литературы — профессор В. Г. Гейман. Годы учения — это, однако, начало. Не будем на этом дольше останавливаться.

Настоящее общение началось с 1956 г., во время польского Октября и хрущевской оттепели. Сейчас можно пожимать плечами и говорить о наивности тогдашних надежд, об узко очерченных границах происходивших перемен. Однако для нашего поколения это был настоящий перелом и начало подлинных контактов с целой плеядой замечательных людей, которым мы до сих пор благодарны за то, что от них получили. Естественно, продолжались и официальные контакты, и можно было бы привести не один анекдотический пример общения с представителями разных поколений, олицетворявших явление, названное впоследствии «homo sovieticus».

В Польше после возвращения на родину нам часто приходилось выполнять обязанности так называемых гидов-сопровождающих. Нужно было встречать гостей Института истории ПАН и Варшавского университета, помогать им в решении организационных вопросов, сопровождать в «культпоходах» в кино и театры и т. п. Как правило, это не было неприятно, но были и досадные казусы. Так, некий зазнавшийся псевдоученый написал на меня донос в Академию наук, поскольку на его настойчивые требования установить в гостинице «Бристоль» письменный стол для создания рабочих условий приходилось отвечать, что лучшие условия для работы — это доступ в архив. Эта история имела свое завершение: я была вызвана к директору Института Тадеушу Мантойфелю, который сообщил мне, что в Президиум ПАН поступил донос. В нем один из подобных «гостей» от себя и своих коллег заявил, что ввиду моей антисоветскости мне нельзя поручать опеку над приезжающими из СССР историками. Директор принес мне извинения за неприятный инцидент и добавил: к сожалению, он не может гарантировать, что это не повторится, так как мы не имеем влияния на то, кто именно прибывает к нам из-за восточной границы. Это, к счастью, теперь изменилось. Замечу, однако, что в том же Институте славяноведения АН СССР я была встречена с симпатией (и не буду повторять, какими словами был охарактеризован их влиятельный тогда коллега). Нужно сказать, что тогдашний директор Института И. А. Хренов отнесся к нам радушно, оказывал всяческую помощь: облегчал приезды, доступ в архивы и т.д. О нем мы сохранили самые теплые воспоминания. Отношения с его ближайшим преемником были, скорее, формальными, но это уже совершенно другая история.

Сегодня нам хотелось бы вспомнить тех, кто оказал влияние на формирование наших научных интересов и, в каком-то смысле, нашего мировоззрения (здесь мы не упоминаем Стефана Кеневича и иных

inslav

своих учителей на родине). Итак, шел 1958 год, из лагерей возвращались в Москву те, кто уцелел после сталинских репрессий. Возвращались к прерванной работе. Среди книг, которые тогда появились, был сборник статей о декабристах. Наша положительная рецензия появилась в «Przeglądzie Historycznym». И совершенно неожиданно в редакцию пришло письмо, подписанное Ю. Г. Оксманом, одним из авторов этого труда (редактором был академик Н. М. Дружинин). Имея их адреса и телефоны, мы появились в Москве, еще не представляя себе, с кем встретимся, что имеет за душой жилец (в ту пору) комнатенки в каком-то московском общежитии, а поздней — заставленной книгами квартиры в одной из так называемых «хрущевок». А оказалось, что мы попали в круг незаурядных историков и литературоведов, писателей и текстологов. Перед нами открылась во всей своей красе прежняя и современная культура России: мы узнавали имена до тех пор нам не известные, нас поощряли к работе, указывали дорогу в архивы — на короткий период они стали доступны даже с описями! Мы бегали из дома в дом, нас передавали из рук в руки. Польша тогда была в моде, она являлась тогда для людей в Советском Союзе (прежде всего для интеллигенции) окном в мир, а не захолустьем. Мы привозили много книг, доступных у нас, но малодоступных в СССР. Так, например, книги Б. Л. Пастернака или А. А. Ахматовой, изданные в «Библиотеке поэта» в Москве, мы приобретали в Польше и привозили на родину авторов, поскольку в Советском Союзе купить эти книги было практически невозможно. Из-за границы мы провозили «тамиздат», а позднее вывозили уже «самиздат». В это время для польской оппозиции образцом были советские диссиденты. Так было, хотя сегодня об этом вспоминают неохотно. Затаив дыхание, мы читали по ночам, открывая для себя А. П. Платонова и М. А. Булгакова, И. Э. Бабеля и М. М. Зощенко, литературу двадцатых годов и произведения эмигрантов.

Дом Оксмана был совершенно необыкновенным: там встречались молодые и старые, хозяин любил такие встречи, он брал нас с собой и в гости к своим друзьям. Для него большой радостью было познакомить их с нами — своими подопечными. Со сколькими интересными и умными людьми мы у него и благодаря ему познакомились! Это здесь, например, началась наша многолетняя дружба с Н. Я. Эйдельманом. Хозяйкой дома выступала Л. Д. Опульская-Громова. Она передала нам неизвестные материалы о Герцене (тогда готовилось к изданию собрание сочинений и хроника жизни Искандера). Никто ревниво не прятал неизданные материалы, это был круг людей огромных знаний и не меньшей щедрости. Как не поддаться чарам такой культуры! А. Л. Гришунин принес нам, в наш номер в гостинице Академии наук, Бунина и Булгакова, сказав при этом, что завидует нашей первой

inslav

встрече с такими талантами. Принес он и номер журнала «Москва», в который были вклеены фрагменты булгаковского текста, выброшенного цензурой... И много, много другого.

Такую же щедрость и бескорыстие мы встретили в Трубниковском переулке в Институте славяноведения. И. С. Миллер взял на себя труд прочитать от корки до корки рукопись нашей книги о Герцене для серии «Ludzie żywi», движимый только дружеским расположением к двум еще совсем молодым людям. А замечаний у него оказалось много, и немаловажных.

Настоящей же школой, с успехом компенсирующей все недостатки нашего образования, полученного на подпольных гимназических курсах в оккупированной фашистами Польше и в сталинской высшей школе, было наше участие в польско-советских серийных изданиях: «Январское восстание. Материалы и документы», а затем работа над т. н. «Зеленой серией» (по цвету обложки), посвященной периоду между восстаниями 1831 и 1863 гг. и подготовленной к печати совместно с Институтом литературных исследований ПАН. Учеба у таких мастеров, как профессор С. Кеневич, у таких знатоков российских архивов, как И. С. Миллер и В. А. Дьяков, не осталась безрезультатной. Конечно, наши старшие коллеги вынуждены были считаться с требованиями эпохи, но они делали это тактично и не греша излишним усердием. И вновь следует вспомнить о необыкновенной щедрости — мы говорим о делах научных, хотя немало можно было бы рассказать и о личных, дружеских связях и контактах.

Надо сказать, что издание исторических источников не было делом простым: договор между Академиями был подписан во время хрущевской оттепели; позднее, ввиду изменившейся политической конъюнктуры, приходилось отстаивать научные интересы, чтобы избежать в публикуемых томах неоправданных пропусков. Я хорошо помню совещание у высокопоставленного чиновника по фамилии Долгих (имя и отчество выпали из памяти). Речь шла об издании тома «Очерки январского восстания, подготовленные в Варшавской Цитадели». Его изданием мы обязаны исключительно позиции В. А. Дьякова, поручившегося за идеологическую «выдержанность» книги, в чем усомнился чиновник-перестраховщик из Главного Архивного управления СССР (в записках Стефана Кеневича будущие исследователи наверняка найдут записи об этом памятном собрании). «Зеленая серия» также многим обязана В. А. Дьякову. Во времена брежневского «застоя» опять начались ограничения для иностранцев в пользовании архивами. В. А. Дьяков, прибегнув к личным контактам, дал мне возможность работать с материалами ксендза Сероцинского прямо в Трубниковском переулке. Он же в ходе работы над «Зеленой серией» предоставил

inslav

в наше распоряжение свой личный богатейший архив. Мне удалось просмотреть картотеку, микрофильмы, заметки. Сам Владимир Анатольевич был в это время в отъезде, и в его доме меня трогательно опекала его жена Белла Борисовна. Такое не забывается!

То же самое происходило, когда мы работали над монографией о А. П. Чехове. Мы бывали в домах московских литературоведов — знатоков творчества Чехова — «чеховедов», где для нас не жалели ни советов, ни помощи. Расскажем лишь об одной такой встрече: дом И. С. Зильберштейна был для нас всегда открыт (Ю. Г. Оксман называл хозяина «мой ученик», хотя ученику было за семьдесят!). Что представлял собой этот дом — возможно, многим известно. Сейчас коллекция Зильберштейна составляет основу художественного собрания Музея частных коллекций на Волхонке. Однажды Илья Самойлович долго разъяснял Рене, как попасть в Отдел рукописей и какие письма к А. П. Чехову там посмотреть. Рене хотел показать, что он все понял, и что-то промычал в ответ. И тут же услышал: «Нет, нет, нет. К сожалению, Вы ничего не поняли». И объяснения начались снова. Вплоть до положительного результата.

Мы ведь тогда были еще совсем зеленые, еще не защитили кандидатских диссертаций! Но это отнюдь не мешало нашим старшим коллегам общаться с нами на равных. Память сохранила свидетельства доброжелательности и участия многих людей. Так, В. К. Яцунский, узнав, что я интересуюсь петрашевцами, подарил мне старый комплект публикации документов, какого не было ни в одной из польских библиотек. В. Р. Лейкина-Свирская, даже после возвращения из заключения на крайнем Севере не утратившая веры в революционный путь развития общества, могла без конца беседовать с нами о судьбах российской интеллигенции. Ю. И. Штакельберг, напротив, этой веры никогда не имел, но относился к нам не менее доброжелательно. Обладая широчайшей эрудицией в сфере архивных собраний и глубокими знаниями, он бескорыстно делился ими, а на его информацию об архивных источниках всегда можно было положиться. Не можем не упомянуть академика М. П. Алексеева, дом которого также был для нас открыт, а его огромными знаниями и знакомствами мы пользовались годами. Сегодня мы, конечно, не сможем перечислить всех.

Были и еще дома, в которых мы полулегально жили (будучи прописаны в гостинице) и в которых узнавали «другую Россию» — Россию Льва Копелева, Евгении Гинзбург и многих других «советских граждан», к которым мы испытываем благодарность. Вспомним и квартиру О. П. Морозовой, автора книги о Брониславе Шварце (эту монографию мы с удовольствием перевели на польский язык), и Бориса Федоровича Стахеева, известного полониста, знатока польской литературы,

inslav

особенно польской романтической поэзии. В их гостеприимном доме мы провели не один вечер, беседовали об истории и литературе, музицировали, пели. Надо признаться, что в своих научных контактах мы избегали щекотливых тем, оставляя их для бесед на «московских кухнях» с ближайшими друзьями. Мы узнавали Россию, посещая вдов великих прозаиков — М. А. Платонову в Москве, В. В. Зощенко в Ленинграде, А. А. Евреинову — в Париже, часто идя по следам Анджея Дравича.

Были мы в гостях и у Ю. М. Лотмана в Дерпте-Тарту. Отзвук этого визита мы обнаружили в вышедших в 1997 г. в Москве письмах ученого 1940–1993 гг. Адресованы они были Б. Ф. Егорову, его надежному другу, известному ученому и прекрасному человеку, в чем можно убедиться, читая эту увлекательную повесть в письмах. Тартуская школа тогда не пользовалась еще международной известностью, а наша рецензия в «Slavia Orientalis» — первая в ряду похвальных рецензий — открыла нам двери этого необычного дома Юрия Михайловича, Зары Григорьевны и их сыновей, ныне известных эстонских ученых, а тогда — детишек, карабкающихся ловко, как обезьянки, по полкам, заставленным книгами до самого потолка. Потом мальчиков отослали в «зверинец», т. е. в детскую, за столом же сидели мы со студентами и, затаив дыхание, слушали хозяев. И муж, и жена были не только большими учеными, но и прекрасными собеседниками, замечательными педагогами, которых молодежь просто обожала. И эта встреча врезалась в нашу память как воплощение идеала отношений учителя и учеников.

* * *

Обращаясь к воспоминаниям молодости, трудно поставить точку. Может быть, к тем временам нам еще удастся вернуться в свободную минуту и вновь ощутить их незабываемый аромат. Он отнюдь не всегда был горек, как это нам сегодня пытаются внушить, главным образом те, кто отлично процветал в тогдашних условиях, либо те, кто, на свое счастье, позже появился на свет и пытается судить о времени нашей молодости лишь по рассказам и документам, отнюдь не всегда достоверным.

Перевод О. Морозовой

inslav

А. Л. Хорошкевич
(Москва)

ПОЛЬСКИЕ УЧЕНЫЕ – УРОЖЕНЦЫ РОССИИ – ИССЛЕДОВАТЕЛИ СЛАВЯНСКОГО И РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Формулировка вынесенной в заглавие темы на первый взгляд представляется парадоксальной или, по меньшей мере, странной. Казалось бы, какое отношение место рождения имеет к последующей научной работе историков, протекавшей вне пределов той страны, где им довелось появиться на свет. В данной ситуации совершенно неприменима пословица «Где родился, там и пригодился». И тем не менее думаю, что установление подобной связи совершенно закономерно, что находит подтверждение в высказываниях тех лиц, научной деятельности которых посвящена настоящая статья.

В 1969 г. в Киеве во время встречи украинских русских и польских историков при первом же знакомстве по пути в Нежин Александр Александрович Гейштор сообщил, что двое членов польской делегации — Ю. Бардах и он — уроженцы России (вернее, Российской империи), первый — Москвы, второй — Одессы, а третий, более молодой — Тадеуш Василевский — происходит из рода смоленских дворян. Позднее Александр Александрович неоднократно вспоминал этот факт и даже рассказывал, как ездил в подмосковное дачное место Томилино, где его семья проводила летние месяцы в три первых года его жизни. Видимо, это обстоятельство имело для него существенное значение. То же можно сказать и о Юлиуше Марковиче Бардахе, никогда не порывавшим связей со страной своего детства, поддерживавшем тесные связи с сестрой, проживавшей в Москве на Проспекте мира и однажды — еще в советское время — совершенно нелегально съездившем даже на родину в Одессу. Высказывания А. Гейштора и Ю. Бардаха подтверждают правомерность избранной темы, тем более, что именно им — патриархам польской исторической науки середины и второй половины XX в. — и будет уделено главное внимание.

Есть нечто общее, что, кроме места рождения, объединяет этих историков — это свободное владение русским языком, чего не могло, конечно, дать обычное образование. Это позволило им свободно ориентироваться в литературе, написанной на русском языке, и опираться

inslav

на новейшие достижения советской, а позднее российской историографии. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные и обширные рецензии Ю. Бардаха на труды советских, а затем российских историков, рецензии, благодаря которым те становились достоянием мировой историографии [1].

Однако этим не ограничиваются общие черты в биографии и мировоззрении Бардаха и Гейштора. Приблизительно сверстники, они оба занимались в основном историей права, крайне актуальной проблематикой в условиях фашизма и тоталитаризма. Сходны и их идеологические установки: сторонники демократии, они защищали ее и с оружием в руках во время Второй мировой войны [2], а в послевоенное время — на страницах своих трудов и с университетской кафедры. Их отличали и общие моральные принципы, в частности, благодарная память об учителях, друзьях и коллегах. Приведем только один пример. Александр Александрович Гейштор неоднократно вспоминал с благодарностью о двух выпускниках Варшавского университета и выдающихся советских историках — Б. Д. Грекове и Е. А. Косминском — которым в 1952 г. ЦК КПСС поручил содействовать становлению марксистской исторической науки в Народной Польше. Их позиция, обосновывавшая вывод об отсутствии каких бы то ни было «уклонов» в польской исторической науке [3], помогла уберечь ее от тотального разгрома, аналогичного ожидавшему несколько позже науку Чехословакии.

Повлияла ли столь случайная, на первый взгляд, обусловленная, казалось бы, только местом рождения связь А. Гейштора и Ю. Бардаха с Россией на их научные интересы и творчество, какое воздействие их труды оказали на развитие исторической науки, какова их роль в упрочении связей историков Польши и СССР, а в дальнейшем — России?

На первый вопрос легче всего ответить применительно к Ю. Бардаху. Занимаясь историей права Польши и Великого княжества Литовского [4], он неоднократно обращался непосредственно к истории средневековой Руси и российской историографии [5], как дореволюционной, так и современной. Необычайно широк диапазон его научных интересов: от русско-византийских договоров [6] и Русской правды [7], памятников права Литовского княжества и их бытования на территории Российского царства и Российской империи — до социальной истории Руси, взятой в совокупности тех территорий, которые в раннем и развитом средневековье назывались Русью, от источниковедения — до историографии. Занимаясь историей Литвы, в средневековье — Великого княжества Литовского, Ю. Бардах обращался и к истории Руси, частично входившей в состав этого княжества, передавшей Литве фундаментальные памятники права и правовые традиции. Поэтому в его монографических исследованиях «Этюды по государственному устройству и праву Великого княжества

inslav

Литовского. XIV–XVII в.» (1970), «О давней и недавней Литве» (1988) и, наконец, «Феми и Клио, или право и история» (2001), хорошо известных русистам, тем более, что некоторые из них рецензировались в СССР, очень трудно разделить историю Литвы и Руси или вычленить специально посвященные последней разделы.

Однако попытаемся сделать это. Статья Ю Бардаха о смердах на русских землях Короны и Литвы, т. е. Западной и Юго-Западной Руси, включает и материал Северо-Западной Руси, ибо автор сознавал невозможность изолированно изучать явление, распространенное по всей Руси[8]. Для источниковедения отечественной истории крайне важна работа Ю. Бардаха о М. Стрыйковском, стимулом к появлению которой стала вышедшая в 1966 г. книга А. И. Рогова[9]. Ю. Бардах уточнил многие уже известные и выявил новые факты биографии хрониста, проследил его связи с литовскими магнатами, проанализировал его позицию по отношению к унии 1569 г. Не менее существенны исследования ученого о Хронике Быховца, изданной Н. Н. Улащиком в 1966 г. в русском переводе[10]. По мнению Бардаха, ее автором был православный, составивший две первых части летописи. Редактором же выступал католик, для которого польский язык был родным. Непосредственно истории права касались разделы работы Бардаха о русских переводах земских статутов Великого княжества Литовского и Короны. Его труд по истории канцелярии Великого княжества Литовского при Сигизмунде I Старом является образцовым для изучения приказного делопроизводства в Княжестве всея Руси.

В книге «О давней и недавней Литве» Бардах продолжил занятия над литовскими статутами в контексте истории европейского права. Эта работа была начата им ранее и стала развитием исследований ученого по истории средневекового следственного процесса, в частности института т. н. «сочения»[11].

В упомянутой выше книге, посвященной памяти Г. Ловмяньского, интерес для русистов представляет статья Ю. Бардаха «Хенрик Ловмяньский как исследователь истории средневековой Литвы», составной частью которой были и русские земли[12]. Говоря о творчестве Ловмяньского, Бардах высоко оценил его работу «Религия славян и ее упадок» (1979), посвященную истории общественного сознания XII в., а также историографические труды ученого, в частности «Иахим Лелевель как историк Литвы и Руси».

Сам Ю. Бардах лишь однажды обратился к истории религии, вернее, церкви. В написанной им книге, посвященной отношениям католиков и православных в Великом княжестве Литовском в конце XIV–XVII вв.[13], он на большом материале доказывает отсутствие религиозной нетерпимости в Великом княжестве, опровергая тем самым

inslav

мнение М. К. Любавского и расхожие концепции советской историографии, которые некогда разделяла и автор настоящей статьи.

Еще более историографический характер носит монография Ю. Бардаха «Феми и Клио, или право и история». Две статьи в ней, как и само издание, посвящены Вацлаву Шуберту и Александру Гейштору. Кроме того, в названной книге содержатся обзоры преподавания права в Московском и Петербургском университетах в 1840–1861 гг., а также в Варшавском университете в 1915–1988 гг. Особое место принадлежит помещенной там же работе ученого, посвященной развитию историко-правовых дисциплин в Польше в 1945–1977 гг. Для историков-русистов, конечно, наиболее интересен первый обзор, однако в сравнительно историческом плане поучительны и все остальные.

Второй раздел книги составляют статьи Ю. Бардаха по методологии истории права. Прежде всего, следует назвать статью «Историю славянского права. Предмет и методы исследования», которая содержит анализ методики изучения историко-правовых проблем. Особая статья, чрезвычайно полезная для русских медиевистов, о сравнительно-историческом методе в изучении истории права. И, наконец, статья, посвященная проблеме рецепции права, чрезвычайно актуальной для всех славянских государств.

Итак, даже фрагментарное рассмотрение только некоторых трудов Ю. Бардаха очевидно свидетельствует о постоянном интересе ученого к истории русского права, источниковедению и историографии русской истории, интересе, навеянном, вероятно, отчасти и «родственными» узами с Россией.

Выбор тем, которыми как исследователь занимался А. Гейштор — почетный доктор Московского университета — на первый взгляд не подвергся влиянию его младенческих воспоминаний о России. Он был определен, скорее, его ученичеством в Варшавском университете под руководством всемирно известного медиевиста Марселия Хандельсмана. Впрочем, атмосфера университета, где до революции трудились многочисленные ученые из России, создавала известный интерес и к истории Руси. Ее история периода средневековья непосредственно присутствует в такой работе Гейштора, как «Мифология славян», в его статье о положении женщины в Восточной Европе в X–XIII вв.[14], исследованиях ученого об институте «воевод» и кастелянов[15], в связи с которой он поднял теоретический вопрос о принципах рецепции, выдвинув идею зависимости широты и степени восприятия «чужого» от уровня развития реципиента и его готовности к этому акту[16]. В сравнительно-историческом плане чрезвычайно интересна книга А. Гейштора «История права в средневековой истории Центральной Европы». Во всех работах он исходил из мысли о пограничном положении

inslav

Польши в европейской цивилизации, в связи с чем считал необходимым изучать польскую историю в органическом контексте не только с центральноевропейским, но и русско-византийским цивилизационным ареалом. Это касается и истории религии [17].

Особая глава научных интересов А. Гейштора — семиотическая. Значимость символов и ритуалов он, подобно Г. Шрамму, рассмотрел применительно к обычаям знати и конкретно к обрядам коронации [18]. Существенное методологическое значение имеет небольшая статья А. Гейштора, посвященная топонимам, связанным с освоением лесов. Она полезна и для наших историков сельского хозяйства и демографов [19].

Воздействие трудов А. Гейштора и Ю. Бардаха на творчество российских историков прослеживается в разной степени. Так, например, в монографии М. Е. Бычковой [20] автор широко использовала статьи А. Гейштора «Заметки о центральном управлении в славянских государствах IX–XI веков» и «Спектакль и литургия. Польская королевская коронация» [21].

Однако в целом реальное воздействие трудов названных польских историков, как, впрочем, и их коллег, на направление исторических поисков в СССР, в частности, в области истории права [22], было ниже возможного. Советская историческая наука не была готова к восприятию идей польских ученых по той простой причине, что в послевоенное время все работы по истории права, без которых невозможно изучение истории [23], были практически свернуты. После «Памятников русского права» начала 1950-х гг. вплоть до «Российского законодательства X–XX веков» середины 1980-х гг. не издавались и не переиздавались памятники права, за исключением «Древнерусских княжеских уставов», подготовленных Я. Н. Щаповым. Практически после работ С. В. Юшкова [24] не проводилось и историко-юридических исследований, за исключением работы И. П. Старостиной и Я. Н. Щапова о памятниках церковного права — кормчих книгах.

Говоря о роли Ю. Бардаха и А. Гейштора в организации связей советских и российских историков с польскими коллегами, нельзя не упомянуть о многочисленных конференциях, организованных при содействии обоих ученых. Ю. Бардах, будучи в течение многих лет председателем польской части Комиссии историков России и Польши, не только возглавил конференции в Казани, Москве и Варшаве, но и содействовал публикации их материалов. Наконец, не лишним было бы упомянуть, что в начале трудных для всей российской интеллигенции 1990-х гг. он стал инициатором целого ряда мер с польской стороны, направленных на организационную и материальную поддержку сотрудничества российских и польских ученых.

inslav

А. Гейштор и Ю. Бардах в высшей степени понимали ответственность историка перед обществом. Недаром Александр Александрович писал, а Юлиуш Маркович привел его высказывание: «...было бы хорошо, если бы гуманист имел представление о том, что он творит, — это служение ради большого общества».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Последней в этой серии (из известных нам) была рецензия на книгу А. А. Зимина «Русская правда».

2 Nauka jako służba. W 70-lecie urodzin i 50-lecie pracy naukowej prof. Aleksandra Gieysztora (wywiad) // Kronika Warszawy. 1985. S. 118–119.

3 См. подробнее: *Горизонтов Л. Е.* Методологический переворот в польской историографии на рубеже 1940–50-х гг. и советские историки // Славяноведение. 1993. № 6. С. 58–62; *Горская Н. А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 158–159.

4 *Bardach J.* Studia z ustroju i prawa Wielkiego Ksiastwa Litewskiego XIV–XVII wieku. Bialystok; Warszawa, 1970. Рец. А. Л. Хорошкевич в: Вопросы истории. 1973. № 3.

5 *Bardach J.* Ruska Prawda // Slownik starożytności slowiańskich. Wroclaw, 1972. T 4. Cz. 2. S. 582–589. *Idem.* Z najnowszych badań nad Prawdą Ruską // Czasopismo Prawno-Historyczne. 1990. T. 42. Z. 1–2. S. 163–174. *Idem.* A propos de recherches recentes sur la Pravda Russkaja // Studia mediaevalis. T. 7, 1, 1993. P. 161–173.

6 *Idem.* Traktaty miedzynarodowe. II [z Bizancjum] // Slownik starożytności slowiańskich. № 6, 1977. S. 130–133.

7 См. прим. № 4.

8 *Bardach J.* Zmierzch smerdów na ziemiach ruskich Korony i Litwy // Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVII wieku. Bialystok; Warszawa, 1970. S. 86–110.

9 *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966.

10 Хроника Быховца. М., 1966; *Bardach J.* Spor o autorstwo tak zwanego Latopisu Bychowca // *Idem.* Studii... S. 78–82.

11 *Idem.* Studia z ustroju i prawa Wielkiego Ksiastwa Litewskiego XIV–XVII wieku. Bialystok; Warszawa, 1970.

12 *Idem.* Henryk Lowmianski Jako badacz dziejow Litwy historycznej // *Idem.* O dawnej i niedawnej Litwie. Poznań, 1988. S. 399–430.

13 *Idem.* Les relations entre les catholiques et les orthodoxes dans le Grand-Duché de Lithuanie: (fin du XIV–XVII siècle) // Roma, 1992.

14 *Gieysztor A.* Le femme dans les civilisations des Xe–XIIIe S.: la femme en Europe orientale // La femme dans les civilisations des Xe–XIIIe siècles. Actes du colloque tenu à Poitiers les 23–25 septembre 1976. Poitiers, 1977. S. 99–110.

inslav

15 *Idem.* Urząd wojewodziński we wczesnych państwach słowiańskich w IX–XI wieku // Archeologia Polski. 1971. T. 16. S. 317–325.

16 Впрочем, об этой же проблеме он писал и раньше: *Gieysztor A.* Z zagadnień historii kultury staroruskiej: Składniki rodzime i obce // Studia historica. W 35-lecie pracy naukowej Henryka Łowmiańskiego. Warszawa, 1958. S. 73–89.

17 *Idem.* Bemerkungen zur Apostasie in Zentral- und Osteuropa im 10. und 11. Jahrhundert // Zeitschrift für Archäologie. Berlin, 1984 . Bd. 18. S. 1–7.

18 *Idem.* Non habemus caesarem nisi regem. Korona zamknięta królów polskich w końcu XV wieku i w wieku XVI // Muzeum i twórca. Studia z historii sztuki i kultury ku czci prof. dr. S. Lorentza. Warszawa, 1969. S. 277–292; *Idem.* Le geste dans le ceremonie du couronnement dans la Pologne medievale // Curia maior. Studia z dziejow kultury ofiarowane Andzejowi Ciechanowieckiemu. Warszawa, 1990. S. 30–36; *Idem.* Spektakl i liturgia – polska koronacja królewska // Kultura elitarna i kultura masowa w Polsce późnego średniowiecza. Wroclaw, 1978. S. 9–23; *Idem.* Le cérémonial du couronnement des rois de Pologne: le sacre d'Henri de Valois en 1574 // Le sacre des Rois. Actes du colloque international d'histoire sur les sacres et couronnements royaux. (Reims, 1975). Paris, 1985. S. 119–127.

19 *Idem.* Toponymie de l'occupation du sol et des franchises en Pologne médiévale // Toponymie et défrichements médiévaux et modernes en Europe occidentale et centrale // Flaran. 1986. № 8. P. 65–69.

20 *Бычкова М. Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV до 1569 г. Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. М., 1996.

21 См., напр.: *Gieysztor A.* Le geste dans le ceremonie du couronnement dans la Pologne medievale // Curia maior. Studia z dziejow kultury ofiarowane Andzejowi Ciechanowieckiemu. Warszawa, 1990. S. 30–36; *Idem.* Spektakl i liturgia – polska koronacja królewska // Kultura elitarna i kultura masowa w Polsce późnego średniowiecza. Wroclaw, 1978. S. 9–23; *Idem.* Le cérémonial du couronnement des rois de Pologne: le sacre d'Henri de Valois en 1574 // Le sacre des Rois. Actes du colloque international d'histoire sur les sacres et couronnements royaux. (Reims, 1975). Paris, 1985. P. 119–127.

22 См., напр.: *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси XI–XIII вв. М., 1978.

23 *Bardach J.* Themis a Clio, czyli o potrebie podejścia historycznego w prawoznawstwie // Themis a Clio czyli Prawo a historia. Warszawa, 2001. S. 11 i inne.

24 *Юшков С. В.* Русская правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950; *Он же.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1952.

inslav

Анджей Новак
(Краков)

ЯН ПОТОЦКИЙ, ТАДЕУШ ЧАЦКИЙ, НИКОЛАЙ КАРАМЗИН И ДРУГИЕ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОЛИТИЧЕСКОМ И ИДЕЙНОМ КОНТЕКСТЕ ПОЛЬСКО-РОССИЙСКОГО НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Первая четверть XIX в. — время исключительно оживленного интеллектуального обмена и научного сотрудничества между поляками и русскими. Причины такого «исключительного» положения можно разделить на две группы: политические и культурно-цивилизационные.

Перечень политических причин, способствовавших установлению интеллектуальных контактов между поляками и русскими, как это ни парадоксально, открывается последним разделом Речи Посполитой. Проще говоря, население территорий, включенных в состав Российской империи, тем самым оказалось включенным в рамки новой государственно-правовой жизни, что распространялось и на сферу науки. Таким образом, естественно должны были возникать новые контакты поляков с русскими.

Однако это не обязательно были контакты, основанные на сотрудничестве. Возможность сотрудничества зависела от менявшихся политических факторов. Во-первых, на это влияла позиция самих правителей империи по отношению к полякам и Польше. После смерти Екатерины II уже первые шаги ее сына Павла в отношении поляков давали определенную надежду, что польские подданные смогут занять в государственной системе империи место не ниже русских. Эта надежда усилилась в начальный период царствования Александра I, открыто демонстрировавшего свои симпатии к князю Адаму Ежи Чарторыскому и приверженность идее неустанного привлечения поляков на службу империи Романовых.

Перспективы реализации этой идеи зависели, несомненно, не только от намерений самого царя. Российская политика по отношению к Польше отнюдь не была изолирована от внешней политики Петербурга в целом. На международной арене ее результаты, а в конечном счете, и ее общее направление определялись тем, насколько реальным оказывался тот или иной вариант решения польского вопроса. С соответствующим конкурирующим проектом могла выступить одна из европейских держав, заинтересованная в польском вопросе — Франция. Когда при На-

inslav

полеоне в (1807 г. и особенно между 1809 и 1812 гг.) возрастали шансы на создание какого-либо государственного образования на польских землях, тогда российская политика по польскому вопросу становилась более осторожной, поскольку в Петербурге не хотели дать своим польским подданным повода к «нелояльности». Когда же у поляков не было выбора и они могли рассчитывать только на благорасположение российского императора (так это было до 1806 г. и особенно еще раз с 1813 г.), тогда перспективы настроенности поляков на сотрудничество с российскими подданными империи во имя общего блага и величия их государства вырисовывались намного отчетливее.

Император, однако, не разыгрывал своей польской карты исключительно на политической сцене. Его польская политика претерпевала изменения в зависимости от позиции русского общества, а точнее — настроений политической и социальной элиты — относительно принципов отношений с поляками в рамках империи. На каких условиях эти отношения должны были основываться: на равноправных, или же с позиции силы «господствующего народа», или же с позиции благожелательного интереса к культурным особенностям братского славянского народа?

Ответы на эти вопросы в кругах российской элиты начала XIX в. зависели не только от ее часто анализировавшихся в историографии именно под этим углом зрения экономических интересов, связанных с земельными владениями, полученными на присоединенных территориях Речи Посполитой, и не только от понимания угрозы ее господствующим позициям на самых верхних уровнях государственной власти России, но и от менявшихся ее политических и культурных представлений. Представлений не только среди русских, но, добавим — очевидно, и поляков.

Падение польского государства для большей части просвещенных кругов польского общества оказалось настоящим шоком. Только немногие сразу же решились остро поставить вопрос о причинах столь жестокого приговора, вынесенного их родине. Некоторые замкнулись в частной жизни. Большинство же искало пути адаптации, приспособления к новой ситуации, искало «рационального обоснования» своей дальнейшей деятельности на публичном поприще. Почему можно, почему нужно, почему стоит сотрудничать с институтами, и в том числе с институтами научными, государства, которое присоединило к себе большую часть Речи Посполитой? Ответы на эти вопросы, помимо чисто прагматических аспектов, таких как стремление сделать собственную карьеру, можно было искать именно в области размышлений о культурно-цивилизационном контексте отношений между Польшей и Россией.

На рубеже XVIII–XIX вв. просвещенные поляки располагали, по крайней мере, тремя аргументами в пользу достижения согласия с рус-

inslav

скими: во-первых, это идея о славянской общности; во-вторых, о совместном с русскими служении европейской цивилизации, которую можно распространять и развивать, опираясь на сильное государство; в-третьих, об исторической параллели между ролью Польши в Российской империи и ролью античной Греции в Римской империи. Все три идеи уходили корнями в концепции эпохи Просвещения, однако, претерпели принципиальные изменения и преодолели «кризис» при переходе к эпохе романтизма. В этот переход, который, максимально упрощая, можно было бы определить как эволюцию от «универсализма» просветителей к романтическому «национализму», укладывается весь интересующий нас отрезок времени и избранные нами, характерные для идейных и политических «пиков» той эпохи, примеры.

I

Несомненно, достойным сыном европейского Просвещения был граф Ян Потоцкий (1761–1815) — основоположник связующей поляков с Российской империей идеи славизма, один из первых польских ученых, попытавших счастья на научном поприще в России. В наши дни Потоцкий известен прежде всего как путешественник и автор одного из написанных в прозе шедевров европейского Просвещения — «Рукописи, найденной в Сарагосе». Исследовалось также его творчество и как историка славянских древностей. Научные достижения Потоцкого и то, как принимали ученого в России, детально представлены в труде Рышарда Волошиньского. О концепциях Потоцкого как идеолога российского империализма, основателя евроазиатской геополитики писали Ежи Сковронек и два французских историка Даниэль Бовуа и Доминик Триаир [1].

Хотелось бы обратить внимание на характерную неудачу, которую потерпел Потоцкий при попытке войти в политическую и научную элиту Российской империи. Неудача была тем чувствительней, чем труднее было бы найти видного поляка, который так лояльно и с таким усердием хотел бы трудиться не столько на благо российско-польских добрых отношений, сколько прежде всего ради укрепления мощи самого российского государства — как политической, так и научной.

Кратко напомним: Потоцкий, депутат Четырехлетнего сейма, лично принимавший участие в движении за сохранение Речи Посполитой, отказался от дальнейшей патриотической деятельности, когда король Станислав Август Понятовский присоединился к Тарговицкой конфедерации. Однако он не впал в отчаяние, но сразу же нашел философское решение. И немедленно — в июле 1792 г. — обратился к королю с такими словами: «По сути, это не русским мы подчинились, а судьбе, естествен-

inslav

ному ходу вещей» (Dans le fond ce n'est pas aux Russes que nous avons cedé mais a la destinée et a la nature des choses)[2]. С естественным ходом вещей, с предопределенностью, Я. Потоцкий бороться не хотел. Решил с тем большей страстью предаться своим научным занятиям — изучению истории древних славян. В науке, прежде всего в науке о славянстве, он искал связующее звено между своей прежней отчизной, Польшей, и новым объектом своей политической принадлежности — Российской империей. Открытие славянского мира (сам Потоцкий пользовался этим понятием!) служило ему одновременно и в качестве «золотой середины» между близким его образу мыслей просветительским универсализмом и становившимся все более отчетливым зарождающимся национализмом.

Как историк Сарматии Потоцкий дебютировал еще до избрания его послом на Четырехлетний сейм. После второго раздела Польши увидели свет его очередные труды: Chroniques, mémoires et récherches pour servir à l'histoire de tous les peuples slaves (опубликованы еще в Варшаве в 1793 г.), Voyage dans quelques parties de la Basse-Saxe pour la recherches des antiquités slaves ou vendes (опубликовано уже в Гамбурге в 1795 г.)[3]. В Вене на следующий год вышла еще одна его научная работа о древнем населении Крыма, Кавказа, а также о скифах. Этот труд Потоцкий посвятил «автору» последнего раздела Польши — Екатерине II. Однако кончина императрицы не позволила ей принять посвящения. Но Потоцкий не терял времени даром. Не утратил он и энтузиазма в научной работе. В 1796 г., когда Польша окончательно исчезла с политической карты Европы, он издал (на этот раз в Брауншвейге) очередной труд — Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves. Русские были тут названы истинными славянами (Les Russes sont les Slaves de Novgorod, c'est-à-dire les Slaves véritables). Автор ясно заявил о своих надеждах, что только русские ученые смогут представить миру новые свидетельства о чарующем мире славян и всего пограничья Европы и Азии[4]. С такими надеждами Я. Потоцкий как представитель шляхты Брацлавского воеводства присутствовал на коронации Павла I в Москве. Однако новый царь несколько разочаровал польского ученого, так как приостановил русскую военную кампанию на Кавказе, к которой хотел присоединиться Потоцкий, с тем чтобы лучше узнать историю земель, считавшихся тогда колыбелью славянства. Как писал он сам, у него была надежда присоединиться к военному походу, который возглавлял Валериан Зубов. Ученый сравнивал того с новым Помпеем, призванным «разжечь пламя Истории от факела Беллоны» (rallumer le flambeau de l'Histoire aux feux des torches de Bellone)[5]. Потоцкий не отказался от своих исследовательских планов на Кавказе и предпринял, с царского позволения, собственную поездку из Москвы через Астрахань и Чечню на Кавказ, а оттуда — в Крым[6].

inslav

Карьера Я. Потоцкого в России пошла вверх только по возвращении его из кавказской экспедиции, после нескольких лет интенсивной работы над собранным материалом, результатом чего стал новый труд Histoire primitive de peuples de la Russie, опубликованный в Петербурге уже в 1802 г. Во введении автор не преминул повторить хвалебные слова в адрес гениальной Екатерины II, саму же книгу посвятил ее внуку Александру I, который как раз занял российский престол. В своем новом сочинении Потоцкий старательно избегал обращения к истории Польши, отказался от использования в названии связывающего с прежней отчизной понятия Сарматии. В позднейших учебниках по истории Российской империи, народы, населявшие Восточную Европу в древние времена, он называл просто «народами России». Александр I принял посвященный ему труд, возвел Потоцкого в чин тайного советника и — наверняка по предложению своего польского друга князя Чарторыского — определил его на службу в Министерство иностранных дел[7].

«Histoire primitive» была с интересом встречена и в научных кругах Петербурга. Анонимный автор обзорной статьи по новейшей российской историографии, опубликованной в 1802 г. в сборнике «Корифей, или Ключ литературы», признал сочинение Потоцкого лучшим трудом о России, написанном нерусским исследователем. Потоцкий познакомился с Н. М. Карамзиным, готовившимся тогда занять пост официального историографа при дворе Александра I. Наконец, знаком признания заслуг Потоцкого перед российской наукой стало его избрание почетным членом императорской Российской Академии наук. В 1806 г. на торжественной церемонии по этому поводу председательствовал Николай Николаевич Новосильцев[8]. Однако этот акт ознаменовал, пожалуй, начало заката карьеры Потоцкого на ниве российской науки, заката, обусловленного отнюдь не личными причинами, а, как представляется, политическими обстоятельствами.

И на политическом поприще почетный член императорской Академии наук старался, пока позволяла ситуация, служить России самым плодотворным образом. Пропагандистско-политическая деятельность Я. Потоцкого в России не относится непосредственно к нашей теме. Однако напомним, что период, когда А. Е. Чарторыский оказывал серьезное влияние на политику империи (закончившийся после поражения при Аустерлице), был временем наиболее напряженной работы Потоцкого по обоснованию экспансионистской политики России в Азии. Тогда автор «Рукописи, найденной в Сарагосе» сформулировал целую программу российской экспансии, названную им «азиатской системой». В письмах Чарторыскому, а после его отставки в 1806 г. его преемнику на посту министра иностранных дел — Андрею Яковлевичу Будбергу и, наконец, самому царю Потоцкий детально изложил ряд политических

inslav

проектов на Востоке. Ученый сформулировал цели и методы окончательного покорения Кавказа, высказав вполне современно звучащие соображения о тактике борьбы с «варварским мирком чеченцев». Затем он развивал идеи установления контроля России в торговле с Китаем и устранения путем приобретения влияния в Афганистане монополии Британии в отношениях с Индией. В перспективе же Потоцкому виделась возможность господства России и в Китае, и в Индии, и в Персии, и в Турции[9]. Он не сомневался, что Россия и в дальнейшем должна вести завоевательную политику. Потоцкий отвергал доводы «филантропов, заявляющих, что Россия не должна расширяться, а скорее [должна] заселять свои пустующие пространства (в Сибири. — *А.Н.*)». Опережая почти на два века аргументы экологов, он утверждал, что пространства Сибири следует оставить ее исконным обитателям — «кунам и черным лисам», которым грозит истребление в случае слишком плотного заселения этих территорий. Взамен же он предлагал подчинение народов Средней Азии, имея в виду в качестве конечной цели установление господства в Китае, стране с самой большой численностью населения[10].

При этом Я. Потоцкий искренне верил, что расширение России будет служить делу просвещения, неся его благодатное воздействие ныне прозябающим во мраке азиатским народам. Отвечая на вопрос, поставленный ему князем Адамом Казимиром Чарторыским, отцом министра иностранных дел России, следует ли рассчитывать на возможность убедить покоренные народы в том, что они станут счастливы при правительстве, которое выведет их из анархии, Потоцкий, вероятно, не вполне сознавал, что вопрос этот касается не только азиатских народов, но также и поляков, которых под тем же самым лозунгом высвобождения из состояния анархии присоединили к России. Он, однако, заверял старого князя, что, по крайней мере, дети того поколения, при жизни которого произошло подчинение, оценят уже счастье, выпавшее на их долю: «Что касается просвещения — оно придет» (Quant aux lumières elles iront)[11].

Ему самому во время его поездок по азиатской части территории России встречались «тени прошлого» — те, кто участвовал еще в борьбе против присоединения Польши к просвещенной империи. Так, например, в окрестностях Иркутска, где осенью 1805 г. он познакомился с барскими конфедератами, которые, находясь уже 35 лет в ссылке, попросили соотечественника посодействовать, чтобы к ним прислали католического ксендза, какового они не видели с момента высылки из Польши. Потоцкий, хотя сам был неверующим, отреагировал все же на эту просьбу с пониманием и довел ее до сведения Чарторыского[12].

Польское прошлое, пятно национальной принадлежности были неотделимы от автора «азиатской системы». Когда сначала пало влияние при дворе князя Чарторыского, а потом, в 1807 г., когда Россия выну-

inslav

ждена была заключить с Францией Тильзитский мир, санкционировавший возрождение польской государственности по воле Наполеона, а не Александра, — тогда все надежды Потоцкого преуспеть на политической сцене и возглавить азиатский департамент в Министерстве иностранных дел рухнули. Несмотря на его бесспорную искренность и значимость его услуг, его желание быть полезным империи, Потоцкому все же не удалось до конца преодолеть барьер недоверия, поскольку он был поляком.

Сам он расценивал это как личное несчастье, которое одновременно не позволяло также обрести покой его отчизне — под сенью российского орла. Как только созданное по воле Наполеона княжество Варшавское усилилось и увеличило свою территорию после победы Франции в войне с Австрией (1809 г.), Потоцкий понял, что ничего хорошего из этого не выйдет. Он писал своей сестре: «Так всегда в Польше. Патриотизм — это болезнь, которой заражается каждое новое поколение. Я родился в центре этой эпидемии, погубившей наших отцов. И, возможно, я увижу гибель и следующего поколения» (Et cela toujours été en Pologne. Le patriotisme y est une maladie que génération doit s'infecter. Je suis né au milieu de épidemie, qui a ruiné mes pères, et puis je vois la ruine de la génération suivante) [13]. Эта болезнь патриотизма охватила также и его ближайших родственников: уже взрослые сыновья историка вступили в армию княжества Варшавского. Хотя Потоцкий в Петербурге по-прежнему продолжал писать свои, правда, уже менее значительные труды — по истории и археологии южных губерний России (Херсонской, Подольской и Волынской) и возобновил работу над археологическим атласом европейской России, однако ему не удалось вновь укрепить свои ни политические, ни научные позиции.

Н. М. Карамзин, несомненно, знакомый с большинством весьма существенных для того времени трудов Потоцкого о праистории славян, не упоминает о них в подготовленных им тогда томах «Истории государства Российского». Основоположник русской историографии цитирует только одно менее важное исследование Потоцкого «Путешествие по странам Нижней Саксонии» (Voyage dans quelques parties de la Basse-Saxe) [14].

Разочарованный отношением к себе в Петербурге, Потоцкий в 1812 г., наконец, покинул столицу и поселился в своем имении в Подолии. В этот последний период своей жизни он все интенсивнее принялся сотрудничать с расположенным неподалеку, в Кременце, польским научным центром, учрежденным Тадеушем Чацким. Здесь он писал и публиковал свои последние книги [15]. Здесь же 11 декабря 1815 г. Я. Потоцкий скончался, приняв решение по собственной воле уйти из жизни.

inslav

Почему же удача обошла Я. Потоцкого стороной? Почему он не был признан выдающимся ученым Российской империи? Почему в наше время мало кто знает о его научных трудах, во многих отношениях пионерских в области изучения древнейших времен в истории славян и их азиатских соседей? Почему ни как деятель науки, ни как идеолог политики евразийства он не вошел в живую ткань российской жизни, а его научное наследие осталось невостребованным?

Очевидно, можно ограничиться самым простым ответом: его труды не были столь интересны и столь важны, чтобы впоследствии не оказались забыты. Об этом могут спорить историки науки и исследователи истории российской политической мысли. Нам, однако, представляется необходимым при ответах на поставленные здесь вопросы принимать во внимание значение политического контекста — той самой, дающей о себе знать в отношениях между поляками и русскими в начале XIX в. «болезни патриотизма». О ее влиянии на реальную ценность научных контактов между корифеями тогдашней культуры обоих народов может лучшим образом свидетельствовать другой пример подобных контактов — короткая история переписки между упоминавшимися выше знакомыми графа Потоцкого: Тадеушем Чацким и Николаем Михайловичем Карамзиным.

II

Шел 1810 год. Тадеуш Чацкий (1765–1813) был тогда не только одним из наиболее известных знатоков польского и литовского права, но и, как сказали бы теперь, одним из «деятелей науки», «организаторов науки» своего времени. В прошлом он активно участвовал в патриотическом движении последних лет Речи Посполитой. Лишь благосклонность Павла I освободила его от наступивших после разделов преследований, а принятие на себя князем Адамом Ежи Чарторыским обязанностей куратора Виленского учебного округа позволило Чацкому снова броситься в круговорот деятельности на благо Польши, науки и общественного просвещения. Организатор Кременецкого лицея на Волыни не помышлял уже о борьбе с Россией, а намеревался в сотрудничестве с ее государственными институтами, при благосклонности Александра I, поддерживать культурную значимость поляков в рамках Российской империи, укрепить ее своего рода цитаделью просвещения на Волыни, распространявшей бы оттуда свое влияние. И он обращался к идее славянского братства, служения цивилизации Просвещения, которая позволила бы преодолеть национальный конфликт между поляками и русскими. К этому он присовокуплял еще концептуальную идею, которая должна была компенсировать ему (и другим приверженцам окончания

inslav

«славянского спора») ощущение политического поражения, постигшего польскую сторону в этом споре. Это была уже приведенная выше мысль о том, что поляки в Российской империи повторяют роль Греции в империи Римской. Польша должна была стать как бы связующим звеном между западной цивилизацией, европейским Просвещением и доминирующей в политическом плане, но пока отстающей в культурном отношении Россией. Наиболее кратко суть этой мысли выразил также разделявший ее Станислав Сташиц: «Сольемся с Россией, просветим ее, возьмем ее мощь, а она пусть возьмет от нас просвещение» [16].

Тадеуш Чацкий, как и Ян Потоцкий, встречался с русскими коллегами, в частности и как член Московского общества истории и древностей российских. Издавались переводы его трудов на русский язык. Российские ученые и публицисты начала XIX в. цитировали его сочинения. В петербургской прессе также упоминалось и о его деятельности как организатора просвещения. Однако и он не избежал подозрений в политической нелояльности, как только начала создаваться «конкурирующая» с проектами Александра I Польша — княжество Варшавское. В 1807 г. под стражей он был доставлен в Петербург, где ему предъявили обвинение в шпионаже в пользу Наполеона. Но царь явно встал на его защиту, и Чацкий, после снятия всех обвинений и фактически укрепивший свои позиции, вернулся в Кременец. В 1810 г. в научной иерархии и административной структуре империи он занимал безусловно важное место. Фактически Чацкий являлся вторым лицом, после Чарторыского, в Виленском учебном округе [17].

Летом того же года он обратился к Н. М. Карамзину с просьбой помочь ему отыскать источники по истории Польши в московском архиве, в частности прислать копию Волынской летописи. Карамзин, официальный историограф, также приверженец идей Просвещения, ответил Чацкому чрезвычайно любезным письмом, содержавшим не только обещание оказать содействие польскому коллеге, но и своего рода идейный манифест о беспристрастном сотрудничестве ученых. «Мы оба ревностно занимаемся одним предметом для чести и пользы нашего общего отечества, — писал Карамзин, — оба любим истину и добродетель везде, где находим ее. Пристрастия, свойственные черни, не извинительны в историке. Все народы в глазах его составляют одно семейство человеческого рода. Среди гробов и развалин позволит ли он себе быть эхом злословия, рождаемого страстями? Ляхи и россияне ненавидели друг друга, но историки их, говоря о веках прошедших, не ослеплены предрассудками современников» [18]. Далее Карамзин выразил заинтересованность исследованием Чацкого о евреях в Таврии и также обратился с просьбой к польскому коллеге прислать материалы по истории Дмитрия Самозванца. В конце письма он замечал, что учиться

inslav

польскому языку его заставило знакомство с трудами Адама Нарушевича и потому теперь он может понимать родной язык Чацкого.

Польский историк отвечал в не менее примиренческом и возвышенном духе: «Мне будет приятно трудиться на одной с Вами стезе писания истории. Столько появилось и угасло поколений: ненависть и предрассудки были наследием. Над могилой моей отчизны и над нашими общими могилами воскурим благостный фимиам и представим правду такой, как она есть». Характерным является небольшое различие в аргументации Карамзина и Чацкого по поводу согласия польских и российских историков. Карамзин говорит об «общем отечестве», Чацкий еще не признает ни Россию, ни империю — собственным отечеством, он говорит о могиле своей отчизны — Польше, признавая, что ее политическое прошлое закончено. Обращаясь к словам российского историка о его интересе к польской истории и польскому языку, Чацкий дополняет призыв к согласию между историками отсутствующим у его корреспондента славянофильским аргументом: «Поздравляю себя, поздравляю всех славян с тем, что история России не останется только на одной ветви славянского языка. Этот язык и в нашей земле покажет [ему] важные памятники далеких наших предков». В принципе все же письма Чацкого и Карамзина написаны в одном тоне. Оба они согласны с тем, что подход к истории многовекового соперничества между поляками и русскими должен быть как к предмету объективного изучения, не окрашенного эмоциями прошлых лет, справедливо оценивающего добро и зло, шедшее от обеих сторон, участвовавших в конфликте, и одновременно воздающего честь героям прежних сражений — также обеих сторон. Как бы в доказательство своих благих и честных намерений Чацкий обещал прислать Карамзину копию акта детронизации королевича Владислава IV с московского престола, хотя документ этот, как писал он сам, свидетельствовал о «прегрешениях» поляков, вызванных «злоупотреблением [их] победами». Свое письмо польский историк закончил общим, но актуальным обращением: «Давайте вместе искать свидетельства, чтобы потомкам нашим мы правдиво и без опасений рассказали все, что было на самом деле» [19].

Искали ли Карамзин и Чацкий вместе «свидетельства» по польско-российской истории — не знаем. Однако точно известно, что на деле эти поиски, и особенно их цель и результаты, обе стороны представляли себе по-разному. Чацкий, как и другие поляки, находившиеся на службе Российской империи, не мог не помнить о нашумевшем выступлении российского писателя, опубликованном в Москве в 1802 г. — «Историческом похвальном слове Екатерине Второй». В тексте его, изданном одновременно также на немецком языке, Карамзин со всей определенностью изложил свою позицию в отношении Польши. Он прямо

inslav

утверждал, что там царила жестокая тирания магнатов и что народ ее смог вздохнуть свободнее только при правлении трех соседних государств. Никто не жалеет Польшу — категорически утверждал автор «Бедної Лизы»[20]. Когда в следующем году новый куратор Виленского учебного округа князь Адам Чарторыский попросил Карамзина найти самого лучшего преподавателя русского языка для обновлявшегося Виленского университета, знаменитый писатель явно уклонился от этой просьбы. Вскоре оказалось, что занятия должны будут проводиться на французском[21].

Карамзин явно отходил от «универсализма» Просвещения всякий раз, как только сталкивался с политическими последствиями польского вопроса для Российской империи. Он был апологетом «здравого смысла», политики силы и националистически понимаемых интересов государства. Чацкий уже не узнал, да и не мог узнать, что спустя едва лишь год после того, как они обменялись возвышенными по стилю письмами, Карамзин обратился к Александру I с открытым предостережением об ошибочности его благорасположения к полякам. Представленная царю в марте 1811 г. и долгое время хранившаяся в тайне в императорском архиве записка «О древней и новой России» не была, как это обычно считается, только апологией самодержавия, а была настоящим горячим протестом против каких бы то ни было планов, могущих привести к восстановлению польской государственности даже под российским протекторатом. Вспомним, что это было время, когда Александр I вел сложную дипломатическую игру с Наполеоном, определявшую будущее Восточной Европы. Перед лицом усилившегося тогда княжества Варшавского он выдвинул идею создания «альтернативной Польши» — в составе собственной империи, пытаясь найти сторонников этого проекта среди литовских магнатов. Придворный историограф смело возражал своему государю, что непременным условием безопасности России является то, что Польша не должна существовать ни в какой бы то ни было форме, ни под каким бы то ни было названием[22].

Новая война с Наполеоном закончилась триумфом России, в результате которого вновь была перекроена политическая карта Восточной Европы. Несмотря на противодействие значительной части российской элиты, мнение которой выражал Карамзин, императору Александру I удалось, наконец, реализовать свою польскую «излюбленную идею» (idée favorite). Установление согласия поляков с русскими стало почти официальной государственной политикой. Ее обоснование славянским братством и общей европейской цивилизованностью верхних слоев общества непосредственно после 1815 г. было принято как своего рода идеологическая априорность. Более того, те из поляков, кто добавлял к этому еще идею духовного предводительства их

inslav

отчизны в государственном союзе с материально более сильной Россией, могли убедиться, что эта идея почти воплощалась в жизнь у них на глазах. Польша имела конституцию — а у русских таковой еще не было, император намеревался использовать Варшаву в качестве своеобразной экспериментальной модели, прежде чем распространить ее на Петербург и Москву.

Такая ситуация подогревала все возрастающий протест среди просвещенных слоев российской молодежи, сознание которой было разбужено действительно великими победами над Наполеоном. Просвещенные молодые люди не хотели быть «гражданами второго сорта» в своем государстве, а именно так они чувствовали себя по сравнению с поляками, которым, по их мнению, отдавал предпочтение император. В свою очередь, часть польской элиты рассматривала свой «альянс» с императором как первый шаг к полному удовлетворению стремлений, направленных на присоединение к Королевству Польскому отторгнутых земель, т. е. литовско-украинских губерний. В условиях официального политического согласия развитие научного сотрудничества шло успешно как никогда прежде. Однако ни одна из сторон не утратила ощущения конфликта. Можно ли было заняться его историей? Можно ли было писать о ней спокойно, объективно, беспристрастно — только лишь с целью донести правду до будущих поколений?

III

Воспоминания о недавней борьбе, в которой Речь Посполитая потерпела поражение, были еще свежи — и для поляков, и для русских. Характеризуют эту ситуацию другие, возникавшие время от времени контакты между корифеями польской и российской культуры того периода. Российскую сторону в этом примере представляет снова Карамзин, польскую — Юлиан Урсын Немцевич. Российский историк после публикации первых томов своей «Истории государства Российского» продолжал интенсивно собирать материалы по особенно интересовавшей его эпохе самозванцев. Немцевич, как автор вначале восторженно принятых даже в Петербурге «Исторических песен» и, прежде всего, «Истории правления Сигизмунда III Вазы», был признан выдающимся знатоком интересовавшей Карамзина проблемы. При посредничестве своего родственника и воспитанника Петра Андреевича Вяземского, служившего в канцелярии Н. Н. Новосильцева в Варшаве, Карамзин справлялся у польского писателя о полезных для него книгах и источниках. В письме, датированном декабрем 1819 г., Вяземский описывает как раз такой случай. Насколько же он характерен! Вот Немцевич, бывший товарищ Т. Костюшко по шлиссельбургскому

inslav

заключению, рекомендует российскому историку редкую книгу об эпохе Сигизмунда III Вазы, сообщая при этом, что найти ее можно только в фондах бывшей библиотеки Залуских — самого крупного польского научного книжного собрания, вывезенного по приказу Екатерины II в Петербург после подавления восстания Т. Костюшко вслед за плененными повстанцами, среди которых были Костюшко и Немцевич[23]. И вот польский писатель, один из символов польского патриотизма, информирует российского историка о книге, символизирующей в свою очередь великое ограбление польской культуры, совершенное Россией. Книга могла пригодиться при написании российской истории. Когда мы еще вспомним, как эта история Карамзиным сочинялась, когда вспомним также, чему именно хотел учить Немцевич польскую молодежь по истории России, тогда мы поймем, насколько хрупким был в ту пору фундамент научного сотрудничества польских и российских ученых в изучении истории этих народов.

В своей «Истории государства Российского» Карамзин, по крайней мере, не старался оставаться беспристрастным в изображении польско-украинских, а позднее польско-московских отношений. Для него это была не просто история многовековой борьбы, но история извечной национальной ненависти, конец которой никакое согласие положить не может. Такой подход проявился уже в первых томах «Истории» и утвердился впоследствии — в томах, освещающих войны XVI в., особенно в последнем, вводящем в период «великой смуты»[24]. В свое время Василий Осипович Ключевский верно заметил, что, возможно, Карамзину не вполне удалось понять историю России, но несомненно силой своего литературного таланта он заставил россиян полюбить эту историю. Можно добавить, что он связал в сознании поколений русских эту любовь к собственному прошлому с непримиримой враждебностью по отношению к Польше[25].

Российский абсолютизм рубежа XVIII–XIX вв., охотно подхватывавший образцы и лозунги европейского Просвещения, отступал здесь перед зарождавшимся при столкновении с польским вопросом российским национализмом[26]. Польский народ был решительным образом вычеркнут Карамзиным из числа лояльных подданных империи. Нигде российский историк не выразил этого более отчетливо, чем в своем драматическом разговоре с императором Александром I, состоявшемся в октябре 1819 г. Приведем только одно суждение из представленного тогда императору «Мнения русского гражданина»: «Нет, государь, никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками»[27].

С другой стороны, к такому же заключению приходил и Ю. У. Немцевич, занимаясь историей конфликта между двумя народами. На то,

inslav

что Карамзин в своих трудах пользовался презрительным названием «лях» для определения исторических врагов России, Немцевич отвечал словом «московит» (moskwicin). Разница состояла в том, что Карамзин мог беспрепятственно доводить свое видение истории до широкой публики, в то время как Немцевич, поставленный под контроль цензуры и наместника Юзефа Зайончека, должен был вносить в свои труды навязанные ему коррективы, а его «Исторические песни» были запрещены для использования в качестве учебного пособия в школах Королевства Польского.

Тенденцию в трактовке исторических событий как своего рода пролог к возобновлению спора о восстановлении отдельного, независимого польского государства первым заметил бдительный сенатор Новосильцев. Бывший президент Петербургской Академии наук теперь занимался в Варшаве тем, что следил за проявлением нелояльности со стороны польских подданных императора[28]. Начатая Новосильцевым с 1823 г. кампания по раскрытию польских молодежных конспиративных организаций в Вильно означала переход от скрытой фазы напряженности в межнациональных польско-российских отношениях к ее открытой фазе. Империя становилась орудием защиты интересов и чести «московитов». Поляки, а также и польские ученые все более отождествлялись со стереотипом готового к предательству и бунту «ляха». Отсюда уже было недалеко до восстания в ноябре 1830 г. и польско-русской войны 1831 г., до антипольской лирической трилогии А. С. Пушкина и целому потоку антирусских сочинений, созданных пророками «эмиграции».

IV

Было ли такое развитие детерминированным, неизбежным? Созревание национального самосознания, формирование национализма Нового времени, очевидно, не являлось следствием только исторического труда Н. М. Карамзина, повестей Ю. Немцевича или политических интриг сенатора Н. Н. Новосильцева. Их идеологическая и политическая заостренность и влияние на сознание обоих народов были скорее проявлением, нежели источником этого явления, полное описание которого выходит за возможности и хронологические рамки данной статьи. Обращаясь к научному творчеству и биографии Яна Потоцкого, к переписке между Чацким и Карамзиным, мы хотели указать лишь на тот факт, что по крайней мере до 1823 г. можно видеть иную модель развития отношений (в том числе и в научной сфере) между поляками и русскими в рамках государственно-политической системы империи. Модель, которая в своем развитии могла бы привести к сгла-

inslav

живанию межнациональных конфликтов. Модель, открывшая бы для польских ученых, также как для представителей польских политических, военных и предпринимательских кругов, в сравнении с их российскими коллегами-соперниками равные возможности карьерного роста и самореализации. В этом случае мы имели бы примеры выдающихся деятелей не только польского, а общеимперского уровня, получивших известность в той или иной сфере в масштабах всего цивилизованного (ученого) мира. Ценой принятия таких, впрочем, весьма привлекательных перспектив было бы лишение империи ее национального «русского» содержания, ее превращение в империю «славянскую», представлявшую европейское Просвещение на Востоке Европы и в Азии, а не в «российскую» в том значении, какое придавал державе русских царей Карамзин.

О том, что такая перспектива выглядела вполне реальной, может свидетельствовать не только приведенный здесь пример Я. Потоцкого. Неожиданно это подтверждает также и детально исследованная история знаменитой рецензии на сочинение Карамзина, которую представил российской публике Иоахим Лелевель. Она уже неоднократно была проанализирована исследователями как предсказание предстоящей национальной борьбы, а также с позиций оценки роли Лелевеля в подготовке этой борьбы и его руководящей роли в период восстания 1830 г. и в эмиграции. Здесь речь о знаменитой рецензии пойдет в другом контексте.

После выхода в свет в 1818 г. первых восьми томов «великого труда» (opus magnum) Карамзина на протяжении нескольких лет он постоянно оставался центром дискуссий во всех просвещенных слоях русского общества. Фаддей Венедиктович Булгарин, занимавшийся в Петербурге подготовкой издания нового журнала «Северный архив», когда-то сотрудничавший в виленских «Вядомосцях бруковых», решил уговорить профессора Виленского университета И. Лелевеля написать критический разбор сочинения Карамзина. Это должно было стать сенсацией. Против громадного авторитета придворного историка должен выступить молодой, но уже пользующийся признанием и в российских научных кругах историк. К написанию рецензии Лелевеля склонял и другой выпускник виленской «альма-матер» востоковед Осип Иванович Сенковский, как и Булгарин, надеявшийся сделать карьеру в российской столице. Последующая деятельность Булгарина и Сенковского исключает предположение, что их предложение Лелевелю было продиктовано соображениями патриотического характера. Речь не шла, по всей видимости, и о своего рода польском научном реванше в ответ на антипольскую «Историю» Карамзина. Издатель руководствовался всего лишь коммерческим расчетом, надеясь на при-

inslav

быль от продажи журнала. В случае удачи укрепилась бы и позиция Лелевеля в российской науке, поскольку в то время в обществе преобладало критическое отношение к Карамзину.

В ноябре 1822 г. в «Северном архиве», наконец, появилась первая часть рецензии Лелевеля, в которой рассматривалось «Введение» к I тому сочинения Карамзина. Как и ожидал Булгарин, стрела попала в цель. Молодой виленский профессор был поражен тем откликом, который получила его публикация в Петербурге. Уже в январе 1823 г. он писал отцу, что его рецензия была доброжелательно принята государственными мужами империи (из враждебного Карамзину либерального лагеря) и, возможно, ее читали даже великие князья, т. е. занявший позднее престол Николай I и Михаил Павлович, которым она понравилась. С удовлетворением отмечал также Лелевель, что он получил «письмо чрезвычайно любезное» от бывшего канцлера Николая Петровича Румянцева. Язык своих достопочтенных корреспондентов Лелевель знал еще не настолько хорошо, чтобы сам мог писать на нем (его рецензию переводил Булгарин). Воодушевленный перспективами, которые сулили быструю карьеру в высших слоях политических и культурно-научных центров Российской империи, Лелевель сообщал отцу, что отныне он будет писать только по-русски [29].

Надежда на успешную карьеру развеялась в миг, когда сенатор Новосильцев раскрыл «гнездо польского заговора» в Виленском университете. В августе 1824 г. был оглашен приговор по делу филоматов, Лелевель в ореоле «подстрекателя безрассудной польской национальности» был выслан из Вильно, и издатель «Северного архива» перестал настаивать на публикации следующих частей рецензии. Вопреки позднейшей патриотической легенде сам Лелевель не был столь уж счастлив, обретя славу мученика за национальное дело. Не приобрел он славы и в российской науке как возможный антипод и преемник Карамзина. Ему не довелось стать первым среди историков в Российском государстве, и не потому, что Лелевель не желал этого, а потому, что этого ему не позволили сделать политические обстоятельства. Как свидетельствовал его доброжелательный коллега по Виленскому университету профессор русской литературы Иван Николаевич Лобойко, «ему, как на смерть, не хотелось из Вильны ехать в Варшаву, но ему велели, и он, как Курбский, сделался врагом России! (...) Находясь в Варшаве, не переставал он мечтать о русской словесности» [30].

* * *

А ведь могло быть иначе. Ян Потоцкий — во главе азиатского департамента Министерства иностранных дел Российской империи, пользующийся уважением своих русских коллег как пионер в изуче-

inslav

нии древнейшей истории восточных славян. Тадеуш Чацкий, плечом к плечу с Н. М. Карамзиным и Ю. У. Немцевичем, изучающие — sine ira et studio — уже ушедшую в прошлое историю польско-российского конфликта. Иоахим Лелевель, увенчанный лаврами как выдающийся историк России, со временем сменяющий Карамзина на посту придворного историографа в Петербурге. Только могли ли в случае такого счастливого стечения обстоятельств польские ученые остаться поляками? Не ожидало ли их в конце пути двусмысленное положение, в каком оказались уже упомянутые Булгарин и Сенковский?

В ситуации вызревания российского национализма, когда одновременно не угасало стремление поляков к независимости, главным препятствием на пути к которой была Россия, доброжелательное, продолжительное сотрудничество польских и российских ученых, во всяком случае, в области гуманитарных наук и особенно в истории, оказалось невозможным. Имперская модель не могла решить этой задачи со взаимоисключающими условиями. Над поляком, делавшим карьеру в России — политическую, культурную, научную, — после 1823 г. и уже, несомненно, после 1830 г. нависала тень обвинения в национальной измене, либо подозрение в ней.

Это состояние общественного сознания уже зафиксировала в литературе вышедшая в 1828 г. в Петербурге небольшая книжечка Адама Мицкевича «Конрад Валленрод». Потребовалось без малого два столетия, чтобы поляки, в том числе и польские ученые, без тени подобных подозрений могли снова встречаться с русскими — как свободные со свободными, как равные с равными, развивая свободное сотрудничество в условиях доброжелательной и корректной дискуссии в рамках общемирового научного процесса.

Перевод Г. Макаровой

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См., например: *Wołoszyński R. W.* Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801–1830. Warszawa, 1974. S. 264–267, 283–291; *Idem.* Polsko-rosyjska współpraca naukowa w badaniach nad dziejami Słowian w początkach XIX wieku. Działalność Jana Potockiego i jej echa do 1830 roku // Z polskich studiów slawistycznych. Warszawa, 1968. Seria 3. Historia. S. 121–135; *Skowronek J.* Jan Potocki — polityk konserwatywny czy liberalny? // Przegląd Humanistyczny. 1972. № 6. S. 17–35; *Beauvois D.* U źródeł panslawizmu: polskie oświecenie i słowiańszczyzna (1795–1820) // Revue des Études Slaves. Paris, 1978. V. 51. Fasc. 1–2. P. 33–42; *Idem.* Les sinuosités politiques du comte Jean Potocki // Europe. Revue littéraire mensuelle. Mars, 2001. P. 26–45; *Triaire D.* Potocki, essai. Arles, 1991. P. 69–148.

2 Я. Потоцкий — Станиславу Августу Понятовскому. Июль 1792 г. Цит. по: *Potocki J.* Écrits politiques / Подгот. D. Triaire. Genève, 1987. P. 109.

inslav

3 Можно добавить, что во время пребывания в Германии Потоцкий подружился с принцем Генрихом прусским — главным участником переговоров 1770 г. в Петербурге о первом разделе Польши. См.: *Kotwicz W.* Jan hr. Potocki i jego podróż do Chin. Wilno, 1935. S. 16.

4 См.: *Potocki J.* Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves. Brunsvic, 1796, 1. P. 10–11.

5 *Potocki J.* Mémoire sur un nouveau Péryple du Pont-Euxin. Vienne, 1796. P. 5–6.

6 См. отчет Я. Потоцкого об этой поездке: Voyage à Astrakhan et du Caucase. Paris, 1829. Vol. 1–2.

7 См. подтверждение этой информации в комментарии D. Triaire'a, относящегося к «российскому этапу» политической деятельности Я. Потоцкого — в: *Potocki J.* Écrits politiques. P. 129, о благосклонном принятии царем сочинения Я. Потоцкого сообщала также «Gazeta korespondenta warszawskiego i zagranicznego» // Приложение к № 92 от 16.11.1802. S. 1164.

8 См.: *Woloszyński R. W.* Polsko-rosyjska wspólpraca... S. 123–125; *Krakowski E.* Un témoin de l'Europe des Lumières — Le comte Jean Potocki. Paris, 1963. P. 207 — сообщает сведения о сближении Потоцкого с Карамзиным в Петербурге в этот период.

9 Наиболее полный обзор «азиатской системы» графа Потоцкого содержится в его политических письмах: Écrits politiques — особенно см. p. 135–136, 144–145, 185–191.

10 См. копию письма Я. Потоцкого князю А. Чарторыскому от 9 августа 1805 г. из Томска (Biblioteka PAN w Krakowie. Rkps 1780. K. 148–151), оно опубликовано в: *Potocki J.* Écrits politiques. P. 168 в польском переводе этого письма (*Potocki J.* Podróże / Oprac. L. Kukulski. Warszawa, 1959. S. 436). Заметно вмешательство цензуры там, где Потоцкий переходит к изложению официальной российской политики в Азии в маккиавеллиевском прямо-таки духе!

11 См. письмо Я. Потоцкого князю А. Чарторыскому (начало 1805 г.) в: *Potocki J.* Écrits politiques. P. 162.

12 См. письмо Я. Потоцкого А. Чарторыскому из Иркутска от 20 сентября 1805 г. в кн.: *Францев В.А.* Последнее ученое путешествие графа Яна Потоцкого. 1805–1806. Прага, 1938. С. 12.

13 Письмо Я. Потоцкого Марии Жевуской от 10 октября 1809 г. (Biblioteka PAN w Krakowie. Rkps 6183 (listy J. Potockiego do siostry). K. 46, письма Потоцкого сестре). Несколько раньше, в письме, датированном 1 апреля 1809 г., он писал не менее убедительно: «Вся европейская система меняется, и поляки; как и всегда, становятся жертвами обмана» (Там же. K. 31).

14 См.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1842. Кн. 1. Т. 1. Примеч. 154, 190, 190.

15 См.: *Beauvois D.* Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803–1832. (Szkoły podstawowe i szkoly średnie). Lublin, 1991. T. 2. S. 326, 329.

16 С. Сташиц Каэтану Козьмяну в кн.: *Koźmian K.* Pamiętniki. Wrocław, 1972. T. 2. S. 197. Об этой идее как о попытке обоснования польско-российского согласия см., в частности: *Klarnerówna Z.* Slowianofilstwo w literaturze polskiej lat 1800 do 1848. Warszawa,

inslav

1926. S. 57–62; *Ujejski J.* Dzieje polskiego mesjanizmu do powstania listopadowego włącznie. Lwów, 1931. S. 159–165; *Nowak A.* Między carem a rewolucją. Studium politycznej wyobraźni i postaw Wielkiej Emigracji wobec Rosji 1831–1849. Warszawa, 1994. S. 20–22.

17 См., например: *Osiński A.* O życiu i pismach Tadeusza Czackiego. Krzemieniec, 1816. S. 203–204, 392–394; *Rolle M.* Tadeusz Czacki i Krzemieniec. Lwów, 1913. S. 68; *Beauvois D.* Szkolnictwo polskie... V. 2. P. 72–74; *Woloszyński R. W.* Polsko-rosyjskie związki... S. 318–319.

18 Письмо Н. М. Карамзина Т. Чацкому от 4 августа 1810 г. (по ст. ст.). (Bibliteka Czartoryskich w Krakoiwie. Rkps 1183. S. 688–689) (материалы Т. Чацкого), перевод этого письма на польский язык опубликовал А. Осиньский (op. cit. S. 390–392); первое письмо в этой переписке (Чацкого — Карамзину) до сих пор остается неизвестным. Его содержание можно воссоздать, исходя из ответа российского историка.

19 Все цитаты из письма Чацкого Карамзину приводятся по единственной известной (не датированной) копии, опубликованной в: Atheneum. Wilno, 1847. Z. 5. S. 193–196.

20 См.: *Карамзин Н. М.* Историческое похвальное слово Екатерине Второй. М., 1802. С. 40–41. Ср., например: *Serejski H.* Europa a rozbiory Polski. Studium historiograficzne. Warszawa, 1970. S. 171–174; *Woloszyński R. W.* Europa późnego oświecenia a Polska — dzieje pewnego stereotypu // Pamiętnik X Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Lublinie 17–21. IX. 1968 r. Referaty. Warszawa, 1968. T. 1. S. 252–253; *Głębocki H.* Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866). Kraków, 2000. S. 27–28.

21 См.: *Лебенка Ю.* Письмо Н. Карамзина к попечителю Виленского университета князю А. Чарторыйскому // Русская литература. 1967. № 2. С. 116.

22 См.: *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России... М., 1991. С. 42, 53; о самом происхождении «Записки» см.: *Pipes R.* Введение к «Karamzin's Memoir on Ancient and Modern Russia. A Translation and Analysis». Cambridge (Mass.), 1959. S. 3–100; *Kucharzewski J.* Od bialego caratu do czerwonego. Warszawa, 1931. T. 4 (Wyzwalanie ludów). S. 189–192. Более подробно о месте, которое занимали взгляды Карамзина в контексте формирования русской политической и общественной мысли начала XIX в., см.: *Black J. L.* Nicholas Karamzin and Russian Society in the Nineteenth Century: A Study in Russian Political and Historical Thought. Toronto, 1975; *Mitter W.* Die Entwicklung der politischen Anschaungen Karamzin // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte 1955. B. 2. S. 165–284; *Nowak A.* Jak rozbić rosyjskie imperium? Idee polskiej polityki wschodniej (1733–1921). Kraków, 1999. Wyd. 2. S. 18–22; *Idem.* Radzieckie biografie Karamzina // Przegląd Historyczny. 1986. T. 77. Z. 4. S. 745–751.

23 См. письмо П. А. Вяземского Александру Ивановичу Тургеневу от 26 и 27 декабря 1819 г. в: Z notatników i listów księcia Piotra Wiaziemskiego / A. Kępiński i R. Łużny. Kraków, 1985; Ср.: *Wołoszyński R. W.* Polsko-rosyjskie związki... S. 328–330.

24 *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1988 (репринт издания 1842–1844 гг.), например, наиболее характерные замечания, серьезно расходящиеся с продекларированной ранее в письме Т. Чацкому позицией о беспристрастности историка: Кн. 1. Т. 2. С. 75; Т. 3. Прим. 77, 198; Т. 4. Прим. 103; Кн. 3. Т. 11–12 — passim. Анализ взглядов Карамзина на историю Польши представлен в: *Black J. L.* Interpre-

inslav

tations of Poland in Nineteenth Century Russian Nationalist-Conservative Historiography // The Polish Review. 1972. Vol. 17. № 4. P. 20–41; из новейших работ см. также *Blachowska K.* Narodziny imperium. Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku. Warszawa, 2001. S. 39–94.

25 См.: *Ключевский В. О.* Сочинения в девяти томах. М., 1989. Т. 7. С. 276–277. «По горячим следам» такие же наблюдения о влиянии труда Карамзина сделал находившийся в 20-е гг. XIX в. в Петербурге Ян Замойский — в письме своему брату Владиславу: «Карамзин внушил патриотам, что польский и русский народы ни в коем случае существовать рядом не могут и один из них неизбежно должен либо покорить другой, либо его уничтожить» (письмо от 1 июля 1831 г.) — в: Jeneral Zamoyski 1803–1868. Poznań, 1913. T. 2. S. 312; ср. также воспоминания Ивана Дмитриевича Якушкина (автора проекта цареубийства с целью смыть «позор» его пропольской политики) в: Pamiętniki dekabrystów. Warszawa 1960. T. 2. S. 16–40. Подробнее о влиянии «Истории» Карамзина на зарождающееся в России общественное мнение, имевшем антипольскую направленность, пишет: *Black J. L.* Nicholas Karamzin... P. 129–189; 220–221.

26 Последнее интересное исследование анализа развития российского национализма под этим углом зрения провел *Greenfield L.* Nationalism. Five Roads to Modernity. Cambridge Mass. London, 1992. P. 191–273. См. также заслуживающий внимания анализ роли Карамзина в этом процессе: *Пивоваров Ю. С.* Русская мысль. Система русской мысли и Русская Система // Русский исторический журнал. Лето 1998. Т. 1. № 3. С. 151–178.

27 *Карамзин Н. М.* Мнение русского гражданина // Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина. СПб., 1862. Ч. 1. С. 7.

28 См.: *Gąsiorowska N.* Wolność druku w Królestwie Kongresowym 1815–1830. Warszawa, 1916. S. 244–249; Ср.: *Koźmian K.* Op. cit. T. 2. S. 201–202.

29 Подробнее о происхождении и содержании рецензии Лелевеля на сочинение Карамзина писали: *Mocha F.* The Karamzin — Lelewel controversy // Slavic Review. 1972. № 3. P. 592–610, а также *Galster B.* O Lelewelowskiej krytyce Historii Karamzina; *Idem.* Paralele romantyczne. Polsko-rosyjskie popwinowactwa literackie. Warszawa, 1987. S. 24–48; Ср. также: Listy Joachima Lelewela. Oddzial pierwszy. Listy do rodzeństwa pisane. Poznań, 1878. T. 1 (m. in. listy do ojca z 17. I. 1823 и 22. I. 1824 r. — S. 387, 407).

30 Цит. по: *Попков Б. С.* Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель. М., 1974. С. 20.

inslav

Л. П. Лаптева
(Москва)

РУССКИЙ СЛАВИСТ А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГ (1831–1872) И ЕГО ВЗГЛЯД НА ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

Современник Александра Федоровича Гильфердинга, чешский политик и публицист Ф. Л. Ригер (1818–1903) характеризовал русского ученого такими словами: «Он является одним из первых славистов нашего времени, одним из отличнейших последователей наших Добровского и Шафарика не только в изысканиях, но и в направлении славянском; сочинения его о славянах польских, болгарских и др., замечательные филологические, этнографические и исторические труды о славянах вообще уже неоднократно встречали у наших ученых заслуженное признание. Частые и симпатические статьи Гильфердинга о нашей чешской литературе и народности в русских журналах снискали нашему народу много известности и приязни в величайшем племени всего славянства — племени русском» [1].

Эта оценка говорит о многом. Прежде всего, она свидетельствует о широкой известности трудов русского слависта за рубежами России. Кроме того, цитированные слова принадлежат австрийскому (чешскому) политику, взгляды которого были прямо противоположны Гильфердинговым. Ф. Л. Ригер был одним из самых горячих защитников теории австрославизма, которую Гильфердинг не только не разделял, но и резко критиковал. Да и по польскому вопросу чешский деятель был оппонентом русского ученого. Ригер считал, что поляки борются за свободу, Россия же их угнетает, и это несправедливо с точки зрения гуманности; Гильфердинг же был иного мнения.

Разумеется, значение трудов Гильфердинга для разработки проблем славяноведения далеко не исчерпывается тем, о чем сказал чешский политик. Гильфердингу русская наука обязана возникновением в ней новой области знаний — истории славян. Он практически первым в русской литературе разработал историю славян балтийских [2]. Его сочинения на эту тему — первые подробные исследования; по фактическому материалу они превосходили произведения немецких ученых, а данные по языку и религии балтийских славян прочно вошли в науку.

inslav

Ценнейшим вкладом Гильфердинга в науку являются его работы по истории южных славян. В 1855 г. вышла отдельным изданием его книга «Письма об истории сербов и болгар» [3], которая подробно излагает вопросы заселения южными славянами Балканского полуострова, создания государств, принятие христианства, отношения с Византией и другие проблемы. В сочинении «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» [4], созданном на основании не только исторических источников, но и личного знакомства со славянскими землями, автор впервые освещает многие неизвестные ранее в литературе вопросы. Содержательность и объективность работы получили высокую оценку современников.

Гильфердинг принадлежит к числу зачинателей изучения истории южных славян не только в русской историографии, но и в науке других славянских народов, историки которых впоследствии широко использовали исследования ученого.

Названными произведениями не ограничивается вклад Гильфердинга в изучение славянства. Он исследовал славянские древности, собирал древнеславянские рукописи, переводил некоторые из них на русский язык. Его труды объединены в четырехтомном собрании сочинений [5].

Деятельность столь значительной личности в отечественной науке и культуре второй половины XIX в. нашла широкий отклик у современников. На труды Гильфердинга писались рецензии, его публицистические статьи вызывали полемику. После смерти ученого было опубликовано много воспоминаний о нем, очерков его научной и общественной деятельности. Появлялись в печати материалы о слависте и спустя 15–25 лет после его смерти; о нем имеются также справки в энциклопедических изданиях. Но с наступлением XX в. имя ученого встречается в литературе все реже. В 1931 г. русский славист В. Н. Кораблев, отмечая столетие со дня рождения Гильфердинга, назвал свое сообщение «Забытый славяновед А. Ф. Гильфердинг» [6]. Лишь в середине 60-х гг. XX в. возрождается интерес к трудам ученого. К настоящему времени его жизненный путь, мировоззрение и творчество изучены достаточно подробно [7].

А. Ф. Гильфердинг родился в 1831 г. в Варшаве. Его отец занимал должность директора дипломатической канцелярии при наместнике Царства Польского графе И. Ф. Паскевиче. Получив прекрасное домашнее воспитание и отличную языковую подготовку, А. Ф. Гильфердинг поступил в 1848 г. в Московский университет. Здесь он сблизился с кругом славянофилов — А. С. Хомяковым, К. С. Аксаковым, Ю. Ф. Самариным, И. В. Киреевским и др., что в дальнейшем определило его мировоззрение. По окончании университета Гильфердинг защитил магистерскую диссертацию на лингвистическую тему и поступил на службу в Министерство иностранных дел. Научную работу он начал еще

inslav

будучи студентом и в дальнейшем продолжал изучать историю славян. Своими трудами он приобрел столь высокий авторитет, что в 1856 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук. В 1856–1859 гг. Гильфердинг служил российским консулом в Боснии и использовал свое пребывание в этом регионе в научных целях. По возвращении в Россию ученый служил в Азиатском департаменте МИД, с 1861 г. — в Государственной канцелярии. Свободное от службы время историк посвящал поездкам за границу, главным образом в славянские земли. С 1863 по 1872 г. Гильфердинг служил в канцелярии Комитета по делам Царства Польского, куда был приглашен известным деятелем реформ 60-х гг. И. А. Милютиным. На этом посту Гильфердинг выполнял работу по проектам законоположений о народном образовании в Царстве Польском, о создании Варшавского университета (открыт в 1869 г.), об устройстве административного управления, быта духовенства, о проведении преобразования судебной системы. В связи с этим Гильфердинг часто бывал в Варшаве и других частях Польши и был хорошо осведомлен о польских делах. Одновременно он продолжал начатую ранее публицистическую и общественную деятельность, был в 1868 г. избран председателем петербургского отдела Славянского благотворительного общества (комитета), а также являлся председателем этнографического отдела Русского географического общества. В качестве такового он заинтересовался открытыми в Олонецкой губернии образцами эпической народной поэзии. В 1871 г. он совершил экспедицию в этот край и записал множество былин, которые затем неоднократно издавались [8]. В 1872 г. он вновь отправился в экспедицию, но в дороге заболел тифом и скончался в Каргополе 20 июня этого года.

Как уже упомянуто, Гильфердинг усвоил философскую доктрину московских славянофилов, которую и применил к истории славянства. Согласно его концепции, все славяне имеют объединяющие их самобытные начала и черты, в то же время отделяющие их от прочих народов Европы и мира. Главную черту общности славян Гильфердинг усматривал в православии, которое считал их «исходной религией». Но, как утверждал исследователь, «исходные славянские начала» были «искажены» в ходе истории; например, под влиянием католичества из славянской семьи «исторгнуты» поляки, «изменившие своим самобытным началам».

Философским источником славянофилов были, как известно, немецкая идеалистическая философия и романтические течения, получившие широкое распространение в Европе. В учении Гегеля, например, содержалось утверждение, что каждому народу априорно присуща некая «идея развития», раскрытие которой и составляет сущность

inslav

его истории. К. С. Аксаков, как и другие славянофилы, применял эту мысль к объяснению русской истории, Гильфердинг же — к истории западных славян. Исследования славянофилов были направлены на то, чтобы обнаружить у народов это «неизменное начало», якобы присущее только данному племени. Ввиду этого одни народы резко противопоставлялись другим, в частности славяне — всем остальным. Всю европейскую историю и культуру славянофилы делили на два самостоятельных «мира» — католический, он же романо-германский, и православный, он же греко-славянский. Между обоими мирами они видели коренное различие, чем и объясняли постоянную их вражду друг к другу. С этих позиции подходил к толкованию истории отдельных славянских народов и А. Ф. Гильфердинг.

Таких же славянофильских взглядов придерживался он и в отношении истории Польши. Специальной работы по польской истории ученый не написал, но во многих своих публицистических статьях он весьма определенно высказался по «польскому вопросу». В 1857–1858 гг. он написал труд «Развитие народности у западных славян», который первоначально вышел в Париже на французском языке под названием «Les Slaves Occidentaux», а затем и по-русски, в журнале «Русская Беседа» за 1858 г.[9] В 1861 г. Гильфердинг коснулся польской проблематики в статье «Славянские народности и польская партия в Австрии»[10]. Во время польского восстания 1863 г. Гильфердинг высказался о русско-польских отношениях в открытом письме к чешскому политику Ф. Ригеру[11].

Гильфердинга возмущала позиция чешской прессы и публицистики, которые безоговорочно поддерживали поляков. «Чешские газеты сыплют на Россию и русский народ потоки клеветы, — писал Гильфердинг. — Для них русский человек есть варвар, русский солдат трус и разбойник, русское государство — воплощение злых сил, здание, которое нужно разрушить для блага человечества». — «В лагере восставших поляков такие голоса понятны, — констатирует автор письма. — Западные народы опасаются России и не знают ее, они хотят распада единственной славянской державы». Но от чехов Гильфердинг не ожидал такого «невежества» в деле, столь тесно связанном с историческими и этнографическими условиями славянского мира, как польско-русский вопрос. Он полагает, что Россия отстаивает права народа против «средневекового завоевательного польского аристократизма, как бы он ни прикрывался знаменем европейской демократии». Ведь в польском восстании, по мнению Гильфердинга, речь идет о восстановлении в западной части русских земель «ига польского меньшинства над русской народной массой», о раздроблении русского народа и разрушении русского государства. Автор письма констатирует, что в чешских

inslav

органах печати нет ни одной русской статьи: газеты не хотят вникнуть в положение России. «Какая политическая мысль руководит Вашими соплеменниками в их литературном ополчении против нас? — спрашивает Гильфердинг Ригера. — Пока чехи считали нас сильными, они выражали нам устами своих лучших людей братское сочувствие, а в минуту опасности стали осыпать наш народ, наше войско, наше государство словами вражды и поругания. Чешская журналистика гласно, от имени чешского общества, наносит оскорбления нашему народу и государству», — заканчивает письмо ученый.

Столь страстная защита достоинства России делает честь исследователю; но романтические представления о славянах, порожденные славянофильским мировоззрением, не позволяют ему понять, что политики и зависящая от них пресса руководствуются в практической жизни не принципами абстрактного «славянского братства», а прагматическими расчетами. В данном случае чешским политическим кругам, выражавшим свое мнение через прессу, было выгоднее выступать за польских повстанцев, «борющихся за свободу от российского гнета».

Весьма примечательно высказывание Гильфердинга о том, что сильная Россия вызывала у чехов «братские чувства», а попавшая в затруднительное положение слышит в свой адрес оскорбления.

Более подробно, чем в письме к Ригеру, Гильфердинг изложил свою точку зрения на польский вопрос в статьях, опубликованных в том же 1863 г. в газете «Русский инвалид», откуда они были перепечатаны и в газете «День» [12]. В это время польский вопрос стал для русской общественности «проблемой номер один». В статье «За что борются русские с поляками» [13] автор указывает на то, что «корень борьбы России и Польши теряется в глубине веков». В древности жизнь славянского племени сосредоточивалась преимущественно в Польше и России. Но Польша была ближе к Западу, который «налегал на нее военной силой», и польское племя утратило значительную часть своих земель. Польский народ «вошел в состав западноевропейского мира», Польша «все усвоила от Запада». Уже в XIV в. она принадлежала «всеми стихиями своими» к семье западноевропейских народов [14]. Далее Гильфердинг говорит, что Польша заслонила русскую землю от непосредственного влияния «латино-германской Европы» и способствовала тому, что на Востоке могли окрепнуть зародыши самобытной славянской жизни. Религия русской земли, по мнению Гильфердинга, «взята из мира древнего просвещения», но была иной и не мешала развитию самобытности народа. «Поэтому Польша решила, — продолжает Гильфердинг, — нести католицизм, латинскую образованность, рыцарство другим славянам. Эти стремления разделяла вся страна, все сословия и отдельные лица вплоть до тех шляхти-

inslav

чей, которые дома ходили в лаптях, а в мужицкой стране русской каждый из них выступал знатным барином» [15].

Далее Гильфердинг замечает, что Русь XIV–XV вв. была страной глубоко невежественной: «с одной стороны, она подчинена была диким язычникам литовским, а, с другой стороны, раболепствовала перед ханом татарской орды». По мнению Гильфердинга, Польша воспользовалась этим обстоятельством и решила пробудить к «высшей цивилизации» восточно-христианский мир. Но славянские племена не стремились к «стихиям латино-германской Европы». Темная масса русского народа оказалась «убежищем и хранительницею возможной духовной и общественной самобытности славянского племени, а Польша совершила историческую измену славянскому делу» [16]. Затем Гильфердинг говорит о том, как Польша в XIV в. распространяла свое влияние на восток: присоединила Галицкую землю, навязала наследнице престола брак с литовским князем Ягелло. Влияние Польши распространилось до Смоленска, Киева, Новгорода Северского и Брянска. «Полунасилием» в XV в. Польша упрочивает свое господство над русским народом, констатирует автор статьи. По Люблинской унии 1569 г. Литовско-русское государство соединяется с Польшей воедино, а Брестская уния объединяет и церковь [17]. Теперь же поляки «во имя преданий своей истории» вооружаются против Русской земли и тем самым ратуют «против исторической будущности славянского мира».

Однако, рассуждает далее русский ученый, народ восточной Руси не признал превосходства польской цивилизации и захотел остаться при своих жизненных началах, что свидетельствует о развитии в русской земле сознания ее внутренней самобытности. Но особенно большое значение в русско-польском вопросе имели, по мнению Гильфердинга, реформы Петра I. Они отняли у польской пропаганды на Руси разумную цель и упразднили, так сказать, историческую задачу Польши в отношении русской земли. Пока Польша была образованна, а Россия невежественна, вопрос был еще сомнителен, какой стороне принадлежит будущность в славянском мире. А при Петре I русская земля окрепла до такой степени, что для нее оказалось возможным принять западную науку и образованность, не отказываясь не только от своей внешней независимости, но и от внутренней самобытности своей жизни. Дело Польши в русском мире «устранялось» реформами Петра, русская земля воспользовалась плодами западной цивилизации без польского посредничества [18].

Из этого рассуждения Гильфердинга видна положительная оценка ученым исторического значения реформ Петра I для России, в чем отказывали им более ранние русские славянофилы. Однако в дальнейшем, по мнению ученого, Россия, перед которой Польша была в XVIII в.

inslav

«совершенно беспомощна», сделала большую историческую ошибку, применив принцип, «чуждый славянским понятиям», а именно установив в землях, приобретенных при разделах Польши, крепостное право вместо того, чтобы его уничтожить. Тем самым Россия, как полагал Гильфердинг, узаконила владычество шляхетского меньшинства поляков над миллионами русских людей. Поэтому поляки и продолжали считать себя господами западнорусских земель и не теряли надежды восстановить здесь свое политическое господство, что и приводило к восстаниям против России. В целом, полагал исследователь, «борьба поляков с Россией есть результат всей прежней истории, привившей славянскую Польшу к чужому организму, к миру латино-германскому, сделавшей ее носительницей чуждых славянскому племени исторических начал» [19].

Далее Гильфердинг перечисляет все выступления поляков против славян. Так, в 1848 г. они выступили за мадьяр, т.е. угнетателей сербов, хорватов и словаков; в 1854 г. выступили против христианской и славянской России в защиту турецкого мусульманства, в 1862 г. — командовали турецкими войсками для завоевания Черногории [20].

Следует отметить, что, перечисляя «прегрешения» поляков против славянского мира, Гильфердинг в вопросах социальных стоит на высоте своей эпохи. Он решительно осуждает крепостное право, что также свидетельствует о принадлежности ученого к рядам классиков славянофильства, которые, как известно, все — без исключения — высказывались против крепостного права, боролись за его отмену, а многие приняли и практическое участие в выработке правовых положений реформы 1861 г. [21] В этом заключался один из прогрессивных принципов дореформенного славянофильства. Гильфердинг же осуждает крепостничество не только как несправедливый социальный институт, но и как явление, чуждое «славянской стихии», для которой якобы характерно демократическое и свободное решение общественных проблем.

Каким образом следует справляться с польским вопросом, Гильфердинг попытался объяснить в статье «В чем искать разрешения польскому вопросу?», опубликованной в газете «Русский инвалид» в июле 1863 г. [22] Гильфердинг заявляет, что «Польша — боль России», а последняя «не может отдать Царства Польского по причине связи Польши с Западными губерниями». Но война за обладание Польшей между великими державами невыгодна для поляков. Ведь если эти державы за нее столкнутся, то от Польши останется только «груда развалин и труп издыхающего народа, как от Чехии после 30-летней войны». «Мы должны держать Польшу ради наших западных губерний, — продолжает Гильфердинг, — ибо если ей предоставить независимость, то 6,5 млн. человек русской народности останутся под властью польского

inslav

меньшинства с 2 270 тыс. поляков и будут ополячены». Поэтому, делает пессимистический вывод русский автор, «нельзя России и Польше ни разойтись мирно, ни учиться вместе ни при каком политическом устройстве» [23].

В другой статье (опубликованной в декабре 1863 г.) под названием «Положение и задачи России в Царстве Польском» [24] Гильфердинг говорит: «Справедливость требует предоставить Царству Польскому самостоятельность. Однако, освободившись от России, Польша, проникнутая „западной стихией", повернется к Западу и обратится против России, так как поляки имеют в своем составе непомерно многочисленный высший класс с его аристократическим духом, с притязаниями на звание и права людей благородных, которым предназначено командовать Россией, представляющейся полякам не иначе как в образах мужика и солдата». Имея о себе и своем народе «непомерно высокое представление», поляки, по суждению Гильфердинга, обязательно заявят свои притязания на господство над русской народностью. Поэтому России «приходится держать в своих руках Польшу ради собственной безопасности; усугубляет положение тот факт, что в Польше построены русские крепости, мощь которых может быть использована против России» [25].

Как видим, позиция Гильфердинга по вопросу о Польше была славянофильской в самой основе, т. е. он рассматривал отношения между Польшей и Россией как борьбу двух «противоположных миров». Что же касается вопроса о так называемом историческом праве, то он ставился не только славянофилами, но и некоторыми идеологами либерального направления, считавшими, что все народы имеют право на свободное существование.

Любопытна в этом смысле позиция чешского политика Ф. Л. Ригера. В упомянутом «Ответе» Гильфердингу он говорит: «Борьба в Польше не есть борьба социальная, а также не борьба за гражданские вольности, но исключительно борьба за народную самостоятельность... Но каждому поляку, который теперь подымает оружие против России, представляется, как конечная цель его усилий, мысль о восстановлении целой старой Польши — как она была до первого раздела». Это значит, говорит далее Ригер, что к возобновленному государству «присоединены будут опять не только Галиция и Познань, Литва и Жмудь, но также и все малорусские края — Украина, Волынь, Подолия — словом, области от Балтийского до Черного моря... Между тем, народность поляков по происхождению и по языку составляет лишь меньшинство, т. к. всего поляков на свете, по Шафарику, не более 9,5 млн. Жители Литвы и Жмуди употребляют язык литовский..., для поляков непонятный». — «Большинство же жителей Галиции, — продолжает автор „От-

inslav

вета", — и вся масса народа... в так называемом „Забранном крае", принадлежит к многочисленному племени малорусскому. Эти земли достались вместе с Великим княжеством Литовским польской короне, и под влиянием польского двора ополячилось там литовское и русское дворянство, и слилось с польской народностью..., тогда как народ остался литовским и малорусским. Старания иезуитов вымогли и так называемую унию, т. е. признание римского главенства, между тем как малорусский народ принадлежал вначале, как и все русские, вполне греческому вероисповеданию, да и продолжал сохранять славянский обряд и церковный язык. Когда русские снова отобрали эти края у поляков, они отменили эту унию и возвратили малорусский народ к православному исповеданию, стараясь изгладить все признаки польского влияния и господства в этих странах, где была колыбель нынешнего русского государства». — «Теперь спрашивается, — говорит Ригер, — имеют ли поляки право требовать этих обширных земель, в которых живет малорусское население, более многочисленное, чем все поляки вместе взятые?». — «Поляки взывают к историческому праву, — продолжает чешский политик, — но земли эти были вначале целые столетия независимыми княжествами русскими и возвратились от поляков снова под русскую державу». Ригер заключает: «Итак, основания права поляков на малорусские края ни один справедливый и понимающий дело [человек] не может признать удовлетворительными» [26].

Таким образом, чешский политик считает, что никакого исторического права у поляков на западнорусские земли нет, и в этом солидаризируется с Гильфердингом. Впрочем, если чешский деятель руководствовался в оценке польского вопроса реальными историческими фактами, то русский ученый опирался на теорию славянофилов, в разработке которой и сам участвовал.

Обсуждая вопрос о путях решения польской проблемы, Гильфердинг останавливается на менталитете поляков и русских. По мнению ученого, польскому характеру свойственны высокомерие, спесь, католический фанатизм и воинственность, развившиеся под влиянием латино-германской стихии, для которой типичны рассудочность и жестокость — именно эта «стихия» и «исказила сущность» славянского происхождения польского народа. Для славян же, сохранивших изначальную племенную самобытность, свойственно добродушие, доброжелательность, отсутствие фанатизма. Кроме того, это — «смирный народ», который не желает никого угнетать, считает Гильфердинг. Если к характеристике поляков можно добавить еще ряд черт — как негативного, так и позитивного свойства, — то «избежавший влияния западной стихии народ славянский» рисуется ученым явно идеализированно, в гердеровском духе. Именно идеализированное отношение

inslav

к русскому народу и славянам вообще — одна из важных черт славянофильских мыслителей. Чтобы объявить русский народ «смирным и добродушным», нужно начисто забыть его историю: кровавые бунты и расправы в допетровское время, восстание Пугачева и другие социальные волнения. Эти явления развивались в «смирном» славянском народе отнюдь не под влиянием «западной стихии», а внутри него самого. Характер нации формируется не под воздействием «внешних стихий», а в зависимости от исторических условий, в которых развивается нация, определяемых множеством факторов, среди которых, конечно, не исключены и внешние влияния.

Однако если взгляд Гильфердинга на русский народ его времени нельзя квалифицировать иначе как идеализм и романтизм, а объяснение причин противоречий между ним и поляками весьма утопично, то привлечение ученым к объяснению польско-русских отношений психологического фактора следует признать плодотворным. В отечественной литературе, как нам представляется, при освещении польско-русских отношений никак не учитывается характер наций, их психология, что является, на наш взгляд, существенным упущением.

В упомянутых статьях Гильфердинг высказался также по крестьянскому вопросу в Польше. Он предлагает русским властям поднять уровень жизни крестьянства, дать ему независимость, наделить землей не только хозяев, но и всех земледельцев, в том числе батраков и т. д., открывая тем самым крестьянству возможность самостоятельного участия в общественной жизни страны путем «крепкой организации» крестьянских общин. Восстановление архаичного института общины в селах Царства Польского, где она давно уже отмерла, было, конечно, идеей утопической, заимствованной из арсенала славянофильской теории, являвшейся краеугольным камнем большинства романтических построений.

Подводя итоги освещению позиции Гильфердинга по польскому вопросу, можно констатировать, что ей свойственны все основные черты славянофильской концепции. Следует, однако, заметить, что ученый стоял на относительно либеральных позициях, в ряде случаев более глубоко и объективно оценивал историю и перспективу польско-русских отношений и возможность решения этого вопроса, чем, например, революционные демократы, безоговорочно поддерживавшие борьбу поляков против России, подходивших к этому вопросу без учета многих важных факторов, т. е. односторонне.

inslav

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Ответ доктора Ригера г. Гильфердингу. Письмо в редакцию чешской газеты Národní Listy // День. 1868. № 28. С. 11.

2 *Гильфердинг А. Ф.* История балтийских славян. М., 1855. Т. 1.

3 *Он же.* Письма об истории сербов и болгар. М., 1855.

4 *Он же.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1859.

5 *Он же.* Собр. соч. СПб., 1868–1874. Т. 1–4.

6 ПФАРАН. Ф.220. Оп.1. Д.7 – Протоколы заседаний коллегии Института славяноведения за 1931 г. № 16.

7 Большинство исследований об А. Ф. Гильфердинге принадлежат автору этих строк. Укажем лишь на некоторые: *Лаптева Л. П.* Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. – 1917 г.). М., 1978. С. 49–61 (и другие по указателю); *Она же.* Проблемы германизации полабских и балтийских славян в русской дореволюционной историографии // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966. С. 171-192; *Она же.* А. Ф. Гильфердинг как историк зарубежных славян // История и историография зарубежного мира в лицах. Межвузовский сборник статей. Самара, 1997. Вып. 2. С. 183–202; *Она же.* А. Ф. Гильфердинг и К. С. Аксаков // Аксаковские чтения... 1985 и 1987 годов. М., 1989; Вып. 2/89; *Она же.* Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872) // Российская сорабистика XIX–XX веков в очерках жизни и творчества ее представителей. М., 1997. С. 30–35; *Она же.* Гильфердинг Александр Федорович // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 245–251; *Она же.* Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой мировой войны (1914 г.). М., 2000. С. 132–151 (и далее по указателю); *Она же.* Славянофильство как основа мировоззрения и научных концепций А. Ф. Гильфердинга // Славянский альманах 2000. М., 2001. С. 96–105.

8 *Гильфердинг А. Ф.* Онежские былины. Изд. 4-е. М.; Л., 1949–1951. Т. 1–3.

9 Текст см.: Собр. соч. СПб., 1868. Т. 2. С. 53–109.

10 Там же. С. 251–262.

11 *Гильфердинг А. Ф.* Письмо к г. Ригеру в Прагу о русско-польских делах // Собр. соч. Т. 2. С. 278–288.

12 Во 2-м т. Собр. соч. три статьи («За что борются русские с поляками», «В чем искать разрешения польскому вопросу» и «Положение и задачи России в Царстве Польском») объединены под общим названием «Польский вопрос», на что и указано в сноске на с. 291.

13 Нами текст статьи использован по изд.: Собр соч. Т. 2. С. 291–312.

14 Собр. соч. Т. 2. С. 295.

15 Там же. С. 296.

inslav

16 Там же. С. 299.

17 Там же. С. 300.

18 Там же. С. 301.

19 Там же. С. 308.

20 Там же. С. 309.

21 Об отношении славянофилов к крепостному праву в России см.: *Цимбаев Н. И.* Славянофильство... М., 1986. Участие славянофилов в подготовке реформы по отмене крепостного права освещено в кн.: *Дудзинская Е. А.* Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983.

22 Собр. соч. Т. 2. С. 312–333.

23 Там же. С. 320.

24 *Гильфердинг А. Ф.* Положение и задача России в Царстве Польском. Впервые опубликовано в газ. «Русский инвалид», перепечатано в газ. «День». Нами использован текст в: Собр соч. Т. 2. С. 333–360.

25 Там же. С. 338.

26 Там же. С. 279–288.

inslav

Б. В. Носов
(Москва)

РАЗДЕЛЫ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В ТРУДАХ ПОЛЬСКИХ И РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв. И СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В задачу настоящей статьи не входит дать развернутый анализ такой существенной проблемы, как отражение разделов Польши в историографии. Мы хотели бы остановиться только на некоторых вопросах, которые, с одной стороны, характеризуют изучение названной проблемы в рассматриваемый период, а с другой — могут послужить отражением научных связей Польши и России.

I

За два века, прошедшие после того, как Россия, Пруссия и Австрия поделили между собой польские земли и уничтожили шляхетскую Речь Посполитую, изучение разделов Польши прошло ряд этапов.

Первый этап: 1795–1815 гг., когда политические процессы в Польше и в Европе в целом, приведшие к разделам, еще не завершились в полной мере и не стали в этом смысле еще достоянием истории, а события недавнего прошлого сохраняли свою политическую актуальность. Исторические сочинения этого периода, написанные непосредственными участниками и современниками событий или же созданные под их влиянием, явились, скорее, памятниками общественной мысли и публицистики эпохи [1]. Они почти сразу приобрели и по сей день сохраняют исключительное значение как исторические источники, хотя сформулированные в них идеи наложили заметный отпечаток и на последующую историографию. Важнейшими из них были: а) вопрос о «вине» политических деятелей за трагедию Польши, решавшийся в духе противопоставления «патриотов» и «изменников»; б) о причинах упадка шляхетской республики, когда осуждению подвергалась политическая «анархия»; в) об ответственности государств-захватчиков. В последнем случае, в зависимости от политических пристрастий авторов, осуждавших захватчиков — «заборцев» в целом, главная вина за разделы возлагалась либо на Россию, либо — на Пруссию, причем обоснованием этого становился тезис о «благородных» и «злых» монархах.

inslav

Таким образом, в пределах представлений своего времени с самого начала был поставлен остающийся и по сей день ключевым вопрос о внутренних и международных факторах разделов и их соотношении.

Примечательно, что приведенные положения были характерны не только для польской, но и для европейской общественной мысли. Они присутствовали и в концепциях российских, прусских и австрийских авторов, которые в рассматриваемый период, отражая тенденции официальной пропаганды своих стран, обосновывали якобы вынужденность участия стран – захватчиков в разделах необходимостью сдерживания экспансионистских планов друг друга, а также иных держав и стремлением уничтожить «якобинскую заразу» в Польше. В русской официальной историографии этого времени выдвигался также тезис о «праве» российской монархии на наследие Киевской Руси и о «воссоединении» русской православной и униатской церквей[2].

II

Второй этап: 1815–1863 гг. В этот период основные положения историографии предшествующего времени в конкретных своих тезисах остались неизменными, хотя с течением времени и под влиянием новых событий преобразилось их политическое звучание. Однако идеологически они пережили существенную трансформацию. Основой для нее послужило разложение сословного строя, формирование наций и национальных государств Нового времени в Центральной и Восточной Европе, складывание в общественном движении буржуазно-демократического лагеря. В связи с этим проблема разделов Польши зазвучала в общественной мысли в контексте «национального вопроса», перспектив польского национально-освободительного движения и темы «народности».

Для развития исторической науки указанного периода было характерно интенсивное накопление и введение в научный оборот разнообразного фактического материала, существенное расширение корпуса историографии и его выделение из широкого потока исторической публицистики. Имея в виду, что в истории науки в целом границы рассматриваемого периода существенно шире, следует отметить, что в это время историография стала в полной мере, с одной стороны, функцией науки, воплощением результатов исторического исследования, а с другой – самостоятельным направлением общественной мысли. К середине XIX в. завершается становление национальных историографических школ и их направлений. При этом, если в большинстве европейских стран в исторической науке преобладали консервативные и либеральные тенденции, то в Польше, напротив, передовые позиции

inslav

в историографии принадлежали демократическому направлению, что, очевидно, было связано с осознанной задачей борьбы за сохранение национальной самобытности и национального освобождения[3]. Вместе с тем основной формой научного творчества этого периода оставались «широкие» труды, призванные описать в целом историю народов, государств, целых эпох, в последнем случае особое внимание привлекала эпоха Великой французской революции и наполеоновских войн. Примеры таких трудов представляет научное творчество Л. Ранке, Г. Зибеля, А. Тьера, Ф. Гизо. Говоря о польской историографии, следует в первую очередь указать на труды И. Лелевеля и Я. Бандке. В российской историографии с рассматриваемым периодом связано опубликование первых томов «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, что представляло собой качественно новое явление в сравнении с трудами Н. М. Карамзина и М. П. Погодина.

Однако основные элементы официозной трактовки в историографии собственно разделов Польши почти не претерпели изменения. К ним были только добавлены дополнительные аргументы, обосновывающие политику европейских монархий национальными интересами. Характерна в этом смысле позиция Ф. Раумера, видевшего причину разделов исключительно в «упадке» польского государства и объяснявшего политику государств-захватчиков необходимостью устранения «пагубной анархии» и «бунтарского духа» Речи Посполитой[4]. Вместе с тем, ставя вопрос об ответственности за разделы, Раумер констатировал, что она ложится не на того, кто первым высказал идею поделить польское государство между соседями, а на того, кто сделал такую политику возможной и реализовал ее. Поставленная проблема ответственности великих держав за разделы Речи Посполитой надолго закрепилась в историографии и рассматривалась по-своему различными национальными школами и отдельными авторами в зависимости от их общественных взглядов и политической ситуации. Характерным в этом отношении стало влияние на европейскую историографию Польского восстания 1831 г.

В русской историографии вплоть до 1863 г. проблема разделов Польши практически не затрагивалась[5]. Однако уже в середине XIX в. в России были достаточно широко известны труды западноевропейских ученых, прежде всего Э. Германа и Г. Зибеля[6], уделивших этой теме значительное внимание. Сочинение последнего по истории Великой французской революции было даже издано на русском языке[7].

Польская историография эпохи разделов формировалась в кругах парижской эмиграции. Наиболее значительным трудом в этой области стала книга И. Лелевеля «Правление польского короля Станислава Августа Понятовского, охватывающее тридцатилетие усилий польского народа в борьбе за существование и независимось», дважды изданная

inslav

в Варшаве в 1818 г. и во время восстания, в 1831 г.[8], а затем — в Париже (1839 г.) и в Брюсселе (1847 г.). С научной точки зрения В. Конопчиньский оценил эту работу основателя польской национальной историографии только как «попытку» описать станиславовскую эпоху[9]. Однако книге Лелевеля принадлежит исключительное значение, поскольку в ней принципиально по-новому был поставлен вопрос об истории Польши второй половины XVIII в., что видно уже из названия.

В целом же, вплоть до 60-х гг. XIX в. проблема разделов Польши не привлекала пристального внимания ученых, ее рассмотрение ограничивалось сугубо национальными рамками, а историографии отдельных стран мало взаимодействовали в этом вопросе между собой. Несмотря на то, что контакты между польскими и российскими учеными в первой половине века были достаточно развиты, мы не располагаем свидетельствами научного обсуждения ими проблем истории российско-польских отношений в XVIII в., не говоря уж о разделах Речи Посполитой. Разумеется, объяснялось это политическими причинами, но были и причины научного характера, связанные с ограниченностью источниковой базы и с отсутствием достаточно развитой историографии, что было характерно применительно к названной теме для всех европейских стран, а не только для России и Польши, для науки которых изучение именно этой проблемы имело особое значение.

III

Польское национальное восстание 1863 г. и последовавшее вскоре за ним столетие первого раздела Речи Посполитой вызвали особый интерес историков к событиям предшествовавшего века в истории Польши, российско-польских отношений, международных отношений в Европе времени правления Станислава Августа. Первыми работами в этой области, ставшими непосредственным откликом на январское восстание, были «История падения Польши» С. М. Соловьева и книги Хенрика Шмита: «История Польши XVIII и XIX в.» и «История правления Станислава Августа Понятовского»[10]. Книга Соловьева вышла в 1863 г., первый том главного сочинения Шмита, посвященного станиславовской эпохе, — в 1868 г. Сочинения Соловьева и Шмита по форме принадлежали к описательным трудам. По своему жанру они целиком соответствовали традициям предшествующего периода. Примечательно, что Соловьев практически не обращался к источникам польского происхождения[11], а Шмит — к русским, при этом польский историк даже не упомянул сочинения своего российского коллеги. Игнорирование трудов российских исследователей, и приведенных в них русских источников было также характерно и для такого значительного польского

inslav

писателя и историка, как Игнаций Крашевский, который в своем трехтомном сочинении «Польша во время трех разделов» [12], опубликованном в 1873–1875 гг., опирался практически на всю современную польскую и европейскую литературу. Такое взаимное умолчание о работах друг друга со стороны как российских, так и польских историков было достаточно красноречиво, хотя его можно было объяснить языковым барьером или затрудненностью научных коммуникаций между польскими землями в составе Австрии, Пруссии и России, оно еще, очевидно, свидетельствовало и о расхождении идейных позиций исследователей. Однако такая ситуация продлилась недолго.

Труды Соловьева и Шмита представляли, тем не менее, принципиально новое явление в историографии. Обе книги были посвящены монографическому исследованию проблемы гибели шляхетской Речи Посполитой, изучению конкретного периода – с 1764 по 1795 гг. Определенные авторами хронологические рамки проблемы, хотя и являются предметом дискуссии, но и по сей день признаются исследователями. Наконец, важнейшим основанием, позволяющим отнести книги Соловьева и Шмита к современной историографии, является подход авторов к историческим источникам, к методике их выбора, критики и анализа. Отмеченные последующими исследователями их отдельные ошибки в этой области только подтверждают этот вывод. Главной же заслугой Соловьева и Шмита в исследовании поставленной проблемы стало их обращение к сокровищам соответственно русских и польских архивов. Особенно это проявилось в последующих трудах С. М. Соловьева, в 25–29 томах его «Истории России с древнейших времен», написанных в 1875–1879 гг.

К сочинениям Соловьева и Шмита в известном смысле примыкают труды Н. И. Костомарова и Валериана Калинки, также вышедшие в 1860-е гг. Книга Костомарова «Последние годы Речи Посполитой» [13], первое издание которой увидело свет в 1866 г., еще больше несет на себе следы исторической публицистики, особого подхода автора к историческому повествованию, скорее как к литературному жанру. Как и Соловьев, Костомаров описывал историю падения Польши, однако главное внимание он уделил периоду Четырехлетнего сейма 1788–1792 гг., подробно рассмотрев его работу, дискуссии в польском обществе в связи с его постановлениями. В книге Костомарова был помещен до сих пор единственный перевод на русский язык Конституции 3 мая 1791 г. Автором был использован огромный массив современной сейму польской публицистики и последующая польская историография, хотя в выборе и критике источников, в верификации фактов автор далеко не всегда следовал научным критериям. По существу работа Костомарова, несмотря на свое жанровое своеобразие, стала первой монографией на

inslav

русском языке, посвященной Великому сейму Речи Посполитой, исследованием, написанным на основе преимущественно польской исторической литературы. Сочинение Валериана Калинки, представлявшее собой главным образом публикацию исторических источников, также было посвящено последнему периоду правления Станислава Августа [14]. Как и Костомаров, он продолжил в хронологическом смысле дело С. М. Соловьева и Х. Шмита. Калинка собрал и обобщил богатейший архивный и историографический материал, в том числе, использовав труды и российских историков. Если по своей композиции все вышеназванные работы носили характер исторического описания станиславовской эпохи, а их монографическое содержание определялось только центральной проблемой — падения Польши и разделов Речи Посполитой — особое место принадлежало, пожалуй, только труду Крашевского, в котором были композиционно выделены проблемные разделы, то в полной мере монографический характер как по содержанию, так и по форме изложения носила вышедшая в 1870 г., посвященная Гродненскому сейму 1793 г. работа Д. И. Иловайского [15]. Примечательно и то, что она стала первым трудом российского автора, изданным на польском языке. Это в свою очередь свидетельствовало, что история разделов Польши стала предметом непосредственной дискуссии российских и польских ученых. Выдвинутый тезис находит подтверждение в работе видного польского историка Александра Краусхара «Князь Репнин и Польша в первом четырехлетии правления Станислава Августа 1764–1768» [16], опубликованной в 1879 г. Книга эта непосредственно связана с выходом в России 25–28 томов «Истории» С. М. Соловьева, к материалам которых подробно обращался А. Краусхар, дав, по сути, их детальную критику.

Таким образом, уже в 1860–1870-е гг. в посвященной разделам Речи Посполитой русской и польской историографии происходит постепенный переход от «широких» описательных трудов к монографическим исследованиям, формируется новый подход к историческим источником, из которых не только черпаются примеры для обоснования утверждений авторов, но которые рассматриваются теперь как фундамент исторического исследования, его базис. Ученые впервые широко привлекают архивные материалы, осознавая их особое значение в сравнении с более субъективными свидетельствами современников изучаемых событий и их позднейших интерпретаторов. Говоря о значении названных трудов, необходимо подчеркнуть, что их авторы как в тексте, так и в приложениях ввели в научный оборот немало наиболее важных исторических источников, что во многом обусловило сохранение и по сей день научного значения их сочинений.

inslav

Особую роль в развитии как польской, так и русской историографии названной проблемы сыграли знакомство ученых России и Польши с трудами друг друга и начавшаяся в связи с этим дискуссия. При этом она способствовала не только обсуждению проблемы по существу, но и совершенствованию форм и методов исторических исследований. В целом можно констатировать, что достижения в этой области польской и российской историографии определяли мировой уровень исследований поставленной проблемы, что доказывает их сравнение с трудами современников в других странах, хотя бы с классической книгой Адольфа Бера [17].

IV

Начиная с середины XIX в. в России, Польше и в других европейских странах развернулась огромная работа по публикации исторических источников по истории XVIII в. Особый размах она приобрела с конца 1870-х гг. До начала Первой мировой войны был издан поистине грандиозный корпус источников, а некоторые издания не завершены и по сей день. Не имея возможности просто перечислить даже наиболее значительные публикации, отсылаем читателя к избранному перечню важнейших собраний опубликованных источников по истории разделов Польши, помещенному в книге М.Г.Мюллера [18]. Причем следует отметить, что в этой публикаторской работе нашло отражение взаимодействие исторической науки России и Польши. Так, 8 томов собрания польского законодательства «Volumina legum» вышли из печати как в Польше, так и в России (в Петербурге), из которых 7 и 8 тома относились ко времени правления Станислава Августа. В «Чтениях Общества истории и древностей российских» в 1866–1867 гг. были опубликованы показания на следствии пленных участников восстания Т. Костюшко. Немало публикаций источников по истории польско-российских отношений в XVIII в. увидели свет на страницах «Русского архива» П. И. Бартенева. В Петрограде в 1914–1924 гг. были изданы мемуары Станислава Августа.

В целом труд многих ученых из разных стран по изданию исторических источников объяснялся потребностью исторической науки в расширении фронта исследований, в обеспечении их соответствующей современным требованиям источниковой базой. Однако сама эта грандиозная работа по публикации источников оказала существенное влияние на развитие науки в целом. В частности, она наглядно продемонстрировала общность для двух стран корпуса источников по истории России и Польши.

Многократное расширение круга источников в сочетании с увеличением числа поставленных в историографии исследовательских про-

inslav

блем привело к тому, что «широкие» описательные труды окончательно отходят на второй план, уступая место исследовательской монографии. Это означало, что станиславовская эпоха как объект и предмет исследования изучалась теперь монографически как комплекс экономических, социальных, политических, в том числе и международно-политических проблем, вопросов истории культуры и общественной мысли. Этот процесс особенно наглядно нашел отражение в творчестве В. Калинки, в посвященном Четырехлетнему сейму главном его труде [19], каждая из объединенных общей темой частей которого представляла собой законченную монографию. Книга Калинки была высоко оценена в России. Приведем только одно, но, пожалуй, наиболее авторитетное мнение — Н. И. Костомаров охарактеризовал труд Калинки как «чрезвычайно любопытное и добросовестное исследование, отличающееся редким беспристрастием» [20]. Говоря о монографических исследованиях, стоит указать на работу Н. Д. Чечулина, посвященную истории внешней политики России 1762–1774 гг. [21]. Ее написание было непосредственно связано с публикацией исторических источников, поскольку основу для нее составили напечатанная в сборниках Русского исторического общества дипломатическая корреспонденция Екатерины II, Н. И. Панина, иностранных дипломатов при русском дворе со своими государями, в частности переписка В. Ф. Сольмса с Берлином. Не разбирая сочинения Чечулина по существу, остановимся только на том, что важно для нашей темы. Автор выделил в истории подготовки и осуществления первого раздела Польши две проблемы, рассмотрев их монографически самостоятельно: польская политика Петербурга 1762–1768 гг. и собственно история первого раздела Речи Посполитой. Чечулин сознавал необходимость опереться в своей работе на достижения польской историографии, ее тесного взаимодействия с русской, хотя попытка автора осуществить это намерение оказалась неудачной [22]. Им было высказано весьма важное положение об особенности критики национальных и иностранных источников по истории внешней политики отдельных стран в рамках истории международных отношений. На исследование Чечулина был опубликован ряд рецензий преимущественно дискуссионного плана как в России, так и в Польше, что еще раз продемонстрировало объективную потребность в обсуждении историками двух стран поставленных проблем.

Становление монографии как основной формы исторического исследования сопровождалось формированием жанра обобщающих синтетических трудов, исторических очерков, пришедшим на смену прежним историко-описательным сочинениям, и появлением университетских курсов лекций как особого вида исторических сочинений. Применительно к рассматриваемой теме особое значение имел специальный

inslav

курс, прочитанный Н. И. Кареевым в Петербургском университете в 1887–1888 гг., опубликованный вскоре в России и в Польше под заглавием «Падение Польши в исторической литературе» [23]. Книга Кареева стала, если не считать отдельных статей, первым в России монографическим исследованием в области историографии. Ее написание было связано с двумя другими работами автора, посвященными истории польского сейма и истории реформ в Польше XVIII в. [24]. Однако очевидно, что появление этого труда было бы едва ли возможно без обращения Кареева к книгам Михала Бобржиньского [25] (1879) и Владислава Смоленьского [26] (1886) об основных исторических школах в Польше и направлений польской историографии, с которых автор и начинает анализ собственно историографии проблемы [27]. Названные историографические работы, вышедшие в Польше и в России, стали одним из наиболее важных свидетельств складывания современной историографии в наших странах, примечательно, что они были посвящены вопросу о причинах падения шляхетской Речи Посполитой.

Важнейшим признаком становления современной историографии в Польше и в России стало формирование в последней трети XIX в. научной исторической журналистики. Разделы Польши, «польский вопрос» и раньше были благодатной почвой для публицистов самых разных политических направлений. Однако уже в 1870-е гг. научные монографические статьи выделяются из потока публицистических сочинений и становятся одним из важнейших направлений научного творчества, позволяя развивать дискуссию по важнейшим методологическим, историографическим, источниковедческим и конкретно-историческим проблемам. Одним из наиболее ярких примеров такой научной журналистики может послужить история варшавского журнала «Атенеум» (1876–1901 гг.), основанного выдающимся польским историком А. Павиньским и его российским коллегой, историком права и профессором Петербургского университета В. Д. Спасовичем. Более трети публикаций по исторической проблематике на страницах журнала относились к истории Польши и польско-российских отношений XVII–XVIII вв.[28] Одновременно публикация научных статей названной тематики получила распространение и в России, например на страницах «Журнала Министерства народного просвещения», «Вестника Европы» и др.

В начале XX в. в русской и польской исторической науке происходила дальнейшая дифференциация исследовательской проблематики. Это касалось и изучения истории разделов Польши как одного из центральных направлений в польской историографии. В России, правда, в это время заметных работ в этой области не появилось, хотя сам «польский вопрос» и связанная с ним историческая проблематика ши-

inslav

роко обсуждалась в обществе, что оставило заметный след в публицистике. Свою роль в этом сыграл высокий авторитет предшественников и выдвинутых ими концепций. В Польше исследования по истории XVIII в., российско-польских отношений и разделов шляхетской Речи Посполитой проводились Шимоном Ашкенази[29] и историками его школы[30], а также выдающимся польским историком Владиславом Конопчиньским[31], первые труды которого вышли в свет в 1909–1917 гг.[32] Развитие ими монографического направления исторических исследований показало, что для изучения отдельных проблем обращения к опубликованным источникам недостаточно. Свидетельством этого стала работа в российских архивах Ш. Ашкенази, В. Конопчиньского и Роберта Генри Лорда, классическая книга последнего о втором разделе Польши[33], хотя формально и не принадлежит ни к российской, ни к польской историографии, но все же имела и поныне сохраняет для нашей науки исключительное значение. Она также показала, что разделы Польши как комплексная научная проблема не является достоянием ученых только Польши и России, других причастных к разделам стран или же только европейской историографии, но представляет собой важное направление исследований и предмет международной дискуссии для исторической науки в целом.

* * *

Изучение истории разделов Речи Посполитой в период после Польского национального восстания 1863 г. и вплоть до возрождения польского государства в 1918 г. было тесно связано со становлением современной исторической науки и современных историографических школ во всем объеме исторического знания, начиная от источниковедения и кончая трудами по историографии, методологии исторического исследования и в области вспомогательных исторических дисциплин. В это время история XVIII в. привлекает пристальное внимание исследователей, а фундаментальные публикации исторических источников в разных странах придают им подлинно международный характер. Естественно, что вопрос о разделах Польши становится одним из главных предметов исторических изысканий.

Во второй половине XIX в. исследовательская монография и монографические статьи выступают как основная форма научного сочинения. Элементы монографического исследования присутствовали уже в трудах историков 1860-х гг., к концу века эта форма становится уже всеобщей, что позволило существенно расширить круг исследуемых проблем и приступить к многостороннему и комплексному анализу разделов Польши во всей совокупности составляющих названное явление факторов и процессов.

inslav

Расхождения во взглядах по отдельным вопросам и в синтетической оценке уничтожения польско-литовской шляхетской республики между русскими и польскими историками вполне очевидны и объяснимы. Отметим только, что если в 1860-е гг. труды польских исследователей не всегда были известны в России, а русских — в Польше, что было связано с языковым барьером, разделенностью польских земель между тремя империями, со взаимной отчужденностью русских и поляков как следствием подавления польского восстания, то, начиная с 1870-х гг. польские и русские ученые, занимавшиеся историей XVIII в., и в широком смысле историография России и Польши, самым тесным образом взаимодействуют друг с другом. Об этом свидетельствует взаимное цитирование трудов, публикация рецензий и переводов научной литературы, личные контакты между исследователями. Взаимное внимание к трудам польских и русских историков объяснялось не только необходимостью сопоставления позиций и расхождениями во взглядах, которые нельзя было не отметить. Общая ценность польской и русской историографии второй половины XIX — начала XX в. состояла и в том, что в трудах по истории XVIII в. (лучшие из них по праву вошли в золотой фонд мировой науки) был введен в научный оборот поистине бесценный комплекс исторических источников, были сделаны по сей день не утратившие своего научного значения наблюдения. Таким образом, с самого начала современной научной историографии был установлен ныне уже общепризнанный факт, что польская и русская историческая наука опирается на общий для обеих стран корпус исторических источников, что обуславливает потребность сотрудничества историков России и Польши. Расхождения в научной трактовке разделов Речи Посполитой и общественно-политических взглядах и позициях польских и русских ученых не препятствовали взаимодействию национальных историографий обеих стран.

В трудах историков второй половин XIX — начала XX в. была подробно проанализирована международная политика России, Пруссии и Австрии — главных виновников разделов Польши, политическая борьба магнатских партий в самой Речи Посполитой, эволюция ее общественного и политического устройства, права и институтов государственной власти и шляхетского самоуправления. В классическом труде Тадеуша Корзона[34] был обобщен и проанализирован огромный материал по внутренней истории Польши станиславовского времени.

В итоге был опровергнут тезис о якобы противоестественном состоянии анархии и упадка польского государства, в противовес которому была выдвинута концепция естественного развития Польши и пагубного влияния на него внешних сил, выразившегося во вмешательстве держав-захватчиков. Однако примечательно, что в исследо-

inslav

вании истории разделов Польши по сравнению с другими направлениями исторических изысканий влияние историографии предшествующего периода проявилось в наибольшей степени как в польской, так и в зарубежной литературе, где наряду с историческим анализом присутствовали нередко и морализаторские оценки, призванные не столько исследовать процессы и закономерности эпохи, сколько предоставить аргументы для обвинения или оправдания отдельных лиц, политических группировок, монархов и государств. Подобный подход способствовал размежеванию национальных историографических школ. Вместе с тем нельзя не отметить, что указанная тенденция была характерна по преимуществу для консервативных направлений в историографии. Тем не менее, ведущей в историографии осталась тенденция интернационализации научного знания, международной научной дискуссии о причинах и значении разделов Польши в европейской истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См. напр.: Kuźnica Kollątajowska. Wybór źródel / Oprac. B. Leśnodorski // Biblioteka Narodowa. Wroclaw, 1949. Ser. 1. № 130; *Kollątaj H.* Listy Anonima i prawo polityczne narodu polskiego / Oprac. B. Leśnodorski, H. Wereszycka. Warszawa, 1954. T. 1–2; также важнейшие сочинения Станислава Сташица, изданные при жизни автора: *Staszic St.* Pisma filozoficzne i spoleczne / Oprac. B. Suchodolski. Kraków, 1954. T. 1–2. К этому же периоду относятся мемуары короля Станислава Августа, правда, опубликованные значительно позже: [*Stanisiaw August Poniatowski*] Mémoires du roi Stanislas-Auguste Poniatowski. СПб.; Л., 1914–1924. Т. 1–2. Следует также указать на два важных сочинения французских авторов — дипломатов и историков — К. Рюльера и А. Феррана: *Rulhièr C. C.* Histoire de l'anarchie de Pologne et du demembrement de cette republique. Paris, 1807; *Ferrand A.* Histoire de trois demembrements de la Pologne. Paris, 1820. Vol. 1–3.

2 См.: *Бантыш-Каменский Н. Н.* Историческое известие о возникшей в Польше унии... М., 1805. Об официальной российской трактовке событий в Польше, предшествующих разделу Речи Посполитой, см.: *Носов Б. В.* Россия и восстание Тадеуша Костюшко. Представление о Польше в правящих кругах Российской империи в XVIII в. // Polacy a rosjanie — Поляки и русские / Red. T. Epsztein. Warszawa, 2000. S. 9–25.

3 См.: *Nowak A.* Między carem a Rewolucją. Studium politycznej wyobrażni i postaw Wielkiej Emigracji wobec Rosji 1831–1849. Warszawa, 1994.

4 См.: *Raumer Fr.* Polens Untergang. Leipzig, 1832; *Idem.* Europa vom Ende des siebenjährigen bis zum Ende des amerikanischen Krieges (1763–1783). Leipzig, 1839. См. также: *Willaume Jul.* Polska problematyka w twórczości dziejopisarskiej Fryderyka Raumera. Lublin, 1961.

5 Характерным примером может послужить рассуждение, помещенное в одном из сочинений псевдоисторического характера, в котором говорилось о разделе Польши, что Екатерина II «согласилась с мнениями прусского и австрийского дворов, кото-

inslav

рые, узнавши по опыту, что Польша не в состоянии быть в независимости от вредного влияния других держав (Франции. — *Б. Н.*) и никогда не умела сохранить благоустройства в государственном своем управлении, полагают, что единственное средство для установления в оной порядка есть совершенное раздробление государства» (*Гегемейстер Ю. А.* О распространении Российского государства с единодержавия Петра I до смерти Александра I. СПб., 1838. С. 68–69).

6 См.: *Hermann E.* Geschichte des russischen Staates. Bd. 5–6, Ergs. Bd. Hamburg; Gotha, 1853–1861; *Sybel H.* Geschichte der Revolutionszeit 1789–1800. Düsseldorf, 1853.

7 *Зибель Г.* История французской революции и ее времени. СПб., 1863.

8 *Lelewel J.* Panowanie króla polskiego Stanislawa Augusta Poniatowskiego obejmujące trzydziestoletnie usilności narodu polskiego podźwignienia się ocalenia bytu i niepodległości. Warszawa, 1831.

9 *Konopczyński W.* Dzieje Polski nowożytnej. Warszawa, 1986. T 2. S. 294.

10 *Соловьев С. М.* История падения Польши. М., 1863. См. новейшее издание: *Он же.* Соч. М., 1995. Кн. 16. С. 405–628; *Schmitt H.* Dzieje Polski XVIII i XIX wieku. Kraków, 1866–1867. T. 1–3. (Изложение доведено до 1795 г); *Idem.* Dzieje panowania Stanislawa Augusta Poniatowskiego. Lwów, 1868–1884. T. 1–4. (Изложение доведено до Первого раздела Польши).

11 С. М. Соловьев обращался преимущественно к сочинениям второстепенных мемуаристов. Исключения в этом смысле составляли воспоминания Станислава Августа, хранившиеся в российском архиве, и мемуары Михала Огинского: *Oginski M.* Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les polonais depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. Paris, 1826. Vol. 1.

12 *Kraszewski I.* Polska w czasie trzech rozbiorów. Poznań, 1873–1875. T. 1–3. В. Конопчиньский отмечал широкое использование Крашевским самой разнообразной литературы, в том числе старопечатной, и публикаций архивных материалов, однако указывал на недоступность для автора архивов, что объяснялось общей ситуацией того времени в Познани для польских историков. См.: *Konopczyński W.* Op. cit. S. 294.

13 *Костомаров Н. И.* Последние годы Речи Посполитой. СПб., 1866. Т. 1–2.

14 *Kalinka W.* Ostatnie lata panowania Stanislawa Augusta. Kraków, 1868. Cz. 1. См. также познаньское издание того же года.

15 *Иловайский Д. И.* Гродненский сейм 1793 г. М., 1870. Польское издание: *Iłowajski D.* Sejm grodzieński roku 1793. Ostatni Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. Poznań, 1872.

16 *Kraushar A.* Książę Repnin i Polska w pierwszym czteroleciu panowania Stanisława Augusta (1764–1768). Kraków, 1879. T. 1–2.

17 *Beer A.* Die erste Teilung Polens. Wien, 1873. Bd. 1–3.

18 *Müller M. G.* Die Teilungen Polens 1772, 1793, 1795. München, 1984. S. 120–123.

19 *Kalinka W.* Sejm Czteroletni. Kraków; Lwów, 1880–1888. T. 1–3.

20 Оценка эта была дана Костомаровым незадолго до своей кончины при подготовке последнего при жизни автора издания его монографии «Последние годы Речи Посполитой». Здесь цит. по: *Костомаров Н. И.* Собр. соч. СПб., 1905. Кн 7. С. 14.

inslav

21 *Чечулин Н. Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1896.

22 Из работ польских авторов Чечулиным была использована только опубликованная в Геттингене на немецком языке диссертация Шимона Ашкенази. См.: *Askenazy Sz.* Die letzte polnische Königswahl. Göttingen, 1894.

23 *Кареев Н. И.* Падение Польши в исторической литературе. СПб., 1888; *Kariejev N.* Upadek Polski w literaturze historycznej. Kraków, 1891.

24 *Кареев Н. И.* Исторический очерк польского сейма. М., 1888; *Он же.* Польские реформы XVIII в. СПб., 1890.

25 *Bobrzyński M.* Dzieje Polski w zarysie. Warszawa, 1880. Wst. II O nauce historyi polskiej i jej umiejętnem zadaniu.

26 *Smoleński W.* Szkoly historycne w Polsce (Główne kierunki poglądów na przeszłość). Warszawa, 1986.

27 После рассмотрения в первом разделе своей книги польской публицистики XVIII в. Н. И. Кареев начинает второй раздел, посвященный оценке польскими историческими школами XIX в. упадка Речи Посполитой, с работ Бобржиньского и Смоленьского. См.: *Kariejev N.* Upadek Polski... S. 28–29.

28 См.: *Ромек З.* Историческая проблематика на страницах «Атенеума» (1876–1901) // Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000. С. 256–285.

29 Укажем здесь на одну из наиболее важных его работ: *Askenazy Sz.* Przymierze polsko-pruskie. Lwów etc., 1900.

30 О школе Ш. Ашкенази см.: *Grabski A. F.* Orientacje polskiej myśli historycznej. Warszawa, 1972; *Filipowicz M.* Wobec Rosji. Studia z dziejów historiografii polskiej od końca XIX wieku po II wojnę światową. Lublin, 2000.

31 *Gurowski W.* Konopczyński Wladyslaw // Polski Slownik Biograficzny. Wroclaw etc. 1960–1961. T. 9. S. 171–173.

32 *Konopczyński W.* Polska w dobie wojny siedmioletniej. Warszawa, 1909–1911. T. 1–2; *Idem.* Geneza i ustanowienie Rady Nieustającej. Kraków, 1917.

33 *Lord R. H.* The Second Partition of Poland. Cambridge (Mass.); London, 1915. Книга Лорда дважды была издана впоследствии в Польше в переводе на польский язык.

34 *Korzon T.* Wewnętrzne dzieje Polski za Stanislawa Augusta. 1764–1794. Wyd. 2. Kraków, 1897–1898. T. 1–6.

inslav

Мирослав Филипович
(Люблин)

УЧЕНЫЕ ИЛИ ПАТРИОТЫ? ВЗГЛЯДЫ ПОЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ НА РОССИЮ И РУССКИХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Трудно было быть польским историком в конце XIX в. Польские ученые, работавшие в разделенной между тремя империями стране, предпочитали заниматься исследованиями в области истории своей родины, что, по причинам как профессиональным, так и выходившим за рамки их деятельности, было трудной задачей. Не говоря даже о труднодоступности документов и цензурных преградах, достаточно напомнить, что от критического отношения к истории собственного народа до обвинений в измене нации и потворстве захватчикам был один шаг. Позиция польского общества в этом смысле была бескомпромиссной: «нет прощения тому, кто самым решительным образом не чувствует и не мыслит как поляк» [1]. В итоге достаточно естественно возникал потенциальный конфликт между убеждениями польского патриота и объективностью ученого. Особенно остро это проявлялось в отношении к России [2]. Первый видел в ней виновника или причину нынешних бед Польши, по крайней мере, – одну из причин. Второй должен был помнить о беспристрастности в поиске истины и не поддаваться эмоциям. Понятно, что никакой историк не может быть свободен от общественного, политического или культурного влияния, но и чрезмерная подверженность ему даже сегодня, когда требования объективности исчезли как из учебников по истории, так и из учебников по методологии истории, не может приветствоваться. А что же говорить об историках рубежа XIX–XX вв., которые еще верили, что историк может написать, как это на самом деле было, «wie es eigentlich gewessen».

До восстановления независимости Польши в 1918 г. польская историография в силу разных причин не успела создать обобщающих трудов по истории России. Тем не менее, в рассматриваемый период вне зависимости от степени изученности русской истории в Польше и уровня знакомства польских историков с русской историографией, те имели определенный взгляд на Россию, основанный скорее на художественной литературе, причем более на третьей части «Дзядов», нежели на «Пане Тадеуше». Вследствие этого история России сама

inslav

по себе, или же запечатленная в образах ее выдающихся деятелей, или просто обычных русских людей, отходила в тень, оттесненная идеей России имперской как захватчика и врага.

Среди польских историков того времени не было людей, которые лично не сталкивались бы с русскими, однако огромное большинство польских ученых знало лишь тех русских, которые жили на территории бывшего Королевства Польского, научные же или дружеские связи с Москвой и Петербургом были неразвиты. Это также влияло на создание негативного образа России и приводило к тому, что почти не предпринималось попыток осознать различие между репрессивной системой царизма и русским народом. Относительно слабым был интерес и к русской культуре, за исключением Александра Брюкнера, Марьяна Здзеховского и некоторых других, что способствовало укреплению в сознании мифа о России как о захватнической империи, а собственно представления о России и обо всем русском сводило исключительно к этому аспекту. Замечание это не относится к той части польских историков, которые через свои связи в российском революционном движении могли лично познакомиться с русскими, выступавшими против царизма. Не относится оно также и к узкому кругу людей типа М. Здзеховского, которые, впрочем, не являются предметом изучения в данной работе.

В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть суждения о России, доминировавшие или существовавшие среди польских историков конца XIX – начала XX вв., и ответить на вопрос: как эти взгляды влияли на формировавшийся у них образ России и русских, а также как они воздействовали на соответствующие представления польских историков нашего времени.

Темные и светлые стороны патриотической позиции

Личное знакомство не обязательно вызывает симпатию. Мало кто из польских историков так хорошо лично знал Россию, как Тадеуш Корзон (1839–1918). Он родился в литовском Минске, тогда еще сохранявшем ощутимые черты недавней принадлежности к Речи Посполитой. Окончил местную гимназию, но как говорил позднее о себе и своих товарищах Корзон: «Русификация не проникла в наши души» [3]. В год смерти Николая I будущий историк поступил в Московский университет, служивший тогда высшим учебным заведением для всех поляков. Приезжавшие в Москву из подвергавшегося постепенной русификации Королевства, или из находившихся в этом отношении в еще худшем положении непосредственно присоединенных к Российской империи земель прежней Речи Посполитой поляки

inslav

изумлялись атмосфере свободы, царившей в старой столице среди польской колонии. На глазах у русских здесь распевались патриотические (и часто антироссийские) песни, собирались вечера в честь возвращавшихся из ссылки патриотов [4].

Впрочем, о «простых» русских Корзон вспоминал с теплотой: «Люди, натерпевшиеся от бюрократов типа умершего императора и ожидавшие реформ от его преемника, не проявляли никаких шовинистических чувств к иноплеменникам; их даже привлекали многие черты польского характера, к которому они относились весьма благосклонно» [5]. Организованные, вне зависимости от своих политических и иных убеждений, в т. н. Общество, поляки пользовались большой свободой. Нападение в 1861 г. полицейских на группу польских студентов закончилось массовыми выражениями солидарности со стороны их российских коллег, волнениями в университете и «примерным наказанием» виновных полицейских. По прошествии многих лет Корзон сказал о своих друзьях по Обществу: «они всегда честно и самоотверженно служили народу. Ни одного, насколько мне известно, не упрекнули в отступничестве. Тому поколению излишне было напоминать: „Помните о духе!“» [6].

Однако кое-что в воспоминаниях Т. Корзона заставляет задуматься. Можно понять поведение поляков, когда они в преддверии Январского восстания 1863 г. отказывались от совместных действий с русскими, например, от участия в польско-российских кассах взаимопомощи, которые предлагали организовать сочувствовавшие им русские студенты. Но из записей Корзона не видно, чтобы поляки хоть как-то интересовались жизнью России, ее культурой. Симптоматично, что будущий историк почти ничего не говорит о своих преподавателях, среди которых было немало знаменитостей, а в его беглых замечаниях об интеллигенции упомянуты разве что А. С. Хомяков и А. И. Кошелев. Изредка он вспоминает благожелательно отнесшегося к нему профессора международного права М. Н. Капустина, с благодарностью пишет о выдающемся историке профессоре П. Н. Кудрявцеве, перед которым все «преклонялись» [7], а также о наиболее значительном в то время историке профессоре Т. Н. Грановском [8]. Вместе с тем при чтении воспоминаний Корзона складывается впечатление, что поляки в Москве изолированно жили в своем тесном кругу, выбирая старую столицу России по принципу, «где под фонарем темнее всего».

По всей вероятности, это наложило свой отпечаток на образ России в позднейших трудах Т. Корзона. Однако изучение права в Московском университете было только началом его знакомства с Россией. Его научная карьера в российских университетах то ли не удалась, то ли он к ней не стремился. Поселившись в Ковно, он вскоре оказался заме-

inslav

шан, как один из вожаков, в массовых патриотических демонстрациях. Арестованный и приговоренный к смертной казни, позднее, после отмены приговора, Т. Корзон был сослан в Оренбург, откуда вернулся через пять лет, в 1867 г. Через два года он обосновался в Варшаве, будучи, как сам определял, «независимым ученым». Служил в должности хранителя библиотеки Замойских, кормился частными уроками и другими случайными заработками.

В сочинениях Т. Корзона явно заметны «антирусские комплексы», или «антироссийские фобии» [9]. Вместе с тем в последние годы жизни ученый, пожалуй, единственный из варшавских историков, с энтузиазмом воспринял воззвание великого князя Николая Николаевича к полякам, обнародованное в августе 1914 г. Однако опубликованный отклик Корзона на воззвание явился в трудах историка единственным примером благожелательного отношения к сотрудничеству с Россией. В воззвании великого князя Корзон усматривал переломный шаг в польском вопросе и не мог не высказаться публично. Это не было, следовательно, проявлением «лоялизма», особенно если учесть, что историк требовал от России согласия на присоединение к автономной Польше отобранных в пользу империи территорий. Раскритикованный со всех сторон, он и сам позже признал, что «позволил себя обмануть» [10].

Анализируя исторические труды Т. Корзона, легко можно прийти к выводу, что историк полагал, будто чем меньше польский ученый занимается Россией и людьми, с ней связанными, тем лучше [11]. Это было нечто гораздо большее, нежели просто проявление критицизма или русофобии. Иногда это была, выражаясь фигурально, прямо-таки боязнь исследовательского зачумления. Такой подход позволяет лучше понять его нападки на работу Вацлава Токаржа «Варшава перед восстанием 17 апреля 1794 г.». Т. Корзон обвинил Токаржа в том, что тот слишком увлекся изучением российских источников (sic!). Он говорил, что, используя московские документы, Токарж «не устоял перед ее (Москвы. — *М. Ф.*) влиянием, что отразилось на общей концепции и суждениях, и даже на <...> языковых ошибках» [12]. Свою рецензию Корзон закончил словами: «Хотелось бы, чтобы профессор Токарж выбрался из душной атмосферы гродненских сеймов, насилия [иностранных] послов, прогрессирующего разложения и упадка, и перенес свое внимание на более достойные времена и на то позитивное, что было в нашей истории» [13]. Именно: «то позитивное, что было в нашей истории», стало главным предметом исследования и фундаментальным научным принципом Т. Корзона.

Как недавно писал Ежи Шацкий: «Очень приятно думать, что об исторической правде заботятся только те, кто нас любит и хвалит. И чем меньше таких людей, тем сильнее мы должны сами любить и хвалить

inslav

себя, что обыкновенно и делаем, не забивая себе голову непривлекательными эпизодами собственной истории» [14]. Добавим, что Корзон критиковал Токаржа не за то, что тот каким-либо образом оправдывал конфедератов-тарговичан, но за то, что тот вообще попытался исследовать роль людей, примкнувших к России. Первоначально рецензия появилась в журнале «Kwartalnik Historyczny» 1911 г. Примечательно, что в цитированном выше переиздании рецензии в 1916 г. Корзон попросил у Токаржа что-то вроде прощения. Причиной этого было вступление последнего в ряды легионов. Иными словами, по мнению Корзона, участие Токаржа в борьбе с Россией изменяло звучание и его книги [15].

Другой известный организатор варшавской научной жизни, Александр Краусхар (1842–1931), был историком-любителем и зарабатывал на хлеб насущный адвокатской практикой. Уже после ухода русских из Варшавы в 1915 г., во время Первой мировой войны, он издал несколько томов воспоминаний, в которых отразил свой взгляд на тяжелые времена русификации. Воспоминания Краусхара показывают, насколько далека от предполагаемых результатов оказалась интеллектуально разрушительная политика русификации, которая, вопреки намерениям российских властей, не только не привела к превращению поляков в русских [16], но даже вызвала аллергию на все русское.

Как адвокат Краусхар неизбежно должен был контактировать с русскими, но в воспоминаниях он подчеркивает, что «никогда в моем доме не было ни одного русского. В этих стенах никогда не раздавалось русской речи» [17]. Особенно Краусхар старался показать размежевание, отсутствие связей между двумя мирами: официальным, с русским языком, и частным, в котором не было места ни для чего-либо русского. Историк, например, вспоминал, что к его жене, не знавшей русского языка, русские должны были обращаться по-польски или по-французски. Воспоминания эти изображают настоящую изоляцию русских в Варшаве, которые вынуждены были сбиваться в какое-то землячество [18].

Возможно, Краусхар преувеличил степень этой изоляции и антироссийских настроений среди варшавской интеллигенции. В конце концов, он писал об этом в условиях мировой войны, что не могло благоприятствовать ни беспристрастности рассудка, ни объективности воспоминаний; определенно легче быть храбрым на страницах мемуаров, нежели в жизни. Современные исследователи не должны целиком доверяться мифу о резкой и непреодолимой границе между поляками и теми, кто представлял страны, захватившие польские земли в результате разделов Речи Посполитой [19]. Однако даже признавая наличие в воспоминаниях Краусхара определенного мифологического налета, непреложным в них остается свидетельство присущей автору антироссийской фобии, еще более выраженной, чем у Корзона, которая заставляет его даже в облас-

inslav

тях, где русские проявили себя с положительной стороны, видеть какой-то подвох. Например, Краусхар писал о железнодорожном строительстве: «Москва протянула через Королевство железнодорожные пути исключительно из стратегических соображений» [20]. Верное в основе своей утверждение сопровождалось красноречивым умолчанием о том, какое значение это строительство имело для Польши.

Другой варшавский историк-любитель, Станислав Кшеминьский (1839–1912) — член Национального правительства в период Январского восстания, выпускник юридического факультета и редактор нескольких варшавских журналов — опубликовал в 1892–1901 гг. несколько работ о российском управлении и русской администрации в Польше в XIX в. [21] Автор не скрывал своего участия в борьбе против России, а его книги трудно признать серьезными научными исследованиями. Тем не менее, на почти 270 страницах опубликованного им труда «Двадцать пять лет России в Польше» приведено немало конкретных фактов и проанализирована вся российская политика в отношении поляков за четверть века. Более того, Кшеминьский один из немногих уделил внимание событиям внутри России. Антироссийская позиция автора не помешала ему увидеть различия в польской политике русских царей [22]. Известная тенденциозность не закрывала ему глаза на факты. Им руководили патриотические цели, однако это ни в коем случае не умаляло его интереса к России. Напротив, если в представлении автора Россия была врагом, его тем более следовало узнать.

Итак, сам по себе патриотический или национальный подход не ставил каких-либо преград в изучении России. Проблема возникала тогда, когда, с одной стороны, появлялся миф о злонамеренном чужаке и все русское сводилось именно к нему, а с другой — выступала антирусская фобия (отнюдь не равнозначная патриотизму), заставлявшая из боязни «заражения» сторониться всяческих контактов с российскими источниками.

Польские ученые на службе у «москалей»

Отнюдь не все польские историки так откровенно подчеркивали свою антироссийскую позицию. Однако число польских историков, работавших в российских университетах или так или иначе состоявших на русской службе, было невелико, и еще меньше среди них было значительных ученых.

Среди таких историков заметное место принадлежало профессору Варшавского университета периода русификации Адольфу Павиньскому (1840–1896). Он происходил из семьи полонизированных нем-

inslav

цев и поляком стал фактически по собственному выбору. Его взгляды и общественная позиция в политическом смысле были полной противоположностью антирусскому патриотизму в корзоновском стиле. Противник Январского восстания и «всяческих подрывных идей, агитации и крикливого подстрекательства»[23], Павиньский был представителем политики «согласия и органической работы». С этой точки зрения его положение в польском обществе было не из легких.

В научном наследии Павиньского трудно отыскать следы, свидетельствующие о политической ориентации автора. Некоторый свет в этом отношении проливает его российская докторская диссертация, посвященная полабским славянам и их борьбе с Германией в VIII–XII вв. В ней Павиньский не обращался к немецким работам по этой теме, сосредоточившись на анализе источников, а из историографии использовал исключительно работы российских ученых. Причина такого подхода крылась, конечно, не в недостатке эрудиции, поскольку ранее Павиньский защитил свою первую диссертацию в Геттингене под руководством Георга Вейца. В период официального панславизма такая позиция была, скорее, политической декларацией. Нет ничего удивительного поэтому, что в российских журналах в связи работой Павиньского была выражена радость, что русский язык становится языком польских ученых. А его российские коллеги во время защиты диссертации всячески подчеркивали актуальность поднятой проблематики, говоря о необходимости единства славян перед лицом немецкой экспансии, чему, по их словам, и служила обсуждаемая работа Павиньского. Справедливо мнение Юлиуша Бардаха, что едва ли тема диссертации была морально навязана Павиньскому русскими учеными. Тот должен был сознавать, на что идет, а перспектива варшавской кафедры была достаточно заманчива[24].

Следует, однако, признать, что, достаточно рано добившись должности профессора, Павиньский сторонился каких бы то ни было деклараций о политической лояльности российским властям, по крайней мере, в своих научных работах. Один из его коллег по университету Н. И. Кареев, благожелательно настроенный к полякам, вспоминал, что Павиньский всегда сохранял дистанцию и избегал тесных дружеских связей как с ним, так и, по всей вероятности, с другими русскими профессорами[25]. Таким образом, если Павиньский и начал свою научную карьеру с чего-то вроде демонстрации лояльности к России, то это не оказало ощутимого влияния на его дальнейшую деятельность, научив историка, пожалуй, лишь осторожности. Став зрелым историком, Павиньский сумел необычным образом, работая в Варшаве в условиях русского господства над исследованием современной истории Польши, вовсе не упоминать собственно истории России. По крайней мере, ее нет на страницах его книг.

inslav

Совершенно иначе служил России Казимир Валишевский (1849–1934). Получив юридическое образование во Франции, он там и поселился. Первоначально сотрудничал с Краковской Академией наук и искусств, где издал несколько работ, посвященных истории XVIII в.[26], а на страницах журнала «Kwartalnik Historyczny» развернуто и объективно осветил взгляды Н. И. Кареева на современную польскую историографию[27]. Вскоре его связи с польской наукой ослабли. Валишевский начал публиковаться по-французски, и хоть и не сменил фамилии, но в своих франкоязычных работах, появлявшихся до 1918 г., избегал упоминания о своей принадлежности к Польше. Это тем более удивительно, что еще в 1887 г., посвящая свою монографию «Потоцкие и Чарторыские» памяти выдающегося польского историка Юзефа Шуйского, он писал: «Разве первой обязанностью польского историка, и даже польского государственного деятеля, не является быть поляком и понимать все польское?»[28] Там же он подчеркивал, что при написании книги старался придерживаться «строго научного и принципиально польского подхода»[29]. Однако уже через несколько лет Валишевский буквально шокировал польских историков, издав на французском языке биографию Екатерины II, которую Шимон Ашкенази охарактеризовал, как пример «посмертной придворной лести»[30]. Затем вскоре последовали труды, посвященные Петру Великому, императрице Елизавете Петровне, наконец, обширная неоконченная работа о России XIX в.[31] Реакция польской историографии на эти публикации Валишевского была неоднозначной: безжалостно разгромленные Ашкенази, они были с одобрением встречены А. Гиршбергом[32], которому импонировал новый взгляд на Ивана Грозного и опричнину, шедший в русле новейшей российской историографии, особенно в духе С. Ф. Платонова. Гиршберг, кроме того, превозносил беспристрастность Валишевского. Однако там, где один видел беспристрастность, другие усматривали компиляции или, что еще хуже, русофильство и даже уничижение польскости. Валишевского обвиняли в том, что он очень популярен в России[33] и что сотрудничает с российскими журналами, часто враждебно настроенными к польскому национальному духу.

Критиковали К. Валишевского также и с чисто научных позиций. Уже в рецензиях на его первые, польскоязычные работы подвергалась критике методика автора[34]. Позднее Ашкенази прямо обвинил Валишевского в научной недобросовестности, заявив, что тот не мог ознакомиться со всеми архивными источниками, на которые ссылается в своей книге о Екатерине II. Ашкенази писал: «В обоих его томах *нет ни единой* [выделено Ашкенази] детали, которая открывала бы нечто новое, почерпнутое из неизданных документов; я утверждаю, что там не най-

inslav

дешь ни единой мелочи, которая не была бы уже хорошо известна и опубликована»[35]. Ашкенази доказывал, что книга Валишевского – это отчасти прямой плагиат из труда русского историка В. А. Бильбасова[36].

Что же касается работ Валишевского в целом, то здесь и сегодня нет согласия. В последнее время Анджей Вежбицкий взял под защиту научное наследие Валишевского, говоря, что в его книгах об Иване Грозном или Петре I «мы уже не находим такого количества апологетики и проимперского пафоса». Вежбицкий даже утверждает, что Валишевский «мог бы (если бы не книга о Екатерине II. – *М. Ф.*) приобрести авторитет одного из лучших польских знатоков России»[37]. Впрочем, отсутствие апологетики характеризует с положительной стороны, скорее, российских историков, чьи труды Валишевский в основном (и достаточно умело) использовал для заимствований. Пропагандируя в период российско-французского политического сближения Россию во Франции, Валишевский знакомил французское общественное мнение с русской историей. Трудно допустить, чтобы автор, награжденный за это Французской академией, не осознавал значения своей миссии.

После 1918 г. Валишевский, писавший по-прежнему по-французски, среди прочих издал работы «Поляки и русские. Взгляд в прошлое – перспективы на будущее»[38] и «Неизвестная Польша. Актуальные страницы истории»[39]. В первой из них он дал развернутую картину польско-российских отношений, уделив главное внимание XIX в., чтобы осветить вынесенную в заглавие проблему для французского и вообще западноевропейского читателя. Эту книгу Валишевский писал во время Парижской мирной конференции 1919 г., т. е. уже после революции 1917 г. в России и восстановления независимости Польши. Во второй работе автор вернулся к тематике своих написанных по-польски монографий[40].

Реакция польских историков на эти книги, как можно судить по отзыву Владислава Конопчыньского, была холодной. Краковский историк открыто стыдил Валишевского за его внезапно пробудившийся патриотизм: «Он не мог вернуться [на родину] <...> Но почему тогда он сотрудничал с ведомством А. С. Суворина и Меньшикова, почему провозглашал хвалу Екатерине Великой? <...> Неужели это был именно тот скрытый безупречный поляк-Валленрод-Валишевский?»[41] Сам Валишевский объяснял свое восхваление Екатерины и других правителей России тем, что его «русофильство основывалось на выборе меньшего из двух зол; москаль как не столь опасный был предпочтительнее немца»[42].

Независимо от того, каковы были его подлинные намерения, К. Валишевский, издавая на французском языке книги, которые вполне могли бы послужить основанием для обвинений в национальной измене, сам изъял себя из пространства польской историографии. Знаме-

inslav

нательно, что и по сей день лишь очень небольшое число его работ издано на польском языке (из наиболее существенных — лишь книга о Екатерине, и то в переработке). Принимая во внимание, что в трудах по историографии трудно почерпнуть информацию о Валишевском, не удивительно, что в наши дни киевский историк Василь Ульяновский в историографическом разделе своей книги о Дмитрии Самозванце ошибочно охарактеризовал Валишевского как «российского историка, жившего в Париже» [43]*.

К. Валишевский интересовался Россией, хорошо знал ее историю, и, наверняка, внес бы ценный вклад в связи российской и польской исторической науки, если не с точки зрения анализа источников или оригинальной интерпретации, то хотя бы через знакомство поляков с российским научным процессом. Однако осев в Париже и публикуя сочинения, которые вызывали у поляков категорическое отторжение, Валишевский оказал больше влияния на французскую или даже русскую историографию, нежели на польскую.

Из двух вышеназванных ученых А. Павиньский, чтобы спокойно заниматься научной деятельностью, пошел в молодости на опасный компромисс, а К. Валишевский, как нам представляется, стал популяризатором России, создавая книги, которых не постыдился бы даже атташе по культуре российского посольства в Париже. Были, однако, примеры людей, получивших образование в России, работавших там много лет, имевших прекрасные научные контакты с русскими учеными и при этом сыгравших важную роль в польской историографии.

Полякам, приезжавшим в Петербург, часто не хватало совета и помощи человека, изнутри знавшего российские реалии. В течение многих лет такая роль выпала на долю Станислава Пташицкого (1853–1933) — блестящего архивиста и лучшего знатока Литовского архива, а среди поляков, пожалуй, и лучшего знатока русских архивов. Он был профессором Петербургской Римско-католической духовной академии, где преподавал русский язык и русскую литературу. Он помогал

---

* В российской историографии Казимира Валишевского не причисляли к российским историкам. Он не упомянут ни в наиболее подробных многотомных «Очерках истории исторической науки в СССР», ни в других специализированных энциклопедических изданиях. В России К. Валишевского характеризуют в целом как польского писателя-историка и публициста, написавшего ряд книг на французском языке по истории дипломатических отношений Польши с Западной Европой в XVII и XVIII вв., а также ряд работ по русской истории. Книги К. Валишевского, переведенные на русский язык, отличались живым изложением и массой бытовых подробностей. Вместе с тем автора нередко обвиняли в «очернении прошлого России, злоупотреблении анекдотическим началом в русской истории», особенно XVIII века, подчеркивая, что в его работах «нет ничего ценного в научном отношении». — *Примеч. ред.*

inslav

А. Брюкнеру (благодаря его помощи последний, кажется, и наткнулся на Свентокшижские проповеди), Ш. Ашкенази и многим другим польским ученым. Пташицкого в петербургский период его жизни называли «послом польской науки на Неве» и повсеместно уважали как искреннего польского патриота[44]. После Первой мировой войны он вернулся в Польшу и поселился в Люблине, куда перевез и свою бесценную библиотеку, ныне находящуюся в Главной библиотеке Люблинского католического университета и в тамошнем Институте истории.

В КРУГУ ИДЕЙ «ПАТРИОТИЧЕСКОГО» СОЦИАЛИЗМА

На наш взгляд наиболее авторитетными учеными, оказавшими влияние на национальное движение в Польше перед Первой мировой войной, были Шимон Ашкенази и Болеслав Лимановский (1835–1935)[45]. Последнему по праву также принадлежит роль одного из зачинателей польского социалистического движения. Лимановский окончил гимназию в Москве и там же поступил в университет. Учился, правда, на медицинском факультете, но посещал также лекции известных российских историков Т. Н. Грановского и П. Н. Кудрявцева. Его первые впечатления схожи с воспоминаниями Тадеуша Корзона, однако Лимановский никогда не отождествлял Россию с царизмом. В изгнании он познакомился с русскими – противниками режима. Социалисту Лимановскому, благодаря его связям в демократических кругах русского общества, по всей вероятности было легче заметить достойных россиян, чем варшавским историкам, вынужденным ежедневно сталкиваться с русскими – врагами польского духа, царскими чиновниками и русификаторами. Положительные примеры достойных, благородных русских вообще чаще можно было встретить в Сибири, чем в Варшаве, а приятные исключения из этого правила, подобно профессору Н. И. Кареева, оставались именно исключениями.

Другие польские социалисты воспринимали Россию и русских по-разному. Настроенный решительно антироссийски Юзеф Пилсудский (1867–1935), занимаясь историей лишь вскользь, не столько исследовал современную Россию, сколько, рассуждая в преддверии мировой войны о Январском восстании, подготавливал почву для борьбы с русским захватчиком. Куда интереснее представляется научное наследие Леона Василевского (1870–1936) – «революционера научного склада» (по меткому определению Генрика Верешицкого[46]). Как все остальные социалисты, а также большинство поляков, Василевский решительно осуждал царизм. В этом его подход не был ни новаторским, ни оригинальным. Он был убежден, что в XX в. началась агония самодержавия, и поляки должны «иметь трезвый взгляд на условия

inslav

и шансы нашей борьбы, не недооценивая и не переоценивая возможных и допустимых союзников и врагов»[47] среди русских. Это было тем более трудно, что, как замечал сам Василевский, российская политическая сцена до сих пор находилась in statu nascendi*. У Василевского было неоднозначное отношение к русским революционерам. Он критиковал А. И. Герцена, видя в нем по сути дела «великоросса», зато хорошо отзывался о М. А. Бакунине, давая редкий в польской литературе пример позитивной оценки этого знаменитого анархиста[48].

Наиболее видное место в изучении России среди ученых данного круга принадлежит Людвику Кульчицкому (1866–1941). С ранней молодости он был связан с социалистическим движением. В Швейцарии, куда он поехал на учебу, Кульчицкий фактически начал революционную деятельность, завязав контакты как с польскими нелегалами, так и с русскими эмигрантами, в том числе с Михаилом Драгомановым, Верой Засулич и, в особенности, с Георгием Плехановым. В 1888 г. Кульчицкий явился одним из организаторов т. н. «II Пролетариата», позже он был связан с Польской социалистической партией, откуда ушел в 1900 г., создав ППС-Пролетариат или «III Пролетариат». Кульчицкий поддерживал тогда идею сотрудничества польских социалистов и русских революционеров. В начале XX в. Кульчицкий, живя в основном во Львове, кроме политической деятельности серьезно занялся научной работой, издав ряд сочинений, среди которых выделяется двухтомная «Русская революция», переведенная на немецкий язык[49]. К проблемам российской истории он также обращался и в других работах, в том числе в сборнике «Современные интеллектуальные и политические течения. Очерки»[50]. Еще до начала Первой мировой войны ученый отошел от социалистического движения, а в межвоенное двадцатилетие преподавал в Школе политических наук и в Высшей школе журналистики в Варшаве.

Главный труд Кульчицкого, вышеупомянутый двухтомник о развитии революционного движения в России в XIX в.[51] представлял из себя широкую картину развития общественно-политических процессов в стране и давал обобщающий образ России, в силу чего может считаться лучшей из подобных работ, опубликованных на польском языке до выхода в свет книги Яна Кухажевского «От белого царизма к красному». Кульчицкий использовал новейшую российскую историографию, как академическую, так и либеральную (например работы П. Н. Милюкова), а также труды, написанные с позиций марксизма (Н. А. Рожков). Как представляется, автор старался исподволь ввести польского читателя в атмосферу российского революционного движе-

* В состоянии зарождения (*лат.*).

inslav

ния. Понятное дело, что книга, поданная в таком виде, была адресована в основном т. н. прогрессивным кругам Польши.

Парадоксальным образом книга Кульчицкого, в принципе прозябавшая на задворках польской историографии, является одним из интереснейших исследований о России среди написанных поляками до Первой мировой войны. Кульчицкому удалось показать ту другую Россию, которая могла бы стать когда-нибудь союзником поляков или, по крайней мере, польских социалистов — сторонников национальной независимости.

Попытки изучения России в свете исторического анализа

Известное выражение Ф. И. Тютчева: «Умом Россию не понять...» показывает, что с проблемами в этой области сталкивались не только поляки. В конце XIX — начале XX вв. попыток выработать рационалистическую концепцию истории России предпринималось немного. Говоря о наиболее интересных опытах, необходимо назвать два имени: Александра Гиршберга (1847–1907) и Александра Брюкнера. Первый, львовский ученый немецкого происхождения, принимал участие в национальном движении в Польской Лиде, а как историк занимался, прежде всего, польско-русскими отношениями в начале XVII в., периодом, нередко называемым в польской историографии «Димитриадой». Из работ Гиршберга, затрагивавших русскую историю, обращают на себя внимание две монографии: «Дмитрий Самозванец»[52] и написанная под конец жизни «Марина Мнишек»[53]. Исследования ученого восполнили пробел, существовавший тогда в польской историографии.

Независимо от всех неточностей, экстравагантных теорий, а то и попросту ошибок (Гиршберг обвинял Бориса Годунова в убийстве царевича Дмитрия и считал Лжедмитрия незаконнорожденным сыном... Стефана Батория)[54], труды львовского историка ввели в научный оборот источники, содержавшие немало достоверных сведений о России начала XVII в. Другая заслуга Гиршберга сегодня видится в том, что он одним из первых сумел оценить значение русской историографии, не рассматривая ее исключительно как инструмент российского империализма. Можно, правда, сказать, что Валишевский сделал то же самое, но, в сравнении с ним, Гиршберг руководствовался подлинно научными принципами и преследовал, стало быть, неизмеримо более высокую цель.

Нельзя не отметить здесь роль, которую в «русских» исследованиях сыграл Александр Брюкнер (1856–1939), многолетний профессор Берлинского университета, славист, специалист по литературе, культуре, языкознанию, историк «Димитриады». Его контакты с рус-

inslav

ской наукой завязались в конце 1880-х гг. В 1889–1890 гг. Брюкнер работал в Петербурге и даже стал членом Российской Академии наук. Он первым из польских ученых написал историю русской литературы, изданную уже после Первой мировой войны[55]. В этой книге Брюкнер наряду с восхищением литературой и культурой России язвительно критикует условия, в которых эта литература развивалась. Кроме того, он пояснил, зачем вообще понадобилось данное обозрение: «Коль скоро окончательно исчезли все предпосылки этого невольного, но чуть ли не обязательного интеллектуального карантина, охранявшего нас от официальной России, а заодно с ней — и от интеллектуальной Руси, — писал автор, имея в виду характер интеллектуальных контактов Польши и России эпохи царизма, — пришло время познакомиться с достижениями русской духовной культуры, ликвидировать ужасающую брешь, возмутительную тем более, что даже весьма далекие и чуждые всему славянскому французы регулярно посвящают ей великолепные работы». И далее: «По-польски я не писал о ней (русской литературе. — *М. Ф.*) по причинам самым разнообразным; сегодня, когда исчезли абсолютно все основы для нашего объединенного проживания и когда мы ничего друг другу не должны, перестанем играть в жмурки и шарахаться с болезненной нервозностью от всего русского — ради разумного опасения перед Россией»[56]. Можно без преувеличения сказать, что заслуги Брюкнера в деле популяризации среди поляков русской культуры ставят его если не вровень, то сразу за Марьяном Здзеховским.

Неоромантическое направление в изучении истории XIX в. Шимон Ашкенази

Когда на III съезде польских историков в 1900 г. Шимон Ашкенази обнародовал программу систематических исследований новейшей истории, т. е. периода после разделов Речи Посполитой, произошло оформление одного из важнейших течений в польской историографии. Хоть Ашкенази и был «пожирателем» архивов, эрудитом и историком дипломатии и политики, однако он не являлся сторонником чистой фактографии, этакой личной отстраненности от истории. Он спорил с В. Д. Спасовичем, который говорил, что «прямой обязанностью и важнейшей заслугой историка является игнорирование свой национальной принадлежности». Ашкенази отвечал на это: «Мы были бы очень признательны автору (Спасовичу. — *М. Ф.*), если бы он указал хотя бы одного великого историка любой национальности и любого периода, который отвечал бы данному требованию и имел бы подобную „заслугу“. Мы такого, по своему невежеству, не знаем»[57].

inslav

Одним из условий добросовестной научной работы всегда была доступность архивов. Вопреки мнению, что польские историки не могли пользоваться российскими архивами, есть немало примеров обратного среди польских ученых рубежа XIX–XX вв. Однако они получали доступ ко многим материалам не через бюрократический аппарат, а благодаря свои дружеским связям. Шимон Ашкенази, который был кумиром патриотически настроенной молодежи и пользовался большим авторитетом в кругах как политических, так и научных, вспоминал, что до Первой мировой войны он имел возможность посещать петербургские архивы. Он мог это делать благодаря личному ходатайству князя А. Б. Лобанова-Ростовского, который в 1896 г. непродолжительное время возглавлял российскую внешнюю политику. Ашкенази писал о нем: «дипломат ancien régime* и увлеченный историк, он имел в своем собрании бумаги Панина и Робеспьера, говорил о смерти Павла с язвительностью Рюриковича, а о французской революции — как бы с предчувствием русской. Князь благосклонно отнесся к моей геттингенской диссертации о Станиславе Августе[58] и уже на следующий день приказал открыть автору архив своего министерства. Этот пример в скором времени распахнул передо мной другие петербургские архивы, затем — московские и, наконец, наиболее недоступные для поляка — варшавские. Я мог не только сам работать в них, но и приводить туда учеников. Это были бесценные источники для начатого обновления новейшей истории Польши»[59].

Однако не все было так просто, ибо, как писал Ашкенази, «приходилось соблюдать <...> большую осторожность, ведь приобретенный доступ легко было утратить»[60]. Тем ценнее оказывались друзья среди русских ученых. Ашкенази посчастливилось приобрести дружбу профессора Василия Ивановича Семевского, специалиста по XVIII–XIX вв., исследователя крестьянства и российского революционного движения. Ашкенази посвятил ему очень теплые слова в «Заметках»[61]. С другой стороны, когда речь заходит о контактах Ашкенази с высшим светом России, мы сталкиваемся с прямо противоположными оценками. Ашкенази оставил необычайно интересные воспоминания о великом князе Николае Михайловиче, сыне Михаила Николаевича, брата Александра II. Этот историк-любитель, имеющий, в силу своего происхождения, неограниченный доступ к архивам, недоступным обычным исследователям, написал работу об Александре I, фрагменты которой в 1911 г. собирался обсудить с Ашкенази. В разговоре двух историков великий князь даже заметил, что «il n'y a ici que deux historiens*»[62], имея в виду, види-

* Старого порядка (*фр.*).

* Он имеет здесь только двух историков (*фр.*).

inslav

мо, себя и собеседника, но польский историк не пожелал налаживать близких контактов, «хотя павловские бумаги и вводили в большой соблазн (речь шла о вывезенных в Павловск бумагах великого князя Константина Павловича и Иоанны Грудзиньской. — *М. Ф.*), я не хотел чересчур связывать себя милостями властей предержащих». Впрочем, еще В. И. Семевский искренне не советовал Ашкенази искать дружбы великого князя, весьма критически отозвавшись о Николае Михайловиче, как о человеке и ученом. Через несколько лет после того, как Ашкенази покинул Петербург, уже во время войны, В. И. Семевский прислал ему в Швейцарию текст, в котором великий князь нападал на польского историка, обвинив его в клевете на императрицу Елизавету и в русофобии[63].

Благодаря В. И. Семевскому Ашкенази смог ответить великому князю на страницах популярного журнала «Голос минувшего»[64]. Ученый высказал там очень важную вещь: «Вот уже четверть века в своих журналах я стараюсь рядом с обидами, полученными от двух других захватчиков, вскрывать и клеймить, насколько это возможно, тяжкие оскорбления, нанесенные Польше российской политикой. Однако я никогда не испытывал ненависти к русскому народу <...>. Я презираю это чувство. Я никогда не был ни русофобом, ни германофобом». Примечательно, что русская цензура вычеркнула в этом ответе Ашкенази следующее предложение: «Даже воюющие сейчас с Россией польские легионы, в которых сражается и погибает не один мой любимейший ученик, черпают силы для борьбы не в ненависти к русскому народу, а в любви к Польше»[65].

Вся эта история проливает некоторый свет на то, как Ашкенази смотрел на Россию. Он подчеркнуто различал империалистическую, захватническую систему царизма и народ. Среди русских он видел как врагов (например, лицемерного великого князя), так и друзей Польши. С тем большим теплом он писал об этих последних.

В политических кругах России перед Первой мировой войной таких друзей, или хотя бы людей, не настроенных к Польше враждебно, было немного. Некоторые надежды связывались с кадетами. Трудно судить, верил ли Ашкенази в возможность конституционной эволюции России. В любом случае, он искренне этого желал, усматривая здесь шанс для Польши[66]. В 1905 г. Ашкенази требовал лишь автономии, не более. Когда его ученики (Кукель, Дзвонковский, Сокольницкий, Гонсёровская) бросились в революционную деятельность и, что примечательно, в деятельность в известной части совместную с русскими революционерами, когда его более молодые коллеги, например Хандельсман, спешили вернуться в страну, чтобы принять участие в революции, Ашкенази возлагал надежды исключительно на постепенное возрастание демократических тенденций в России и на выгоды, кото-

inslav

рые те могли принести Королевству Польскому. Выбирая между реакцией и революцией, он с присущей либералам осторожностью не высказывался ни за одну, ни за другую крайность.

Надежды ученого в полном объеме не сбылись. Революция 1905 г., потрясшая основы Российской империи, не внесла перелома в положение Польши. Ни одна из российских политических партий не решилась всерьез рассмотреть польский вопрос, а ситуация в Королевстве не располагала к оптимизму. В этих условиях Ашкенази написал одну из наиболее выдающихся своих работ, а может, и самую выдающуюся, — «Лукасиньского». О причинах, подвигнувших его на создание этой монографии, он сам позже написал: «Душно было тогда в Королевстве. Из пепелища недавних заблуждений поднимались неуверенность и смирение. Царская Россия после основательной встряски снова вставала неодолимой силой. Неразрывность связи с ней Польши стала аксиомой, самоуправление — целью, а конституционный строй после Венского конгресса казался утраченным раем и недостижимым идеалом. Отсюда возникала необходимость, обратившись к истории, нанести удар по этой фикции, a fortiriori, рассказать о чем-то сверх самоуправления или автономии. Осветить этот высший этап развития. Необходимо было, отложив другие дела, разоблачить этот идеал, этот парламентский рай» [67]. Историк уже тогда был убежден, что «Польша должна, во что бы то ни стало, отделиться от России <...> она не может быть не только под управлением, но даже под влиянием России» [68].

В момент публикации «Лукасиньский» имел однозначно антироссийское звучание. Однако это не была книга, выставлявшая Россию и русских в черном цвете. Ашкенази остро критиковал российскую систему, уродовавшую таких людей, как царь Александр I, деморализовавшую даже польских героев, и возносящую личностей вроде Новосильцева. Тем теплее писал историк о тех русских, которые либо не позволили системе растлить себя, либо, априори олицетворяя эту систему, как великий князь Константин, сумели сохранить достоинство. Но вообще это была очень пессимистическая книга, показывавшая всю бессмысленность надежд, которые поляки могли возлагать на Россию, и тщетность любых попыток выработать modus vivendi* Польши в составе царской, деспотической России. Не случайно один из читателей заявил Ашкенази: «Я очень сердит на Вас, поскольку своей книгой Вы лишили меня одной из грез, веры в возможность мирного сожительства России и Польши» [69].

Началась Первая мировая война. Ашкенази отказался от научной работы в Львовском университете, активно устремился в политику,

* Способ существования (*лат.*).

inslav

чтобы уже в независимой Польше отойти не только от научной деятельности, но и от участия в политической жизни. Мы не будем здесь рассматривать причины, по которым Ашкенази ушел в тень. Необходимо только перечислить несколько фактов. В начале XX в. казалось, что Шимон Ашкенази как никто другой преуспел в поиске новых путей развития польской исторической науки, что в новой историографии есть место для серьезных исследований России. Настолько мощным было воздействие книг этого историка на самую широкую читательскую аудиторию, настолько сильным был исследовательский энтузиазм, настолько эффектной выглядела неоромантическая парадигма. И настолько авторитетные научные кадры объединились вокруг Ашкенази во Львове и не только там. Однако в независимой Польше Мастер оказался не у дел, его ученики пошли собственными дорогами, а многие из них, несмотря на заслуги, оказалось лишь эпигонами.

Виновата здесь, кажется, сама исследовательская парадигма, которую принял Ашкенази, а за ним — его ученики. Будучи ориентирована на изучение личности и ее роли в истории данная парадигма, нуждалась в России и русских для изображения самих поляков: их героизма, сметливости, но также их подлости и низости. Россия для школы Ашкенази была «чуждым» элементом, всего лишь «внешним фактором», а ее появление в исторических повествованиях — частью защитной стратегии, направленной на показ того, «что, может быть, наши люди действительно сделали нечто неблаговидное, однако во-первых, это должен был быть вынужденный ответ на внешнее зло, которое нам причинили враги, во-вторых, «героев» какой-то мере оправдывали «несчастные обстоятельства», наконец в-третьих, нельзя исключать, что в самих «обстоятельствах» сыграли роль некие вражеские «наветы» и «провокации» [70].

В такой ситуации ограниченный доступ к архивам имел определенное, но отнюдь не решающее значение в сужении исследовательского спектра. В конце концов, в межвоенное двадцатилетие доступ к русским архивам был еще более затруднен, контакты с российской историографией — столь же слабыми, а исследования современного положения и прошлого России стали куда содержательнее. Неадекватность самого метода изучения истории, используемого учениками Ашкенази (которым, к тому же, часто не хватало обаяния и авторитета Мастера), бросается в глаза, если мы посмотрим на книгу Влодзимежа Дзвонковского, написанную вроде бы как анализ отношения России к Польше, но, по сути, не идущую дальше популярного изложения [71].

Отвечая на поставленный в заглавии статьи вопрос: ученые или патриоты, можно прийти к заключению, что обе позиции имели свои ограничения, и обе нередко пересекались. Иногда их удавалось твор-

inslav

чески объединить, как в случае Станислава Пташицкого или Симона Ашкенази. Подлинной ахиллесовой пятой польской историографии рассматриваемого периода была не ее патриотическая позиция и даже не ее антироссийская направленность. В конце концов, даже там, где проявлялись черты русофобии, патриотический запал не должен был заслонять делового подхода. Имперскую Россию определяли самое большее как врага. Проблемой, скорее, являлась методика изучения истории, сосредотачивавшаяся на политике и упускавшая из виду либо занижавшая значение других аспектов, таких как культура или идеология. Поэтому даже искренне интересовавшиеся Россией историки не смогли создать выдающихся трудов (например Александр Гиршберг). И именно поэтому наиболее важную роль в изучении поляками России сыграли те мыслители, которые либо не были историками, как Марьян Здзеховский, либо, в отличие от клана традиционных историков, рассматривали историю значительно шире, как Александр Брюкнер.

Перевод В. Волобуева

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Так написано в «Nowej Reformie» за 1904 г., в обращении к литовской шляхте, участвующей в открытии памятника Екатерине II в Вильне. Цит. по: *Micińska M.* Zdrada córka nocy. Pojęcie zdrady narodowej w świadomości Polaków w latach 1861–1914. Warszawa, 1998. S. 89.

2 Историография проблемы рассмотрена в работе: *Filipowicz M.* Wobec Rosji, Studia z dziejów historiografii polskiej od końca XIX wieku po II wojnę światową. Lublin, 2000.

3 *Korzon T.* Mój pamiętnik przedhistoryczny. S. 48. Это было, правда, перед самыми худшими годами русификации.

4 Корзон вспоминал: «Хозяйка и соседи не мешали и не удивлялись: разговоров не понимали, к водке питали симпатию, а любопытство их удовлетворялось тем, что жилец отмечал свои именины». Ibidem. S. 60.

5 Ibidem.

6 Ibidem. S. 70.

7 Ibidem. S. 70, 73.

8 *Korzon T.* Reformy polskie XVIII w. przez N. I. Kariejewa // Kwartalnik Historyczny. 1890. R. 4. S. 203. Переиздан в: *Idem.* Odrodzenie w upadku. Wybór pism historycznych, opr. i wstępem poprzedzili M. H. Serejski i A. F. Grabski. Warszawa, 1975. S. 446–454. Упоминание о П. Н. Кудрявцеве и Т. Н. Грановском на с. 454.

9 Эти термины употребили авторы вступительной статьи к избранным произведениям Т. Корзона: *Serejski M. H., Grabski A. F.* Tadeusz Korzon a idea odrodzenia narodowego w dobie stanisławowskiej // *Korzon T.* Odrodzenie w upadku. S. 32, 35.

inslav

10 Подробнее об этом: *Maternicki J.* Idee i postawy. S. 142–143.

11 См. об этом подробнее: *Filipowicz M.* Wobec Rosji. S. 29–32.

12 *Korzon T.* Listy otwarte, mowy, rozprawy, rozbiory. Warszawa, 1916. T. IV. S. 217.

13 Ibidem. S. 223.

14 *Szacki J.* Historia i mitologia // Nowa Res Publika. R. 14. Z. 153. Lipiec, 2001. S. 57.

15 Op. cit. S. 223.

16 В случае А. Краусхара, еврея по национальности, это было особенно характерно. Он, скорее, полонизировался, а не русифицировался.

17 *Alkar [Kraushar A.].* Czasy szkolne za Apuchtina. Kartka z pamiętnika (1879–1897). Warszawa, 1915. S. 38.

18 Op. cit.; *Idem.* Czasy sadownictwa rosyjskiego w Warszawie (1876–1916). Kartka z pamiętnika starego mecenasa. Warszawa, 1916. passim.

19 Как писал в своей новаторской монографии А. Хвальба, в 1920-е гг. межвоенного периода и после Второй мировой войны «существовала социальная потребность в изображении героического XIX века, в котором граница между угнетенным народом и угнетателями была четкой и неоспоримой. Задачи народного образования и гражданского воспитания оказали известное влияние на формирование образа Польши эпохи разделов. Теперь, как представляется, подобной обусловленности более не существует». См.: *Chwalba A.* Polacy w służbie Moskali. Warszawa, 1999. S. 239.

20 *Kraushar A.* Miscellanea Historyczne. T. 73: Synteza dziejów porozbiorowych Królestwa Polskiego (1795–1916). Warszawa, 1918. S. 8. Перепечатано: Sfinks. 1917. № 7–9.

21 Dwadzieścia pięć lat Rosyi w Polsce (1863–1888). Zarys historyczny. Lwów, 1892; *Dr. X [S. Krzemiński]*, Prawo a bezprawie w zaborze rosyjskim. Lwów, 1894; *Narrans [S. Krzemiński]*, Listy z zaboru rosyjskiego. Seria 1–12. Kraków, 1892–1901.

22 См.: Dwadzieścia pięć lat Rosyi w Polsce. S. 249–260.

23 Так писал о нем А. Краусхар. Цит. по: *Bardach J.* Adolf Pawiński (1840–1896) // Historycy warszawscy ostatnich dwóch stuleci / Red. A. Gieysztor, J. Maternicki, H. Samsonowicz. Warszawa, 1986. S. 156.

24 *Bardach J.* Op. cit. S. 138–139. См. об этом подробнее: *Filipowicz M.* Wobec Rosji. S. 32–34.

25 *Filipowicz M.* Op. cit.; *Aksienowa J. P.* Wspomnienia Mikołaja Kariejewa o Uniwersytecie Warszawskim // Przegląd Historyczny. 1978. T. 69. S. 261–278; Ср.: *Bardach J.* Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej schyłku XIX – początku XX wieku // Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX w. Warszawa, 1980. S. 104–154.

26 Наиболее важная из них: *Waliszewski K.* Potoccy i Czartoryscy. Walka stronnictw i programów politycznych przed upadkiem Rzeczypospolitej 1734–1763. T. I. 1734–1754. Kraków, 1887; *idem.* Polska i Europa w 2 pol. XVIII w. Wstęp do historii ruchu politycznego w tej epoce. Kraków, 1890.

inslav

27 *Idem.* Historiografia polska przed krytyką rosyjską // Kwartalnik Historyczny. 1888. R. 2. S. 555–570.

28 *Idem.* Potoccy i Czartoryscy. S. XIV.

29 Ibidem. S. XV.

30 *Askenazy S.* Dworactwo pośmiertne // *Idem.* Nowe wczasy. Warszawa, 1910. S. 96–112.

31 *Waliszewski K.* Les origines de la Russie moderne. Ivan le Terrible. Paris, 1904; *Idem,* Les origines de la Russie moderne. La crise revolutionnaire 1584–1614 (Smoutnoie Vremia). Paris, 1906.

32 *Hirschberg A.* [rec. z: K. Waliszewski, Les origines de la Russie moderne. Ivan le Terrible] // Kwartalnik Historyczny. 1904. R. 18. S. 594–597.

33 Наиболее полное из изданий трудов Валишевского см.: *Валишевский К.* Полн. собр. соч. в 5-и тт. М., 1910–1912.

34 *Roepell R.* [rec. z: Waliszewski, Potoccy i Czartoryscy] // Kwartalnik Historyczny. 1888. R. 2. S. 381–387; *J. M. [Jerzy Mycielski].* [rec. z: Waliszewski, Potoccy i Czartoryscy] // Kwartalnik Historyczny. 1888. R. 2. S. 500–512; *Lisicki H.* [rec. z: Waliszewski, Polska i Europa w drugiej połowie XVIII w.] // Kwartalnik Historyczny. 1891. R. 5. S. 189–195.

35 *Askenazy S.* Dworactwo pośmiertne. S. 103.

36 Ibidem. S. 105–106.

37 *Wierzbicki A.* [rec. z: M. Filipowicz, Wobec Rosji. Studia z dziejów historiografii polskiej od końca XIX wieku po II wojnę światową, Lublin 2000] // Kwartalnik Historyczny. 2001. R. 108. Z. 2. S. 145.

38 *Waliszewski K.* Polonais et Russes. Visions de passe — perspectives d'avenir. Paris, 1919.

39 *Idem.* La Pologne inconnue. Pages d'histoire de l'actualité. Paris, 1919.

40 В. Конопчиньский прямо написал, что Валишевский просто изложил содержание ранней работы «Polska i Europa w 2 pol. XVIII w.». *Konopczyński W.* [rec. z: Waliszewski, La Pologne inconnue] // Kwartalnik Historyczny. 1920. R. 34. S. 165–166.

41 Ibidem. S. 167.

42 Фрагмент недатированного письма Валишевского процитировал С. Василевский в предисловии к польскому изданию монографии о Екатерине: *Waliszewski K.* Katarzyna II, Poznań brw, s. VIII. Nowe polskie wydanie: *Idem.* Katarzyna II. Dzieło nagrodzone przez Akademię Francuską. Warszawa, 1995.

43 *Ulianowskij W. I.* Rossijskije samozwańcy: Łżedmitrij I. Kijów, 1993. S. 30–31. Знаменательно, что В. И. Ульяновский, характеризуя методы работы Валишевского, констатировал, что тот опирался на классические исследования русских историков, не вводя ни новых источников, ни даже их интерпретации.

44 Ср.:. *Bazylow L.* Polacy w Petersburgu. Wrocław, 1984. S. 286–288; *Filipowicz M.* Wobec Rosji. S. 95.

inslav

45 *Maternicki J.* Idee i postawy. Historia i historycy polscy 1914–1918. Studium historiograficzne. Warszawa, 1975. S. 33.

46 *Wereszycki H.* Leon Wasilewski jako historyk socjalizmu polskiego // Niepodległość. 1937. T. 16. Z. 1. S. 182.

47 *Płochocki L. [L. Wasilewski].* Rosyjskie partie polityczne i ich stosunek do sprawy polskiej. Kraków b. r. w. [ok. 1905 r.]. S. IV.

48 *Wasilewski L.* Bakunin wobec Polaków i powstania styczniowego. Warszawa, 1928.

49 *Kulczycki L.* Rewolucja rosyjska. Cz. 1: Od dekabrystów do wędrówki w lud 1825–1870. Lwów, 1909; Cz. 2: Od wędrówki w lud do upadku 'Narodnej Woli' 1870–1886. Lwów, 1911.

50 *Idem.* Współczesne prądy umysłowe i polityczne. Szkice. Seria I. Lwów, 1903; Seria II. Lwów, 1904.

51 *Idem.* Rewolucja rosyjska...

52 *Hirschberg A.* Dymitr Samozwaniec. Lwów, 1898.

53 *Idem.* Maryna Mniszchówna. Lwów, 1906.

54 *Idem.* Dymitr Samozwaniec. S. 1; Ibidem. S. 279–283.

55 *Brückner A.* Historia literatury rosyjskiej. Lwów, 1922. T. 1–2. Это была значительно расширенная версия опубликованного им же ранее по-немецки (Była to znacznie poszerzona wersja wcześniej przez niego opublikowanej po niemiecku syntezy).

56 Ibidem. T. 1. S. 4, 5.

57 *Askenazy S.* Pisma Włodzimierza Spasowicza. // *Idem.* Wczasy historyczne. Warszawa, 1902. Wyd. 2. S. 324.

58 Ашкенази имел в виду свою докторскую диссертацию «Die letzte polnische Königswahl. Inaugural Dissertation» (Göttingen, 1894), написанную под руководством выдающегося немецкого историка Макса Лемана.

59 *Askenazy S.* Uwagi. Warszawa, [1924]. S. 357. Ср.: *Filipowicz M.* Wobec Rosji. S. 15 etc.

60 *Askenazy S.* Op. cit. S. 358.

61 Ibidem. S. 358–359, 365, 379.

62 Ibidem. S. 362.

63 Через несколько лет, уже в независимой Польше, в руки Ашкенази попали бумаги Керенского, из которых следовало, что великий князь, незадолго до большевистского переворота, доносил Керенскому на деятельность поляков в Петербурге: «Берегитесь ляхов. Они всегда обманут», а далее, после нескольких пикантных и выразительных характеристик отдельных лиц, выводы: «А вообще все они <...> навоз». Ibidem. S. 380–381.

inslav

64 Текст появился в ноябрьском номере за 1916 г. Перепечатан в: Uwagi. S. 365–379.

65 *Askenazy S.* Uwagi. S. 375.

66 В 1905 г. Ш. Ашкенази писал: «Точно знаем, что они (россияне. — *М. Ф.*) остаются сильнее нас безоружных. Мы хотим надеяться, что с физическим взрослением должна возникнуть в них самих спасительная реакция, которая откроет им глаза на их собственные глубокие ошибки, как во многих других делах, так и в польских. Не спекулируем на их ослаблении: хотим надеяться на их отрезвление. Они шли до сих пор вслепую одной инерцией военно-бюрократического колосса, то ли в русле внутренней политики, то ли мировой. Дошли до абсурда в обоих — сочувствуем им и желаем, чтобы прозревши они установили честный и разумный порядок в своем дурном и бессмысленном хозяйничайнье в Польше». Цит. по: *Askenazy S.* Uwagi z powodu listu Polaka do ministra rosyjskiego. Lwów, 1905. S. 4–5. Ср.: *Filipowicz M.* Wobec Rosji. S. 115–123.

67 *Askenazy S.* Łukasiński. Warszawa, 1929. Wyd. 2. S. 5.

68 Ibidem.

69 Высказывание Владислава Холевиньского цитируется по: *Iwaszkiewicz J.* Szymon Askenazy 1867–1935. // Ateneum Wileńskie. 1936. T. 11. S. 898.

70 *Szacki J.* Historia i mitologia. S. 57.

71 Работа эта недавно вышла в свет: *Dzwonkowski W.* Rosja a Polska. Warszawa, 1991. Подробнее об этом: *Filipowicz M.* Wobec Rosji. S. 181–186.

inslav

Збигнев Опацкий
(Гданьск)

КОНТАКТЫ НАУЧНЫХ КРУГОВ КРАКОВА С РОССИЙСКИМИ УЧЕНЫМИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Теме контактов и связей польских и российских ученых посвящена уже значительная литература. Она охватывает ряд областей науки, как, например, геологию, этнографию, археологию, литературоведение, историю, а также группы научной общественности или конкретных людей. Несмотря на значительные достижения в этой области знания, включая и обобщающий очерк, представленный в монографии Ежи Рузевича [1], до всеобъемлющего, детального изучения проблемы еще далеко. В этом смысле актуальны слова автора названного обобщающего труда, что тот «несколько напоминает увенчание крышей дома, у которого еще нет солидного фундамента и всех стен» [2].

В монографии Рузевича есть также раздел об отношениях краковской Академии знаний с российской наукой [3], в котором автор сконцентрировался главным образом на контактах Академии как института, не рассматривая ни роли Ягеллонского университета, ни индивидуальных форм сотрудничества представителей краковской профессуры с русскими учеными. В настоящей статье мы стремились дополнить картину материалами, которые не затронуты в обобщающем труде.

I

Краковский университет после кризиса, связанного с его германизацией в 1850-е гг., постепенно начал возвращать себе ведущую роль в сфере науки и культуры в польском обществе. После полонизации университета он был даже недолгое время единственным высшим учебным заведением с преподаванием на польском языке. В обстановке политики русификации и германизации, проводившейся в Польше под властью России и Пруссии, этот центр, а затем и Львовский университет были призваны удовлетворять стремления польского общества к образованию на родном языке.

Краковское научное сообщество, объединенное вокруг университета, формировалось в течение многих лет, предшествовавших восста-

inslav

новлению независимого Польского государства, в правовых и политических условиях под властью монархии Габсбургов. Таким образом, не столько, а, быть может, точнее, не только интересы польского общества, но шире — интересы монархии определяли политику, проводившуюся в области просвещения и науки. Это ни в коей мере не противоречит исключительности положения Галиции и не уменьшает ее роли в истории польской культуры и науки, но вместе с тем снимает определенные ограничения, которые следует принимать в расчет, когда речь идет о достижениях и недостатках осуществлявшейся политики.

На формирование личных и институциональных научных связей существенное влияние оказывали и оказывают до сегодняшнего дня непосредственные отношения, которые устанавливаются между вузовскими преподавателями и студентами, шире — между учащейся молодежью и учебным заведением — учебным центром, а среди молодежи, готовящейся к научной работе, в особенности. Об условиях формирования научных кадров Краковского университета свидетельствует факт, что из 312 человек, защищавших в 1860–1920 гг. докторские диссертации, только 25 доцентов не учились ранее за границей 4. Исследования Уршули Перковской показывают, что польская научная молодежь, как и их коллеги из других стран, стремилась получить высшее образование в наиболее значительных научных центрах Европы, в первую очередь, в Германии, Австрии, Франции, Великобритании. С этой точки зрения состав научных кадров Ягеллонского университета выглядел так: ассистентов и доцентов, учившихся в Вене, насчитывалось 101 человек, в Берлине и Париже — по 82, в Лейпциге — 57, а в других центрах около 2 десятков в каждом. Что же касается российских вузов, то их представительство было незначительным: в Петербурге ранее учились 5 человек, и четверо — в Киеве[5].

Следующим существенным обстоятельством, влиявшим на географию научных контактов, являлось и является территориальное происхождение научных кадров. По мнению Перковской, в период после 1890 г. 30% ассистентов и 25% доцентов были родом из Королевства Польского. А из России, причем исключительно из областей бывшей Речи Посполитой и по большей части из Литвы, за весь исследуемый период происходили 34 ассистента и 11 доцентов[6]. География происхождения и высшего профессионального обучения научных кадров позволяет лучше понять и только отчасти объяснить одну из разнородных и весьма сложных причин относительно слабых научных контактов и связей Кракова с российскими научными центрами. Архивная документация зарубежных контактов Ягеллон-

inslav

ского университета в исследуемый период показывает, что в отношении научных центров Запада они носили разнообразный характер, относительно же учебных заведений и научных учреждений Российской империи зарегистрированы лишь спорадические отдельные инициативы [7].

Кроме упомянутых выше факторов, влиявших на уровень развития контактов, немаловажным, как представляется, было значение политической ситуации и при этом особенно т. н. «польского вопроса» в политике России. Осознание поляками единства национальной науки, независимо от границ, поделивших страну между тремя империями, также обусловило в то время характер научных отношений с российскими институтами. В этом значительную роль сыграли общественные взгляды отдельных ученых и групповые позиции краковской профессуры в отношении России. Ведущий консервативный деятель, один из создателей «Портфеля Станьчика», профессор и дважды избранный ректором Ягеллонского университета Станислав Тарновский писал, что «либо логика человеческой природы, природы общества и истории в России — иная, чем во всем мире, либо Россия должна будет преобразиться» [8]. Враждебностью в отношении России была продиктована позиция, не допускавшая возможности сближения с ней, пробуждения интереса к проблемам ее истории и современности [9]. То, что бóльшая часть краковской профессуры принадлежала к консервативному лагерю [10], а частично составляла в этом лагере руководящую группу, тоже имело свое значение. Ощущение принадлежности к западному миру, западной цивилизации, часто отождествляемое с принадлежностью к римско-католической церкви, порождало позицию подозрительности по отношению как к русским ученым, так и ко всем, кто проявлял интерес к миру русской культуры [11].

Существует, однако, и другая сторона указанного явления. Она заключалась в политике России в области подготовки научных кадров и приоритетов международных научных контактов, заложенных еще в XVIII в. [12]. С точки зрения Петербурга или Москвы, Львов и Краков не представлялись первоклассными научными центрами, к тому же добавлялся негативный стереотип тамошней антироссийски настроенной научной среды. Таким образом, на представителей обеих сторон, выступавших с инициативой установления контактов и сотрудничества, нужно смотреть скорее как на исключение. В целом же научные круги Центральной и Восточной Европы в своих международных контактах ориентировалась на Запад. В этом плане русские не искали посредников и не нуждались в них, в своих научных путешествиях они лишь проезжали через польские земли.

inslav

II

Те русские ученые, которые выступали за сотрудничество с учеными Галиции, осознавали сложность позиции тамошней элиты в отношении России. Н. И. Кареев, будучи в Варшаве, столкнулся с убеждением, господствовавшим в среде тамошней русской профессуры, что если бы он поехал в Краков на юбилей Ю. И. Крашевского, то мог бы получить за это взыскание от начальства, а в Кракове встретить враждебный прием [13]. И хотя тогда он отказался от поездки, но при ближайшей возможности отправился в Краков и, вопреки опасениям, завязал там ряд знакомств и контактов, которые утвердили его в убеждении, что нужно путем диалога ломать сложившиеся предрассудки. В начале XX в. он писал о научных связях: «Но дело именно в том и состоит, что их (с обеих, впрочем, сторон) привыкли рассматривать не иначе, как через политическую призму, словно между поляками и русскими, в особенности между учеными, писателями, художниками обеих национальностей, не может быть чисто культурных отношений на почве общих идейных интересов служения одной и той же для всех народов истине» [14]. Представляется, что справедливость этого мнения (а Кареев имел на него особое право) подтверждали как другие факты преодоления стереотипов и предубеждений отдельными учеными, так и убедительные свидетельства развития научных контактов в конце рассматриваемого периода.

Начало явного изменения климата взаимоотношений приходится на последнее десятилетие XIX в., когда финансовые средства, которыми располагала Академия знаний в Кракове, были использованы для посылки в Россию ученых с целью исследования библиотек и архивов. Перемены нашли также выражение в значительном росте числа институтов, с которыми началось сотрудничество в деле книгообмена. Если до конца 1880-х гг. такой обмен был налажен с менее чем 20 российскими научными центрами, то в середине 1890-х гг. их число достигло 40 [15]. Изучение российских библиотек и архивных фондов было связано с исследовательскими планами, разработанными Исторической комиссией Академии знаний, выдвинувшей амбициозную цель провести как можно более полную инвентаризацию рукописных памятников, имеющих отношение к Польше. Разумеется, эти поиски не были случайными и связывались прежде всего с разысканием вывезенных в Россию собраний польских архивов и библиотек, а также с составлением выписок и копий разыскиваемых источников. До 1914 г. для осуществления таких проектов поддержкой Академии воспользовались по меньшей мере 25 исследователей [16]. В 1902 г. поездку в Петербург предпринял генеральный секретарь Академии знаний Болеслав Уляновский, чтобы на месте проверить возможность проведения

inslav

инвентаризации польских рукописей, хранящихся в Публичной библиотеке, Духовной академии и Генеральном штабе [17]. Осенью 1904 г. в Петербурге находился Марьян Соколовский, чтобы ознакомиться с фондами Эрмитажа и установить контакт с архитектором Покрышкиным, открывшим фрески в костеле люблинской тюрьмы [18].

Атмосфера доверия и сотрудничества между научными институтами Кракова и Российской империи нашла выражение в том, что во временное пользование предоставлялись уникальные книги или даже рукописи — явление совершенно невообразимое даже в рамках одной страны, не говоря уже о пересылке их за границу. Наиболее часто применялся метод копирования отдельных документов или небольших по объему старопечатных изданий. В переписке между учеными очень часто появляются просьбы помочь в организации копирования или составления выписок за плату. Это, естественно, касалось тех ученых, которые одновременно выполняли административные функции в архивах или научных библиотеках [19]. В 1905 г. дирекция I отдела Библиотеки Академии наук в Петербурге обратилась с просьбой к дирекции Музея Чарторыских в Кракове предоставить профессору Станиславу Пташицкому во временное пользование рукописи за № 2211 под названием «Род русских великих князей». Несколько месяцев спустя была направлена подобная просьба и в отношении другой рукописи [20]. В 1909 г. Императорская Академия наук в Петербурге начала подготовку издания мемуаров короля Станислава Августа Понятовского. Поскольку рукописи находились в фондах Музея Чарторыских в Кракове, возглавлявший работу С. М. Горянов обратился к директору Музея профессору М. Соколовскому с просьбой прислать очередные тома в Петербург. Затем с официальной просьбой предоставить их выступил постоянный секретарь Академии С. Ф. Ольденбург, что и было исполнено. Рукописи С. Понятовского благополучно достигли берегов Невы, вернувшись затем в Краков, на берега Вислы [21]. Постоянные формы сотрудничества такого типа осуществлялись не только с Петербургом, но и с другими научными центрами Российской империи. Соглашение о взаимном предоставлении в пользование рукописей и других ценных источников было подписано между Музеем Чарторыских и дирекцией Библиотеки Императорского университета в Киеве. Благодаря соглашению было передано, в частности, сочинение Г. Боплана об Украине и составленная им карта Украины [22].

III

В 1892 г. Академия знаний в Кракове избрала своим действительным членом знаменитого химика Д. И. Менделеева, что стало первым случаем

inslav

избрания русского ученого, если не считать ставшего ранее только ее членом-корреспондентом А. С. Уварова, умершего в 1884 г. Выбирая зарубежных ученых в число своих членов, Академия руководствовалась определенными критериями. Кроме основного, связанного с вкладом ученого в мировую науку, она учитывала и связи кандидата с польской наукой в области как подготовки научных кадров, так и направлений научных исследований, находящихся в кругу интересов польской науки. Этим критериям полностью соответствовал Д. И. Менделеев, а также, как можно предположить, имели значение и его связи с польскими учеными[23]. С точки зрения признания вклада российских ученых в мировую науку и достижений российской науки и культуры со стороны краковского научного сообщества переломным стал 1900 г. Дата, конечно, не была случайной, так как в этом году отмечалось 500-летие основания Ягеллонского университета. Подготовка к юбилейным торжествам длилась много лет[24]. Одним из элементов программы празднования должно было стать приглашение делегаций от университетов и присуждение почетных званий Краковского университета зарубежным ученым. Решения — об участии представителей заграничных учебных заведений и о кандидатурах, выдвинутых на присуждение званий почетных докторов, — касались также российских университетов и ученых. Согласно решению сената Ягеллонского университета к участию в юбилейных торжествах были приглашены все высшие учебные заведения Австро-Венгерской монархии и отдельные университеты Европы и Америки — всего 40 вузов. Остальные высшие учебные заведения Европы получили извещения о праздновании.

В числе приглашенных университетов первоначально был только один российский, а именно Московский университет. Сам принцип приглашения лишь избранных вузов был опротестован частью профессуры. 30 профессоров направили ректору специальный мемориал, в котором высказали пожелание пригласить все без исключения университеты Европы. «Юбилей науки, — говорилось в мемориале, — должен укреплять связи и объединять научные центры, а не разделять их. Университет, отмечающий 500 лет своего существования <...>, обязан показать, что не боится зависти, что обладает достаточной жизненной силой, чтобы пережить самые тяжкие для нации времена, и что знание и умение должны быть далеки от национальной и политической борьбы».

В итоге из российских вузов в торжествах приняли участие делегации Киевского университета, представленного доктором наук Н. П. Дашкевичем, преподавателем западноевропейской литературы и Петербургского университета, представителем которого стал профессор Леон Петражицкий, читавший на юридическом факультете курс энциклопедии права и истории философии; от имени Военной медико-хи-

inslav

ургической академии в Петербурге на юбилее выступил профессор фармации и фармакологии доктор медицины Станислав Пшибытек[25]. Что касается Новороссийского университета в Одессе, то его сенат уполномочил профессора И. А. Линниченко в качестве делегата передать поздравительный адрес. Сообщая об этом в письме к М. Соколовскому, Линниченко просил найти для него квартиру в Кракове на время будущего празднования и выражал радость, что сможет снова с ним лично встретиться спустя годы после первого знакомства[26]. Однако из-за проволочек российского министерства просвещения, не дававшего санкцию на поездку Линниченко как официального делегата, речь могла идти только о его частном визите. Когда же в самый канун торжеств разрешение министерства все же пришло, времени на подготовку к отъезду уже не было. Линниченко не приехал в Краков ни как частное лицо, ни как делегат университета. Университетский адрес был, разумеется, выслан по почте[27].

Главным пунктом программы юбилейных торжеств должно было стать присуждение звания «почетный доктор» университета. В решении оргкомитета от 15 апреля 1899 г. общее число почетных званий определялось в 50, оговаривалось и их распределение по отдельным факультетам университета. Но в ходе выработки предложений установки оргкомитета были пересмотрены, и в соответствии с утвержденными сенатом университета и Веной предложениями факультетов почетных званий были удостоены 71 человек — выдающиеся деятели польской науки и культуры и представители мировой науки. Поскольку достойных кандидатов было значительно больше, то окончательные решения получили неоднозначную оценку в тогдашней прессе[28].

В числе удостоенных почетных званий было четверо российских ученых: по философскому факультету — историк искусства Древней Руси и Византии профессор Петербургского университета и член Российской Академии наук Н. П. Кондаков[29] и историк литературы, общественно-политической мысли и этнограф А. Н. Пыпин[30]; по медицинскому факультету — Н. В. Склифосовский, а по юридическому — философ и общественный деятель профессор Московского университета Б. Н. Чичерин[31], к тому времени находившийся на пенсии[32].

Согласно рекомендации деканов, представления с обоснованием кандидатур должны были быть краткими и обозначать важнейшие научные достижения. Профессора Кондакова представлял историк искусства М. Соколовский, Пыпина — славист Юзеф Третяк. Изложив биографию российского слависта и охарактеризовав его важнейшие научные достижения, Третяк подчеркнул: «Искренняя объективность, столь редкая, если речь идет об отношении русских, характеризует труды Пыпина и придает им как раз ту высочайшую ценность, по срав-

inslav

нению с трудами современных ученых Российской империи»[33]. Предложение кандидатуры профессора Склифосовского обосновывал Бронислав Кадер с факультета медицины. Он высоко оценил научные и педагогические достижения кандидата, назвав его одним из самых выдающихся современных врачей и хирургов России. О кандидатуре Чичерина говорилось, что «он не только знаменитый юрист, но и один из глубочайших мыслителей, каких в прошлом веке дала Россия», отмечались его научные труды и членство в Академии наук в Петербурге[34].

Среди представленных к почетному званию русских ученых один лишь Склифосовский в письме выразил благодарность за оказанную честь и готовность лично получить диплом. Остальные под различными предлогами отказались прибыть в Краков на празднество. Пыпин с выражением благодарности за столь почетное отличие и за приглашение на юбилей оправдывал невозможность приехать состоянием здоровья, но заверял, что всем сердцем будет вместе с участниками этого праздника науки. Он высказывал в адрес старейшего польского университета пожелания всяческого процветания[35].

В связи с юбилейными торжествами среди упоминавшихся в печати имен русских, достойных почетной награды, назывался также Лев Толстой. Однако университет придерживался принципа, что лица, связанные с художественным творчеством, например, писатели или художники, могут быть отмечены лишь в исключительных случаях. Поэтому такая честь выпала только Генрику Сенкевичу[36].

По случаю юбилея Ягеллонский университет получил поздравительные адреса от ряда российских вузов, начиная с Московского и Петербургского университетов. Эти адреса, написанные по-латыни, были наряду с другими опубликованы в юбилейной памятной книге[37]. В адресах не только содержались подобающие случаю и написанные в высоком стиле выражения, но и нашла отражение позиция руководства российских университетов по вопросу развития научного сотрудничества. В адресе Московского университета выражалось пожелание «в дружеском согласии на огромных просторах Восточной Европы, населенных славянами, стремиться к общей цели <...>, приблизить время, когда как на Востоке, так и на Западе, в равной мере будет светить Солнце науки, а цивилизация достигнет самых далеких уголков»[38]. Ректор и сенат Киевского университета с благодарностью отмечали, что университет в Кракове служил не только польскому народу, но являлся также «для западной и южной Руси учителем на поле цивилизации, а в век Просвещения своими прославленными краковскими науками притягивал к себе из Руси толпы молодежи»[39]. Военная медико-хирургическая академия в Петербурге высказывала пожелание, чтобы слава Краковского университета и впредь сияла во всем блеске во имя знания — основы жизни, любви и мира[40].

inslav

IV

В том же 1900 г. Академия знаний избрала в свой состав в качестве зарубежного действительного члена одного из самых выдающихся в XIX в. историков литературы в России, ученого с разносторонними интересами в области гуманитарных наук, профессора Петербургского университета и члена Российской Академии наук А. Н. Веселовского[41]. Членом-корреспондентом стал историк-медиевист, занимавшийся преимущественно историей Украины, профессор Новороссийского (в Одессе) и Московского университетов И. А. Линниченко[42]. Третьим, кто был избран из ученых, работавших в России, оказался болгарин Марин Дринов, профессор славянской филологии, преподававший в Харьковском университете[43].

То, что одним российским ученым в юбилейном году присудили звания почетных докторов Ягеллонского университета, а двух других приняли в почетный круг членов Академии знаний, не было случайностью. И Веселовский, и Линниченко поддерживали обширные связи с польской наукой и снискали себе моральный авторитет в связи с нарастанием великодержавной националистической пропаганды и обострением политической ситуации в России[44].

А. Н. Веселовский — историк мировой литературы, всемирно известный исследователь культурных связей Востока и Запада, профессор Петербургского университета — в Российской Академии наук возглавлял Отделение русского языка и литературы[45].

Предложение избрать И. А. Линниченко членом-корреспондентом Академии знаний представили М. Соколовский и Винцентий Закшевский. Характеризуя научный вклад кандидата, они подчеркнули, что его работы отмечены превосходным знанием польской исторической литературы и основательным знакомством с источниками. При этом они отметили, что книга «Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия»[46], написанная и изданная в эпоху массированной атаки Каткова против всего польского, носит печать объективности и даже известной симпатии к Польше, а в работе «Критический обзор польской литературы по истории Галицкой думки»[47] Линниченко подверг критике тенденциозные публикации И. П. Филевича. Обращалось внимание также на книгу, посвященную исследованиям сословного общества и внутреннего развития средневековой Руси, как на ценный и вносящий много новых выводов труд[48]. Характеризуя общественную позицию Линниченко, Соколовский и Закшевский подчеркнули, что он «долгое время был сотрудником журнала „Kwartalnik Historyczny", с редакцией которого установил сношения во время своего пребывания во Львове, и что являясь одним из организаторов археоло-

inslav

гического конгресса в Вильно как представитель московского Археологического общества, он своим тактом и энтузиазмом в значительной мере помог освободить конгресс от того вредного направления, какое ему стремились придать представители тогдашней официальной российской науки» [49]. На основании всего этого рекомендующие отнесли Линниченко к числу серьезнейших и наиболее известных современных исследователей истории в России [50]. Благодаря Краковскую Академию за избрание в письме, написанном по-польски, И. А. Линниченко выразил надежду, что «дух научного беспристрастия, открывший мне двери этого блестящего научного учреждения, навсегда сохранит для меня уважение и симпатию его членов» [51].

До начала Первой мировой войны Академия знаний отметила еще двух выдающихся российских ученых, избрав их в состав своих членов. В 1902 г. членом-корреспондентом стал Н. И. Кареев, а в 1910 г. действительным членом — А. А. Шахматов. Оба они принадлежали к петербургскому научному сообществу и имели широкие связи с представителями польской науки, в том числе из круга краковских ученых. Представление кандидатуры Кареева внесли философ ксендз Стефан Павлицкий и историк В. Закшевский. Научные труды Кареева и его политическая позиция были хорошо известны в польском обществе потому, что часть его научных исследований касалась истории Польши, а также в определенной степени по его роли комментатора польской историографии [52]. В благодарственном письме, адресованном генеральному секретарю Академии знаний профессору Б. Уляновскому, Кареев подчеркнул, что в оказанной ему чести видит награду «не столько, разумеется, за результаты моих исследований в области польской истории, сколько за то, что я их предпринял и, надеюсь, выполнил в духе, чуждом всякой ненависти и национальной исключительности. Принимая с совершенно искренней благодарностью почетное для меня избрание, прошу мне поверить, что я хотел бы как член-корреспондент Академии быть, насколько возможно, для нее полезным, чтобы еще больше укреплять духовные узы, которые с давних пор уже связывают меня с научным миром Польши» [53].

Кандидатуру выдающегося лингвиста А. А. Шахматова представили к избранию зарубежным членом-корреспондентом Академии знаний М. Соколовский и Казимеж Моравский еще в марте 1909 г. [54] Шахматов поддерживал особенно тесный контакт с польскими филологами, работавшими в российских учебных заведениях и со славистами из Кракова Яном Лосем и Яном Михалом Розвадовским [55]. Впрочем, Лось перешел на славистическую кафедру Ягеллонского университета из Петербурга, где имел возможность познакомиться с Шахматовым и сотрудничать с ним [56].

inslav

Если обратиться к кругу лиц, подготовлявших обоснования и предложения по поводу присуждения званий почетного доктора и избрания в состав членов Академии знаний российских ученых, то окажется, что речь идет об относительно немногочисленной группе профессоров Краковского университета, большинство из которых происходило из областей бывшей Речи Посполитой, оказавшейся в составе Российской империи, или связанных с русской наукой по прошлой совместной учебе или работе. В этой роли выступали: ксендз профессор Павлицкий, который в своей научной карьере был некоторое время связан с варшавской Главной школой[57]; М. Соколовский — слушатель многих западных учебных заведений[58]; В. Закшевский — участник восстания 1863 г., отошедший от партии «станьчиков»[59]; Бронислав Кадер — уроженец Вильно, выпускник медицинского факультета Дерптского университета[60]; Наполеон Цибульский, окончивший минскую гимназию в Белоруссии, а затем Военную медико-хирургическую академию в Петербурге[61]. И это было довольно характерным явлением для краковской среды. Особая ситуация имела место применительно к славистам, лингвистам, историкам литературы, для которых контакт с российской наукой по профильной специальности являлся элементом, необходимым для собственной профессиональной работы, а также и предметом исследования. Среди славистов тоже были выходцы из Королевства Польского или так называемых восточных кресов, например, филолог Люциан Малиновский[62], Марьян Здзеховский[63], Ян Нечислав Бодуэн де Куртенэ[64], Ян Лось. Знакомства, завязавщиеся во время учебы, и нередко сентимент по отношению к окружению, из которого они вышли, были причиной того, что контакты оказались не только основанными на научном интересе, но и стали продолжением товарищеских связей времен молодости. Из той же среды формировалась группа, выступавшая с инициативой создания в Кракове Славянского клуба, представлявшего собой своеобразный форум обмена мнений и информации на тему научной и общественно-политической жизни славянских стран, в том числе и России[65].

V

Что касается российских ученых, то с их стороны установление контактов с краковскими коллегами предпринималось отдельными лицами, число которых по вышеупомянутым причинам было невелико. В основном это были те же ученые, которые удостоились членства в Академии знаний или званий почетных докторов Ягеллонского университета, главным образом из области гуманитарных наук: истории, литературы, языкознания. На первом месте стояли два историка — Н. И. Кареев и И. А. Линниченко. Их научные контакты не ограничи-

inslav

вались только Краковом, в связи с исследовательскими интересами они наладили сотрудничество с польскими историками в Королевстве и Галиции. Отношения Кареева с польскими коллегами завязались еще в годы его пребывания в Варшаве в качестве профессора русского университета. После переезда ученого в Петербург утратили силу ограничения, обусловленные его тогдашним положением и функциями «русского профессора на передовом посту в Привисленском крае», и Кареев смог свободнее поддерживать старые и устанавливать новые научные и товарищеские связи с польскими учеными. Как убежденному либералу ему были более близки те представители польской интеллигенции, которые занимали сходные идейные позиции. В 1899 г. он посетил Галицию, чтобы познакомиться с тамошними историками, а главное, переговорить с Михалом Бобжиньским и получить согласие на перевод и публикацию в России его «Очерков истории Польши» [66]. Издание вышло в Петербурге, и в связи с промедлением в отправке автору второго тома труда Кареев завязал переписку с Бобжиньским [67].

Поскольку ряд трудов Кареева был посвящен истории Польши, они встретили заинтересованный отклик в польской научной прессе. Внешним знаком добрых отношений, установившихся у него с польскими учеными может служить отзыв Кареева о двух поездках в Галицию, весной 1900 и зимой 1900–1901 гг., когда, по словам историка, два–три раза посетив Краков и Львов, он завязал больше знакомств в среде польской интеллигенции, чем за 5 лет пребывания в Варшаве [68]. Первая поездка носила научный характер и была связана со сбором материалов для очередного тома «Истории Западной Европы». Встретив в Галиции радушный прием и познакомившись со многими из интересовавших его представителей польской интеллигенции, Кареев решил вновь приехать туда на отдых [69]. В ходе второй поездки Кареев прочитал во Львове 2 доклада — один, посвященный российским исследованиям Западной Европы, другой — проблеме самообразования. Оба доклада были опубликованы в Польше: первый — в Варшаве, второй — во Львове [70]. На основе вынесенных впечатлений и опыта непосредственных встреч Кареев сделал оптимистичный вывод, что вопреки трудному прошлому существует поле для возможного сотрудничества: «Жизнь, оказывается, сильнее, и уже то, что мы находимся с поляками в постоянном обмене не одними материальными ценностями, но литературными произведениями в многочисленных переводах с польского на русский и с русского на польский, доказывает, что не так уже мы непримиримы и что есть сфера жизни, где мы можем встречаться мирно без каких бы то ни было помех со стороны политики» [71]. Контакты с Краковом Кареев поддерживал до начала Первой мировой войны [72].

inslav

И. А. Линниченко также поддерживал самые широкие связи с польскими учеными. Поскольку его интересовала история Украины, ему были ближе историки, занятые сходной тематикой. Собирая материал для очередных монографий, он познакомился во Львове с историком и общественным деятелем Владыславом Лозиньским, в Кракове — с М. Соколовским, в Варшаве — с Теодором Вежбовским. Вопросы, затрагивавшиеся в его переписке с польскими коллегами, касались не только обмена книгами, но также и помощи в отыскании известных ранее, но пропавших архивных материалов[73] либо в копировании документов[74].

С профессором Соколовским Линниченко связывали давние и в значительной степени проникнутые взаимной симпатией отношения. Они помогали друг другу в поиске материалов для проводимых ими исследований[75]. О высоком уровне доверия к краковскому профессору свидетельствовала просьба Линниченко проверить, отвечает ли его работа «Черты из истории сословий в Галицкой Руси XIV–XV вв.», изданная в Москве в 1894 г., критериям премии, учрежденной Академией знаний на средства Людвика Августыновича с целью поддержать исследования по истории крестьянства в Польше и на бывших польских территориях. Согласно полученной Линниченко информации, премиальный фонд еще не был израсходован из-за отсутствия работ, отвечавших требованиям учредителя. Между тем более половины его монографии было посвящено крестьянскому сословию на Руси, что могло бы стать основанием для выдвижения ее на премию, а это в свою очередь, как надеялся автор, дало бы импульс дальнейшей исследовательской разработке вопроса о крестьянстве как сословия[76]. В письме, написанном по-польски в 1904 г., Линниченко сообщал коллеге (специалисту по истории искусства), что в коллекции одного из своих знакомых нашел интересную серебряную булаву: «на яблоке есть рисунок — сцена битвы с турками, на рукояти — наверху изображение Яна Собеского (с непокрытой головой), под ним изображение епископа (св. Станислава?). Le ne retrouve*». Линниченко обещал сделать фото булавы и сразу прислать его в Краков, а пока просил совета, к какой литературе обратиться, чтобы выяснить содержание изображения[77].

Столь же обширные связи с польскими учеными, в том числе с краковскими, поддерживал исследователь польских политических течений и историк литературы А. Л. Погодин[78]. Собирая материал о главных политических течениях в Польше после Январского восстания 1863 г., он побывал в Кракове, где ознакомился с частными собраниями документов и партийными архивами. В письме к Т. Вежбовскому Погодин подчеркивал, что коллеги в Кракове очень интересо-

* Не установлено (*фр.*).

inslav

вались его работой, и было бы плохо, если бы не удалось добыть средств на ее издание. Когда книга была издана, он в предисловии выразил благодарность за помощь Каролю и Станиславу Эстрайхерам, М. Здзеховскому, Б. Уляновскому, Фрыдерыку Паппе и др.[79] Несколько лет спустя, в 1909 г., Погодин организовал на каникулах для студентов археологического факультета экскурсию в Галицию. Осматривали Краков, Львов и другие города. В Кракове русскую группу принимали студенческий кружок славистов, а также Здзеховский, Владыслав Хейнрих, Я. Лось[80].

Знакомство со Здзеховским, завязавшееся еще во время первого приезда Погодина в Краков, со временем переросло в дружбу. Ученые часто бывали друг у друга в гостях, поддерживали активную переписку, обменивались собственными публикациями, а заодно и впечатлениями от их прочтения. О вышедшей в Вене работе Здзеховского, посвященной России[81], Погодин писал, восхищаясь тонкостью и богатством мысли автора. По его оценке, она шла в русле идей В. С. Соловьева[82]. В их переписке преобладает политическая тематика и в особенности вопросу российско-польских отношений того времени. Погодин считал себя другом поляков и вместе с тем так определил свое кредо: «Я настоящий великорус, с его типичными достоинствами и недостатками, с известным государственным инстинктом, с некоторой широтой мысли, с порядочной долей нигилизма и со значительной долей атеизма (в смысле церковности)»[83]. Их дружба продолжалась, правда, только по переписке, и в межвоенный период, когда А. Л. Погодин жил в эмиграции в Белграде и преподавал там в университете, а М. Здзеховский был профессором Виленского университета[84].

Взгляды Погодина на польский вопрос заслуживают внимания и уважения, учитывая, что он высказывал их открыто и публично. Отвечая на международную анкету, проводившуюся галицийским журналом «Критика», он однозначно признал, что в настоящее время (1906 г.) желает для Королевства Польского автономии, «но разрешением этого вопроса является, скорее всего, независимость польского народа в его этнографических границах. Народ, обладающий столь живым осознанием своей племенной отдельности и исторического прошлого, никогда не смешается с людьми, которые заняли по отношению к нему господствующее положение <...>. Однако, я думаю, что восстановленной Польше уже не нужно будет сохранять какие бы то ни было архаичные формы: она примет форму республики, опирающейся на демократические принципы». В недатированном письме к Здзеховскому (вероятно, в 1912 г.) Погодин утверждал, что наступит такое время, когда российское правительство «станет истинно национальным» и тогда вернет Польше ее исторические права[85].

inslav

VI

В архивном наследии уже не раз упомянутого М. Соколовского имеются и другие письма его российских корреспондентов, свидетельствующие об относительно широких контактах ученого с русскими. В течение нескольких лет он поддерживал связь с Г. А. Воробьевым, жившим в российской части Польши и посылавшим свои работы в Комиссию по изучению истории искусств и в кабинет истории искусств Ягеллонского университета. Это были рисунки и снимки различных сакральных объектов, преимущественно из Варшавской губернии, с приложением составленного автором их аналитического описания[86]. Воробьев с интересом узнал о юбилейных университетских торжествах 1900 г. в Кракове и даже собирался приехать на них инкогнито. Контакты его с профессором Соколовским являлись для них обоих настолько ценными, что Воробьев решился выслать свой доклад об истории Тыкоцина на подготовлявшийся в Кракове III съезд историков[87].

М. Соколовский был единственным, кроме Я. М. Розвадовского, представителем краковского научного сообщества, кого в 1902 г. избрали членом-корреспондентом Императорской Академии наук в Петербурге[88]. Он являлся также зарубежным членом Императорского Русского археологического общества и Московского археологического общества. Соколовский участвовал в археологическом съезде в 1908 г. в Чернигове[89]. Он был приглашен на этот съезд персонально и являлся его единственным польским участником[90].

Тесные контакты со своей alma mater сохранял профессор Наполеон Цибульский, происходивший с Виленщины. В 1875 г. он с отличием окончил минскую гимназию и после этого поступил в Военную медико-хирургическую академию в Петербурге, где вскоре показал себя выдающимся студентом. Руководитель факультета физиологии профессор Тарханов взял его на должность ассистента, и он исполнял эти функции во время учебы и по ее окончании. Диплом врача он получил с наивысшей оценкой «Cum exima laude» *. Защитив в 1885 г. докторскую диссертацию, Цибульский переехал вместе с семьей в Краков[91]. В 1898 г. Военная медико-хирургическая академия праздновала свой столетний юбилей и по этому случаю пригласила участвовать в торжествах и представителей Ягеллонского университета. Ректорат, не имея средств направить делегацию в российскую столицу, уполномочил представлять университет профессора Н. Цибульского, выразившего готовность поехать в Петербург за свой счет[92].

* Исключительно похвально (*лат.*).

inslav

После переезда в Краков дружеские отношения Цибульского с его учителем профессором Тархановым не оборвались. Выдающиеся ученые продолжили научное сотрудничество. Выезжая за рубеж, Тарханов останавливался в Кракове. Когда в начале XX в. его по политическим мотивам уволили с университетской кафедры, он по совету своего бывшего ученика перебрался из Петербурга в Краков. В окрестностях города, недалеко от Цибульских, он приобрел участок земли и построил дом, названный «Вилла Антоколь» в память виленского района, откуда родом была жена. В этом доме он и поселился с женой Еленой. В 1909 г. Тарханов скоропостижно умер, гроб с его телом перевезли в Петербург и похоронили на тамошнем кладбище[93]. Людвик Вахгольц, автор статьи о Н. Цибульском в «Польском биографическом словаре», охарактеризовал дружбу учителя и ученика следующими словами: «Эти отношения, соединившие узами космополитичной науки и сердечной дружбы двух выдающихся ученых, чуждых друг другу по национальности и вере, нам представляются непонятным мифом и ярким светом озаряют память о них обоих»[94]. Слова Вахгольца, правда, были написаны в межвоенный период, не слишком, впрочем, отдаленный от упомянутых событий.

Как уже отмечалось выше, наиболее развитые контакты с русскими коллегами имели слависты. Многие из них окончили российские вузы, там же нередко сделав первые шаги на научном поприще. В связи с недостаточным изучением фондов российских архивов и библиотек нет пока еще детальных исследований, которые давали бы полное представление о характере таких контактов.

Из группы краковских славистов выделялся М. Здзеховский[95]. Как и Цибульский, он окончил гимназию в Минске, затем был студентом Петербургского университета, выпускником кафедры славистики Дерптского университета, учеником П. А. Висковатова. Его разнообразные связи среди российской интеллигенции обусловливались, с одной стороны, научными интересами, а с другой, осознанием своей миссии в установлении мирных отношений между поляками и русскими. Последнее в свое время подтолкнуло его к политической деятельности[96].

В 1880-е гг. М. Здзеховский переехал в Краков и, защитив в 1894 г. диссертацию в Ягеллонском университете, получил затем в нем должность доцента. Но и до этого его имя уже звучало среди российских славистов в связи с публикацией его первой книги, посвященной русским славянофилам и польским мессианистам[97]. Профессор Дерптского университета П. А. Висковатов после выхода этого издания рекомендовал вниманию А. Н. Пыпина бывшего студента и друга «Мариана Эдмундовича Здзеховского» и его работу[98]. Естественно, результатом явилась рецензия в «Вестнике Европы», где подчеркивалось

inslav

новаторство метода и объективность в подходе к проблемам русского славянофильства[99]. Со своим бывшим профессором Здзеховский не порывал связи, поддерживая дружескую переписку[100]. В письмах они обменивались творческими планами, новостями общественной, научной и личной жизни. Осуществлялся ими также обмен собственными публикациями, в частности Здзеховский получил собрание сочинений М. Ю. Лермонтова, подготовленное к печати Висковатовым и с его комментариями.

В первые годы пребывания в Кракове молодой славист погрузился в работу над докторской диссертацией о байроновских мотивах в европейской литературе. Эта тема обсуждалась им с русскими учеными еще в Петербурге. Работая над диссертацией, Здзеховский нуждался в продолжении обмена мыслями с ними. Стоит привести фрагмент его письма к А. Н. Веселовскому: «Смею обратить Ваше внимание на прилагаемые краткие аннотации двух докладов, которые я сделал в здешней академии. Они представляют собой фрагменты задуманной мной еще в Петербурге работы, посвященной истории байронизма, о чем я имел честь неоднократно с Вами беседовать в Петербурге. <...> Я слишком ценю Ваше мнение, чтобы мог отказаться от возможности подробно проинформировать Вас о своих исследованиях»[101]. После выхода книги[102] и посылки ее в Петербург Здзеховский получил от Веселовского письмо, в котором тот высказал возражения в связи с интерпретацией автором творчества А. Мицкевича и влияния Дж. Байрона на европейскую поэзию, особенно в первой половине XIX в. Краковский ученый в большом письме старался опровергнуть замечания русского рецензента, объяснить специфику собственного подхода. В конце письма говорилось: «Я был бы счастлив, если бы Вы высказали свое мнение о моей работе в печати»[103].

Об истории русской литературы Здзеховский обменивался мнениями и с И. А. Шапкиным, в частности, затрагивался вопрос о восприятии наследия Байрона в русской литературе после Лермонтова. Ощущая недостаток специальной литературы: редких изданий произведений отдельных писателей и поэтов, а также и новейших литературоведческих исследований, Здзеховский просил прислать их ему на время в Краков. При этом он не преминул сообщить Шапкину об интересе к его трудам со стороны краковской научной общественности[104].

После публикации книги о Байроне Здзеховский не прерывал контактов с коллегами в России. Он обсуждал с А. Н. Пыпиным программы лекций и те произведения русской литературы, которые предстояло проанализировать, спрашивал совета по подбору литературы[105]. Публикуя огромный двухтомный труд, вторая часть которого была посвящена восприятию творчества Байрона в литературах славянских наро-

inslav

дов, Здзеховский рассчитывал, что его книга будет распространяться в России. Но цензура, увы, не дала на это разрешения. Поэтому Здзеховский мог только разослать ее отдельным лицам в Петербурге, а также в некоторые библиотеки в надежде, что это не встретит возражений Цензурного комитета. Сообщая П. И. Венгерову об этом, он выражал надежду, что, несмотря на все, Венгерову удастся получить из Цензурного комитета отправленный ему экземпляр. «Я был бы счастлив, — писал он, — если бы мой труд удостоился чести быть оценен столь глубоким знатоком литературы, каковым Вы, Петр Исаевич, являетесь»[106]. С просьбой о рецензии на книгу Здзеховский обратился и к А. Н. Веселовскому, изложив свои принципы подхода к исследованию: «С научной точки зрения можно упрекать работу по истории байронизма в излишнем субъективизме, я подкрасил ее (в противоположность Брандесу*) своей спиритуалистической, христианской философией».

Здзеховский также упомянул, что все еще надеется получить место в каком-нибудь российском университете. К этому, помимо научных интересов и материальных выгод, побуждали и семейные обстоятельства: желание, чтобы сын получил образование в русской гимназии, дабы «воспитывать [его] в России как российского подданного». Мечтой ученого являлась профессорская должность в Варшаве, но в тогдашней ситуации это было невозможно. А потому, по его словам, было бы целесообразно сначала получить кафедру в каком-либо из университетов России, лучше всего, по климатическим условиям, в Киеве или Одессе[107].

Веселовский предпринял соответствующие шаги. Возможно было получить кафедру в Дерпте, но Здзеховский вообще не рассматривал такой вариант из-за обстановки в университете после его русификации. Из переписки видно также, что Здзеховский сообщил петербургскому профессору о том, как принимают его труды в Кракове, об интересе, проявленном к ним М. Соколовским и Вильгельмом Крайценахом. Кроме того, учитывая значительные познания Веселовского в области итальянской литературы, он советовался с ним относительно тематики дальнейших исследований по этим вопросам[108].

Несмотря на трудности с распространением своей книги в России, Здзеховский задумал издать ее в переводе на русский язык. С этой целью он обратился к Л. Ф. Пантелееву — петербургскому издателю, в 1860-е гг. сосланному в Сибирь за революционную деятельность[109]. Контакты с Пантелеевым не ограничивались лишь издательскими делами. От его имени Здзеховский пытался организовать в Кракове сбор средств на памятник А. И. Деспот-Зеновичу, а позже между ними даже состоялся

* Брандес Георг (1842–1927) — датский литературный критик.

inslav

обмен открытыми письмами об автономии Королевства Польского, опубликованными на страницах русской и польской прессы [110].

Здзеховский предполагал, что русский перевод книги может получить разрешение цензуры, тем более, что уже однажды он столкнулся с подобной ситуацией, когда русская версия книги о славянофилах вышла вполне легально, продажа же польского издания была запрещена. Однако на этот раз дело не пошло дальше предварительных бесед, и русское издание нового труда так и не появилось [111]. Зато успешно проходили переговоры с А. Н. Пыпиным об издании другого сочинения краковского слависта о религиозно-политических идеалах польского общества [112]. В письме к нему Здзеховский обосновывал необходимость для русской общественности названной работы, в частности, тем, что «новые течения рождают надежды на лучший завтрашний день, но это возможно лишь в том случае, если в русском обществе найдут отражение новые взгляды на польский вопрос, а между тем в России до сих пор совершенно неизвестно о переломе, произошедшем у нас после 1863 года, и эта неосведомленность происходит от полного невежества» [113].

Написав статью, Здзеховский подчеркивал, что как автор не скрывал своего польского происхождения и что та проникнута духом согласия. По его словам, какое-либо исправление текста «с целью угодить публике или цензору» очень повредило бы ему в глазах польского общества. «Хватит и того, — писал он, — что я в статье хвалю Мошиньского, столь мало популярного у нас по причине его взглядов, близких к позиции Толстого, — евангельской любви к врагам, т. е. к России» [114]. Поскольку, однако, цензура вмешалась, Здзеховский решил опубликовать весь текст по-русски за границей. Чтобы придать выступлению как можно больший резонанс, он обратился к Л. Н. Толстому с просьбой написать предисловие. Под впечатлением письма и прочитанного текста статьи писатель согласился, написав «Вступительное слово», встретившее широкий отклик в польском обществе [115].

Широта и разнообразие связей краковского слависта проистекали из широты и разнообразия его интересов, с тем, что исследуемая им проблематика эволюционировала от истории литературы в сторону истории идей — философской мысли. Поэтому возникли контакты с российскими мыслителями и философами, занимавшими близкую ему антипозитивистскую позицию. Это были члены философско-религиозного кружка в Петербурге и близкие им мистики из Москвы. По заказу редактора «Московского еженедельника» Г. Н. Трубецкого Здзеховский написал обзор течений религиозного модернизма в римско-католической церкви [116]. Это был первый в России очерк, вслед за которым тема т. н. «европейского религиозного кризиса» стала в России предметом изучения и подготовки первых работ [117].

inslav

Иной характер носило знакомство Здзеховского сначала по переписке, а затем и личное, со значительно старшим по возрасту философом права, профессором Московского университета Б. Н. Чичериным, с которым краковский славист обсуждал главным образом политические проблемы [118], а не философские вопросы. Тем не менее, после смерти Чичерина Здзеховский опубликовал статью, посвященную его философской концепции [119].

VII

Другие краковские слависты — Я. М. Розвадовский, Я. Лось — также поддерживали широкие связи с российскими учеными, что способствовало сотрудничеству в области языкознания. Обсуждали они с российскими коллегами и проект координации совместных начинаний славянских академий наук, выдвинутый отделением языка и литературы Императорской Академии наук в Петербурге.

В 1903 г. Российская Академия наук выступила с инициативой издания «Энциклопедии славянской филологии», которую бы подготовили ученые из России и остальных славянских стран. Рассмотрение этого предложения было намечено на специальном международном съезде славистов в Петербурге. Идея съезда не получила поддержки. Отвергло ее и большинство польского научного сообщества из опасения политического давления панславизма: «Справятся ли в Петербурге подлинные ученые с псевдоучеными?» [120]. Сомнения на этот счет существовали и среди русских ученых и общественных деятелей. «Я лично слабо верю в то, — писал Александр Раевский, — что съезд стал бы общеславянским; думаю, что 3/4 будут сами русские, а из славянских народов — больше прихвостни „Нового времени" и т. п.» [121] Позиция ученых из Варшавы и Кракова в отношении съезда в значительной степени была согласованной и, вне зависимости от индивидуальных позиций, определялась интересами польской науки в целом [122].

Что касается «Энциклопедии», то польские ученые осознавали невозможность согласования с русскими коллегами всех спорных вопросов многовековых отношений Польши и России, что и обусловило решение о подготовке краковской Академией знаний соответствующей польской «Энциклопедии» [123]. Подобное произошло и со второй инициативой Российской академии по созданию Союза славянских академий и научных обществ. Вопрос обсуждали в научных кругах Кракова и в Академии знаний. О ходе дискуссии польские ученые информировали российских коллег в частной корреспонденции [124]. Официальную позицию выработало общее собрание членов Академии знаний 7 декабря 1911 г. Решено было не вступать в Союз по формальным причи-

inslav

нам — поскольку этого не допускал устав Академии. В то же время Академия не отказывалась от сотрудничества, если бы целью его была координация научных исследователей: «Ибо только таким путем удастся избежать одновременной постановки идентичных задач» [125].

* * *

Подводя итог, можно сказать, что в конце XIX — начале XX вв. научные контакты и различные формы сотрудничества научного сообщества в Кракове с российскими учеными и организациями были относительно разнообразными и от десятилетия к десятилетию расширялись. Однако их масштабы и содержание не отвечали возможному и даже необходимому уровню, как например, в области славистики. Причины имели главным образом объективный характер и коренились в политической обусловленности как научной деятельности, так и организации системы подготовки научных кадров. При этом воздействие названных объективных причин, затруднявших развитие сотрудничества, наблюдалось в равной мере как с польской, так и с российской стороны.

Перевод С. Фалькович

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Róziewicz J.* Polsko-rosyjskie powiązania naukowe (1725–1918). Wrocław, 1984.

2 Ibidem. S. 6. Монография, опирающаяся на огромное число использованных польских и русских источников, свидетельствует о богатстве и вместе с тем о сложности этих связей. В этом плане приведенная в цитате самооценка автора является чересчур скромной.

3 Ibidem. S. 149–173.

4 *Perkowska U.* Kształtowanie się zespolu naukowego w Uniwersytecie Jagiellońskim (1860–1920). Wrocław, 1975. S. 88.

5 Ibidem. S. 90 — tab. 3.

6 Ibidem. S. 133–134; *Barycz H.* Stosunki Litwy z Uniwersytetem Krakowskim w czasach porozbiorowych // Pamiętnik VI Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Wilnie 17–20.IX.1935. Lwów, 1935. T. 1. S. 295–300.

7 См.: Archiwum Uniwersytetu Jagiellońskiego (далее — AUJ), międzynarodowe kongresy i zjazdy i udział w nich przedstawicieli UJ; współpraca UJ z wyższym szkolnictwem za granicą i wymiana naukowa: S II 938; S II 939; S II 942; S II 960; S II 968; WF II 527; WF II 534; WP II 650, WP 561.

8 *Król M.* Konserwatyści a niepodległość. Studia nad polską myślą konserwatywną XIX wieku. Warszawa, 1985. S. 226–227.

9 *Filipowicz M.* Wobec Rosji. Studia z dziejów historiografii polskiej od końca XIX wieku po II wojnę światową. Lublin, 2000. S. 26.

inslav

10 *Buszko J.* Społeczno-polityczne oblicze Uniwersytetu Jagiellońskiego w dobie autonomii galicyjskiej 1869–1914. Kraków, 1963. S. 14.

11 *Opacki Z.* Marian Zdziechowski w Uniwersytecie Jagiellońskim w latach 1894–1914 // Studia Historyczne. 1995. R. 38. Z. 3. S. 376–377; *Idem.* W kręgu Polski, Rosji i Słowiańszczyzny. Myśl i działalność społeczno-polityczna Mariana Zdziechowskiego do 1914 roku. Gdańsk, 1966. S. 201.

12 *Śliwowska W.* W kręgu poprzedników Hercena. Wrocław, 1971. S. 36–57; *Итенберг Б. С.* Российская интеллигенция и Запад. М., 1999. С. 83–103.

13 *Kariejew M. I.* Profesura w Warszawie, podała do druku J. P. Aksienowa // Przegląd Historyczny. 1978. T. 69. Z. 2. S. 277–278. Стоит отметить, что не только варшавские круги питали такие предубеждения. Доказательством служит письмо В. И. Ламанского В. Спасовичу в связи с его посредничеством в переговорах с М. Бобжиньским насчет перевода на русский язык его «Очерков истории Польши». См.: Biblioteka Jagiellońska (далее — BJ). Rks. 8075 III: Korespondencja Michała Bobrzyńskiego z l. 1869–1880. K. 441–442. List Łamańskiego z Petersburga z 1879 r. Еще в 1887 г. в связи с рецензией на работу А. Семковича «Критический разбор „Истории Польши" Яна Длугоша» (Краков, 1887) И. А. Линниченко, приват-доцент Новороссийского университета в Одессе, написал: «Между российской и польской литературой до сей поры стоит китайская стена взаимного непонимания. Те или иные политические убеждения деятелей не относятся к науке; цель науки одна — правда» // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. Цит. по: *Róziewicz J.* Op. cit. S. 156.

14 *Кареев Н. И.* Polonica. СПб., 1905. С. 220.

15 *Róziewicz J.* Op. cit. S. 152.

16 Sprawozdanie Sekretarza Generalnego z czynności Akademii od maja 1891 do maja 1892 // Rocznik AU. 1891/92. S. 81: об исследовательских достижениях Феликса Коперы в области идентификации миниатюрной живописи и художественных изделий в собраниях Петербурга и Москвы см.: Sprawozdanie Sekretarza Generalnego AU za rok 1899/1900 // Rocznik AU. 1899/1900. S. 71–74; *Róziewicz J.* Op. cit. S. 161; там же автор перечисляет имена польских ученых, работающих под эгидой Российской Академии наук в ее учреждениях.

17 Sprawozdanie Sekretarza Generalnego Akademii Umiejętności // Rocznik AU 1902/1903. S. 105–106.

18 Bibl. PAN Kraków, rkps 1881: Korespondencja Teodora Wierzbowskiego. T. 24. K. 121–123 — list Aleksandra Rajewskiego. Petersburg 28. IX/11. X. 1904 r.

19 Просьб такого типа чрезвычайно много в корреспонденции директора Главного архива в Варшаве профессора Варшавского университета Т. Вежбовского. См.: Bibl. PAN Kraków, rkps 1881.

20 Biblioteka Czartoryskich w Krakowie (далее — BCz) rkps Ew. 2120/2. Teczka I. Listy z maja i września 1905 r. Подобное выступление имело место 22.X.1906 г. и 2/15.I.1908 г. Все письма подписаны профессором А. А. Шахматовым.

21 BCz rkps Ew. 2120/2. Teczka A. List S. Gorianowa z Petersburga 21. II. 1909 r., listy S. Oldenburga z 13. III. 1909 r., czerwca 1909, 14. XII. 1909 r.

inslav

22 BCz rkps Ew. 2120/2. Teczka U. Письмо директора библиотеки государственного советника Б. Кордта (Киев, 23. V 1908 г.) вместе с подписанным им согласием придерживаться правил пользования фондами библиотеки Музея Чарторыских: «Что касается библиотеки и архива, то хранящиеся в них редкие книги и рукописи представляются в пользование самым высоким научным институтам в Польше и за границей» (*Sokołowski M.* Muzeum Czartoryskich w Krakowie // Kwartalnik Historyczny. 1892. S. 274).

23 *Róziewicz J.* Op. cit. S. 153–154; *Idem.* Mendelejew i Polacy // Przegląd Techniczny. 1978. № 45. S. 27–29.

24 Уже в 1887 г. создали комиссию для подготовки к печати юбилейных изданий, а затем начали собирать средства как на издательские расходы, так и на проведение самих юбилейных торжеств. См.: *Perkowska U.* Jubileusze Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków, 2000. S. 121–133.

25 По мнению У. Перковской, сенат отверг петицию и поддержал более раннее постановление. *Perkowska U.* Jubileusze... S. 133–135. В свете материалов, помещенных в «Памятной книге 500-летнего юбилея возобновления Ягеллонского университета» (под ред. Л. Цифровича, Краков, 1901), оказывается, что российские делегации были. Это подтверждает и адрес Петербургского университета, в котором, в частности, говорится: «Мы тем более испытываем ко всем благодарность, что собираясь по прошествии долгих веков начать путь во второе пятисотлетие, вы соблаговолили и нас пригласить быть свидетелями этого праздника». *Idem.* S. 16–17. Густав Мантейфель, участвовавший в краковских торжествах от лица «Полонии» — корпорации польских студентов в Дерпте, написал: «Российский ученый мир так образцово себя вел, когда в Кракове весь свет отдавал дань польской цивилизации, что теперь и российская цензура должна иначе смотреть на эти вопросы» (Biblioteka Litewskiej Akademii Nauk w Wilnie. Rkps F. 102–81. K. 27. List do Czesława Jankowskiego z 2.VII.1900 r.).

26 AUJ. DCVIII/2: Spuścizna Mariana Sokolowskiego. List z 6.V.1990 r. Odessa.

27 Ibidem. List z 7/20.XII.1900 r.

28 AUJ. S. II 948; полный список получивших титулы «почетного доктора» дается в приложении к: *Perkowska U.* Jubileusze. S. 275–281.

29 Кондаков Никодим Павлович (1. XI 1884 — 17. II 1925) // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 7. С. 799.

30 Пыпин Александр Николаевич (25. III 1833 — 26. XI 1904) // Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11. С. 734.

31 *Opacki Z.* Borys Cziczerin i Marian Zdziechowski. Studium porównawcze stylów myślenia politycznego // Polska i Polacy. Studia z dziejów polskiej myśli i kultury politycznej XIX i XX wieku / Pod red. M. Mroczki / Gdańsk. 2001. S. 297–316.

32 AUJ. S II 949.

33 Ibidem.

34 Среди благодарственных писем, которые награжденные профессора направили ректору Ягеллонского университета (все они написаны по-французски) отсутствует письмо Б. Н. Чичерина (AUJ. 5 II 949). На дипломе Чичерина в обоснование его награждения написано: Qui ius publicum eleganti doctrina tractavit, studia civilia

inslav

eximie coluit, semperque iustitiae et aequitatis fama floruit (лат.). Изложившему публичное право в виде изящного учения, глубоко постигшему гражданские науки и прославленному как человек справедливый и сторонник равенства. См. копию диплома: AUJ. S II 973/1.

35 *Perkowska U.* Jubileusze. S. 140–141.

36 Księga pamiątkowa. S. 167–176.

37 Ibidem. S. 169.

38 Ibidem. S. 167–168.

39 Ibidem. S. 175.

40 Веселовский Александр Николаевич (4. II 1838 – 10. X 1906) // Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 3. С. 391.

41 Линниченко Иван Андреевич (12. X 1857 – 9. VI 1926) // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 8. С. 690; Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 220–221.

42 *Róziewicz J.* Op. cit. S. 155.

43 В некрологе А. Н. Веселовского генеральный секретарь Академии знаний, наряду с указанием на его огромные научные достижения, подчеркнул: «С польским обществом его связывали очень прочные узы симпатии, которая проявлялась при каждом его личном контакте с польскими учеными». См.: Rocznik AU. 1906/1907. S. 64.

44 Биографическая справка и список его главных трудов помещен в: Rocznik AU. 1901/1902. S. 14–16; Arch. PAN Kraków (далее – APAN Kr.), sygn PAU 1–36: биография и благодарственное письмо Веселовского на французском языке. В письме от 10 мая 1900 г. он сообщал, что в ответ на письмо высылает два тома биографического словаря профессоров Петербургского университета; в 1-м томе на стр. 150–151 находится его жизнеописание и перечислены публикации.

45 *Линниченко И.* Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Киев, 1884.

46 *Линниченко И.* Критический обзор польской литературы по истории Галицкой думки // Журнал Министерства народного просвещения. 1887.

47 *Линниченко И.* Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV–XV вв. М., 1894. Это была основа докторской диссертации, защищенной в Киевском университете.

48 Публикации Линниченко были замечены в польской историографии и рецензировались на страницах журнала «Kwartalnik Historyczny». См.: 1888. Т. 3. С. 805–806. Рецензия А. Семковича на статью Линниченко об архивах Галиции. А. Прохаска в рецензии на книгу «Черты из истории сословий...» отметил, что «картина отношений низшего социального слоя на Руси освещена замечательно... Крестьянский вопрос на Руси исчерпывающе и всесторонне исследован г. Линниченко, и мало что можно к нему добавить». См.: *Idem.* Nowe poglądy na stosunki wewnętrzne Rusi w XV wieku // Kwartalnik Historyczny. 1895. S. 23–42.

49 APAN Kr. Akta członków: Iwan Linniczenko.

50 Ibidem. Письмо без места и даты.

inslav

51 См. исчерпывающую работу Ю. Бардаха: *Bardach J.* Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej schyłku XIX — początku XX wieku: N. I. Kariejew // Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku. Warszawa, 1980. S. 104–154; *Djakow W.* Tematyka polska w historiografii rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku. Idem. S. 88–92: *Maternicki J.* Mikołaj Karejew a polski świat nauczycielski // Słowiańszczyzna i dzieje powszechne. Warszawa, 1985. S. 288–311.

52 APAN Kr. Akta członków: Mikołaj Kariejew. Полный текст письма поместил Е. Рузевич: *Róziewicz J.* Op. cit. S. 157–158. Накануне выборов зарубежных членов Академии знаний австрийские власти запрашивали российский МИД насчет лояльности кандидатов, не проявляли ли они в своей общественной, политической или научной деятельности враждебности к Австро-венгерскому государству. Так поступили и в отношении Н. И. Кареева, а поскольку одновременно предполагалось принять в члены Академии ряд других кандидатов — российских подданных, в частности М. Здзеховского и Т. Вежбовского, то соответствующее ведомственное начальство было обязано представить на них характеристики. См.: Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 123. Д. 77. Письмо МИД России в Министерство народного просвещения от 13.VI.1902 г.

53 APAN Kr. Akta członków: Aleksiej Szachmatow; см. также М. А. Робинсон. Эпистолярное наследие академика А. А. Шахматова // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 228–235.

54 *Róziewicz J.* Op. cit. S. 158. Письма А. А. Шахматова к Я. Лосю см. в: Документы к истории славяноведения в России (1850–1912) / Под ред. Б. Грекова. М.; Л., 1948. С. 230, 236–237. Т. Лер-Сплавиньский писал Казимежу Натану: «Я теперь читаю с большим увлечением курс русского языка Шахматова, который добыл себе из Петербурга при посредстве Эдмунда Здзеховского, увы, часть I-ая уже разошлась, я достал только 2-ую и 3-ью». APAN Kr. K. III–51. J. 196. List z Wiednia z 23.II.1914 r.

55 Было также не случайным, что существенную роль посредника в переговорах по вопросу привлечения Лося на вакантную кафедру в Кракове сыграл другой краковский славист, выходец из Российской империи М. Здзеховский; см.: Listy Mariana Zdziechowskiego do Jana Łosia z Krakowa z 1901 i 1902 r. oraz list Jana Rozwadowskiego do Jana Łosia z dn. 15 lutego 1902 r. Biblioteka PAN Kraków. Rks 2285: Jan Łoś. Korespondencja. K. 39, 270, 273, 277.

56 Stefan Pawlicki 1839–1916. Polski slownik biograficzny (далее PSB). T. 25. Z. 3. Wroclaw, 1980. S. 423–426.

57 *Kalinowski L.* Marian Sokołowski // Stulecie Katedry Historii Sztuki Uniwersytetu Jagellońskiego (1882–1982) / Pod red. Lecha Kalinowskiego. Warszawa; Kraków, 1990. S. 11–30.

58 *Barycz H.* Historyk gniewny i niepokorny. Rzecz o Waclawie Sobieskim. Kraków, 1978. S. 61–62.

59 Bronislaw Kader. 1863–1937. PSB. T. 11. Wroclaw, 1964. S. 404–405.

60 BJ. Rks akc. 380/81: *Cybulska-Białowieska S.* Garść wspomnień rodzinnych. S. 2–6; *Wachholz L.* Napoleon Cybulski. PSB. T. 4. Kraków, 1938. S. 116–118.

61 *Fita S.* Pokolenie Szkoly Glównej. Warszawa, 1980. S. 40, 63–64.

inslav

62 *Opacki Z.* W kręgu. S. 1–58.

63 Формальная связь Я. Н. Бодуэна де Куртенэ с краковским научным сообществом длилась относительно недолго, когда в 1894–1899 гг. он работал в Ягеллонском университете на контракте в качестве ординарного профессора сравнительного языкознания и санскрита. Его контакты с российской наукой представлены в коллективном труде: Działalność naukowa, dydaktyczna i społeczno-polityczna Jana Niecisława Baudouina de Courtenay w Rosji. Pod red. Jerzego Róziewicza. Wrocław, 1991.

64 *Solak Z.* Marian Zdziechowski i Klub Słowiański // Studia Historyczne. 1987. № 2. S. 219–239; *Sławęcka E.* Literatura i kultura rosyjska w działalności krakowskiego Klubu Słowiańskiego // Slavia Orientalis. 1971. № 3. S. 281–298; *Opacki Z.* W kręgu. S. 199–200.

65 *Bardach J.* Op. cit. S. 124; *Кареев Н. И.* Polonica. С. 216.

66 BJ. Rkps 8078 III: Korespondencja Michała Bobrzyńskiego z 1892 r. K. 129–130. Письмо Н. И. Кареева на польском языке 3/15.1У 1892 г. В нем есть фраза: «высылаю перевод второго тома Вашего труда с просьбой принять эту работу как доказательство моего глубокого уважения и почтения к Вам».

67 *Кареев Н. И.* Polonica. С. 209.

68 Там же. С. 218.

69 *Bardach J.* Op. cit. S. 136–137.

70 *Кареев Н. И.* Polonica. С. 221.

71 Bibl. PAN Kraków. Rkps 7054: Korespondencja Józefa Rostafińskiego z lat 1869–1928, письма на французском и польском языке по вопросу временного пользования книгами из библиотеки Россійской Академии наук от 3.V, 20.V и от 1.VI.1908 г.

72 См.: Listy do Teodora Wierzbowskiego. Bibl. PAN Kraków. Rkps 1881: Korespondencja Teodora Wierzbowskiego. T. 17. K. 84–85, listy z Odessy 10.X.1897. T. 18. K. 29, 20.II.1898. T. 22. K. 87. 23.IX.1902.

73 BJ rkps 10053 III: Korespondencja Władysława Łozińskiego w latach 1861–1913. T. 8; письмо И. А. Линниченко 21. IV. 1891 г. из Москвы. Там он жалуется на условия работы во Львовском архиве: «В бытность мою во Львове я пытался работать в этом архиве, но Вы знаете, какие там условия, чтобы записаться (надеюсь, что они изменились к лучшему), несмотря на помощь Видманна я мало смог там сделать».

74 AUJ DCVIII/2, listy z Moskwy 7.III.1891; Odessa, bd [1899?]; Odessa 7/20.XII.1900, 3.II.1899 [bm].

75 AUJ DCVIII/2, Odessa 12.I.1900 r.

76 AUJ DCVIII/2, Bad Kissingen. Niemcy, 8.VII.1907 r.

77 *Bortnowski A.* Aleksander Pogodin — przyjaciel Polaków i popularyzator historii Polski w Rosji // Polsko-rosyjskie związki... S. 174–193.

78 Bibl. PAN Kraków. Rkps 1881: Korespondencja Teodora Wierzbowskiego. T. 26. K. 151. Warszawa. 23.XI.1906; *Bortnowski A.* Op. cit. S. 179–180.

79 *Bortnowski A.* Op. cit. S. 183.

80 *Zdziechowski M.* Die Grundprobleme Russlands. Literarisch-politische Skizzen — aus dem Polnischen übersetz von Adolf Stylo. Vien, 1907.

inslav

81 Biblioteka Uniwersytetu Wileńskego (далее — BUWil). F. 33. J. 634. List z Warszawy. 8.X.1907.

82 Ibidem. List z 19.VI.1910.

83 BUWil. F. 33. J. 634. K. 28. List A. Pogodina do M. Zdziechowskiego. Belgrad. 31.X.1933.

84 Krytyka. 1906. T. 2. Z. 11. S. 364, 366; BUWil. F. 33. J. 634, письмо не датировано, вероятно из Харькова в 1912 г., 21 ноября.

85 AUJ DCVIII/3. Listy z Plocka z 26 II oraz 11. IX. 1897, 27. VI. 1899.

86 Ibidem. Listy z Jomiy z 1900 r., 30. I; 10. V; 19. IX; 7. X; 25. XII.

87 *Róziewicz J.* Op. cit. S. 308–309; Aneks I: Polacy i obywatele Rzeczypospolitej (do 1795 r.) czlonkowie Akademii Nauk w Petersburgu (1725–1918).

88 См. приложение [в]: *Blombergowa M. M.* Polscy czlonkowie rosyjskich towarzystw archeologicznych 1839–1914. Wrocław, 1988. S. 128–132.

89 Ibidem. S. 118; См.: list J. M. Smirnowa, SPB 14. XI. 1908, AUJ DCVIII/3.

90 BJ rkps aks. 380/81: *Cybulska-Bialowieska S.* Garść wspomnień rodzinnych. S. 4–6.

91 AUJ. S. II 960. Приглашение от Военной медико-хирургической академии на торжества, подписанное президентом В. Пахотиным, и письмо ректора декану лечебного факультета с информацией о приглашении, а также ответ декана, сообщающего о решении проф. Н. Цибульского.

92 *Cybulska-Bialowieska S.* Op. cit. S. 7.

93 *Wacholz L.* Op. cit. S. 117.

94 Вопрос о связях М. Здзеховского с русской наукой требует отдельного, более глубокого исследования. Здесь можно лишь обозначить их разносторонний характер.

95 *Opacki Z.* Mariana Zdziechowskiego zmagania z Rosją // Polacy a Rosjanie. Поляки и русские. Materialy z konferencji «Polska — Rosja. Rola polskich powstań narodowych w ksztaltowaniu wzajemnych wyobrażeń». Pod red. Tadeusza Epszteina. Warszawa, 2000. S. 181–194.

96 *Урсин М. [Здзеховский М.].* Очерки из психологии славянского племени. СПб., 1887; польская версия: Mesjaniści i slowianofili. Szkice z psychologii narodów slowiańskich. Kraków, 1888.

97 Российская национальная библиотека. Ф. 621, ед. хр. 164: корреспонденция А. Н. Пыпина. Письмо П. А. Висковатова из Дерпта 30.IX.1887.

98 Вестник Европы. 1888. № 3. С. 413–419.

99 BUWil. F. 33. J. 782: письма П. А. Висковатова М. Здзеховскому. Информацию об атмосфере в доме дерптского профессора и мнение о его лекциях см.: Wspomnienia z czasów studenckich w Dorpacie. BUWil. F. 33. J. 21. K. 6–7.

100 Институт русской литературы РАН (далее — Пушкинский Дом). Ф. 45. Оп. 3. Ед. хр. 361: корреспонденция А. Н. Веселовского. Письмо М. Здзеховского из Кракова от 28.III.1891.

101 *Zdziechowski M.* Byron i jego wiek. Kraków, 1894–1897. T. 1–2.

102 Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 80. Оп. 1. Ед. хр. 110: Письма М. Здзеховского А. Н. Веселовскому. Письмо из

inslav

Кракова 4. VII 1898 г. В письме из Кракова от 10 февраля 1903 г. Здзеховский благодарил за присланную ему книгу Веселовского о Байроне, сообщая, что использует ее и часто цитирует в своем цикле лекций о философских идеях в литературе XIX в., который он читает в Ягеллонском университете.

103 Пушкинский Дом. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 1335: корреспонденция И. А. Шапкина. Письма М. Здзеховского из Кракова 11.III.1892 г. и 30. XI 1893 г.

104 Национальная библиотека в С.-Петербурге. Ф. 621. Ед. хр. 345: корреспонденция А. Н. Пыпина. Письма М. Здзеховского из Кракова 12 и 30 июня 1894 г.

105 Пушкинский Дом. Ф. 62. Оп. 3. Ед. хр. 217: корреспонденция П. И. Венгерова. Письмо М. Здзеховского из Кракова 10. XII 1897.

106 Там же. Ф. 45. Оп. 3. Ед. хр. 361. Письмо М. Здзеховского из Кракова 5. IV 1898.

107 Там же. Письма М. Здзеховского из Кракова 15. IV и 4. V 1898 г.

108 *Śliwowska W.* Wstęp // *Pantelejew L.* Wspomnienia. Warszawa, 1964. S. 13–14.

109 Открытое письмо Пантелеева опубликовано в: «Swiat Słowiański». 1905. № 4. С. 295–302 и 1906. № 6. С. 454–461. Ответ М. Здзеховского см.: «Рассвет». № 179. 6/19.VIII.1905. Вопросов сотрудничества в политике и по издательской части касается значительная часть писем М. Здзеховского, хранящихся в фонде Л. Ф. Пантелеева: РГАЛИ. Ф. 1691. Оп. 1. Ед. хр. 226. См.: *Opacki Z.* W kręgu. S. 152–155.

110 Пушкинский Дом. Ф. 224. Ед. хр. 114: корреспонденция Л. Ф. Пантелеева. Письма М. Здзеховского из Кракова 28.XII.1897 и 2.II.1899 г.

111 *Урсин М. (M. Zdziechowski).* Религиозно-политические идеалы польского общества (1831–1895) // Северный вестник. СПб., 1895. № 7. С. 36–54.

112 Российская национальная библиотека. Ф. 621. Ед. хр. 345. Корреспонденция А. Н. Пыпина. Письмо М. Здзеховского из Кракова 28.VI.1894 г.

113 Там же. Письмо М. Здзеховского из Кракова 26.II.1895 г.

114 *Урсин М. (M. Zdziechowski).* Религиозные идеалы польского общества. Очерк (С предисловием графа Л. Н. Толстого). Лейпциг, 1896. Тему переписки М. Здзеховского с Л. Н. Толстым и стараний первого получить высказывание русского писателя подробно и глубоко осветил Б. Бялокозович, опубликовавший при этом письма обоих. *Białokozowicz B.* Marian Zdziechowski i Lew Tołstoj. Białystok, 1995.

115 *Здзеховский М.* Модернистическое движение в Римско-католической церкви // Московский еженедельник, 1908. № 2. С. 38–47; № 3. С. 39–47; № 4. С. 22–32. См. также: *Здзеховский М.* Модернизм и толстоизм // Московский еженедельник. 1908. № 43. С. 26–38.

116 *Прокошиев П. А.* Религиозный кризис на западе Европы. (Модернизм). Томск, 1911. См.: *Павлова М.* Мученик великого религиозного процесса // *Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д.* Царь и революция. М., 1999. С. 32–40.

117 Национальная библиотека. Ф. 634. Письмо С. Н. Булгакова А. М. Ремизову 15.VI.1905; Ф. 814. Ед. хр. 54. Письмо М. Здзеховского из Кракова Д. В. Философову 31.XII.1912. См. также: *Opacki Z.* Borys Cziczerin i Marian Zdziechowski passim.

inslav

118 *Zdziechowski M.* Borys Cziczerin. Wspomnienie pośmiertne // Przegląd Polski. 1904. T. 3. S. 3–17 и отд. изд.

119 В 1911 г. Ян Михал Розвадовский был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. 8 декабря 1911 г. он писал А. А. Шахматову из Кракова: «Поверьте, что известие тем ценнее для меня, что оно исходит от Вас и что, конечно, этим высоким отличием я обязан Вам. Отличие это я высоко ценю и глубоко благодарен за него Второму отделу. [...] Во всяком случае я очень постараюсь в будущем не забывать, что Второй отдел имп[ераторской] Академии почтил меня своим выбором» (Документы к истории славяноведения. С. 332).

120 Слова из письма В. Спасовича Я. Н. Бодуэну де Куртенэ последний процитировал в письме А. А. Шахматову из Петербурга 26.XII.1903/8.1.1904 г. См.: Документы к истории славяноведения. С. 244–245.

121 Aleksander Rajewski do Teodora Wierzbowskiego. Petersburg 23.IV.1903. Bibl. PAN Kraków. Rkps 1881. T. 23. K. 21.

122 Об этом свидетельствует активизация контактов представителей руководства Академии знаний с научными кругами Варшавы в конце 1903 и в 1904 гг. См. письмо В. Спасовича Т. Вежбовскому (Bibl. PAN Kraków. Rkps 1881. T. 23). В письме из Варшавы от 20.XII.1903 г. он приглашал на встречу с прибывшими из Кракова Уляновским и Потоцким. См. также письма из Варшавы от 11.II и 25.III и очередные в апреле и мае 1904 г. (T. 24. K. 29–30. Warszawa 11.II.1904; K. 41, list z 21.III.1904. K. 51 i 66, kolejné listy z kwietnia i maja). Они подтверждают как систематичность контактов, так и факт согласования позиций польских научных кругов по актуальным политическим и научным проблемам.

123 См. письмо В. Спасовича А. А. Шахматову 19.XII.1903/1.I.1904 г. // Документы к истории славяноведения. С. 243–244; *Róziewicz J.* Op. cit. S. 162–165.

124 См. письма Я. Лося А. И. Соболевскому от 22.IV.1911 г., Я. М. Розвадовского А. А. Шахматову от 13.VI.1911 г. и Белича А. А. Шахматову от 9. VI 1911 г. // Документы к истории славяноведения. С. 310–311, 322–323, 312–313.

125 Там же. С. 338. Письмо президента Академии знаний С. Тарновского в Российскую Академию наук из Кракова 6.I.1912.

inslav

С. М. Фалькович
(Москва)

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ СССР И ПОЛЬШИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Советско-польские научные контакты межвоенного двадцатилетия не были предметом активного изучения. Из тех, кто занимался этой проблемой в Польше, можно назвать главным образом профессора Е. Рузевича. В России на эту тему писала М. Н. Черных, в известной мере ее касалась автор этих строк в статьях о взаимодействии культурного и политического факторов в данный период [1]. Скорее всего исследователи неохотно обращались к теме научных контактов, так как считали ее неблагодарной как раз по причине их затрудненности в это время из-за влияния политического фактора.

Несомненно, это влияние было значительным и играло отрицательную роль в развитии советско-польских отношений, притом не только на ниве науки. Но были и другие факторы, действовавшие положительно, и одним из них являлся факт давних связей ученых России и Польши, обусловленный самой историей их народов. Польские ученые работали бок о бок с русскими на всем пространстве Российской империи и внесли огромный вклад в развитие ее науки, культуры, экономики, о чем напомнила проходившая несколько лет назад в Казани российско-польская конференция, материалы которой были опубликованы [2]. Среди этих ученых были крупнейшие специалисты (Я. Н. Бодуэн де Куртенэ, Л. Петражицкий, Т. Зелиньский и другие), они сотрудничали с русскими и в первые месяцы советской власти. Вернувшись в Польшу после восстановления ее независимости, многие из них сохранили завязавшиеся ранее личные связи. Так, например, известны контакты Бодуэна де Куртенэ в 20-е гг. с российскими лингвистами, в частности с академиком Л. В. Щербой [3].

Пока шла советско-польская война 1920 г., поддерживать связь было невозможно. Но с подписанием Рижского мирного договора обстановка изменилась. На протяжении 20–30-х гг. и в Польской республике, и в Советской России рос интерес к тому новому, что происходило в соседнем государстве. Советская действительность стала в Польше темой семинаров, лекций, докладов, дипломных работ и диссертаций.

inslav

Для изучения ее отдельных сторон создавались студенческие кружки[4]. Естественно, эта тема интересовала и польскую научную общественность. К тому же ученые обеих стран имели и профессиональные интересы, стремились узнать о научных достижениях коллег по другую сторону границы. Необходимость в такой информации определила и первую форму советско-польских научных контактов – обмен научными данными, материалами, специальной литературой. С просьбой о помощи в установлении связей и обмене информацией, о присылке книг ученые обращались по разным адресам. Так, еще в 1922 г. киевское бюро Всеукраинского научного комитета просило польские издательства, научные организации и общества, высшие учебные заведения прислать свои издания за последние 8 лет (т. е. за период с начала Первой мировой войны)[5]. В 1927 г. предложение об установлении научных контактов с советскими научными учреждениями Сельскохозяйственный институт в Пулавах направил в редакции газет Ленинграда и Краснодара[6].

В деле налаживания научных связей принимали участие и дипломатические представительства СССР и Польши. Уже в 1923 г. полпредство Украины в Польше выступило посредником в книгообмене между Научным обществом им. Шевченко во Львове и Харьковской книжной палатой, а Наркомат просвещения УССР принял решение высылать во Львов экземпляры всех украинских печатных изданий[7]. От представителей Советского посольства в Варшаве и консульства во Львове в 1931 г. исходило предложение установить научные связи с советскими учеными, направленное в адрес Львовского университета и Политехники, на что те охотно откликнулись[8]. В свою очередь, сотрудники польской дипломатической миссии в СССР выступили с предложением о контактах научных учреждений (в частности, Сельскохозяйственного института в Пулавах и Всесоюзного института растениеводства, руководимого академиком Н. И. Вавиловым). Когда в 1929 г. директор Института Маркса и Энгельса Д. Б. Рязанов, стремившийся завязать сношения с польскими библиотеками, архивами, музеями и другими научными организациями, попросил помощи Советского посольства в Варшаве, МИД Польши выразило готовность поддержать эту инициативу и связалось с Польским историческим обществом. В ответном письме председателя Общества профессора М. Хандельсмана говорилось, что «советское предложение целиком заслуживает признания и возможно более быстрого его осуществления», намечались пути организации взаимного доступа ученых к архивам Польши и СССР[9]. Вопросы научного обмена решались даже на высоком правительственном уровне: в 1927 г. нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский предлагал министру общественного просвещения и вероисповеданий Польши К. Бартелю «организовать регулярный обмен официальных изданий» между советским

inslav

наркоматом и польским министерством «с целью установить взаимность в опытах в области общественного просвещения»[10].

В ряде случаев ученые вступали между собой в непосредственный контакт и обменивались литературой: так поступали ботаники проф. В. Шафер из Кракова и проф. А. А. Рейнгард из Ленинграда[11]. Но гораздо чаще двусторонние связи устанавливали научные учреждения. Центральное архивное управление СССР осуществляло обмен изданиями с польскими архивными и научными организациями[12]. Музей промышленности и техники в Варшаве вел переписку с московским Политехническим музеем о поддержании постоянных научных контактов[13]. Подобные контакты, выражавшиеся главным образом в обмене литературой, с польской стороны поддерживали, в частности, Академия знаний в Кракове, варшавские, краковские и львовские университеты и политехники, Институт Оссолиньских и Библиотека Рачиньских, Варшавская публичная библиотека, Научное общество им. Шевченко во Львове, Бюро пропаганды польской медицины и многие другие, а с советской стороны — Академия наук СССР и Всеукраинская академия наук, Московский университет, Археографическая комиссия, Центральное архивное управление УССР, Коммунистическая академия в Ленинграде, Всенародная библиотека в Киеве, библиотека Минского университета, Научная библиотека в Архангельске, Харьковская книжная палата, Ленинградский институт охраны труда, Всесоюзный институт растениеводства, Всесоюзный институт табачной промышленности и др. Центры сельскохозяйственной науки проявляли особенно большую активность: они обменивались не только книгами и материалами, но и семенами. В 1933 г. Всесоюзный институт растениеводства направил образцы семян Сельскохозяйственному институту в Пулавах; подобный обмен предлагал и сельскохозяйственный факультет Ягеллонского университета[14]. Еще раньше, в 1927 г., Ташкентский ботанический сад получил индекс семян от Ботанического сада в Кракове. От Центральной школы сельского хозяйства в Варшаве исходили предложения наладить обмен опытом по проектированию сельскохозяйственных машин[15].

С середины 20-х гг. большинство предложений направлялись через Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), которое связывалось с дипломатическими представительствами, польскими ведомствами и непосредственно с научными центрами, выступая посредником в установлении контактов[16]. В ВОКС поступали и индивидуальные обращения: например, проф. П. Домбковский из Львова, заинтересованный в качестве руководителя семинара в приобретении ряда советских исторических публикаций, просил сведений о новейших советских изданиях, сообщал данные о польских научных трудах, предлагал наладить регулярный обмен научной информацией и литературой[17]. Подоб-

inslav

ные просьбы были распространенной практикой и как правило они выполнялись. Через ВОКС и Бюро международного обмена изданиями при АН СССР шла пересылка литературы как организациям, так и отдельным ученым. С 1926 г. Бодуэн де Куртенэ получал материалы по лингвистике и родственным дисциплинам. В Польшу высылались материалы о сельском хозяйстве, торговле, финансах, социальной гигиене и промышленной санитарии, охране труда и технике безопасности в СССР. В свою очередь, советские ученые получали польские издания, в частности, академика И. П. Павлова снабжали трудами по медицине [18].

Целью ВОКС являлось как можно шире распространить информацию об СССР. Поэтому Общество откликалось и на просьбы польской стороны о снабжении советскими учебниками, в том числе предназначенными для средней школы. В планах Общества было создание отделов советской книги в польских библиотеках (в частности, в Варшавской публичной библиотеке), информирование польской прессы о научных достижениях в СССР и прежде всего о последних научных экспедициях. Предполагалось также организовать экскурсии для польских педагогов, оказывать поддержку ученым, приезжающим из Польши [19].

Такие поездки стали частыми в 30-е гг. В 1933–1934 гг. СССР посетили историк искусства профессор Вежбицкий, познанский юрист З. Лисовский, профессор из Познани С. Новаковский. Последнему как «единственному марксисту из польских географов», автору брошюры «Марксизм и география», настроенному «вполне советофильски», ВОКС стремилось оказать «максимальное содействие» в установлении контактов с советскими коллегами и подборе материалов для написания «Географии СССР» — заказанного варшавским издательством отдельного тома «Всеобщей географии» [20]. Впрочем, большое внимание оказывали и другим польским ученым, приезжавшим в СССР для участия в научных форумах или индивидуальной работы, им охотно устраивали поездки по стране. Так, например, участники съезда химиков, состоявшегося в Ленинграде по случаю годовщины смерти Д. И. Менделеева в 1934 г., профессора Варшавского университета и Политехники М. Центнершвер и В. Свентославский выезжали с экскурсией в Киев [21].

Непосредственное пребывание в стране, несомненно, помогало лучше ее узнать, обогатиться информацией о научных разработках заграничных коллег, завязать с ними более тесные отношения. Благоприятные условия для этого складывались во время совместной работы польских и советских ученых на научных конференциях, съездах, симпозиумах, проходивших в СССР и Польше. Уже в 1922 г. советские врачи принимали участие в работе международной конференции по борьбе с эпидемиями, состоявшейся в Варшаве, а в 1929 г. приехали в Польшу на «туберкулезный трехдневник», где представленный ими фильм по-

inslav

лучил высокую оценку. В 1933 г. советская делегация была приглашена на XIV Всепольский съезд врачей и естествоиспытателей в Познани. Научные доклады советских участников, в числе которых были крупные специалисты в области патологоанатомии, физиологии, хирургии, гистологии, охраны материнства и младенчества А. И. Абрикосов, Б. И. Лаврентьев, А. А. Багдасаров, Ю. А. Менделева, «привлекли полные аудитории, встречались и заключались аплодисментами». Советские врачи выступали не только на съезде, но и в различных аудиториях, знакомились с медицинскими учреждениями, устанавливали связи с польскими коллегами, договаривались об обмене книгами и периодикой. Поляки проявляли большой интерес к постановке научной работы и дела здравоохранения в СССР. На приеме, устроенном в Советском посольстве в честь делегации, присутствовали наряду с высокими официальными лицами и элита польского ученого мира — члены Польской академии знаний известные профессора медицины В. А. Глюзиньский, В. Гживо-Домбровский, Л. Гиршфельд, М. Михалович, В. Орловский. Членам советской делегации были оказаны внимание и уважение, а ее глава проф. Абрикосов имел беседу с президентом Польши. Выступления Абрикосова и других советских врачей, подчеркивавших значение единения как польских и советских медиков, так и в целом народов СССР и Польши, вызвали овации. В интервью «Газете польской» проф. Лаврентьев также призвал к установлению более тесного сотрудничества между польскими и советскими учеными [22].

Участие в научных форумах как раз являлось одной из форм реализации сотрудничества, и это участие не было односторонним. Польские ученые также приезжали на проводимые в СССР международные научные встречи. Так, участницей международного конгресса по борьбе с ревматизмом, который проходил в Москве в 1934 г., была польский врач доктор Райхер. Ее заинтересовал советский опыт применения лечебной физкультуры и, вернувшись в Польшу, она выступила с докладом на эту тему [23]. Польская делегация из 12 человек, представлявших научные центры Варшавы, Кракова, Львова, Вильно, Верхней Силезии, присутствовала на XV Международном конгрессе физиологов, состоявшемся в Ленинграде в 1935 г. Польских участников приятно поразили великолепная организация и сердечный прием, они знакомились с различными лабораториями и научными институтами и в результате пришли к выводу, что наука в СССР, и в частности физиология, пользуется «огромной заботой пролетарского правительства и муниципальных учреждений». Благоприятные впечатления от советской действительности вынесли также уже упомянутые польские участники ленинградского съезда химиков, совершившие экскурсию в Киев [24].

inslav

Большой резонанс получили встречи ученых-гуманитариев. В 1927 г. в Варшаве, Львове и Кракове заседал Международный конгресс славянских этнографов и географов. В советскую делегацию, возглавленную профессором Ю. М. Шокальским, входили академик А. П. Павлов, профессора М. В. Павлова, Б. М. Соколов, В. П. Волгин, Н. Н. Баранский, А. А. Борзов, сделавшие 11 докладов. Советские делегаты председательствовали на заседаниях секций, а Шокальский был избран почетным председателем на торжественном открытии конгресса. Советские ученые посетили ряд научных учреждений, выезжали в этнографические экскурсии. В своем отчете Шокальский подчеркивал значение участия в работе конгресса для укрепления научных связей, расширения научного обмена, который «лучше всего покажет, каково у нас движение науки» [25].

Крупным событием явился проходивший в Варшаве в 1933 г. VII Международный конгресс историков. В повестку дня были поставлены доклады А. В. Луначарского (который не смог присутствовать на конгрессе), академиков В. П. Волгина, Н. С. Державина, Н. М. Лукина, профессоров П. О. Горина, И. Ф. Преображенского, А. М. Панкратовой. Во время конгресса работала выставка советской исторической книги, насчитывавшая 1000 экспонатов. И выставка, и выступления советских историков с докладами и в прениях вызвали живой интерес, особенно у молодых польских ученых и студентов. Большое впечатление произвел факт выступления Горина на польском языке, а также само содержание его доклада, разоблачавшего колониальную политику царизма в Польше. Горина пригласили повторить доклад перед более широкой аудиторией. К членам советской делегации обращались корреспонденты польских газет, и ряд интервью Волгина и Державина появились в печати. Один из интервьюеров, известный литератор Т. Бой-Желеньский отметил искреннюю симпатию Державина к Польше, и тот подтвердил это во время беседы, указав, какое большое место в обучении, в советской исторической и лингвистической науке занимают польская культура, язык, литература и история. Он рассказал о преподавании полонистики в советской высшей школе, о подготовке учителей для польских школ, подчеркнув, что целью национальной политики в области культуры является воскрешение знания польского языка у представителей этого национального меньшинства в СССР. Державин выразил надежду на то, что краткие контакты советских ученых с польской общественностью станут «началом будущей корреспонденции, обмена мыслями, более глубокого взаимопонимания» [26].

С польской стороны также было желание «довести до более тесного сближения между советской и польской наукой». Так выразился проф. В. Павловский, генеральный секретарь исполкома созываемого в Варшаве в 1934 г. Международного географического конгресса, пригла-

inslav

шая советских географов принять в нем участие. Он подчеркнул также, что это даст «советской науке возможность представить научному миру замечательные результаты географических исследований за последнее время». Приглашение было послано и по дипломатическим каналам, причем особый акцент делался на участии академика О. Ю. Шмидта, знаменитого исследователя Арктики. Шмидт не приехал в Варшаву, но его доклад был оглашен и вызвал большой интерес равно как и остальные 9 докладов советской делегации. Ее члены Ю. М. Шокальский, Н. Н. Баранский и В. Е. Мотылев на встрече с представителями прессы отвечали на вопросы о значении Северного морского пути и перспективах освоения Арктики, о задачах недавно созданного Тихоокеанского института и т. п. Советские ученые тесно общались с польскими коллегами на конгрессе и на приуроченной к нему Международной картографической выставке, включавшей и советские экспонаты. Планировалось не только осуществление обмена книгами и картографическими материалами, но и привлечение польских географов к работе по составлению карт для Большого советского атласа мира[27].

Таким образом, сотрудничество польских и советских ученых на научных форумах действительно способствовало их сближению и позволяло узнать о достижениях соседей. Тогда же выяснялось, что об этих достижениях многое уже было известно заграничным коллегам. Ученые Польши следили за развитием науки в СССР, знали и высоко ценили ее корифеев, о чем, в частности, свидетельствовали персональные приглашения, посланные Луначарскому на Исторический, а Шмидту на Географический конгрессы. О высокой оценке в Польше трудов выдающихся советских ученых говорило и избрание их в члены Польской академии знаний. В 1928 г. общее собрание Академии избрало своим заграничным членом по естественно-математическому отделению профессора МГУ Н. И. Лузина, в 1929 г. заграничным действительным членом Академии стал филолог-славист из Ленинграда академик Б. М. Ляпунов, а его коллега профессор МГУ Г. А. Ильинский был избран членом-корреспондентом. Заграничным членом Польской академии знаний являлся и великий физиолог академик И. П. Павлов, а профессору А. И. Абрикосову присвоили звание заграничного члена-корреспондента в 1933 г. во время Всепольского съезда врачей и естествоиспытателей[28]. В то же время Академия наук СССР числила своим членом избранного еще до Октябрьской революции Бодуэна де Куртенэ: после его смерти в 1929 г. его память почтили на специальном заседании, были опубликованы некрологи и воспоминания российских коллег и друзей. При жизни ученого Академия наук СССР поддерживала с ним связь путем переписки, высылала свои издания. В 1925 г. он получил персональное приглашение на торжества в Ленинграде по случаю 200-летия Академии[29].

inslav

Участие в праздновании юбилеев также являлось одной из форм научных контактов. Так, например, Институт Оссолиньских, отмечавший 100 лет со дня основания, хотел видеть среди гостей представителей Центрального архивного управления СССР — своего постоянного советского партнера[30]. На юбилей Академии наук СССР были приглашены, кроме Бодуэна де Куртенэ, еще ряд видных польских ученых, и в том числе посланник Польши в Москве профессор истории С. Кентшиньский. Однако никто из поляков на юбилей не приехал. Польская академия знаний ограничилась приветствием, в котором главный акцент не без намека был сделан па призыве к объективности и честности в научных исследованиях, ибо истина — «это основа того великого сообщества, которое составляют люди науки». В то же время в приветственном адресе отмечалось, что работа российской академии «была обильной, плодотворной», а многие из ее деятелей «широко известны и чтимы в мире науки», в том числе и в научных кругах Польши[31].

На отношение польского академического руководства к юбилею Академии наук СССР повлияла негативная позиция официальных властей Польши. Но имели место и некоторые моменты, касавшиеся непосредственно научной сферы, которые вели к трениям и конфронтации между советскими и польскими учеными. Споры велись вокруг проблемы возвращения Польше ее исторического культурного и научного достояния. В большей мере это касалось историков, столкнувшихся с фактом раздела архивных источников, некогда являвшихся общей базой исследования. Во исполнение решений Рижского мирного договора советская сторона уже в 1922 г. начала передачу Польше книг, рукописей, графики из Публичной библиотеки в Петрограде. Советские и польские эксперты в смешанной польско-российско-украинской Специальной комиссии согласились, что часть архивного и музейного имущества передаче не подлежит, но ученые двух стран будут иметь возможность пользоваться им в полном объеме[32].

Оценивая имущество, возвращенное в 1921–1924 гг., руководители польской делегации в смешанной Специальной комиссии писали, что «в качественном отношении переданные рукописи представляют собой поистине бесценный научный материал». Хотя польские эксперты не были согласны с советской экспертизой, исключившей из возвращенных документов комплексы, относящиеся к Литве и Волыни, тем не менее они вынесли «самые положительные впечатления о сотрудничестве» с советскими учеными[33]. Но официальные польские власти попытались оказать давление на советскую сторону: они передали СССР часть оставленного в Галиции ленинского архива, а передачу другой части ставили в зависимость от уступок в вопросе волынского архива[34].

inslav

В 1927 г. между Польшей и СССР было подписано Генеральное соглашение, завершившее согласование условий передачи польского культурного достояния и раздела архивных фондов. Было подтверждено, что польские ученые могут пользоваться советской частью архивов, а советские польской на самых льготных условиях. Подтверждались и гарантии возвращения имущества польских ученых, их личных научных материалов, оставленных в России. Все оставшиеся неразрешенными спорные вопросы передавались на согласование дипломатическим путем[35].

Генеральное соглашение посол СССР в Польше Д. В. Богомолов назвал «большим шагом вперед по пути культурного сближения народов Советского Союза и Польши» и отметил, что «неизмеримо важным является укрепление взаимоотношений между представителями науки, искусства и литературы обеих стран с целью взаимного ознакомления и обмена культурными достижениями»[36]. Соглашение активно выполнялось, и в течение последующих лет в Польшу из СССР постоянно приходили транспорты с польским имуществом, в том числе архивным. Об этом сообщала польская пресса, специально отметившая факт передачи в 1933 г. документов из бывших царских архивов, касающихся деятельности Ю. Пилсудского и его соратников по борьбе за независимость в период с 1885 по 1915 гг.[37]. В 1933 г. были подведены итоги выполнения постановлений Генерального соглашения о передаче Польше архивных материалов, а спустя год смешанная советско-польская Специальная комиссия подписала заключительный протокол: стороны взаимно отказывались от предъявления новых претензий; по уже согласованным вопросам предполагалось продолжить передачу Польше архивных материалов по мере их выявления; спорные проблемы откладывались до решения дипломатов[38].

Завершение передачи Польше ее исторического достояния имело огромное значение для польского народа в целом и для польской науки в частности. Оно вместе с тем создавало основу для сотрудничества польских и советских ученых. Правила и методы организации такого сотрудничества историков предлагал разработать проф. М. Хандельсман еще в 1929 г.[39] Однако такая форма сотрудничества, как совместные исследования, взаимное участие в разработке научных проблем, в этот период не была реализована, хотя подобные планы намечались[40]. Политический фактор все более давал о себе знать, в результате основной формой сотрудничества в 30-е гг. продолжал оставаться обмен научными изданиями. Польские власти занимали позицию ограничения связей с СССР, так как боялись влияния коммунистической пропаганды. Характерной была реакция Генерального консульства Польши в Киеве на факт не согласованных с ним выступлений польских профессоров-участников научного

inslav

съезда, высоко оценивших успехи Украины в экономике вопреки официальной позиции Польши в этом вопросе. От польских ученых требовали непременно являться в дипломатические представительства Польши на территории СССР и руководствоваться их указаниями[41].

Опасения польских властей не были безосновательны: революционные политические партии Польши были заинтересованы в популяризации коммунистических идей посредством распространения советской литературы[42]. Советская же сторона также преследовала пропагандистские цели: она ставила задачу продемонстрировать успехи социалистического строительства, в том числе и в науке. Однако советской науке вправду было чем гордиться, и трудно, например, заподозрить академика Державина в том, что, говоря о постановке дела изучения истории и культуры Польши в СССР, он выступал в роли агента коммунистического влияния. Советские ученые были искренне увлечены пафосом строительства новой жизни и хотели заразить им и других, рассказывая, в частности, о достижениях науки.

Вторая половина 30-х гг. характеризовалась ухудшением отношений между СССР и Польшей, и это отразилось на научных связях. Дольше других держались те, которые касались областей науки, более далеких от идеологии, — технической, сельскохозяйственной, медицинской. Так, например, в 1936 г. в ответ на просьбу Польского посольства в Москве советские онкологи выслали в Польшу материалы по борьбе с раком[43]. Продолжался обмен литературой, но польское правительство все более ужесточало цензуру: советские издания запрещались к распространению, конфисковывались. Это коснулось даже таких журналов, как «Аграрные проблемы» «Селекция и семеноводство», «Льно-пенько-джутовая промышленность», «Журнал общей химии», «Вестник воздушного флота», «Охрана материнства и младенчества», «Советский врачебный журнал» и т. п. С 1934 г. конфискации советской литературы участились, происходили налеты полиции на магазины, торговавшие ею, опечатывание складов с советскими книгами, даже медицинскими[44]. Все это способствовало свертыванию научных контактов, а события 1939 г. и затем Вторая мировая война привели к разрыву связей. В отношениях советских и польских ученых возникла пауза, закончившаяся лишь с образованием Польской Народной республики.

Тем не менее опыт научного сотрудничества в межвоенный период не был бесполезным, он обеспечил преемственность научных контактов. На основании этого опыта уже на новом этапе развились и те формы сотрудничества, которые существовали в 20–30-е гг., и появились новые — координация и совместные исследования, организация конференций, общие публикации, наконец, проведение таких праздников науки, как прошедшие в октябре 2001 г. Дни польской науки в России.

inslav

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Róziewicz J.* Polsko-radzieckie stosunki naukowe w latach 1918–1939. Wrocław, 1999; *Черных М. Н.* Научные связи между СССР и Польшей // Очерки истории советско-польских отношений. 1917–1977. М., 1979; *Фалькович С.М.* Влияние культурного и политического факторов на формирование в русском обществе представлений о Польше и поляках // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. М., 1998.

2 Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.). Варшава, 1995.

3 *Róziewicz J.* Powiązania Jana Niecislawa Baudouina de Courtenay z petersburskim ośrodkiem naukowym // Działalność naukowa, dydaktyczna i społeczno-polityczna Jana Niecislawa Baudouina de Courtenay w Rosji. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1991.

4 Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее – ДиМ). М., 1969. Т. 6. С. 239, 45, 130–131.

5 ДиМ. М., 1966. Т. 4. С. 158–159.

6 ДиМ. М., 1967. Т. 5. С. 177.

7 ДиМ. Т. 4. С. 241–242.

8 ДиМ. Т. 5. С. 482, 485.

9 Там же. С. 361, 373.

10 Там же. С. 192.

11 Archiwum Państwowe Akademii Nauk. Oddział krakowski. PAU 1, 134. L. 1436/31.

12 ДиМ. Т. 5. С. 518.

13 ДиМ. Т. 6. С. 19.

14 Там же. С. 18–19, 52–53.

15 ДиМ. Т. 5. С. 177.

16 Там же. С. 428–429; Т. 6. С. 19, 44.

17 ДиМ. Т. 4. С. 483–484.

18 ДиМ. Т. 6. С. 239–240; Т. 5. С. 144.

19 ДиМ. Т. 6. С. 19, 226.

20 Там же. С. 44–45, 131, 239.

21 Там же. С. 227.

22 Документы внешней политики СССР. Т. 5. М., 1961. С. 155–156; ДиМ. Т. 5. С. 180; Т. 6. С. 44–45, 85–88; «Gazeta Polska». 16, 26. IX. 1933.

23 ДиМ. Т. 6. С. 240.

inslav

24 Там же. С. 227.

25 ДиМ. Т. 5. С. 178–180.

26 Там же. С. 540; Т. 6. С. 75–77, 82–84; «Wiadomości Literackie». 17. IX. 1933.

27 ДиМ. Т. 6. С. 33–34, 203–204, 219–220.

28 ДиМ. Т. 5. С. 467; Т. 6. С. 88, 276.

29 *Róziewicz J.* Działalność... S. 135–138.

30 ДиМ. Т. 5. С. 518.

31 ДиМ. Т. 4. С. 415–416.

32 Там же. С. 178–184.

33 Там же. С. 302–307.

34 Там же. С. 300–301, 308–309.

35 ДиМ. Т. 5. С. 223–229.

36 Там же. С. 228.

37 Там же. С. 303–304, 375–376; Т. 6. С. 71; «Gazeta Polska». 23. VII. 1933.

38 ДиМ. Т. 6. С. 56–57, 193–195.

39 ДиМ. Т. 5. С. 373–374.

40 ДиМ. Т. 6. С. 220.

41 Там же. С. 227–228.

42 ДиМ. Т. 4. С. 62.

43 ДиМ. Т. 6. С. 314.

44 Там же. С. 149–150, 256, 352.

inslav

Збигнев Ромек
(Варшава)

НАУКА ПРОТИВ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ДОГМ: СОТРУДНИЧЕСТВО ПОЛЬСКИХ И СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Анализируя сотрудничество историков наших стран, указывая на его характерные черты и задумываясь над его сущностью, было бы оправданно с самого начала определить основополагающее противоречие, под влиянием которого развивалось названное сотрудничество в послевоенные годы. Оно может быть выражено в трех словах: «наука против идеологии». При этом, не претендуя на всеобъемлющее определение понятия «научное познание», укажем на его важнейшие черты применительно к гуманитарным наукам. Субъектом познания выступает ученый как независимая личность. Он не ставит перед собой цели изменения действительности, но стремится познать ее, т. е. описать и выявить закономерности ее развития. Ученый формулирует свои выводы на основании исследований, руководствуясь методологией, выработанной самой наукой, а не привнесенной извне. Вместе с тем научное познание невозможно без научной дискуссии, в которой ученый как субъект познания должен быть способен к восприятию всего спектра суждений и корректировать свои собственные воззрения, встретившись с логичной, глубоко обоснованной научной аргументацией.

В противоположность научному подходу к гуманитарному знанию выступает представление о науке как «служанке идеологии». В сталинские времена к гуманитарным наукам относились как к особой части идеологического фронта, а к ученым-гуманитариям — как к бойцам за новое мировоззрение, призванным стоять на страже интересов социалистического государства и бороться за претворение в жизнь целей, определенных коммунистической партией. Это, несомненно, идеологический подход, целью которого являлось изменение существующей действительности, формирование в обществе убеждения в превосходстве официальной социально-политической доктрины над всеми иными мировоззренческими концепциями и теориями.

Разумеется, выдвинутые определения являются крайне упрощенными и схематичными, однако, по нашему мнению, они вполне соответствуют рассматриваемой в настоящей статье проблеме, а именно,

inslav

столкновению в ходе совместной работы и общения советских и польских ученых научных и идеологических подходов, в первую очередь по вопросу о принципах научных исследований.

I

Начало сотрудничества между историками обеих стран носило в высшей степени идеологизированный характер. Советский Союз помогал Польше строить социализм, а советские ученые помогали освоению достижений научно-технической революции и распространению марксистской идеологии.

В области гуманитарных наук эту задачу выполнял, в частности, основанный в 1947 г. в Москве Институт славяноведения Академии наук СССР [1]. Русские ученые, посещавшие Польшу в конце 1940-х гг., в отчетах о своих поездках неоднократно подчеркивали, что идеологическое состояние польской интеллигенции оставляет желать лучшего, что в этом отношении обстановку в стране можно сравнить с положением в России в 1920-е гг. По их мнению, именно поэтому на поприще идеологической работы предстояло еще многое сделать [2]. Переломным моментом должна была стать методологическая конференция историков в г. Отвоцк под Варшавой, которая состоялась в конце 1952 — начале 1953 гг. На ней как представители польских властей, так и польские историки торжественно объявили, что марксистская методология является единственной по-настоящему научной. В нескольких докладах шла речь о применении новой методологии к отдельным периодам польской истории. В исследовательской практике отныне становился обязательным принцип партийности науки, согласно которому историки должны были выполнять директивы идеологов. Участниками конференции с советской стороны, выступавшими в качестве учителей и экзаменаторов по марксизму-ленинизму, были Б. Д. Греков, Е. А. Косминский, А. Л. Сидоров и П. Н. Третьяков [3].

В историографии конференцию в Отвоцке верно отождествляют с победой идеологического отношения ко всем научным проблемам, но, одновременно, на ней можно было заметить и проявления подлинно научного подхода. Участники конференции не подчинились безусловно навязываемому мнению, что лишь овладение теорией исторического материализма и методом дедукции якобы позволяет познать прошлое. Преобладающими стали мнения тех историков, которые считали, что без исследовательской работы нет и речи об исторической науке. Важным было то, что это мнение разделили и участники из СССР. Дух конференции в Отвоцке, ее работу и принятые на ней решения Е. А. Косминский расценил как «воззвание к серьезному труду,

inslav

к исследовательской работе на основании источников, вопреки разного рода вульгаризационным нападкам на историю, воззвание к по-настоящему серьезным исследованиям»[4]. Хотя ее участникам и вменялась в обязанность марксистская интерпретация исторических событий, однако в ходе обсуждения и в принятых решениях принципы исторического материализма не были провозглашены единственно верным и неопровержимым толкованием прошлого.

В Отвоцке обсуждались вопросы периодизации истории, участники задумывались, была ли в Польше эпоха феодализма; как на практике должен воплощаться в жизнь принцип партийности науки; дискутировались многие частные проблемы, которые не укладывались в марксистскую схему, а также ставился вопрос о причинах и сущности расхождений между теорией и результатами конкретных исследований. И, хотя историки были обязаны одобрять марксистские постулаты, применять официозные теории и употреблять язык идеологии, позаимствованный из трудов классиков марксизма-ленинизма, все же частично удалось уберечь главное для исторической науки: принцип критического подхода к источникам как фундаменту исторического исследования. И хотя сегодня может казаться, что достигнуто было немного, но в тогдашних условиях это была, хотя и скромная, но победа науки над идеологией, которая не позволила затормозить исторические исследования и в дальнейшем сделала возможным их развитие.

Не маловажным для будущего исторической науки в Польше было то, что вскоре после конференции в Отвоцке Институт истории основанной в декабре 1952 г. Польской Академии наук возглавил Тадеуш Мантойфель. Задачей института и академии в целом было объявлено проведение и координация исследований согласно законам марксизма. Мантойфель, учитывая необходимость вводить марксистскую методологию, одновременно заботился о сохранении традиционных методов исторических исследований. Будучи директором учреждения, координирующего работу польских историков, он несомненно оказывал заметное влияние на качество исторических исследований в Польше. Здесь следует подчеркнуть, что его назначению, оказавшемуся благотворным для польской науки, содействовали русские ученые, которые после конференции в Отвоцке, во время продолжающейся два с половиной часа встречи с Болеславом Берутом, тогдашним президентом Польши, обсуждали организационные вопросы научной жизни в нашей стране[5].

II

В 1954–1956 гг. развернулась дискуссия историков Советского Союза и Польши о подготавливаемой Институтом славяноведения

inslav

АН СССР трехтомной «Истории Польши». Этот обобщающий труд должен был стать образцом марксистского прочтения нашей истории. И, хотя ни польские, ни советские историки не могли отступить от марксистской интерпретации, сделанные ими замечания носили подлинно научный характер. По ходу дискуссий о содержании первого и второго томов выдвигались мнения, свидетельствующие, что историческая мысль не всегда подвластна идеологии, что, несмотря на все действующие запреты и ограничения, можно опровергать стереотипы и вульгарные схемы, критически оценивать источники и способствовать постижению прошлого.

В ходе дискуссии звучала важная мысль, что во имя польско-русской дружбы отнюдь не следует фальсифицировать истории. Польские историки обратили внимание своих советских коллег — авторов упомянутого труда — на ряд ошибочных положений и неточностей, причины которых коренились в том, что в своей работе те опирались не столько на источники, сколько на «буржуазную» историографию. Что еще хуже, иногда ошибочно интерпретировались явления, объективная оценка которых, в сущности, могла бы способствовать сближению обоих народов. Одной из таких кардинальных ошибок, содержавшихся в трехтомнике, было неоправданное обеление царской политики. Юлиуш Бардах отмечал, что во имя исторической правды, без чего невозможна подлинная польско-советская дружба, следовало бы в равной мере как осудить агрессивную политику польской шляхты на востоке в XVII в., так и заклеймить царскую политику национального порабощения польских земель в XIX в. Он указывал, что в первом томе «Истории Польши» необоснованно преуменьшалась ответственность Екатерины II и Александра I за разделы страны. Тенденциозным счел он замалчивание примеров руссификации, с одной стороны, и акцентирование германизация — с другой. Ю. Бардах указывал, что изображение царского гнета более легким по сравнению с прусским или австрийским ведет к непониманию условий, в которых зарождалась совместная борьба польского и русского народов против царизма. Станислав Арнольд в своих критических замечаниях подчеркивал, что в рассматриваемом труде политика Польши анализировалась с точки зрения политических интересов России. Примером могло послужить обнаруженное авторами непонимание популярности Наполеона среди поляков и того, что наш народ использовал каждую возможность борьбы за свою независимость[6]. Леон Гросфельд говорил, что невозможно найти доказательства любви населения Королевства Польского к царю. Поляки отнюдь не сожалели об отступавших в 1916 г. царских войсках, хотя больше опасались надвигавшейся немецкой армии. Тадеуш Данишевский подчеркивал, что во втором томе неоднократно

inslav

звучала критическая оценка любых проявлений борьбы поляков против царской России. Он удивлялся, что такая интерпретация, заимствованная непосредственно у русской буржуазной историографии, могла иметь место в научном труде, написанном с позиций исторического материализма, согласно которому все явления, означавшие ослабление царской России, должны оцениваться положительно[7].

В дискуссии об «Истории Польши» присутствовала и другая принципиально важная мысль, которая прозвучала в выступлениях многих польских историков. Они выразили несогласие с характеристикой, данной советскими авторами польскому национально-освободительному движению и лозунгу независимости Польши. Тадеуш Данишевский во время дискуссии о втором томе подчеркивал, что нельзя подходить к польскому национально-освободительному движению XIX в. как к буржуазному национальному движению, что влечет за собой противопоставление борьбы за национальное освобождение борьбе за освобождение социальное. По словам Данишевского, нельзя утверждать, что борьба за независимость была плохой, а за общественное освобождение — хорошей. Невозможно игнорировать факт, что стремление к национальному освобождению являлось важными для широких масс польского общества. Потому, по мнению польского историка, его советские коллеги, говоря о формировании в Польше рабочего движения, допускали серьезную ошибку, толкуя высказывания одного из основателей Польской социалистической партии Болеслава Лимановского или других польских социалистов о национально-освободительной борьбе как выражение их подчинения идеологии национализма и лозунгам классового примирения с буржуазией. Национально-освободительные лозунги в программах рабочих партий являлись отражением устремлений широких кругов польского общества. В этом контексте Леон Гросфельд критиковал польских социал-демократов за то, что те, не учитывая в своей программе национального вопроса, способствовали чрезмерному росту влияния правых партий рабочих массах[8].

Если дискуссии о первом и втором томах «Истории Польши» все же завершились согласованием совместной версии текста, которая потом появлялась в печати, то споры вокруг содержания третьего тома были очень бурными и кончились не так благополучно. Дискуссия о третьем томе состоялась 22 июня 1956 г., т. е. уже после XX съезда КПСС и во время набирающего силу движения протеста рабочих в Познани. Эти переломные события, несомненно, наложили отпечаток на атмосферу встречи. Польские историки единодушно возражали против преобладавших в книге негативных оценок в отношении восстановленной в 1918 г. Второй Польской республики. Юзеф Ковальски и Тадеуш Данишевский в своих докладах подчеркивали, что советские историки,

inslav

говоря о реакционном, буржуазном и антинародном характере польского государства в 1918–1939 гг., об иллюзорности демократии и фашистском правлении в период межвоенного двадцатилетия, копировали несправедливые идеологические оценки, ставшие отражением враждебности Советского Союза, «лагеря революции» и польской компартии к возрожденному польскому государству. Воспроизводимые вновь оценки 1920–1930-х гг. вполне отражали односторонний взгляд на тогдашнюю действительность, при этом не придавалось значения самому факту обретения независимости, за которую польский народ боролся более столетия. По мнению польских историков, следовало учитывать это важнейшее обстоятельство и не ограничиваться односторонней точкой зрения, обусловленной отношением СССР к межвоенной Польше. Они доказывали, что по сравнению с периодом, когда страна была разделена между империями Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов, восстановление независимости и польской государственности было шагом вперед в жизни народа, что под давлением народных масс в стране были проведены некоторые прогрессивные преобразования, а демократия, хотя и ограниченная, делала возможным функционирование различных форм политической жизни. Польские историки не соглашались с тенденциозными оценками Польской социалистической партии как группировки, сотрудничавшей с режимом «санации», возражали они и против характеристики политических организаций Польши того времени, согласно которой с одной стороны выступала только Коммунистическая партия, а с другой — однородная смесь всех остальных группировок. Данишевскому не нравились эпитеты, употребляемые по отношению к политикам Второй Речи Посполитой («шпион», «диверсант», «предатель рабочего класса», «платный агент», «враг польского народа»), а также нота удовлетворения в связи с уничтожением польского государства в сентябре 1939 г. Вацлав Потераньский предлагал, чтобы по-разному оценивать командование и простых бойцов Армии Крайовой[9].

Во время дискуссии о третьем томе «Истории Польши» многократно подчеркивалось, что авторы односторонне подобрали факты, не пытались провести их углубленный анализ, а только копировали идеологические стереотипы. В результате этот том стал историей рабочего движения, а не историей польского народа.

Советские историки остро отреагировали на критику. В своих выступлениях они повторили все тезисы, сформулированные в пособии, а высказанные польскими коллегами замечания и суждения были расценены ими как отказ от марксистской методологии, нарушение принципа партийности в науке и как попустительство по отношению к националистическим элементам. Советские представители полагали, что поляки придают слишком большое значение специфике польской

inslav

истории, что их предложения являются возвращением к «буржуазному объективизму» и преклонением перед «буржуазной историографией» [10]. Участники июньской дискуссии 1956 г. с советской стороны, вероятно, испугались польских интерпретаций еще совсем недавних событий, оценок, которые противоречили установкам руководства КПСС, в котором оставалось еще немало «верных сталинистов». Вызывали тревогу «советских товарищей» и события в Польше. Работник советского посольства в своем докладе в Отдел науки ЦК КПСС писал в это время о влиянии реакционных сил и католической церкви на польскую интеллигенцию, о профессорах, враждебно относящихся к социализму и народной власти, а во время лекций лицемерно подчеркивающих свой политический нейтралитет. Он сообщал также, что большинство партийных организаций находится под влиянием ревизионистов [11]. В такой обстановке советским историкам трудно было согласиться с аргументацией польской стороны даже тогда, когда доводы были основаны на принципах марксизма.

Так, один из наиболее активных участников дискуссии о третьем томе «Истории Польши» Тадеуш Данишевский не только попытался смягчить спор, но, прежде всего, дать интерпретацию роли и задач марксистской науки. «Никто здесь, в этом зале, не произнес ни одной фразы, — говорил польский историк, — которая бы опровергала или нарушала один из самых кардинальных тезисов, на которых мы основываем нашу марксистскую историографию. Дело в том, что, по нашему мнению, марксистская историография не сводится лишь к подтверждению очевидных тезисов и аксиом, но требует расширения и углубления; нельзя говорить только о доминирующих вопросах (...), потому что это излишнее упрощение, это вульгаризация, а то, чего от нас ожидает общество в данный момент, (...) это необходимость, не отступая ни на шаг от великих достижений марксизма-ленинизма, сделать очередной шаг вперед и показать эту действительность во всем ее многообразии, учитывая все аспекты вопросов. Можно ли сказать: пролетариат был революционным, буржуазия была контрреволюционной — и ничего больше? Разве именно это является марксизмом? Да, это марксизм, но еще не в полной мере, потому что марксистский метод требует углубленного анализа. И если бы мы ограничили исторический анализ этими аксиомами, то это было бы нарушением основных принципов марксизма. Это было бы явным упрощением. Говорим здесь не об этих основных вопросах, которые являются бесспорными и которые никто в этом зале не оспаривал, но о том, что надо (...) дать более глубокий, богатый анализ процесса исторического развития. И только тогда, на таком фоне, более ярко засияют те прописные истины, которые мы нарушать не желаем» [12]. Из приведенных слов явно следует, что поль-

inslav

ские историки хотели, чтобы марксизм стал исследовательским методом, применимым к любым явлениям, даже и идеологически чуждым. Они настаивали, что отказ от марксистского анализа проблем путем подмены научных исследований догматическим толкованием идеологических формулировок не имеет ничего общего с наукой.

Во второй половине 1950-х гг. многие польские ученые говорили о потребности сопоставления марксизма с современными течениями общественной мысли на Западе, однако отнюдь не затем, чтобы дискредитировать его и заменить иными теориями. Они не сомневались, что марксизм превосходит буржуазные философские и социально-политические концепции и победит в открытой борьбе с ними. Они также исходили из глубокого убеждения, что научные контакты с Западом необходимы еще и потому, чтобы туда «экспортировать» марксизм [13]. Этой точки зрения придерживались и те польские историки, которые были тесно связаны с партийными структурами власти, например Тадеуш Данишевский, Юзеф Ковальский, Жанна Корманова и др., которые и по сей день в нашей литературе считаются партийным «бетоном», ортодоксальными марксистами. Однако анализ их высказываний в то время, свидетельствует, что в противостоянии науки и идеологии они выступали с позиций науки, хотя и были марксистами по мировоззрению и исследовательским принципам.

Участвовавшие в дискуссии советские историки официально не приняли предложений поляков, поскольку не хотели открытия границ и развития научных контактов с Западом, опасаясь, что ослабление вследствие этого партийного контроля над марксистской наукой может привести к нежелательным последствиям. С позиций сегодняшнего дня можно утверждать, что эти опасения были отнюдь не беспочвенны. Опыт применения марксистского анализа в практике исторических исследований делал все более очевидным, что марксизм — это плохое орудие для научных исследований. По-своему правы были те советские и польские партийные идеологи, которые усматривали в идейном диалоге с Западом всего лишь предлог, чтобы отбросить марксизм и заменить его неопозитивизмом, неотомизмом или иными враждебными марксизму философскими учениями. Поэтому с точки зрения «идеологической борьбы» было вполне логичным сведение исторического исследования лишь к анализу типичных явлений, к описанию наиболее общих социальных процессов, не углубляясь в детальное изучение индивидуальных явлений.

Эти сугубо идеологические ограничения вынудили польских ученых отказаться от исследований в области новейшей истории. Советские историки в отчетах о своих беседах с польскими коллегами с удивлением отмечали, что те обосновывают такой подход отсутствием дос-

inslav

тупа к архивным источникам. Кроме того, поляки отстаивали мнение, что невозможно воссоздать картину современной действительности только на основании публикуемых постановлений партии и других властей. Они также утверждали, что в Польше якобы нет квалифицированных специалистов, которые могли бы по-настоящему заниматься исследованиями данной проблематики [14]. Тадеуш Мантойфель — директор Института истории ПАН — не раз предлагал предпринять исследования, касающиеся различных аспектов польско-русских взаимоотношений, в том числе и новейшей истории, однако каждый раз он твердо подчеркивал, что приступить к исследованиям можно только после открытия доступа ученых к советским архивам. В большинстве своем его предложения отвергались советской стороной, которая, в свою очередь, высказывалась в пользу тем сугубо идеологического характера, разработка которых не требовала исследований источников [15]. В такой обстановке для польских историков отказ от исследований по новейшей истории был демонстрацией научной позиции.

III

Говоря о научном сотрудничестве польских и советских историков, нельзя не сказать о двух грандиозных публикациях исторических источников, ставших результатом архивных поисков больших коллективов ученых наших стран. Первое — 23-томное издание документов под совместной редакцией Стефана Кеневича, В. Д. Королюка и И. С. Миллера, касающихся Январского восстания 1863 г. [16]. Второе — «Материалы по истории польско-советских отношений» (12 томов), которые сначала готовились под руководством Натальи Гонсёровской и И. А. Хренова [17]. Оба названных научных проекта осуществлялись под неусыпным идеологическим контролем.

В документах Отдела науки ЦК КПСС сохранилась записка с информацией о польской инициативе издания источников по истории Январского восстании 1863 г. Ее автор сообщал, что поляки так решительно намерены приступить к исследованиям, что, если даже советская сторона не подключится к этой работе, то они сами примутся за дело. Потому лучше принять участие в совместной работе, чтобы контролировать польских ученых и избежать у них националистических тенденций [18]. В ходе подготовки к изданию «Материалов» по истории польско-советских отношений тоже наблюдалось столкновение научных и идеологических позиций. Советские историки, при поддержке Тадеуша Данишевского и Генриха Яблоньского, настояли на включении в серию не только архивных, но и печатных материалов пропагандистского, декларативного характера, что не могло не придать серии

inslav

известного идеологического звучания. К тому же издание в целом задумывалось отнюдь не с целью представить реалии польско-советских отношений, а только для обоснования идеологической интерпретации прошлого. Кроме того, во время заседания редколлегии было принято решение, что каждый том, прежде чем он будет обсуждаться совместно, должен быть предварительно подготовлен польской стороной. Таким образом, советская сторона могла выступать в качестве цензора работы польских коллег [19].

Идеологический надзор над подбором источников для обеих публикаций продолжался в течение всей многолетней работы составителей, когда часто изымались документы «политически неправильные» и включались пропагандистские материалы, не имеющие научной ценности.

Партийные идеологи как Польши, так и Советского Союза всеми силами пытались подчинить себе науку. Эти стремления наложили свой отпечаток на характер сотрудничества историков обеих стран. Польские ученые обладали большей свободой, чем их советские коллеги. В Польше было относительно легче не соглашаться с идеологической интерпретацией истории, которую навязывали партийные власти. Историкам в СССР труднее было публично высказывать свои мнения, так как официальная идеологическая позиция Коммунистической партии и Советского государства сильнее воздействовала на них, чем на ученых в Польше. Это же воздействие решительным образом сказалось и на научных связях обеих стран. Многие из советских ученых по внутреннему убеждению разделяли мнения поляков и в душе мечтали об устранении всех препятствий в научной жизни, об освобождении научных исследований от идеологического надзора. В настоящий момент трудно уже найти источники, подтверждающие этот тезис, поэтому особую ценность представляют воспоминания о частных разговорах, неформальных встречах, дискуссиях, которые не нашли отражения в официальных протоколах. Выявление источников такого характера отнюдь не является делом безнадежным. Польский историк, Тадеуш Лепковски, написал когда-то эссе под заглавием «Исследовать тишину», в котором он задался вопросом, о чем молчат источники [20]. Просматривая фонды московских архивов, можно заметить, что отчеты о зарубежных командировках советских ученых обычно состояли из двух частей: описания исследований или проведенных переговоров и второй — идеологической части, в которой описывались политические убеждения собеседников, их отношение к Советскому Союзу и даже разные наблюдения повседневной жизни, которые должны были свидетельствовать об атмосфере в посещаемой стране.

Внимательное рассмотрение отчетов о русско-польских контактах позволяет заметить, что часть ученых из Советского Союза последова-

inslav

тельно избегали включения в них докладов и оценок идеологического характера. Такое умолчание и есть та «тишина», которая свидетельствует о подлинно научном подходе к сотрудничеству между нашими странами, о нормальных человеческих отношениях, о взаимной доброжелательности и, по всей вероятности, даже дружбе, возникших благодаря налаженным контактам. Среди русских историков, которые не запятнали себя доносительством на польских коллег, можно без всяких сомнений назвать имена И. С. Миллера, М. В. Миско, В. Д. Королюка и В. А. Дьякова. Несомненно, таких людей было больше, но состояние сохранившихся источников, к сожалению, не позволяет назвать их всех поименно.

Научные позиции упомянутых выше историков, как и многих других, хотя и не названных по имени, но не менее достойных глубокого уважения коллег, позволяли в трудные времена социализма, хотя бы частично, смягчить влияние идеологии на научные исследования. Сегодня, намечая планы дальнейшего развития нашего сотрудничества, мы с благодарностью храним память о тех людях, усилиями которых развивались научные контакты между нашими странами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Дубзинская Е. А.* Международные научные связи советских историков. М., 1978. С. 41–43.

2 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5283. Оп. 21. Д. 56. Л. 93.

3 *Горизонтов Л. Е.* Методологический переворот в польской историографии на рубеже 1940–1950-х годов и советские историки // Славяноведение. 1993. № 6; *Romek Z.* Historycy radzieccy o historykach polskich. Uwagi o zjeździe wrocławskim (1948) i konferencji otwockiej (1951/1952) // Polska 1944/45–1989. Studia i Materiały. 1999. T. 4.

4 Архив Российской Академии наук (далее: АРАН). Ф. 1965. Д. 94. Л. 29.

5 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 133. Д. 220. Л. 116–117.

6 АРАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 140. Л. 25, 35–41, 49, 51, 111, 119.

7 Там же. Д. 152. Л. 73–74, 150.

8 Там же. Л. 73–78, 80–83, 156–158.

9 Там же. Д. 173. Л. 1–263.

10 Российский государственный архив новейшей истории (далее: РГАНИ). Ф. 5. Оп. 35. Д. 38. Л. 69–86..

11 Там же. Д. 83. Л. 62–67.

12 АРАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 173. Л. 249–252.

inslav

13 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 83. Л. 11–15; *Żółkiewski S.* Spory naukowe i walki ideologiczne // Nowe Drogi. 1958. № 6. S. 21–37.

14 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 38. Л. 74; АРАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 197. Л. 38–39.

15 В письме секретарю I отдела ПАН от 13 августа 1963 г. Тадеуш Мантойфель предлагал в рамках польско-советского сотрудничества издать донесения русских послов в Польше, Отто Штакельберга и Я. И. Булгакова, за 1788–1792 гг.; провести исследования по истории польско-русских отношений в XVII в. и польско-советских отношений в межвоенный период, а также изучение национальной политики на востоке Польши в 1921–1939 гг. Советская сторона занималась, например, темой: «Участие рабочих масс стран Европы в борьбе за победу и укрепление советской власти». См.: Archiwum IH PAN, pozycja spisu akt 5/94 i 5/95.

16 Восстание 1863 года. Материалы и документы. Москва; Вроцлав, 1961–1986. Т. 1–25.

17 В дальнейшем ответственными редакторами издания были: с польской стороны — Тадеуш Цесляк, Влодзимеж Т. Ковальски, Людвик Базылёв и Веслав Бальцерак, а с советской — И. А. Хренов, И. И. Костюшко, П. Н. Ольшанский. См.: Materialy archiwalne do historii stosunków polsko-radzieckich. Warszawa, 1957. T. 1; Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. Warszawa, 1961–1987. T. 2–11.

17 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 56. Л. 1–11.

19 АРАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 275. Л. 1–10; Ф. 681. Оп. 3. Д. 197. Л. 39–44.

20 *Łepkowski T.* Czlowiek i historia. Warszawa, 1977. S. 119–123.

inslav

В. В. Седов
(Москва)

ПРОБЛЕМА СЛАВЯНСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ И ПОЛЬСКИХ УЧЕНЫХ XX в.

В первых десятилетиях XX в. в европейской науке наибольшим авторитетом пользовались изыскания по древней культуре и этнической истории славян знаменитого чешского слависта Любора Нидерле [1]. Согласно его исследованиям, славяне оформились как отдельный индоевропейский этнос в I тыс. до н. э. (возможно, и ранее), их территория не может быть конкретно очерчена, но предположительно невры, будины и скифы-пахари Геродота могли быть древними славянами (дунайскую прародину славян исследователь аргументированно отвергал). Более определенно можно говорить о славянах первой половины I тыс. н. э., когда они составляли население полей погребений и территория их простиралась северо-восточнее Карпат от верхней Варты до Днепра.

Этногенез славян изучали параллельно как российские, так и польские исследователи. Выделяется несколько периодов в развитии этой темы. В начале XX в. в основе гипотез были преимущественно данные языкознания. Из российских ученых это прежде всего труд филолога и историка А. Л. Погодина, который на основе данных лингвистики и топонимики локализовал древних славян между верхним Одером и Днепром, южнее Припяти [2]. Известный историк русского языка А. И. Соболевский считал, что предки славян и балтов, составляя этноязыковую общность, проживали в землях к юго-востоку от Балтийского моря. Впоследствии общность дифференцировалась на северную и южную. За одно-два столетия до начала нашей эры южная группа полностью смешалась со скифским населением, в результате чего появилась новая этноединица — славяне [3]. Интересную теорию славянского этногенеза развивал А. А. Шахматов. Он присоединялся к той группе ученых, которые считали древнейшей территорией индоевропейцев центральные области Западной Европы. Первоначально индоевропейцы членились на западную (кентумную) и восточную (сатемную) группы. Через какое-то время из последней, заселявшей восточную часть бассейна Балтийского моря, отселились предки индо-

inslav

иранцев и фракийцев, а балто-славяне остались в Юго-Восточной Прибалтике. В I тыс. до н. э. распалась и балто-славянская общность. Ареалом славян стала область между нижними течениями Немана и Западной Двины. Балты стали их восточными соседями, на западе же в Повисленье проживали германцы и кельты. Во II в. н. э., когда германцы ушли на юг, Висленский регион был занят славянами и стал их «второй прародиной». Начиная со второй половины V в. славяне заселили Галицию, Буковину и нижний Дунай и оттуда начали осваивать южнорусские области до Дона[4]. В русской науке это была первая стройная картина происхождения славян и начальной истории.

В польской науке в тот период подобных этногенетических трудов еще не было, но были весьма интересные разработки отдельных тем славянского этногенеза. Так, в начале XX в. польский ботаник Ю. Ростафинский к определению прародины славян попытался подключить лексику, непосредственно связанную с географическими условиями проживания ранних славян. Название бука, подчеркивал исследователь, не является исконно славянским, не знали славяне и названий ели и можжевельника, в то время как лексемы граба, тиса и плюща имеют славянское начало. Следовательно, областью расселения славян в древности были Припятское Полесье со смежными землями Верхнего Поднепровья, где произрастали граб, тис и плющ, но не было бука, ели и можжевельника[5]. Эта аргументация встретила поддержку многих ученых и широко использовалась в их построениях, и одновременно подвергалась критике со стороны другой группы исследователей (А. Брюкнер, Т. Милевский и др.), указывающих и на изменчивость ботанической лексики, и на непостоянство ареалов названных растений.

К числу заметных исследований по славянскому этногенезу принадлежат работы польского лингвиста Я. Розвадовского. Славяне, согласно его концепции, выделились из индоевропейского массива около двух тысяч лет до н. э. на территории между Неманом и Днепром, где выделяется концентрация славянских гидронимов. Позднее прародина славян расширялась исследователем на запад до Вислы[6].

Период 20–30-х гг. XX в. характеризуется бурным развитием славистики в Польше. В это время к разработкам славянского этногенеза активно подключились и археологи. В отличие от языковых данных, которым часто недостает пространственной и хронологической определенности, материалы археологии конкретноисторичны. И вполне очевидно, что ныне проблему этногенеза славян невозможно решать без широкого привлечения археологических источников.

Целостная картина этногенеза славян по материалам археологии впервые была нарисована видным польским археологом Ю. Костшевским[7]. Историю славян он начинал с лужицкой культуры Вис-

inslav

ло-Одерского региона, поскольку ее можно эволюционно связать с пшеворской культурой, носители которой были историческими венедами, и далее с древностями раннесредневековых славян, зафиксированных письменными источниками.

Концепцию висло-одерского происхождения славян и отождествления их с носителями лужицкой культуры развивали в своих трудах также польские археологи Л. Козловский, Т. Сулимирский, К. Яжджевский и др.[8] Активно поддерживал ее и крупнейший польский антрополог середины XX в. Я. Чекановский[9]. Для подкрепления построений Ю. Костшевского им были использованы не только данные антропологии, но и данные компаративистики, изложенные в работах польского лингвиста Е. Куриловича.

Наиболее обстоятельно проблема славянского этно- и глоттогенеза освещена выдающимся польским лингвистом Т. Лер-Сплавиньским[10]. В основе его построений лежат материалы разных наук — языкознания, гидронимики, археологии и антропологии. Исследователь принадлежал к тем ученым, которые считают, что языковые явления должны находить соответствия в археологических, антропологических и этнографических данных. Более того, он полагал, что в изучении этногенеза неязыковые особенности в ряде мест оказываются важнее лингвистических. Суть выводов этого ученого заключается в следующем. В древности Северо-Восточная Европа (вплоть до Силезии и Померании) была заселена финно-уграми, оставившими культуру гребенчатой керамики. Около 2000 г. до н. э. из Центральной Европы на эту территорию (до Среднего Поволжья и Северного Кавказа) приходят носители культуры шнуровой керамики — одна из групп индоевропейцев. В результате взаимодействия с финским субстратом между Одером и Окой складываются балто-славяне (или прабалты, включавшие племена, диалекты которых позднее развились в славянский язык). Лужицкую культуру Т. Лер-Сплавиньский относил к индоевропейцам-венетам. Расселение последних в междуречье Вислы и Одера около 1500–1300 гг. до н. э. привело к отчленению части прибалтов, что стало первым шагом к образованию славян. Окончательно же они сложились после расселения носителей поморской культуры, следствием чего стало формирование в Висло-Одерском регионе пшеворской и оксывской культур, которые можно определенно считать раннеславянскими. Свои построения исследователь подкреплял топонимикой. Касаясь антропологии, он утверждал, что ранние славяне принадлежали к нордическому длинноголовому светловолосому типу; они сформировались на восточной окраине ареала этого антропологического типа.

Исследования Т. Лер-Сплавиньского были существенным вкладом в разработку проблемы происхождения и ранней истории славян. Уче-

inslav

ного по праву иногда считают создателем современного славянского этногенеза. Этногенетические изыскания Т. Лер-Сплавиньского получили признание в среде российских коллег. В 1947 г. Президиум АН СССР внес предложение об избрании его, вместе знаменитыми физиками Фредериком и Ирен Жолио-Кюри, иностранным член-корреспондентом Академии. Против был вездесущий Секретариат ЦК ВКПб, в протоколе которого по этому поводу записано: «Лер-Сплавинский в области славяноведения расходится взглядами с советской школой, в частности, он развивает ту точку зрения, что прародина славян находится на территории Польши» [11].

Советской научной школы славянского этногенеза в то время еще не было и не могло быть. Изучение этой проблемы сдерживалось распространением яфетической теории Н. Я. Марра. Так, лингвист Л. П. Якубинский утверждал, что славянский диалект, как и другие древние индоевропейские диалекты, образовался в эпоху родового строя в результате скрещения одного из протоиндоевропейских диалектов с одним или несколькими неродственными диалектами [12]. Что-либо конкретноисторическое на этом основании представить просто невозможно. Согласно историку Н. С. Державину, славяне сложились в результате скрещения нескольких древних племен Европы, в том числе киммерийцев, скифов, сарматов и готов [13]. Археолог М. И. Артамонов писал, что племенами, находящимися на яфетической стадии, позднее ставшими славянами, были венеты, лугии, даки и некоторые другие [14]. С позиций яфетической теории рассматривали ранний этногенез славян также А. Д. Удальцов и П. Н. Третьяков [15].

После отвержения теории Н. Я. Марра первые построениях российских археологов по славянскому этногенезу находились в зависимости от работ польских исследователей. Однако к Висло-Одерскому региону, где согласно концепции польских ученых формировалось раннее славянство, к славянскому ареалу непременно присоединялись и регионы, составлявшие территорию СССР. Так, М. И. Артамонов, целиком принимая этногенетические построения польских археологов, писал, что славянами оставлены не только лужицкая и пшеворская культуры, но и скифские культуры лесостепного Поднепровья (невры, будины и гелоны Геродота были славянами), а позднее славяне были носителями зарубинецкой и черняховской культур. Согласно представлениям П. Н. Третьякова, в I тыс. до н. э. славянам принадлежала не только лужицкая, но и все скифские культуры лесостепного Поднепровья, а также более северные — верхнеднепровские и юхновская, а в бронзовом веке кроме лужицкой еще и тшинецко-комаровская культура [16]. При этом исследователь ссылался на работы польских археологов С. Носека и А. Гардавского, которые считали ранними

inslav

славянами племена тшинецкой культуры. Ныне эти весьма схематические, порой научно неоправданные построения имеют чисто историографический интерес.

В польской науке несколько особняком стоят изыскания историка и этнолога К. Мошиньского, который допускал весьма древние контакты славян с тюрками и уграми. В результате место становления славян до VII–VI вв. до н. э. определялось в Средней Азии [17]. Эта гипотеза была встречена наукой крайне критически, и позднее К. Мошиньский стал считать прародиной славян Среднее Поднепровье, куда они будто бы пришли за несколько веков до нашей эры из пограничья Европы и Азии [18]. Для обоснования среднеднепровской прародины славян российские исследователи нередко ссылались на работы К. Мошиньского.

50–70 гг. XX в. были временем тесного и плодотворного сотрудничества польских и советских археологов. Это был период активного накопления новых материалов. И в Польше, и в Восточной Европе, и в других славянских странах, а также в ГДР развернулись широкие раскопки славянских памятников раннего средневековья и более ранних периодов. Для ознакомления с новейшими материалами и научной литературой археологи Польши охотно посещали СССР, и, наоборот, археологи нашей страны работали в музеях и библиотеках Польши. Огромную роль в развитии научного сотрудничества ученых Польши, СССР и других европейских стран сыграла Международная уния славянской археологии, созданная в Варшаве в 1965 г. Она организовала и провела шесть Международных конгрессов (Варшава, Берлин, Братислава, София, Киев, Новгород Великий) и десятки симпозиумов по важнейшим вопросам славистики, ставшими мощными импульсами всестороннего развития знаний по этногенезу славян и славистики в целом. Проблема этногенеза славян была в числе главных тем первого, третьего, четвертого и шестого конгрессов. В этих мероприятиях вместе с археологами участвовали лингвисты и историки, этнологи и антропологи, фольклористы, искусствоведы, а также представители естественных наук. Наиболее представительными и активными на этих форумах были российские и польские ученые. Материалы конгрессов изданы в нескольких томах.

Источниковый фонд по археологии славян к концу 70-х гг. XX в. увеличился в несколько раз и сделал археологию авторитетнейшей наукой в области изучения этногенеза и ранней истории славянского мира. Установлено, что славянская культура в начале средневековья уже не была единой, а дифференцировалась на три основные образования, восходящие к римскому времени и соответствующие историческим венедам, славянам и антам. Среди работ по этим вопросам наи-

inslav

более значимыми являются исследования польских археологов З. Курнатовской, Е. Домбровской, Х. Цолль-Адамиковой и М. Парчевского. Из трудов советских исследователей прежде всего можно назвать работы И. П. Русановой и В. Д. Барана.

Из работ, рассматривающих проблему славянского этногенеза целостно, нельзя не упомянуть исследования В. Гензеля[19]. Он обратился к этой проблеме еще в 50-х гг. и развивал их в течение трех десятилетий. Согласно его концепции в III–II тыс. до н. э. на пространстве от побережья Балтийского моря до среднего Днепра существовала балто-славянская общность, отождествляемая с культурами шнуровой керамики — жуцевской, злота и среднеднепровской. В условиях взаимодействия части этой общности с иллирийцами — носителями лужицкой культуры между 900 и 700 гг. в Висло-Одерском регионе и Припятском Полесье формируются славяне. На рубеже эр они представлены пшеворской, оксывской и зарубинецкой культурами: на их основе и сложились достоверно славянские культуры раннего средневековья. В. Гензель отстаивал мысль, что проблема этногенеза славян не может быть решена на материалах только одной науки, археологии, лингвистики или какой-либо иной. Решение ее — задача специальной науки — этногенезологии, охватывающей комплексно данные нескольких наук, и в университетах необходимо готовить таких специалистов.

Параллельно с археологическими работами и в Польше, и в СССР лингвистами разрабатывались вопросы глоттогенеза. В этой связи велась дискуссия о месте прародины славян. Мысль о становлении славянского этноса в Висло-Одерском регионе на основании гидронимических изысканий отстаивали польские лингвисты К. Тыменецкий, С. Роспонд и др. На основе структурно-словообразовательного анализа славянских водных названий С. Роспонд на пространстве между Одером и Днепром выделил два региона — область первичной гидронимии (бассейны Вислы и Одера) и зону с производными словообразовательными формами (Среднее Поднепровье) по отношению к первичным[20]. Последовательным сторонником западной прародины славян был Е. Налепа. В последние десятилетия это положение отстаивает В. Маньчак, придавая первостепенное значение славяно-германским и славяно-балтским языковым контактам в древности[21].

Другая группа лингвистов не соглашалась с Висло-Одерской локализацией ранних славян. Еще в конце 50-х гг. польский языковед Г. Улащин в полемике с Ю. Костшевским и его последователями утверждал, что древние славяне первоначально жили на Днепре. Исследователь исходил из положения об индоевропейской прародине в южнорусских степях, откуда и вышли балто-славяне, заселив верхнеднепровские земли. В дальнейшем балты переместились к Балтийскому по-

inslav

бережью, а славяне остались на Днепре, контактируя со скифо-сарматами[22]. Положение о том, что славяне сложились на территории между Западным Бугом и средним Днепром, на основе данных лексики отстаивал российский лингвист Ф. П. Филин[23]. Там же ранний славянский ареал локализовал и С. Я. Бернштейн[24]. Выдвигая на первый план славяно-иранские контакты, Х. Поповска-Таборска также утверждает, что славянский язык сформировался в Среднеднепровско-Припятском регионе[25]. Все эти исследования являются чисто языковедческими, и, на мой взгляд, показывают невозможность изучения этногенеза славян и определения места их проживания на разных исторических этапах без участия археологии.

Свое видение ранней истории славян изложил и польский историк Г. Ловмяньский. Он присоединился к тем ученым, которые видят прародину индоевропейцев в черноморских, каспийских и казахстанских степях. В результате продвижения части индоевропейцев на север, полагал исследователь, на средней Волге и Оке выделилась германо-балто-славянской общность, которая постепенно распространялась на запад. Славяне сформировались на Висле в результате взаимодействия группы этой общности с древнеевропейским (венетским) этносом. Это были венеды, зафиксированные историческими источниками[26].

В 80-х гг. польский археолог К. Годловский высказал мысль о том, что ранние славяне не проживали в ареале провинциальноримских культур (пшеворской и черняховской), т. е. и в Висло-Одерском регионе, и в Днепро-Днестровском междуречье. Более важными, по его мнению, являются не типологические сопоставления основных признаков археологических культур римского времени и раннего средневековья, а уровни социально-экономического развития, которые действительно несопоставимы. Сосредоточивая внимание на простоте и бедности материалов раннесредневековых культур славян, их заметной примитивности в сравнении с пшеворской и черняховской, неразвитости социально-экономической структуры, исследователь утверждал, что раннесредневековые славяне не были наследниками провинциальноримских культур и в римское время проживали в стороне от них — в лесной зоне Восточной Европы. Им приписываются здесь зарубинецкие и постзарубинецкие древности[27]. Эта точка зрения нашла признание среди части польских и российских археологов.

Другая группа исследователей, среди которых есть и польские, и российские, не согласилась с мнением К. Годловского. В частности, дискуссия имела место после его выступления на Третьем конгрессе славянской археологии[28]. Возражая К. Годловскому, подчеркивается, что провинциальноримские области были не собственно славянскими, население их было полиэтничным. Хорошо известно, что ремесленные

inslav

центры, снабжавшие (провинциальноримской) продукцией в своей массе земледельческое население черняховской и пшеворской культур, были разорены гуннским нашествием и какая-то часть ремесленников ушла вместе с германцами на Дунай и далее на запад. В результате культуры земледельцов теряют прежнюю провинциальноримскую окраску, становятся «примитивными». Имеется целый ряд фактов, не позволяющих принять точку зрения К. Годловского. Таковы, в частности, лингвистические свидетельства о контактах славян с западными балтами (пруссо-ятвяго-галиндами) и встрече их с восточными (летто-литовцами) не ранее середины I тыс. н.э., или о проникновении праславянских лексем в западногерманские языки в римское время (имеется в виду выявление В. В. Мартыновым праславянских лексем в древнеанглийском, что возможно только при соседстве славян с англами и саксами до их миграции на Британские острова). Есть и прямые свидетельства наследования славянами достижений провинциальноримской культуры. Изысканиями Ф. Малингудиса показано, что славяне, расселившиеся на Пелопоннесе, были достаточно хорошо знакомы с провинциальноримской культурой. Это проявляется в терминологии сельскохозяйственной и строительной техники, обработки металлов и дерева, ткачества и пчеловодства, а также в области социальных отношений.

В 90-х гг. XX в. проблема происхождения и ранней истории славян монографически рассмотрена мною в двух книгах[29]. Два основных положения легли в основу этого этногенетического исследования. Первое — проблему происхождения и ранней этнической истории славян на современном уровне невозможно решать на основе данных только одной какой-либо науки. Второе — этногенез славян нельзя решать изолированно от этнической истории других европейских этносов. Схематически суть моего труда заключается в следующем. В бронзовом веке (II тыс. до н.э.) в Центральной Европе существовала крупная этнокультурная общность (древнеевропейцы), в результате расселения и дифференциации которой в начале железного века оформились в самостоятельные этносы кельты, италики, иллирийцы, венеты, германцы и славяне. Первой праславянской была культутра подклёшовых погребений середины I тыс. до н.э., локализуемая в бассейне Вислы. В результате взаимодействия славян с кельтами эта культура трансформируется в пшеворскую, территория которой не была замкнутой. Вместе со славянами здесь проживали и различные германские племена. Во II–III вв. славянская территория расширяется до среднего Днепра, где в условиях славяно-иранского симбиоза формируются анты. Они составляли часть населения черняховской культуры, в состав которого входили также поздние скифы, сарматы, гето-даки, готы и гепиды. Нашествие гуннов и начавшееся переселение народов существенным образом изменили

inslav

ситуацию. Началась великая славянская миграция, и по мере стабилизации жизни в разных регионах Средней и Восточной Европы складываются раннесредневековые славянские культуры, отражающие диалектное членение позднепраславянского языка. На следующем этапе формируются уже отдельные славянские этносы.

Несколько особняком стоят интересные исследования О. Н. Трубачева, покоящиеся на данных этимологии и ономастики. Лингвист отстаивает положение о формировании индоевропейцев в Европе, и здесь в Среднем Подунавье непосредственно из их среды в III–II тыс. до н. э. вышли праславяне, контактировавшие на первых порах с праиталиками и праиллирийцами, а затем и с кельтами[30].

Научная дискуссия по проблеме славянского этногенеза продолжается[31], и ведущее место в ней занимают исследователи России и Польши.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Niederle L.* Slovanské starožitnosti. D. I. Praha, 1901.

2 *Погодин А. Л.* Из истории славянских передвижений. СПб, 1901; *Погодин А. Л.* Лекции по славянским древностям. Харьков, 1910.

3 *Соболевский А. И.* Русско-скифские этюды // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Пг., 1921. Т. 26. С. 1–44; *Соболевский А. И.* Русско-скифские этюды // Изв. ОРЯС. Пг., 1922. Т. 27. С. 252–332.

4 *Шахматов А. А.* Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916; *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Пг., 1916; *Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.

5 *Rostafiński J.* O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie Słowian w przedhistorycznych czasach // Sprawozdania Akademii Umiejętnosci. Kraków, 1908. T. 12. S. 6–25.

6 *Rozwadowski J.* Ze studijów nad nazwami rzek słowiańskich. Lwów, 1910; *Rozwadowski J.* Kilka uwag do predhistorycznych stosunków Europy wschodniej napodstawie nazw wod // Rocznik slawistyczny. 1914. T. 6; *Rozwadowski J.* Studia nad nazwami wod słowiańskich. Kraków, 1948.

7 *Kostrzewski J.* Praslowiańszczyzna // Biblioteka słowiańska. Warszawa, 1935. Ser. 1. № 2; *Kostrzewski J.* Praslowiańszczyzna. Zarys dziejów i kultury Praslowian. Poznań, 1946.

8 *Kozłowski L.* Kultura lużycka a problem pochodzenia Słowian // Pamiętnik IV zjazdu historyków polskich. Lwów, 1925. T. 1; *Kozłowski L.* Zarys pradziejów Polski południowo-wschodniej. Lwów, 1939; *Sulimirski T.* Najstarsze dzieje narodu polskiego. Świetowy związek Polaków z zagranicy. London, 1945; *Jaźdźewski K.* Atlas do pradziejów słowian. Łódź, 1948–1949, T. 1–2.

9 *Czekanowski J.* Wstęp do historii Słowian. Lwów, 1927 (второе, доработанное издание — Poznań, 1957); *Czekanowski J.* Polska-Słowiańszczyzna. Perspektywy antropologiczne. Poznań, 1948.

inslav

10 *Lehr-Splawiński T.* O pochodzeniu i praojczyznie słowian. Poznań, 1946.

11 Академия наук. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). 1922–1952. М., 2000. С. 349.

12 *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М., 1953.

13 *Державин Н. С.* Славяне в древности. М., 1945.

14 *Артамонов М. И.* Происхождение славян. Л., 1950.

15 *Удальцов А. Д.* Основные вопросы этногенеза славян // Советская этнография. Сборник статей. М.; Л., 1947. Т. 6–7. С. 3–13; *Удальцов А. Д.* Происхождение славян // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 95–100; *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М.; Л., 1948.

16 *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М., 1953.

17 *Moszyński K.* Badania nad pochodzenią i pierwotną kulturą słowian. Kraków, 1925.

18 *Moszyński K.* Pierwotny sazięg języka prasłowiańskiego. Wrocław; Kraków, 1957.

19 *Hensel W.* Pochodzenie Słowian // Wiadomości archeologiczne. Warszawa, 1954. T. 20. Z. 3. S. 211–220; *Hensel W.* L'ethnogenese des slaves // Slavia Antiqua. T. 18. Poznań, 1971. S. 29–47; *Hensel W.* Skąd przyszli Słowianie. Wrocław, 1984.

20 *Rospond S.* Praslowiane w świetle onomastyki // I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. Wrocław; Warczawa; Kraków, 1968. T. 1. S. 109–170.

21 *Mańczak W.* Praojczyzna Słowian. Kraków, 1981.

22 *Ulaszyn H.* Praojczyzna Słowian. Łódź, 1959.

23 *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М.; Л, 1962; *Филин Ф. П.* О происхождении праславянского языка и восточнославянских языков // Вопросы языкознания. 1980. № 4. С. 36–50.

24 *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М, 1961.

25 *Popowska-Taborska H.* Wczesne dzieje Słowian w świetle ich języka. Warszawa, 1991.

26 *Łowmiański H.* Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n. e. Warszawa, 1964. T. 1.

27 *Godlowski K.* Z badań nad zagadnieniem rozprestrenienia Słowian w V–VII w. n. e. Kraków, 1979; *Godlowski K.* Wschognia koncepcja pierwotnych siedzib Słowian // Spór o Słowian. Warszawa, 1986. S. 41–52; *Godlowski K.* Pierwotne siedziby Słowian. Kraków, 2000.

28 *Godlowski K.* Die Kulturumwandlungen im nördlichen Mitteleuropa während des 5. bis 7. Jh. Und das Problem der grossen Wanderung der Slawen // Rapports du IIIe Congrés International d'Archeologie Slave. Bratislava, 1979. T. 1. S. 321–340.

29 *Седов В. В.* Славяне в древности. М., 1994; *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995.

30 *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991.

31 Praojczyzna Słowian. Zbiór wypowiedzi. Kraków, 2001.

inslav

М. В. Дмитриев
(Москва)

БРЕСТСКАЯ УНИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОЛЬСКИХ И РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ

Изучение Брестской церковной унии 1595–1596 гг. польскими и российскими историками — один из многочисленных примеров взаимодействия в прошлом и в наши дни исследователей двух стран. В настоящей статье предстоит рассмотреть этот опыт отражение успехов и неудач сотрудничества польских и российских ученых в XX в. В центре внимания при этом будет вопрос: насколько две историографические традиции, так сказать, слышали друг друга, т. е. учитывали в научном исследовании Брестской унии то, что сделано историками соседней страны?

I

Историография Брестской унии родилась вместе с греко-католической церковью — ибо уже в конце XVI — начале XVII в. в полемических сочинениях и сторонников, и противников унии стали формироваться две соперничающие концепции свершившегося события. Одна из них видела в унии измену истинной вере и жестокий удар по украинско-белорусской церкви; другая — возвращение к естественному состоянию единства христианских церквей и благое для «Руси» дело. Одни объясняли «измену» православных епископов и их сторонников корыстью; другие, напротив, восхваляли их за бескорыстное служение идеалу единой церкви. Полемика продолжалась на протяжении всего XVII в., постепенно затихая во второй половине XVII в. и в XVIII в., в условиях, когда позиции православия в Речи Посполитой оказались очень ослабленными.

Научное изучение истории Брестской унии охватывает ряд этапов. В первой половине и середине XIX в. появились первые польские и российские специальные исследования по истории православной церкви и унии в украинско-белорусских землях в 1596–1648 гг. [1]. В России эти исследования начались с книги Н. Н. Бантыша-Каменского. Тогда же началась исследовательская работа по введению в научный оборот мате-

inslav

риалов из ватиканских архивов и библиотек[2]. Первым польским ученым, работавшим в этих собраниях, был Ян Альбертранди, первым российским — А. И. Тургенев[3]. Плодом их деятельности стали первые публикации донесений нунциев, папских булл, директив курии, относящихся к Речи Посполитой и России[4].

Собственно научное (т. е. опирающееся на критический анализ источников) изучение Бресткой унии начинается во второй половине XIX в. При этом следует иметь в виду, что при значительном числе работ, так или иначе касающихся Брестской унии, собственно научные исследования вовсе не многочисленны.

Особо стоит отметить исследование М. О. Кояловича по истории Брестской унии и религиозной жизни в украинско-белорусских землях[5]. Он представил фундированную, но очень одностороннюю картину событий. Главную причину Брестской унии и последовавших за ней конфликтов он видел в деятельности католической церкви и особенно иезуитов. Борьбу православных против унии, главную роль в которой он отводил казакам, Коялович изображал как единодушную попытку отстоять самобытность церкви, не желая заметить весьма существенные тенденции в пользу унии в православной среде. И. И. Малышевский, посвятивший большой труд роли Александрийского патриарха Мелетия Пигаса в борьбе против унии[6], занимал, по сути, те же позиции, что М. О. Коялович. Сведения о начале унии давались и в других публикациях[7], а их интерпретация следовала той же линии, что и книги М. О. Кояловича и И. И. Малышевского.

Созданная Кояловичем и Малышевским концепция очень характерна для русской официозной историографии XIX в. В сравнении с нею «История Русской церкви» митрополита Макария содержала более объективную трактовку происхождения и последствий Брестской унии. В предложенном им объяснении причин и механизмов рождения греко-католической церкви есть два доминирующих момента. Во-первых, уния виделась Макарию как результат «всех действий латино-польского правительства» против православной церкви, «всех усилий литовских иезуитов и других ревнителей латинства к подчинению ее Римскому первосвященнику»[8]. Во-вторых, по мнению автора, православное духовенство Белоруссии и Украины пошло навстречу этому стремлению потому, что «при господствовавшей там системе раздачи епархий, монастырей, иногда и церквей и оставленное почти без всякого надзора со стороны Цареградского патриарха, естественно, не могло отличаться и не отличалось соответствием своему высокому призванию»[9]. Уния, таким образом, стала следствием кризиса православной церкви и духовенства, с одной стороны; и экспансионистской политики польского правительства и католической церкви — с другой. На этой констатации

inslav

Макарий считал возможным остановиться в анализе причин Брестской унии. Однако им было ясно показано, что специфические политические условия и государственно-правовые институты Речи Посполитой делали невозможным насильственное насаждение унии.

Макарий, опираясь только на официальные польские источники, не мог, конечно, вскрыть закулисных механизмов принятия решений об унии, а также по тем или иным вероисповедным вопросам. Указанная ограниченность источниковой базы исследования также не позволила ему осветить все повороты в развитии религиозно-политической борьбы в Речи Посполитой в течение столетия с 1550 до 1648 гг. Тем не менее русскому историку удалось показать главное — заключение унии с Римом в 1595–1596 гг. вместо ожидаемого преодоления кризиса и наведения порядка в церкви, укрепления ее авторитета и влияния в обществе, вместо национально-религиозной консолидации и подъема христианской культуры породило волну ожесточенных конфликтов и усугубило кризисные явления в Киевской митрополии. Из собранного и изученного автором материала видно, что значительная часть духовенства, шляхты, горожан оказалась в лагере решительных противников унии. С другой стороны, автор объективно показывает, что у униатской церкви было и много сторонников в украинско-белорусском обществе. Как видно из книги Макария, на Украине и в Белоруссии немало было людей, колебавшихся в выборе между унией и православием. Расколотыми оказались и шляхта, и население городов, и духовенство. При этом благодаря собранным автором данным достаточно ясно видно, что ситуация по-разному складывалась в разных регионах. В белорусско-литовских областях и западной части Украины почва для унии оказалась более благоприятной, чем в центральной и восточной Украине.

В целом, в исследовании Макария была показана, с одной стороны, ожесточенность и глубина сопровождавших унию конфессиональных конфликтов; с другой — невозможность свести наблюдаемые явления к упрощенной формуле борьбы православия с традиционной католической экспансией. Вместе с тем как адепт русской православной церкви автор, разумеется, не был свободен от конфессиональной пристрастности в оценке многих сторон истории Брестской унии и особенно — униатской церкви и ее лидеров.

Наряду с митрополитом Макарием большой вклад в изучение генезиса Брестской унии внес О. Левицкий [10]. С его точки зрения, подкрепленной доскональным знанием источников, уния была порождена прежде всего внутренним кризисом православной церкви, подтолкнувшим часть иерархии и мирян к объединению с католиками, чем и воспользовалась римская дипломатия и польское правительство.

inslav

Другие отечественные историки XIX в. специально Брестской унией не занимались, но своими высказываниями закрепили негативный образ этого явления в историческом сознании общества. Характерна в этом отношении позиция С. М. Соловьева [11], для которого уния стала выражением «гонений» на православие и «русскую народность». Главную роль в этом в конце XVI в. сыграли иезуиты. Они «указали на унию, — писал историк, — как на переходное состояние, необходимое для упорных в своей старой вере русских; прямо указаны были и средства к унии, средства насильственные: лишение выгод за упорство в отцовской вере» [12].

В польской историографии Брестской унии было посвящено специальное исследование Э. Ликовского [13], который использовал и некоторые неопубликованные донесения нунциев из ватиканского архива. Он подчеркивал, что тяготение к унии родилось в ответ на упадок православного духовенства [14] и распространение ересей в православной среде [15]. К унии в соответствии с флорентийскими традициями стремились обе стороны. Позитивная роль унии в истории Украины и Белоруссии, с точки зрения Ликовского, не подлежит сомнению.

Очерк Е. Бартошевича, отводивший довольно много места борьбе унии и православия в 1596–1648 гг., не вносил ничего нового в вопрос о генезисе Брестской унии [16]. Другие книги ограничивались самыми общими сведениями о Брестской унии, которая рассматривалась как естественная попытка восстановить единство христианской церкви [17].

II

Конец XIX — начало XX в. ознаменовал новый этап в историографии Брестской унии и в изучении истории греко-католической церкви. Его достижения связаны с расширением как источниковой базы, так и самого поля исследования. Кроме того, стала меняться методология исторической науки, что позитивно сказывалось и на состоянии историографии украинско-белорусского православия и унии. Среди польских публикаций о Брестской унии, появившихся в связи с ее трехсотлетним юбилеем [18], стоит особенно выделить большую статью А. Прохазки, объективно представившего ход переговоров и контактов накануне заключения унии [19].

С началом работы в Риме постоянных научных миссий [20], в которой участвовали и польские ученые [21], стала доступной для изучения политика папской курии в Речи Посполитой, в частности, в отношении православной церкви на украинских и белорусских землях, благодаря ряду публикаций донесений в Рим нунциев из Польши [22]. Постепенно стали вводиться в научный оборот материалы ватиканских

inslav

архивов. Были продолжены их научные публикации[23], в частности, переписка польских нунциев за 1578–1585 гг.[24]

Огромная работа в этой области была проделана, с одной стороны, польскими историками, с другой стороны — Е. Ф. Шмурло, почти 30 лет изучавшим итальянские (преимущественно римские) архивы и библиотеки в поисках материалов, касавшихся истории России[25]. Часть выявленных источников была им опубликована[26].

На основе обнаруженных в Ватикане материалов Е. Ф. Шмурло опубликовал книгу, посвященную политике папской курии в отношении православных стран Восточной Европы. И хотя книга касается периода после Брестского собора 1596 г., сделанные ученым наблюдения имеют исключительное значение для понимания событий конца XVI в. и их роли в истории Речи Посполитой. В частности, Е. Ф. Шмурло убедительно продемонстрировал, что курия и Конгрегация пропаганды веры, исходя из принципиальных соображений, не шли на уступки православным даже в самых критических для унии ситуациях. За этой неуступчивостью, как показано исследователем, стояли глубокие различия между католиками и православными в самом понимании унии. По словам историка, главным препятствием к заключению унии было то, «что обе стороны, в корне, взаимно не понимали друг друга, ибо мыслили в двух разных плоскостях». «Рим звал в Каноссу, в то время как в нем (православные. — *М.Д.*) хотели видеть старшего брата». Последние «соглашались на унию, но желали оставаться православными»[27].

Специальные изыскания, посвященные генезису Брестской унии, в этот период были предприняты только П. Н. Жуковичем, чьи труды составили большой шаг в изучении Брестской унии и порожденных ею конфликтов. Он подробно проанализировал разные аспекты религиозно-политической борьбы, составлявшей контекст Брестской унии, и рассмотрел историю переговоров, приведших к заключению унии. Не делая никаких обобщающих выводов, Жукович, тем не менее, показал, что для православной иерархии уния была средством выхода из внутрицерковного кризиса и не предполагала ни полного подчинения Риму, ни коренной перестройки существовавших традиций. Для католиков же речь шла об особой форме включения православных в римско-католическую церковь со всеми вытекающими отсюда последствиями в том, что касается и институтов церкви, и вероучения. Уния для Жуковича — прежде всего событие политической, а не религиозно-культурной истории. Другие авторы, писавшие о Брестской унии, ограничивались либо очерками, составленными на основе уже известных материалов и предшествующей, историографии, либо весьма специальными вопросами.

inslav

III

В польской межвоенной историографии Бресткой унии главное место занимают труды К. Ходыницкого и К. Левицкого, которые уделили особое внимание ее генезису. К. Ходыницкий, проанализировав всю совокупность данных о состоянии Киевской митрополии в XV – первой половине XVI вв., подтвердил мнение, что во второй половине XVI в. кризис церкви и духовенства стал одной из предпосылок Бресткой унии. Саму же унию он рассматривал как обусловленный кризисом ответ православного духовенства на католическую пропаганду в пользу воссоединения церквей. «Брестская уния была прежде всего результатом стремления католической церкви к объединению с православием» [28]. В переговорах 1590–1595 гг. Ходыницкий усматривал реализацию объединительных планов 1560–1580-х гг. [29]. Важно отметить, что в своей работе автор стремился осуществить подлинный синтез накопленных знаний о Брестской унии и с отменной добросовестностью использовал или, по крайней мере, учитывал труды российских ученых. Такой же подход отличал и труд К. Левицкого [30], который представил несколько иную, чем Ходыницкий, картину зарождения унии, подчеркнув экспансионизм польской и римской политики и остроту противоречий между православными и католиками.

IV

После окончания Второй мировой войны осуществленная А. Великим и, отчасти, О. Халецким публикация материалов ватиканских архивов существенно обогатила источниковую базу для изучения генезиса Брестской унии [31], а книга известного польского историка О. Халецкого «От Флоренции к Бресту» стала главным явлением в нашей области исследований [32]. Автор первым систематически исследовал переписку нунциев с Римом и подробно проанализировал политику курии в отношении православной церкви Украины и Белоруссии. Суть обоснованной им концепции в том, что Брестская уния была «региональным возобновлением Флорентийской унии среди рутенов Польско-Литовского государства» [33], плодом долгих и целенаправленных усилий папской дипломатии и католической пропаганды. «Флорентийской традиции» посвящен целый ряд довоенных и послевоенных более или менее обширных публикаций [34].

Показательно, однако, что Халецкий практически не принимает во внимание источники и исследования, которые не укладываются в жесткую схему предложенной им концепции. Он, по сути дела, игнорирует публикации Макария, П. Н. Жуковича, Е. Ф. Шмурло, Ореста

inslav

Левицкого и даже своего соотечественника К. Левицкого. Опубликованная по-английски, а недавно и в польском переводе, книга Халецкого, несмотря на свои достоинства, представляет собой самый характерный пример дезинтеграции научных связей, взаимного отчуждения российской и польской историографий.

В советской послевоенной историографии 1940–1980-х гг. история Брестской унии разносторонне, хотя и весьма кратко представлена в трудах С. Н. Плохия и С. Г. Яковенко, опубликованных в конце 1980-х гг. Это позволило авторам учесть практически все предшествующие польские публикации, в том числе и книги Ходыницкого, Левицкого и Халецкого. Плохий и Яковенко развили идею о том, что Брестская уния была результатом политики католической церкви. С. Н. Плохий при этом главным фактором считает соответствующие планы Рима[35], а С. Г. Яковенко выдвинул на первый план роль нунциев в подготовке Брестской унии[36].

VI

С 1990-х гг. и в российской, и в польской историографии Брестской унии открывается новый этап. В России, с одной стороны, уния фигурирует как тема православно-церковной публицистики, которая чаще всего воспроизводит представления, сформированные Кояловичем и Малышевским; с другой, появляются специальные строго научные исследования.

Ряд ценных наблюдений и оригинальных выводов по рассматриваемой проблеме сделан в работах Б. Н. Флори. Он показывает, что обращение православных иерархов к унии было ответом на кризис организационных структур Киевской митрополии во второй половине XVI в. и на угрозу сословным позициям духовенства со стороны православных мирян (шляхетских патронов и братств)[37]. В ходе переговоров об унии 1590–1595 гг. окончательный поворот к сближению с Римом произошел лишь летом-осенью 1594 г., когда стало ясно, что невозможен компромисс между духовенством, с одной стороны, и братствами и шляхетскими опекунами церкви — с другой, а следовательно, невозможна согласованная внутрицерковная реформа[38].

Брестской унии посвящен ряд польских и российских работ, вышедших в самое последнее время, в связи с 400-летним юбилеем собора 1596 г.[39] В коллективной монографии под руководством Б. Н. Флори критически рассмотрен имеющийся корпус источников и обобщены результаты предшествовавших исследований о генезисе Брестской унии, многие из которых нашли подтверждение. Вместе с тем концепция авторов в значительной степени противоречит сложившимся

inslav

в польской историографии представлениям и стереотипам.[40]. Во-первых, подчеркнуто, что кризис православной церкви на землях Украины и Белоруссии, реакцией на который стала уния, был кризисом роста, а не упадка и сопровождался обострением борьбы братств и духовенства за лидерство в церкви. Во-вторых, «обращение епископов к идее унии было связано с их неспособностью собственными силами положить конец оппозиции со стороны братств», что вызывало тревогу иерархов за свое положение. В-третьих, епископы надеялись сохранить в неприкосновенности все традиции православия (а не одну лишь обрядность), и уния с Римом рассматривалась ими «прежде всего как акт смены юрисдикции, за которым не должна была следовать рецепция отношений, характерных для католического мира». Соответственно, «не интерес к духовному наследию католицизма и признание его превосходства были главным движущим мотивом действий епископов». В-четвертых, утопичной была выработанная православной стороной сама программа объединения с католиками: «епископы явно не представляли себе всех возможных последствий своего решения об унии с Римом». В-пятых, было указано на кардинальные противоречия представлений двух сторон о сущности унии. «Епископы представляли себе переход под власть папы как присоединение к некоему государству, от главы которого в обмен на признание его власти можно добиваться прав и привилегий, зафиксированных в особом акте, содержавшем обязательства сторон. Такое решение вопроса было неприемлемо для папства с его представлением о папстве как единственном абсолютном главе церкви, представляющем в своем лице власть самого Иисуса Христа»[41]. Таким образом, полученные российскими исследователями результаты представляют проблему генезиса Брестской унии в принципиально новом свете.

Новые тенденции заметны также и в ряде недавних польских и западных научных публикаций, большая часть которых связана с 400-летием Брестской унии. Так, ставится вопрос о том, что объединительная инициатива православных епископов родилась не столько в результате соответствующей пропаганды католических кругов, сколько из стремления осуществить реформу внутри Киевской митрополии[42]. Историки обращают внимание на обострение религиозно-культурных и этнических противоречий в Восточной Европе в связи с Брестской унией[43]. Исследователи отмечают, что в разные эпохи Рим по-разному подходил к проблеме унии церквей[44], вместе с тем подчеркивают стремление православной иерархии к пересмотру условий унии после 1596 г. на основе иной, чем римская, экклезилогии[45]. Ставится вопрос о необходимости взглянуть на унию с точки зрения более широких, чем прежде, исследовательских перспектив[46], что обусловило и новый подход как к самой

inslav

унии, так и к порожденной ею полемике с точки зрения столкнувшихся в них православных и католических представлений о спасении[47].

Особенно много в связи с юбилеем писалось о генезисе Брестской унии, но, как ни странно, эти публикации, по существу, не принесли ничего нового в наши знания о том, как и почему родилась греко-католическая церковь[48]. Ряд «юбилейных» публикаций[49], не вводя в научный оборот новых материалов[50] и чаще всего никак не откликаясь на богатую историографическую традицию, только знакомят читателя с изложением отдельных событий конца XVI в. и обстоятельствами провозглашения унии. Среди подобного рода публикаций очень редко можно найти отклики, хотя бы и критические, на важнейшие труды О. Левицкого, П. Н. Жуковича, Е. Ф. Шмурло, а равным образом на работы Э. Зуттнера, В. Пери, историков из ордена иезуитов И. Крайцара и Г. Подскальского, и даже поляка К. Левицкого, не говоря уже о работах С. Н. Плохия, С. Г. Яковенко и недавнем коллективном труде под руководством Б. Н. Флори.

* * *

В целом, можно выделить две основные точки зрения на генезис Брестской унии, сложившихся в разное время и присутствующих в исторической науке и историческом сознании Польши и России по сей день.

Одна из них восходит к католической и греко-католической конфессиональной историографии и сводится к утверждению, что уния стала результатом обоюдного стремления православных и католиков к объединению, восстановлению разрушенного некогда единства под эгидой римского папы, наследуя идеалы Флорентийской унии. С православной стороны эту тенденцию поддержали, согласно указанной концепции, наиболее ответственные и, так сказать, «передовые» группы духовенства и мирян. С католической стороны — «либералы», которые не хотели прямой латинизации православия и насильственного подчинения темных «схизматиков» Риму и, исходя из этого, предложили унию как форму религиозного компромисса. Эта точка зрения и соответствующая историографическая традиция оказали заметное влияние и на объективистски настроенных историков, например К. Ходыницкого.

Точка зрения, восходящая к православной конфессиональной позиции, видит в унии результат католического прозелитизма, который опирался на прямую поддержку польского государства и насильственные методы, воспользовавшись кризисным состоянием Киевской митрополии во второй половине XVI в., чтобы «соблазнить» унией православных. Нестойкие в вере, а иногда и корыстолюбивые иерархи поддались «соблазну» и обманули пошедших за ними верующих, в то время как большая часть общества сохранила верность православию.

inslav

Объективистски настроенные историки были и среди представителей этой традиции (П. Н. Жукович, Е. Ф. Шмурло, польский исследователь К. Левицкий, О. Левицкий). Наука развивалась и при наличии конфессионально-культурных предпочтений, и поэтому Е. Ф. Шмурло мог бы вести вполне академический диспут с О. Халецким, а П. Н. Жукович — с К. Ходыницким. Общего в их подходах и оценках было не так уж и мало.

Последние десятилетия показали, что возможен и внеконфессиональный научный подход к истории греко-католической церкви и, в частности, к ключевому вопросу о генезисе Брестской унии. Более того, и историки, работающие в созданных церковью научных учреждениях (например, о. Б. Гудзяк, ректор Львовской богословской академии, с. С. Сеньк, профессор Папского Восточного института, Э. Зуттнер, профессор факультета католической теологии Венского университета, В. Пери, возглавлявший отдел греческих рукописей Ватиканской библиотеки, о. Б. Дюпюи, сотрудник доминиканского центра научных исследований в Париже), осуществляют исследования, свободные от конфессиональных пристрастий.

Однако вместе с тем как светские, так и церковные историки и в России, и в Польше весьма часто продолжают писать так, будто и не было исследований, стремящихся увидеть и представить Брестскую унию в собственно научном освещении, свободном от априорных идеологических установок. Это было бы полбеды, потому что преднамеренные или непреднамеренные искажения реальной картины в таких публикациях для специалиста достаточно очевидны.

К сожалению, мы сталкиваемся и с двумя другими особенностями нынешних исследований, посвященных Брестской унии. Во-первых, в последние годы вышло огромное число специальных публикаций, которые вовсе не учитывают то, что делалось предшественниками, и поэтому повторяют заведомо устаревшие суждения и давно исправленные ошибки. Во-вторых (и это, пожалуй, самое тревожное) выходящие в большом числе синтетические труды по истории стран Восточной Европы, а равным образом учебники и учебные пособия, совершенно не учитывают накопленные *научные* знания о Брестской унии — т. е. знания о том, «как это на самом деле было». Соответственно, вольно или невольно искажается картина того, какие конфессионально-культурные и религиозно-политические процессы развернулись в Польше, Украине, Белоруссии, Литве и даже России в конце XVI и в XVII вв. в связи с Брестской унией. Результатом является, в частности, то, что в наших обобщающих трудах (и историографиях в целом) господствует совершенно неадекватное представление о роли религиозных факторов в развитии Восточной Европы в XVII в.

inslav

Все это свидетельствует, во-первых, об известной разобщенности историков разных стран, в том числе историков Польши и России; во-вторых, о дезинтеграции научной историографии как феномена по определению наднационального. Думается, что для развития плодотворной международной научной дискуссии по названным проблемам было бы полезно, чтобы ученые Польши, России, Украины и Белоруссии осуществили совместный проект, призванный обобщить имеющиеся достижения, и наметить перспективы изучения истории религиозных, культурных и политических конфликтов, связанных с Брестской унией. Российско-польская комиссия историков, наши Академии наук и университеты наверняка способны осуществить такое международное научное предприятие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Бантыш-Каменский Н. Н.* Историческое известие о возникшей в Польше унии. М., 1805; *Костомаров Н. И.* О причинах и характере унии в Западной России. Харьков, 1841; *Иванишев И. Д.* Сведения о начале унии, извлеченные из актов киевского центрального архива. М., 1858; *Коялович М. О.* Замечания об источниках Литовской церковной унии // Христианское чтение. 1858. Т. 2. С. 339–390; Начало унии в юго-западной России // Православный собеседник. 1858. Т. 2. С. 55–91, 231–261, 408–442, 537–563; Т. 3. С. 81–119, 200–231; Князь Константин (Василий) Острожский // Православный собеседник. 1858. Т. 1. С. 365–392; 536–566; Макарий, архим. Записки преосв. Георгия Конисского о том, что в России до конца XVI в. не было никакой унии с Римскою Церковию // ЧОИДР. 1847. №. 8. С. 1–30.

2 *Ciampi S.* Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, scientifiche, litterarie, artistiche dell'Italia colla Russia, colla Polonia ed altre parti settentrionali. T. 1–3. Firenze, 1834.

3 См.: *Яковенко С. Г.* Переписка папских нунциев в Речи Посполитой (вторая половина XVI в.). Изучение и публикация источников // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сб. статей. М., 1989. С. 80–83.

4 Pamiętniki o dawnej Polsce z czasów Zygmunta Augusta. Zebral Jan Albertrandi. Z rękopisów włoskich i łacińskich wytłumaczył J. Krzeczkowski. Wiadomość o życiu Commendoniego... dodał Mikołaj Malinowski. Wilno, 1851; Акты исторические, относящиеся к истории России. Изд. А. И. Тургенев. СПб., 1841–1842. Т. 1–2; Дополнения к Актам историческим. Изд. А. И. Тургенев. СПб., 1848.

5 *Коялович М. О.* Литовская церковная уния. СПб., 1859–1861. Т. 1–2.

6 *Малышевский И. И.* Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах русской церкви. Киев, 1872. Т. 1–2. Эта книга является исследованием в отличие от популярно-публицистической книги: *Малышевский И. И.* Западная Русь в борьбе за веру и народность. СПб., 1899. Т. 1–2.

inslav

7 Начало унии в юго-западной России // Православный собеседник. 1858. Т. 2. С. 55–91, 231–261, 408–442, 537–563; Т. 3. С. 81–119, 200–231; *Крачковский Ю.* Предисловие // АВАК. Т. 16. Документы, относящиеся к истории церковной унии в России. Изд. Ю. Крачковский. Вильно.

8 *Макарий* (*Булгаков*). История русской церкви. М., 1996. Кн. 5. С. 266.

9 Там же. С. 370.

10 *Левицкий О.* Внутреннее состояние западнорусской церкви в польском государстве в конце XVI в. и уния // Архив ЮЗР. Ч. 1. Т. 6. Киев, 1883. С. 1–182 (то же по-украински: *Левицький О.* Внутрішній стан західно-руської церкви в Польско-литовській в кінці XVI ст. та Унія // Розвідки про церковні відносини на Україні-Руси XVI–XVIII ст. Львів, 1900 [Фототип. переиздание: Львів, 1991]. С. 1–80); *Левицкий О.* Ипатий Потей, Киевский униатский митрополит // Памятники русской старины в западных губерниях. СПб., 1885. Т. 8. С. 342–374; *Левицкий О.* Кирилл Терлецкий, епископ Луцкий и Острожский // Памятники русской старины в западных губерниях. СПб., 1885. Т. 8. С. 308–341; *Левицкий О.* Основные черты внутреннего строя западнорусской церкви в XVI и XVII вв. // Киевская старина. 1884. № 8–9; *Левицкий О.* Южнорусские архиереи в XVI–XVII вв. // Киевская старина. 1882. № 1. С. 57–100; *Левицкий О.* Причина, вызвавшая Бресткую унию // Киевские епархиальные ведомости. 1897. № 8. Часть неофициальная. С. 408–411 (изложение доклада Левицкого в ЧИОНЛ, где главной причиной унии он назвал «разлад» духовенства и народа).

11 *Соловьев С. М.* Соч. Кн. 5. История России с древнейших времен. М., 1990. Тома 9–10. С. 358–396.

12 Там же. С. 361.

13 *Likowski E.* Historia unii Kościola ruskiego z Kościolem rzymskim. Poznań, 1907 (Первое издание: Poznań, 1875).

14 Ibid. S. 33–39, 40–43, 45–52.

15 Ibid. S. 43–45.

16 *Bartoszewicz J.* Szkic dziejów Kościola Ruskiego w Polsce. Kraków, 1880.

17 *Pitzipios J.* Die orientalische Kirche. Geschichtliche Darstellung ihrer Trennung, dann Wiedervereinigung mit der Römischen Kirche. Wien, 1857; *Gusti F.* Historia kosciola ruskiego. Przeklad z wloskiego. Kraków, 1857–1858. T. 1–2.; *Rostowski S.* Synodus Brestensis in Lituania anno 1596 habita. Bruxellis, 1877.

18 Начерк Исторіи Уніи Рускоі Церкви з Римом. Львов, 1896. Ср. отклики в русской церковной публицистике: *Малышевский И. И.* Заметка по поводу празднования в Галицкой Руси 300-летней годовщины Бресткой унии // ТКДА. 1895. № 8. С. 623–672; *Малышевский И. И.* Галицкорусская депутация в Рим. По поводу 300-летней годовщины Брестской унии // ТКДА. 1896. № 1. С. 30–54.

19 *Prohaska A.* Z dziejów unii Brzeskiej // Kwartalnik historyczny. X (1896). S. 522–577.

20 См.: *Любович Н.* Иностранные исторические институты в Риме. Варшава, 1914.

21 Об этом см.: *Яковенко С. Г.* Переписка нунциев. С. 85–87.

inslav

22 Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do roku 1690. Zebrał J. Albertrandi / E. Rykaczewski. Berlin; Poznań, 1864. T. 1–2.; Listy Annibala z Kapui arcybiskupa Neapolitańskiego, nyncyusza w Polsce o bezkrólewiu po Stefanie Batorym / Wyd. A. Przeździecki. Warszawa, 1852; Викентий Лаурео, мондовский епископ, папский нунций в Польше, 1574–1578, и его неизданные донесения кардиналу Комскому, статс-секретарю папы Григория XIII, разъясняющие политику Римской курии в течение вышеуказанных лет, по отношению к Польше, Франции, Австрии, России, собранные в тайном ватиканском архиве и изданные Ф. Вержбовским. Варшава, 1887. Ряд документов из ватиканских архивов опубликован Вержбовским в другом издании: Uchańściana czyli zbiór dokumentów wyjaśniajacych życie i dzialalność Jakuba Uchańskiego. Wydal T. Werzbowski. T. I–V. Warszawa, 1884–1895.

23 *Плохій С. М.* Від Якова Суші до Атанасія Великого (огляд видань римських джерел з історіп украпнськоп церкви // Українськиіі археографічний щорічник. Новая серія. Київ, 1993. Вип. 2. С. 6–14; *Яковенко С. Г.* Донесения папских нунциев как источник по истории Восточной Европы (50-е — 60-е годы XVI в.). Структура и типология // Методы изучения источников по истории русской общественной мысли периода феодализма. Сб. научных трудов / Под ред. Б. М. Клосса. М., 1989. С. 131–146; *Яковенко С. Г.* Переписка папских нунциев в Речи Посполитой (вторая половина XVI в.). Изучение и публикация источников. Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сб. статеіі. М., 1989. С. 78–95.

24 Monumenta Poloniae Vaticana. Kraków, 1915–1950. T. IV–VII.

25 Среди прочих публикаций: Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италиеіі. Л., 1925. Т. 1. Вып. 1.

26 Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италиеіі. СПб., 1907–1927. Т. 1–4.

27 *Шмурло Е. Ф.* Римская курия на русском православном Востоке в 1609–1654 годах. Прага, 1928. Ч. 1–2. С. 120, 124 passim.

28 *Chodynicki K.* Kościoł prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny. 1370–1632. Warszawa, 1934.

29 См. также: *Chodynicki C.* Les origines de l'Union de Brzesc // Bulletin international de l'Académie des sciences. Classe de philologie. Cracovie, 1935. P. 17–21.

30 *Lewicki K.* Geneza idei unji brzeskiej // Prace historyczne wydane ku uczczeniu 50-lecia akademickiego kola historyków uniwersytetu Jana Kazimierza we Lwowie. Lwów, 1929. S. 222–232; *Lewicki K.* Książe Konstanty Ostrogski a Unja Brzeska 1596 r. Lwów, 1933 (=Archiwum Towarzystwa naukowego we Lwowie, dzial 2, tom 11, zeszyt 1).

31 Особенное значение имеют донесения нунциев и переписка нунциев и Рима. Documenta Unionis Berestensis eiusque auctorum (1590–1600) / Ed. A. G. Welykyj. Romae, 1970; Litterae nuntiorum apostolicorum historiam Ucrainae illustrantes / Ed. A. Welykyj. Vol. 1–8. Romae, 1959–1961. Некоторое значение имеет и селективная публикация источников на русском или украинском языке: Боротьба Південно-Західної Русі і України проти експансії Ватікану та унії (X — початок XVII ст.) Збірник документів і матеріалів / Упор. Гринів Э. А. та інш. Київ, 1988; Уния в документах. Сборник / Сост. В. А. Теплова, З. И. Зуева. Минск, 1997.

inslav

32 *Halecki O.* Regional revival of the Union of Florence among the Ruthenians of the Polish-Lithuanian Commonwealth. 1968.

33 Ibidem. P. 382.

34 *Lewicki A.* Unia Florencka w Polsce // Rozprawy Akademji umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny, XXXVIII (1899), S. 205–274; *Ziegler A.* Die Union des Konzils von Florenz in der russischen Kirche. Wurzburg, 1938; *Ваврик М.* Флорентійські унійні традиції в Київській митрополії 1450–1460 рр. // Miscellanea in honorem Cardinalis Isidori (1463–1963) (=Analecta OSBM, 4(10) (1963), fasc. 3–4). С. 329–362; *Halecki O.* Isidor's Tradition // Miscellanea in honorem Cardinalis Isidori (1463–1963). (=Analecta OSBM, 4(10) (1963), fasc. 3–4). С. 27–43; *Waczynski B.* Nachklänge der Florentiner Union in der polemischen Literatur zur Zeit der Wiedervereinigung der Ruthenen im 16. und am Anfang des 17. Jahrhunderts // OCP, IV (1938). N 3–4. S. 441–472.

35 *Плохий С. Н.* Папство и Украина. Политика Римской курии на украинских землях в XVI–VII вв. Киев, 1989.

36 *Яковенко С. Г.* Брестская церковная уния: политические и идеологические аспекты (вт. пол. XVI в.). Авт. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987; *Яковенко С. Г.* Православная иерархия Речи Посполитой и планы церковной унии в 1590–1594 гг. // Католицизм и православие в Средние века (Славяне и их соседи. Вып. 3). М., 1991. С. 41–58.

37 *Флоря Б. Н.* Отношения государства и церкви у восточных и западных славян. М., 1992.

38 *Флоря Б. Н.* Брестские синоды и Брестская уния // Католицизм и православие в Средние века (Славяне и их соседи. Вып. 3). М., 1991. С. 59–75; *Флоря Б. Н., Яковенко С. Г.* Внутренний кризис в православном обществе и проекты унии с Римом 90-х годов XVI в. // *Дмитриев М. В., Флоря Б. Н., Яковенко С. Г.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII в. Ч. 1. Брестская уния 1596 г. Исторические причины. М., 1996. С. 131–154.

39 Обзор некоторых из них предложен Р. Лужным: *Luźny R.* Poklosie naukowe jubileuszu Unii Brzeskiej. Próba bilansu z perspektywy polskiej // Unia Brzeska. Przeszlość i teraźniejszość. 1596–1996. Materialy międzynarodowego sympozium. Kraków, 19–20 listopada 1996. Kraków, 1998. S. 141–152.

40 *Дмитриев М. В., Флоря Б. Н., Яковенко С. Г.* Бретская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII в. Часть 1. Брестская уния 1596 г. Исторические причины. М., 1996.

41 *Дмитриев М. В., Флоря Б. Н., Яковенко С. Г.* 1996. Часть 1. С. 195–197.

42 Historia Europy Środkowo-Wschodniej / Pod red. J. Kloczowskiego. Lublin, 2000. T. 1. S. 221–222; *Szegda M.* Unia Brzeska 1596 roku jako wyraz dążności wspólnot prawosławnych do reformy kościola // Polska-Ukraina. 1000 lat sąsiedztwa. Przemyśl, 1994. T. 2. S. 77–84.

43 *Dylagowa H.* Unia Brzeska — pojednanie czy podzial? // Unja Brzeska. Geneza, dzieje i konsekwencje w kulturze narodów slowiańskich. Praca zbiorowa pod red. R. Luźnego, F. Ziejki i A. Kępińskiego. Kraków, 1994. S. 45–53; *Suttner E. Ch.* Brachte die Union von Brest Einigung oder Trennung für die Kirche? // Ostkirchliche Studien 39 (1990). S. 3–21.

inslav

44 Напр.: *Peri V.* L'Unione della Chiesa Orientale con Roma. Il moderno regime canonico occidentale nel suo sviluppo storico // Aevum. Vol. LVIII (1984). № 3. P. 439–498.

45 *Kloczowski J.* Unia brzeska // Historia Europy Środkowo-Wschodniej. Pod red. J. Kloczowskiego. Lublin, 2000. T. 2. S. 113–118.

46 *Fenczak A. S.* Kościoł greckokatolicki w Polsce do roku 1772 jako dzieło swojej epoki (w poszukiwaniu szerszych perspektyw badawczych) // Polska-Ukraina. 1000 lat sąsiedztwa. Przemyśl, 1994. T. 2. S. 85–108.

47 *Melnyk M.* Memorial unijny Piotra Mohyly z lat 1644–1645 // Nasza przeszłość 70 (1997), 131–201; *Melnyk M.* Zagadnienia soteriologiczne widziane w świetle projektu unii Konstantego Ostrogskiego // Polska-Ukraina. 1000 lat sąsiedztwa. Przemyśl, 1998. T. 4. S. 97–142.

48 В статье В. Кумора, например, в очередной раз кратко представлена история контактов, приведших к Брестской унии, и подчеркнуто, что уния была плодом инициативы православного епископата, а вовсе не «иезуитской интриги» и давления со стороны королевской власти (*Kumor B.* Geneza i zawarcie Unii Brzeskiej // Unja Brzeska. Kraków, 1994. S. 26–44; *Kumor B.* Geneza i zawarcie Unii Brzeskiej // Unia Brzeska z perspektywy czterech stuleci. Materialy międzynarodowego sympozium naukowego. Lublin, 20–21 IX 1995 / Pod red. S. S. Gajeka i St. Nabywańca. Lublin, 1998. S. 26–55 (расширенная версия статьи 1994 г.).

49 *Пекар А.* Іпатиї Потіїй — провісник з'єдинення // Analecta OSBM XV (1996). P. 145–246; *Kumor B.* Episkopat Laciński wobec Unii Brzeskiej (1590–1637) // Unia Brzeska. Przeszłość i teraźniejszość. 1596–1996. Materialy międzynarodowego sympozium. Kraków, 19–20 listopada 1996. Kraków, 1998. S. 16–39; *Kracik J.* Pisarze polityczni a geneza Unii Brzeskiej // Ibid. S. 112–129; *Dylagawa H.* Unia Brzeska. Geneza — dzieje — zagłada // Czterechsetlecie zawarcia Unii Brzeskiej. 1596–1996. Pod. red. St. Alexandrowicza i T. Kempy. Toruń, 1998. S. 11–24; *Dylagowa H.* Kościoł Unicki na ziemiach Rzeczypospolitej. 1596–1918. Zarys problematyki // Przegląd Wschodni. T. 2 (1992/93). Z. 2. S. 257–287; *Melnyk M.* Zarys genezy i rozwoju tendencji uniijnych w kościele prawoslawnym na terenie Rzeczypospolitej w okresie od końca XVI do pierwszej polowy XVII w. // Jubileusz 400-lecia Unii Brzeskiej. Materiały z sésji popularnonaukowej z okazji 400-lecia Unii Brzesiej zorganiziwanej przez parafie bizantyjsko-ukraińską greckokatolicką w Zielonej Górze. Zielona Góra, 1996. S. 5–62; *Siwicki P.* Przygotowanie i zawarcie Unii Brzeskiej // Ibid. S. 63–76; *Paszko A.* Dążenia do połączenia Kościoła prawoslawnego z Kościołem katolickim i rokowania poprzedzające zawarcie unii kościelnej w Rzeczypospolitej Obojga Narodów (1595–1596). Zarys problematyki // Polska-Ukraina. 1000 lat sąsiedztwa. Przemyśl, 1998. T. 4. S. 143–152; *Теплова В. А.* Брестская церковная уния. Предыстория, причины и следствия // Уния в документах. Сборник / Сост. В. А. Теплова, З. И. Зуева. Минск, 1997. С. 26–60.

50 В некотором смысле исключение составляет книга о языковых аспектах процессов, связанных с Брестской унией (Czterechsetlecie Unii Brzeskiej. Zagadnienia języka religijnego. Pod red. Z. Leszczyńskiego. Lublin, 1998).

inslav

Анджей Шварц
(Варшава)

СТЕФАН КЕНЕВИЧ И РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ XIX в.

Историки, да, собственно, все ученые, работающие в области гуманитарных наук, хорошо знают, как трудно организовать и довести до конца каждое коллективное начинание. В отличие от наших замечательных коллег — представителей точных и естественных наук — мы работаем преимущественно индивидуально, индивидуально собираем исторические источники, в одиночку обрабатываем их, подвергаем научной критике и делаем выводы. Случается, что научные проекты, которые требуют сотрудничества многих исследователей, заканчиваются неудачей либо замирают перед финалом. Неудачи не раз сопутствовали опытным и пользующимся авторитетом редакторам коллективных обобщающих трудов, а в еще большей степени — учебников, когда перед руководителями научных коллективов вставала задача скоординировать усилия авторов отдельных глав и разделов — людей различных по их научным интересам, по уровню профессионального мастерства, — когда редакторы стремились придать единую общую форму результатам творческих усилий ученых-индивидуалистов, не склонных к унификации своих суждений.

Если речь заходит о сотрудничестве, продолжающемся несколько десятков лет и перешагнувшем границы государств и народов, трудности многократно возрастают. Коллективному труду угрожают политическая конъюнктура, персональные амбиции, нередко и личная неприязнь отдельных людей, финансовые и организационные проблемы. Без бескорыстного заинтересованного участия выдающихся ученых, которые хорошо понимают друг друга и последовательно стремятся к общей цели, нельзя преодолеть всех преград и осуществить значительные по подлинному научному содержанию проекты, реализовать договоры, заключаемых научными институтами.

История сотрудничества умершего в 1992 г. выдающегося польского историка Стефана Кеневича с российскими исследователями истории Польши XIX в., которую мы хотели бы кратко рассмотреть в настоящей статье, это оптимистическая история. Плодом сотрудничества несколь-

inslav

ких десятков ученых — некоторые из них сегодня находятся среди участников «Дней польской науки в России» — стали тридцать томов публикаций источников, которые вышли из печати в 1961–1996 гг.

К этим уникальным изданиям (подробнее о них будет сказано ниже) следует прибавить несколько десятков сборников научных статей, неисчислимое количество индивидуальных монографий, исследований и рецензий, которые не были бы написаны, или же написаны не на столь высоком научном уровне, если бы не результаты этого выдающегося научного начинания. Невозможно перечислить все труды, вдохновленные польско-российскими поисками в архивах Польши и бывшего СССР, а также редакторской обработкой выявленных в ходе этих поисков исторических источников и иных материалов. И дело не в объеме проделанной работы и не во впечатляющих масштабах самих достижений. Важно то, что они ознаменовали огромный прогресс в познании политической и социальной истории польских земель и России в 1830–1850-е гг.

I

Исходным пунктом сотрудничества, о котором идет речь, послужило желание лучшего изучения польского освободительного движения в период восстания 1863 г., а также российского революционного движения, в том числе и в армейской среде. Инициатива совместных исследований исходила от Стефана Кеневича, работавшего в Институте истории Польской Академии наук, и И. С. Миллера из Института славяноведения Академии наук СССР (ныне Российской Академии наук). Еще в апреле 1956 г. началось свободное обсуждение этой темы, в следующем году был подписан официальный договор между обеими Академиями, предусматривавший совместную публикацию документальных материалов. Помощь в работе над публикацией должны были оказывать архивные управления обеих стран. Была запланирована издательская серия «Восстание 1863 года. Материалы и документы», выработаны основные принципы публикации, а подготовленные тома должны были появляться поочередно в Польше и СССР с заголовками, предисловиями и перечными документов в двух языках. Кроме того, создана была совместная редакционная комиссия; в ее первоначальном составе вместе со С. Кеневичем и И. С. Миллером были Эмануэль Галич, Леонид Яковлев, Казимеж Конарский и В. Д. Королюк, т. е. историки и архивисты [1]. Вначале намерения инициаторов проекта были относительно скромные. Издание планировалось выпустить к столетию революционных событий 1861–1863 гг., что диктовало и ограниченные несколькими ближайшими годами временные рамки

inslav

сотрудничества. Первоначально было намечено к публикации не более 15-ти томов. В дальнейшем планы издания были расширены. В итоге оно составило 25 томов, которые публиковались в 1961–1986 гг. (из них 18 — в Польше, а 7 — в СССР). В течение четверти века изменился состав редколлегии (в 1978 г. безвременно умер И. С. Миллер). Места тех, кто по разным причинам вышли из состава редколлегии, заняли новые исследователи, обыкновенно, не один год уже связанные с упомянутым изданием: с 1963 г. — Франчишка Рамотовская, с 1970 г. — Виктория Сливовская, с 1972 г. — Филипп Долгих, с 1979 г. — В. А. Дьяков[2].

Продолжение проекта требовало официальных и неофициальных встреч, переговоров, обсуждений, которые происходили попеременно в Москве и в Варшаве, иногда по два раза в год. Очередные тома, хотя и изданные относительно небольшими тиражами, встречали значительный интерес и были отмечены одобрительными, иногда даже лестными рецензиями, в которых подчеркивалось значение издания для развития науки и исследовательского мастерства историков XX в.[3] В своих выступлениях на страницах научной периодики инициаторы и редакторы серии старались информировать о своем предприятии, справедливо подчеркивая, что его роль выходит за пределы кажущегося очень специализированным профиля серии[4]. Бывали и интервью прессе, целью которых было рассказать общественности о совместных работах историков двух стран, а также убедить представителей властей в необходимости продолжения и дальнейшей поддержки проекта[5]. В 1974 г. Стефан Кеневич писал, выражая, пожалуй, мнение всех участников издания, а также тех людей, кто сочувствовал ему и со знанием дела наблюдал за его осуществлением: «Во всей обширной сфере сотрудничества Польской Академии наук и Академии наук Советского Союза, если сконцентрируем внимание на области гуманитарных наук, наверное, не найдем начинания более плодотворного, нежели то, которое за исходный пункт приняло совместные исследования 1863 года. Начатое семнадцать лет назад, оно мобилизовало несколько десятков историков в обеих странах, реализовало издание фундаментальной серии источников, многочисленных исследований и монографий. Близкие уже к своему завершению в своих первоначальных основах, они открывают сегодня новые, а равно и многообещающие исследовательские перспективы. Достижения сугубо научные, в равной степени полезные для обеих сторон, одинаково служили и далеко идущим целям: сближению позиций обеих историографий, правильному пониманию в обеих странах истории польско-российских отношений в XIX веке»[6].

Как бывает в тех случаях, когда научный труд возникает в результате совместных усилий, встает вопрос о размерах вклада в него отдельных участников. В момент начала сотрудничества Стефану Кеневичу было

inslav

пятьдесят лет, и хотя к этому времени число его научных публикаций превышало 150 позиций, он не был еще автором своих наиболее известных книг, таких как академическая «История Польши 1795–1918», изданная в 1968 г., или превосходный обобщающий труд по истории Январского восстания, который появился лишь в 1972 г. Более ранние многочисленные и весьма ценные труды Кеневича касались главным образом времени Весны Народов, Галиции и польских земель под властью Пруссии[7]. Лишь в 1953 г. появилась его монография о значении крестьянского вопроса в эпоху Январского восстания[8].

Для С. Кеневича редакторская обработка источников к очередным томам серии «Январское восстание. Материалы и документы» была связана, следовательно, с расширением собственного исследовательского потенциала. Как представляется, мы имеем здесь дело с важным фактором, который обеспечивал успех всей предпринятой работе. Стимулом к публикаторскому труду, помимо формальных обязанностей редакторов и составителей, а также убежденности в полезности для науки и общественном значении предпринятых усилий, был постоянный собственный внутренний интерес ученых к проблематике, связанной с Январским восстанием. Для огромного большинства польских и российских участников издания это отнюдь не была работа, ведущаяся на периферии собственных исследований, в стороне от индивидуальных научных интересов.

Несомненным представляется то, что вклад Стефана Кеневича в осуществление издания — не отрицая заслуг и достижений всех участников научного коллектива — был наибольшим. Трудно найти этому более компетентную оценку, чем та, которая вышла из-под пера Владимира Дьякова. В 1973 г. он писал: «С. Кеневич был не только инициатором и активным сотрудником этой публикации, но в равной мере главным вдохновителем всего дела <...>. В этой публикации нашли свое место залежи ценных источников по истории Январского восстания, которые до той поры были либо труднодоступны, либо попросту неизвестны исследователям <...>. Обширные предисловия Стефана Кеневича к некоторым томам этой публикации имеют самостоятельное историографическое значение»[9]. Уже после завершения проекта Кеневич вспоминал: «Из этих 25 томов я сам, с помощью немногих самоотверженных сотрудников, отредактировал 16»[10]. К этому следует добавить, что работа редактора и составителя требовала разрешения множества сомнений, касающихся самых основных вопросов, а также выяснения мелких фактов, дат, биографических подробностей, относящихся к лицам, никогда не бывшим предметом отдельных исследований, о которых не упоминали словари или энциклопедии. В работе Кеневичу помогали великолепная эрудиция и отличная память.

inslav

Очевидно, что многотомное издание, в котором насчитывалось несколько тысяч исторических источников весьма различного характера (в том числе правительственная переписка, следственные дела, прокламации, манифесты, газетные сообщения, публицистические статьи, отрывки мемуаров и т. д.), не могло быть полностью свободно от отдельных ошибок. На встретившиеся в нем немногочисленные неточности, касающиеся скорее второстепенных вопросов, указали рецензенты. В итоге таких замечаний критического и справочного характера оказалось чуть более тридцати, что свидетельствует о высочайшем научном уровне и безукоризненной достоверности подготовленной 25-томной публикации.[11].

Со смешанным чувством огорчения и радости редакторы встречались иногда с архивными находками, случавшимися уже после выхода в свет томов, касающихся соответствующей темы. Самые важные добавления к публикации были помещены в последнем томе, озаглавленном «Документы повстанческого провинциального управления 1862–1864». Другие интересные источники, открытые в ходе совместной работы, стали объектом отдельных публикаций, в том случае если по своему характеру или объему не могли быть помещены в упомянутой серии[12].

II

Публикация письменных свидетельств истории помимо своей основной роли, которая заключается в предоставлении возможности широкому кругу ученых и заинтересованных читателей познакомиться с неизвестными либо мало известными и в силу различных обстоятельств труднодоступными источниками, преследует еще и другие цели, в которых мы не всегда отдаем себе отчет. Рукописные оригиналы были не раз безвозвратно утрачены вследствие разных ударов судьбы. Стоит припомнить, что вскоре после Второй мировой войны одним из аргументов в пользу широкой издательской акции стали огромные потери, понесенные архивами и библиотеками, особенно польскими, литовскими, украинскими и белорусскими, в военное лихолетье. Впрочем, и в мирное время пожары, стихийные бедствия, старение и обветшание бумаги, другие недостатки носителей записей могут привести к невозможности прочтения источника.

С. Кеневич обращал на это внимание, обосновывая важность публикаторской работы вообще и, в частности, ценность сери, в которой был редактором. Он считал при этом, что миссия историка и архивиста, оберегающих от возможной утраты уникальные источники, распространяется не только на рукописи, но также и на редкие печатные издания. Эта принципиальная позиция ученого была воплощена в рам-

inslav

ках серии «Январское восстание. Материалы и документы», в которой почти полностью были перепечатаны нелегальные газеты, листовки и другие подпольные издания эпохи Январского восстания [13]. Некоторые оригиналы сохранились в плохом состоянии и только в единственном экземпляре. Уже одно их обнаружение требовало огромных усилий. Всего было опубликовано 289 номеров из 51 нелегального издания. Вместе с примечаниями и комментариями они заняли 1559 печатных страниц, что составило ни много, ни мало три тома, которые вышли из печати в 1966–1970 гг.

Обширный и чрезвычайно интересный цикл в серии «Январское восстание. Материалы и документы» представляют также четыре тома «Переписки наместников Царства Польского» за 1861–1864 гг. В ней помещено несколько сотен писем и депеш, которыми обменялись царь Александр II и его брат великий князь Константин Николаевич, что в целом позволяло не только лучше представить стратегию царского правительства в отношении «польского бунта», но также лучше понять внутреннюю и внешнюю политику России, ментальность ее властителей и механизмы управления. Следует помнить, что публикация «Переписки наместников...» была осуществлена в то время, когда официальные круги и цензура в СССР и ПНР запрещали обнародовать даже очень давние высказывания хотя бы и одиозных противников левого направления в революционном движении и в повстанческой среде. Таким образом, публикация писем Александра и Константина стала значительным научным событием, что подчеркивали и рецензенты [14].

III

За несколько лет до завершения издания, посвященного Январскому восстанию, началась работа над новым циклом публикаций, озаглавленным «Польское общественное движение и литературная жизнь 30–50-х годов XIX века. Исследования и материалы». Хотя на новом этапе совместной работы и был использован опыт продолжавшегося уже двадцать лет сотрудничества, однако теперь была принята несколько иная концепция и расширен круг сотрудничавших учреждений и ученых. В новый проект была включена историко-литературная проблематика. Вместе с тем, территориальная сфера исследований была только формально ограничена Королевством Польским, а фактически включала теперь в себя судьбы узников царизма, участников подпольного революционного и национально-освободительного движения, отправленных в ссылку, отданных в солдаты, отправленных на Кавказскую войну, словом, людей репрессированных, отбывавших наказание в Сибири, в Средней Азии или на Кавказе. В томе «Польское

inslav

общество и попытки возобновления вооруженной борьбы в 1833 году» помещены также материалы, касающиеся польских земель под властью Австрии и польской политической эмиграции в Западной Европе.

В совместной работе участвовали, как и прежде, Институт истории Польской Академии наук и Институт славяноведения РАН (в тот период: Институт славяноведения и балканистики АН СССР). В 1978–1994 гг. появилось пять томов из семи первоначально запланированных. Пятый и последний вышел в свет в 1994 г. уже под грифом: «Российская Академия наук».

Инициатива и концепция этой т. н. «Зеленой серии» были в огромной степени заслугой умершего в 1995 г. В. А. Дьякова. Рассматриваемый в новом цикле публикаций исторический период и исследовательские проблемы соответствовали научным интересам и достижениям ученого. Дьяков состоял не только в редакционном комитете серии, но и в узком составе редакции всех ее опубликованных томов.

Самые важные этапы работы над новой серией выпали на бурное начало 1980-х гг. Для Польши и поляков они прошли под знаком резких политических перемен, связанных с надеждами на модернизацию общественного строя и экономики, которые рухнули вместе с введением военного положения в декабре 1981 г. Общественные настроения в Польше того времени иногда напоминали «брожение умов» XIX в., хотя сами события 1980-х гг., к счастью не имели таких трагичных и кровавых последствий, как потрясения предшествовавшего столетия. «Хлопоты с Польшей» порождали в тогдашнем политическом руководстве Советского Союза неприязнь и страх, что в свою очередь могло привести к свертыванию научного сотрудничества между нашими странами, однако, в конце концов, только его затруднили. Л. Е. Горизонтов в биографии В. А. Дьякова привел такое его высказывание: «Взаимопонимание с польскими коллегами <...> было у меня настолько полным, что совместная работа не прекратилась, а лишь замедлила темпы в кризисные годы», дополнив эти слова ученого комментарием, что В. А. Дьяков «сыграл ключевую роль в спасении „Зеленой серии“, потребовавшем от него огромного нервного напряжения» [15].

Серия «Польское общественное движение и литературная жизнь 30–50-х гг. XIX в. Исследования и материалы» также ввела в научный оборот огромное количество неизвестных или неопубликованных исторических источников, прежде всего следственных материалов. К сожалению, до сих пор не удалось опубликовать запланированных томов о Польше в 1846 г., а также о литературе и конспирации в 1832–1855 гг. Есть все основания полагать, решающую роль в этом сыграли отнюдь не только организационные и финансовые вопросы. К середине 1990-х гг. ушли навсегда главные инициаторы и руководители этого

inslav

предприятия. Помещенное в томе «Весна Народов в Королевстве Польском. Организация 1948 года» обобщающее эссе Стефана Кеневича появилось два года спустя после его смерти и было одним из последних научных сочинений, которые оставил после себя умерший профессор.

* * *

Стефан Кеневич многократно, в том числе и в своих опубликованных трудах, выражал мнение, что значение вклада в науку историков, даже самых выдающихся, с течением времени уменьшается. Он считал, что хороший обобщающий труд или учебник актуальны самое большее 25 лет, солидная монография сохраняет свое значение полвека. Соответствующее время для публикаций документов он определял в сто и больше лет. При этом Кеневич подчеркивал, что выдающаяся публикация, лишенная ошибок, в принципе могла бы служить исследователям и любителям истории еще дольше[16]. Такая убежденность ученого объясняет, почему как он, так и его российские и польские сотрудники столько времени посвящали упомянутым здесь изданиям, лишь по видимости в ущерб собственному творчеству. Они создали при этом образцы фундаментальных научных трудов, которым стоит следовать.

Перевод А. Орехова

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: Powstanie styczniowe. Materiały i dokumenty. Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде. Zeznania śledcze o powstaniu styczniowym Oskara Awejde. M., 1961. S. VI, IX; *Kieniewicz S.* Siedemnaście lat współdziałania na odcinku XIX wieku // Przegląd Historyczny. R. 65. 1974, Z. 4. S. 725–727; *Tenże.* New Edition of Sources of the Polish Insurrection of 1863 // War and Society in East Europe / Ed. by B. K. Király. Vol. 14: Turopean Society and National Defense, 1859–1870. O. l.: Columbia University Press, 1984. P. 259–260.

2 Ср.: *Kieniewicz S.* U finalu wydawnictwa // Powstanie styczniowe. Materiały i dokumenty. Восстание 1863 года. Материалы и документы; Dokumenty terenowych władz cywilnych powstania styczniowego 1862–1864. Документы повстанческого провинциального управления 1862–1864. Wroclaw, 1986. S. V–VI, XXVI–XXVII.

3 Перечень рецензий см.: Dokumenty terenowych wladz cywilnych... Документы повстанческого провинциального управления... С. IX–X, XXX–XXXI.

4 Ср. примеч. 1.

5 Например: Współpraca histotyków polskich i radzieckich nad dziejami powstania 1863 r. Polska. 1972, № 11. S. 14–18 (то же самое на английском, французском и немецком языках).

inslav

6 *Kieniewicz S.* Siedemnaście lat... S. 729.

7 См.: *Konarska B., Sokołowska S., Szwarc A.* Bibliografia prac Stefana Kieniewicza za lata 1930–1986 // Losy Polaków. Studia ofiarowane Profesorowi Stefanowi Kieniewiczowi w osiemdziesiątą rocznice Jego urodzin. Warszawa, 1987. S. 5–54.

8 *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska w powstaniu styczniowym. Wrocław, 1953.

9 *Djakow W.* Wielka synteza powstania styczniowego // Kwartalnik Historyczny. R. 80. 1973. № 4. S. 947.

10 *Kieniewicz S.* Z doświadczec editora źrydeł historycznuch. Archeion, T. 87. 1990. S. 127.

11 Ср. примеч. 3.

12 Например: Roman Rogiński powstaniec 1863 r. Zeznania i wspomnienia / Oprac. S. Kieniewicz. Warszawa, 1983; P. Ogorodnikow. Dziennik więźnia 1862–1863 / Oprac. W. Djakow, J. Sztakelberg. Przedmowa S. Kieniewicz. Warszawa, 1986.

13 *Kieniewicz S.* New Edition of Sources... P. 261.

14 См., например, рецензию Ирэны Кобердовой в журнале: Kwartalnik Historyczny. 1974. T. 81. № 3. S. 670.

15 *Горизонтов Л. Е.* Путь историка // Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995) / РАН. Институт славяноведения и балканистики. Научный центр общеславянских исследований. М., 1996. С. 28.

16 *Kieniewicz S.* Z doświadczeń editora... S. 130.

inslav

Виктория Сливовская
(Варшава)

К ВОПРОСУ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПОЛЬСКИХ И РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ В ПУБЛИКАЦИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ – ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ПОЛЬШИ И ПОЛЬСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Публикация серий документов, выявленных главным образом в архивах тогдашнего Советского Союза (прежде всего — в Москве и Ленинграде, в Киеве и Вильнюсе), а также в хранилищах Польши и на Западе — от Парижа до Нью-Йорка — была задачей, которую дирекция Института истории ПАН всегда считала приоритетной. Быстро стареют так называемые обобщающие труды («синтезы», как у нас говорят) не все монографии выдерживают испытание временем, а хорошо подготовленные, умело подобранные, сгруппированные вокруг важной проблематики, источники, доступ к которым ограничен по разным причинам, сохраняют свое значение, можно смело сказать, «навеки». Эту кропотливую и трудоемкую работу нужно полюбить, а для этого необходимо, чтобы ее возглавили крупные ученые, умеющие собрать вокруг себя и «выучить» коллектив сотрудников. В нашем Институте таким великолепным учителем — настоящим мастером — оказался профессор Стефан Кеневич, в Институте славяноведения РАН — И. С. Миллер, а потом В. А. Дьяков.

Не могу отказать себе в удовольствии и не рассказать о том, как нам — тогдашней институтской молодежи (да, да, как это ни странно, мы тоже были молоды, когда начинали готовить свои первые диссертации) — профессор Кеневич раскрывал секреты работы историка. Суть этой полуторачасовой беседы сводилась к следующему: после исчерпывающего накопления библиографических сведений, составления картотеки, ознакомления с литературой предмета приходит, наконец, для историка момент высочайшего наслаждения: общения с архивными источниками! Мы были очень молоды, и эти патетические слова нам показались смешны: пока что мы знали иные наслаждения... Но с течением времени многие из нас убедились, что общение с «единицей хранения», к которой до нас никто не прикасался, приносит наслаждение, ни с чем другим не сравнимое.

Итак, пришло «время надежд», 1956–1957 годы: «польский Октябрь» и хрущевская «оттепель». Между Академией наук СССР и Польской

inslav

Академией наук был заключен договор о сотрудничестве, частью которого был договор Института истории ПАН с Институтом славяноведения АН СССР. Приближалась сотая годовщина восстания 1863–1864 гг., и оба института приняли решение о совместном издании документов, касающихся событий этих лет в Королевстве Польском, в Белоруссии и на Украине, планируя издание восьми томов в Польше и семи в СССР. Сразу же обе стороны приступили к архивным розыскам, в результате чего были созданы две картотеки: в Варшаве, более скромная в силу огромных потерь, понесенных во время Второй мировой войны, и в Москве, охватывающая документы из центральных архивов: тогдашнего Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне — Государственный архив Российской Федерации), Центрального государственного военно-исторического архива (ныне — Российский государственный военно-исторический архив) и Центрального государственного исторического архива (ныне — Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге), а также архивов Вильнюса, Киева и др.

Тут следует оговориться: первые публикации документов в Институте истории ПАН касались истории рабочего класса и революционного движения и базировались на материалах польских архивов, прежде всего Лодзи (редакторами их были Наталия Гонсиоровская, потом Станислав Калябинский и Феликс Тых). Эти многотомные издания и монографии, связанные с ними как по проблематике, так и единым процессом научного поиска, имели в те времена явный приоритет, но, как нам представляется, все они сохранили свою научную ценность, за исключением нескольких фраз в предисловиях, явно носящих отпечаток того времени. И хотя сегодня приоритет имеют другие темы, можно с уверенностью сказать, что пройдут годы, и снова к этим публикациям и трудам обратятся историки.

И еще об одной публикации документов стоило бы упомянуть, прежде чем обратиться к центральной проблеме настоящей статьи — это «Документы по истории польско-советских отношений». Нашему Институту повезло, ибо только один, первый ее том под редакцией Натальи Гонсиоровской вышел в 1957 г. с грифом Института истории ПАН: все следующие издавались Институтом стран народной демократии ПАН совместно с советскими историками, и за все последующие пробелы названного издания и тенденциозные комментарии не нам приходится отвечать.

Но вернемся к серии «Восстание 1863 года. Материалы и Документы». Она поистине может служить визитной карточкой нашего сотрудничества. В двадцати пяти (вместо запланированных в начале пятнадцати) томах опубликованы (всегда на языке оригинала, т. е.

inslav

по-польски, по-русски и по-французски) наиболее важные документы по истории самого восстания и политики царского правительства по отношению к бунтующей провинции. Первый том «Показания и записки о польском восстании 1863 г. Оскара Авейде» вышел в Москве в 1961 г. в столетие патриотических манифестаций; последний — «Документы повстанческого провинциального управления 1862–1864» — в Варшаве в 1986 г., к сто тридцать пятой годовщине восстания. В их подготовке приняло участие свыше пятидесяти сотрудников (всех их перечисляет С. Кеневич, подводя в 25 томе итоги грандиозной работе авторов и составителей в очерке «В связи с завершением издания»).

Большинство томов не могло бы появиться без сотрудничества институтов, получающих из бюджета Академии средства на их подготовку и публикацию. Нельзя было бы также довести дела до конца без личной заинтересованности организаторов и их помощников. Политическая «оттепель» быстро кончилась. В архивах нам как иностранцам перестали выдавать описи, отвели отдельный зал, чтобы затруднить контакты с советскими историками, заказывавшими «по дружбе» нужные нам дела на свое имя и т. п. В годы брежневского «застоя» случалось неделю сидеть в гостинице (или ходить по музеям) в ожидании разрешения работать в архиве. Потом оказывалось, что нужные дела как раз находились в реставрации и т. д., и т. п. Строже стали приглядываться к нашей работе чиновники из Главного архивного управления СССР. Подхалимы писали отзывы для своих начальников, лицемерно выступая, например, в защиту доброго имени Ярослава Домбровского и упрекая редакторов в том, что они включили в издание «Исторический очерк восстания 1863 г., составленный в варшавской Цитадели», один из авторов которого нелестно отзывался о Домбровском, обвиняя того в мошенничестве. Том не увидел бы света, если бы В. А. Дьяков не взял на себя ответственность за его содержание. Иногда приходилось защищаться от вмешательства цензуры, прибегая к знакомым всем историкам — и не только историкам — уловкам. Так, условием выхода трех томов «Подпольной прессы 1861–1864 гг.», (комплекта нет ни в одной библиотеке Польши и России!) был абзац в предисловии Стефана Кеневича, в котором нашлась фраза, вызывающая сегодня удивление молодого поколения: «Развитие националистических чувств, сознательно раздувавшихся в Польше враждебными революции кругами, лило воду на мельницу царизма...». Но такое объяснение нередко встречавшихся в подпольной прессе рассуждений о «неполноценности России с точки зрения цивилизации», о «разбоях» казачьих отрядов и тому подобных, позволило издать все найденные номера без единого пропуска. Если же к чему-то придиралась польская

inslav

цензура, то у нас был очень весомый аргумент: «советские товарищи пропустили, а вы хотите быть более осторожны, к тому же в книгах, предназначенных для узкого круга читателей!». И это действовало. Кстати, оказалось, что именно подпольную прессу используют не только историки и не только для знакомства с январскими событиями, но и литературоведы и лингвисты.

В нашу задачу, конечно, не входит рассказывать здесь обо всех изданных в этой серии 25-ти томах, в которых кроме двух обширных очерков по истории восстания, написанных узниками X Павильона варшавской Цитадели, содержится свыше пяти тысяч документов, в большинстве ранее не только не публиковавшихся, но и вообще не попадавших в руки специалистов. Многие рукописи дошли до нас в поврежденном состоянии, ухудшавшемся на наших глазах. Их публикация спасла от окончательной утраты ряд важных документов, прежде всего переписку повстанческих военачальников и представителей гражданского подпольного управления в провинции с высшими руководителями восстания. К сожалению, последний том документов повстанческого гражданского управления в провинции оказался самым маленьким по объему: в середине 1980-х гг. все труднее было вести архивные розыскания и получать микрофильмы...

Иное дело в начале нашей работы, когда к нам в Варшаву пришли огромные, круглые ящики, напоминающие ленты кинофильмов, содержащие переписку наместников Королевства Польского с Александром II. В четырех томах этой в высшей степени интересной корреспонденции (на русском и французском языках) особенно выделяется переписка двух братьев и недюжинных личностей — наместника Царства Великого князя Константина Николаевича и царя Александра II. Письма, которыми обменивались в это переломное время «любезный Костя» и «любезнейший Саша» (так они обращались друг другу), носят непривычный в такого рода документах личный характер. В меру откровенно в них раскрываются неожиданные аспекты отношений Варшавы и Петербурга, тайны царской политики, душевное состояние правителей в моменты крайней опасности.

Еще продолжалась работа над последними томами серии, посвященной восстанию 1863–1864 гг., а уже по инициативе В. А. Дьякова началась подготовка новой серии, на этот раз с участием также и Института литературных исследований ПАН, которая первоначально называлась «Польское общественное движение и литературная жизнь 30–50 годов XIX века. Исследования и материалы». В отличие от первой совместной работы новая серия составлялась из документов (прежде всего из показаний польских революционеров — участников национально-освободительного движения на следствии и найденных

inslav

у арестованных бумаг, иногда программного характера) и научных исследований известных авторов, основанных на новых материалах.

Мы не будем распространяться о значении этих исследовательских статей и выявленных источников для науки, об этом писали рецензенты, говорили и читатели опубликованных томов. Хотелось бы только обратить внимание на то, как в те времена политика влияла на судьбу даже «безобидного» совместного научного издания. Три первых тома появились «безболезненно» в 1978, 1981 и 1984 гг., т. е. один том в три года. Но в середине 80-х гг. обстановка резко изменилась: в первом отделении ПАН начали хозяйничать «наши хунвэйбины». Судьба издания оказалась в руках новых хозяев во главе с Базилем Бялокозовичем, а его продолжение — под вопросом. Некоторые его участники, прежде всего профессор Мария Янион, сделались, как тогда говорилось, «непроходимыми». Ради спасения серии долгие переговоры вел В. А. Дьяков. Было решено даже изменить ее название на «Польское освободительное движение и российско-польские общественно-культурные связи в XIX веке», а Мария Янион убедила всех нас согласиться на выход очередного тома под новым названием и без упоминания ее фамилии. С этой же целью было задумано даже создание «научного совета», в который согласились войти академик Генрих Яблонский и несколько его советских коллег, чтобы создать для издания своего рода «предохранительный кожух». Через некоторое время «пришла корректура» очередного тома, теперь можно было уже, никого не спрашивая, восстановить фамилию Марии Янион в числе членов редколлегии.

Вышеупомянутый том вышел в 1990 г., а последний из опубликованных — увидел свет в 1994 г. «Научный совет» оказался уже не нужным. Фамилия Стефана Кеневича — автора введения — была обведена траурной рамкой. Остановка в осуществлении издания была теперь связана уже не с идеологией, а с финансовыми трудностями, которые, кстати, и до сих пор нас во многом ограничивают.

И наконец, я хотела обратить внимание еще на один аспект совместной работы по изданию документов: в семи томах «Польского общественного движения...» — «Зеленой серии» (так мы ее называли по цвету суперобложки) — появились статьи и документы, отражавшие дальнейшую судьбу участников заговоров и тайных кружков, материалы об их пребывании в ссылке в Сибири, о попытках вырваться оттуда. К изданию были привлечены историки из Иркутска и Омска. Этим было положено начало исследованию, не очень поощрявшемуся в годы Народной Польши — истории польской ссылки в Российской империи в XIX столетии.

Нас часто спрашивали: как вам удалось получить такие важные и сверхинтересные документы и издать их полностью? А ларчик про-

inslav

сто открывался: руководители всего предприятия сумели создать коллектив сотрудников, по-настоящему заинтересованных своей работой, относившихся с уважением друг к другу. Даже когда его участники расходились во мнениях по тому или иному вопросу; среди них не было «любимчиков», а уж тем более — подхалимов и доносчиков; интересы науки они ставили выше конъюнктурных соображений и больше считались с мнением в научной среде, чем с актуальными директивами высшего начальства, хотя, конечно, вынуждены были в той или иной степени принимать их во внимание. Эти хлопоты, к счастью, уже позади.

Уже в других условиях, благодаря полученным грантам — с одной стороны, и открытию для наших историков российских архивов — с другой, мы смогли в Институте истории ПАН приступить к подготовке картотеки и компьютерной базы данных польских ссыльных ныне уже позапрошлого, XIX века. В этой работе участвуют, кроме польских, историки из Москвы и Петербурга, Казани и Чебоксар, Минска и Гродно, Вологды и Архангельска, Твери и Вятки (Кирова), Омска и Томска, Иркутска и Якутска.

В результате этих поисков, на основе собранных биографических данных, появились уже книги (например, автора настоящей статьи о ссыльных поляках в первой половине XIX в.), многочисленные статьи и публикации мемуаров. Работа еще не окончена, но планируется — кроме большой картотеки, а также нескольких книг по губерниям, лучше всего изученным (например, польские ссыльные в Казанской губернии) — издание всего материала на электронных носителях информации вместе с собранной нами иконографией. А в апреле 2003 г. все участники этих поисков соберутся в Варшаве, чтобы подвести итоги проделанной работе и совместно с польскими историками отметить на научной конференции 140-ю годовщину восстания 1863 г. Опыт продолжения совместной работы, в данном случае по истории польских ссыльных, как нам представляется, свидетельствует о сохранении чрезвычайно важных для науки и для взаимоотношений сотрудничества между учеными добрых традиций, заложенных нашими учителями, примеру которых мы стараемся следовать.

inslav

Г. В. Макарова
(Москва)

МАТЕРИАЛЫ ОБ УЧАСТНИКАХ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863 г. В АРХИВЕ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В 1957 г. в ходе подготовки к 100-летней годовщине восстания 1863 г. была создана советско-польская комиссия для издания документов по истории восстания [1]. С советской стороны работу возглавил И. С. Миллер, с польской — С. Кеневич.

Польские архивы во время Второй мировой войны понесли тяжелые потери, погибли и ценнейшие материалы по восстанию 1863 г. Особенно сильно пострадал в этом отношении Главный архив старых актов в Варшаве: он лишился комплекса материалов Варшавской следственной комиссии, в составе которого хранились дела национально-освободительных организаций Царства Польского, видных деятелей польского патриотического движения. Однако в какой-то степени восполнить эти утраты могут архивохранилища, расположенные на территории бывшего Советского Союза, которые хранят обширнейшую документацию судебно-следственных органов [2].

В ходе работы комиссии и подготовки издания сотрудники архивов бывшего Советского Союза, преодолевая немалые технические и организационные трудности, провели фундаментальное обследование грандиозных масштабов по выявлению материалов, освещающих историю восстания 1863 г. Поиски проходили в архивах Москвы, Ленинграда, Киева, Вильнюса, Минска, Гродно, Могилева, Львова, Каменца-Подольского, Житомира, Читы, а также в других республиканских, областных, городских и иных местных архивах.

В задачу сотрудников архивов входило выявление источников по истории восстания и их подокументное описание на карточках единого образца. Эти карточки пересылались в научно-организационный центр, возглавлявший подготовку серийного издания, — Институт славяноведения АН СССР. Они послужили основой для создания сводной картотеки по истории польского восстания 1863 г.

Самая большая часть работы по подготовке публикации документов и по составлению картотеки выпала на долю сотрудников института: Н. П. Митиной, О. П. Морозовой, Л. А. Обушенковой, З. Я. Таль-

inslav

вирской, В. М. Зайцева, Т. Ф. Федосовой, Н. Н. Вавировской, В. А. Дьякова, А. М. Орехова. Наряду с ними наиболее значительный вклад по выявлению документов был внесен сотрудниками отделения института в Ленинграде В. Г. Чернухой и А. Н. Цамутали.

Первоначально картотека находилась в здании института, по завершении издания она была перемещена в институтский архив. Позднее, после неоднократных переездов и в связи с трудностями по размещению архива вообще, картотека оказалась в «чужом» здании и практически стала труднодоступной. Вследствие неудовлетворительных условий хранения и из-за отсутствия должного «присмотра» она понесла серьезный ущерб, реальные размеры которого трудно определить. Был нарушен порядок систематизации, часть карточек была утеряна.

Прошедшие годы и смена поколений ученых не могли не сказаться на судьбе картотеки. Многих из тех, кто руководил работой по ее созданию и внес в эту работу выдающийся вклад, уже нет в живых. Среди них Л. А. Обушенкова, хорошо знавшая состав и принципы построения картотеки. С сожалением приходится признать, что в последнее время, в связи с изменением направлений научных исследований института и в целом с ослаблением интереса к истории революционного движения и революционных связей народов России и Польши, картотека практически не используется в научной работе.

К комплексу сводной картотеки примыкает отдельная алфавитная картотека участников восстания 1863 г., подвергшихся репрессиям со стороны царских властей, также хранящаяся в архиве института и составляющая с ней единое целое. Как и сводная картотека, она стала результатом коллективного труда ученых и архивистов, однако основным ее составителем был В. М. Зайцев.

Первое знакомство с алфавитной картотекой оказалось для автора этой статьи несколько ошеломляющим: около 20 тыс. карточек, и на них не указано ни архивов, ни фондов, ни описей, ни номеров дел — только тома и листы. В левом верхнем углу карточек проставлены шифры (буквы и цифры), что они означают — было неясно. Только беседа с В. М. Зайцевым позволила осветить историю создания алфавитной картотеки, выяснить принципы ее построения. Большинство карточек написано его рукой, им же были выполнены разделители и расстановка карточек. В. М. Зайцев использовал картотеку при написании монографии о социальном составе участников восстания 1863 г.[3] В связи с этим вполне обоснованной кажется мысль присвоить алфавитной картотеке название «картотека Зайцева».

Указанная картотека представляет собой расписанное по карточкам содержание уникального как по объему (38 томов), так и по своей ценности исторического источника[4]. Это многотомное дело из фонда

inslav

Аудиториатского департамента Военного министерства[5]. В нем содержатся сведения о наиболее активных участниках повстанческого движения на всей территории, охваченной восстанием.

В. М. Зайцев в своей книге подробно описывает историю возникновения названного «дела». С началом восстания в Царстве Польском начались и судебные процессы над его участниками. Поскольку Аудиториатский департамент осуществлял контроль за военным судопроизводством, то сюда поступали сведения о всех военно-судных делах как уголовного, так и политического характера. 22 января (3 февраля) 1863 г. в департаменте был получен первый рапорт наместника Царства Польского великого князя Константина военному министру с изложением конфирмации по военно-судному делу о семерых осужденных, намеревавшихся вступить в повстанческий отряд. Вслед за первой конфирмацией министр Д. А. Милютин 30 июня 1863 г. отдал распоряжение о представлении еженедельных сведений о состоявшихся конфирмациях по военно-судным делам, «произведенным в Виленском и Киевском судах по политическим преступникам». Распоряжением предписывалось, чтобы в составляемых ведомостях было «кратко объяснено, в чем преступник обвинен, в чем состоял приговор суда и в чем заключается конфирмация».

В итоге образовался внушительный по размерам комплекс материалов под названием «Дело по предписанию военного министра о представлении общей еженедельной ведомости конфирмациям, состоявшимся по военно-судным делам, производившимся в Виленском и Киевском округах о политических преступниках». Оно состояло из 38 томов. Первые два тома содержат сведения об участниках восстания, осужденных на территории Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. С января 1864 г. значительное количество конфирмационных материалов стало поступать из Варшавского военного округа. В январе 1864 г. всем военным начальникам в Царстве Польском было вменено в «непременную обязанность» доставлять ежемесячно в Варшавский полевой аудиториат, для пересылки в Аудиториатский департамент в Петербург, списки всех осужденных участников восстания. Хронологически дело о конфирмации приговоров охватывает период с июня 1863 г. по октябрь 1875 г., когда перестали поступать рапорты из Варшавского и Киевского военных округов.

Конфирмационные материалы по форме изложения сведений делятся на три вида: а) «форменные списки»; б) рапорты и в) копии заключений Виленского временного полевого аудиториата. Направляемые из Варшавского военного округа и от командующего III резервным корпусом «форменные списки», имели четыре рубрики: 1) номер по порядку; 2) «звание, имя, фамилия и лета»; 3) «в чем по

inslav

суду оказались виновными»; 4) «к чему по конфирмациям осуждены». Во второй рубрике приводились также сведения о месте рождения (обычно указывалась губерния, реже уезд или населенный пункт), иногда — род занятий. В третью рубрику заносились сведения о месте и времени взятия в плен подсудимого. Аналогичные сведения содержались и в рапортах командующих Киевским и Виленским округами. В последнем случае в них указывалось еще и вероисповедание. Кроме того, в деле имеется небольшое количество рапортов наместника Царства Польского — об утверждении им смертных приговоров, вынесенных военно-полевыми судами в отношении наиболее активных участников восстания и военнослужащих царской армии, перешедшие на сторону повстанцев. Однако в конфирмационных материалах нередко отсутствовали сведения о возрасте, сословном происхождении и месте рождения осужденных, неопределенно излагался состав преступления. Все это, естественно, отразилось на полноте сведений картотеки.

Согласно утвержденным Александром II 11 мая 1863 г. специальным правилам «о порядке суждения» участников восстания все представшие перед судом разделялись на пять категорий — в соответствии с составом преступления и сословной принадлежностью. К 1-й относились руководящие деятели восстания и военнослужащие царской армии, перешедшие на сторону восставших, для них предусматривались смертная казнь, каторжные работы, ссылка в Сибирь; ко 2-й — повстанцы из числа дворян-землевладельцев, лица духовного звания, «негоцианты», врачи, учителя, чиновники и т. п., подлежавшие наказанию в той же мере, что и подсудимые первой категории; к 3-й — крестьяне, мещане, ремесленники, которые приговаривались к ссылке в Сибирь и менее отдаленные места, к отправке в арестантские роты или к иной принудительной службе по гражданским ведомствам на срок от 1 года до 5 лет, однако последние чаще всего отбывали наказание на прежнем месте жительства. Лица, вина которых состояла лишь в оказании материальной помощи повстанцам, а также добровольно «явившиеся с раскаянием к начальству», составляли 4-ю и 5-ю категории и оказывались под надзором полиции по месту жительства. Поскольку главным принципом судопроизводства все же оставалась тяжесть содеянного, то, согласно «правилам», подсудимые могли быть включены в ту или иную категорию независимо от сословной принадлежности.

Однако царское правительство, рассматривая польское дворянство как зачинщика и главного виновника восстания, а католическое духовенство — в качестве его главного пособника, именно против представителей этих сословий направило острие репрессий, о чем свиде-

inslav

тельствует и распределение подсудимых по категориям. Вместе с тем царизм надеялся найти опору в крестьянстве и городских слоях, что и побудило правительство изображать их принадлежность к восставшим как невольное и несознательное действие. Указывая на эту тенденцию, В. М. Зайцев отмечал, что при вынесении приговоров за одинаковое преступление дворянин и ксендз могли быть сосланы на каторгу, в то время как крестьянин или мещанин отделывались двумя–тремя годами арестантской роты либо просто выдворялись на прежнее место жительства под надзор полиции. Этим, в частности, объяснялся и более тщательный учет лиц привилегированных сословий в ходе судебно-следственного делопроизводства.

Конфирмационные материалы Аудиториатского департамента содержат сведения о 20 629 лицах, привлекавшихся к суду за участие в восстании на территории Царства Польского, Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. Однако, как отмечает Зайцев, это число «далеко не охватывает всех репрессированных» и тем более, можно добавить, всех участников восстания. В делах Аудиториатского департамента нет данных о повстанцах, отданных в солдаты и рекруты в счет очередного набора, о добровольно явившихся к властям и получивших прощение, о погибших в сражениях, о лицах, наказанных в административном порядке и т. д.

Характеристика архивных материалов, послуживших основой для «картотеки Зайцева», позволяет составить представление о ее содержании. Сохранность картотеки хорошая, хотя часть карточек с данными о крестьянах была утрачена. По словам составителя, они были взяты для работы одним из исследователей и не возвращены в картотеку.

Материалы сводной картотеки по истории польского восстания 1863 г. были использованы в диссертации Л. А. Обушенковой[6]. Работа не была опубликована и хранится в архиве института. Однако и по сей день названный труд является по существу единственной фундаментальной источниковедческой работой о восстании 1863 г. Как отмечала автор, основной задачей ее исследования был анализ многочисленных документальных материалов, не вошедших в состав серийного издания по восстанию 1863 г., куда включались в основном документы обзорного характера, а также материалы следственных дел только наиболее видных деятелей восстания. Л. А. Обушенкова провела выявление публикаций источников по истории восстания, начиная с изданий XIX в. Однако центральное место в ее труде отведено анализу архивных фондов и содержащейся в них ценнейшей документации. Прежде всего, это списки арестованных и сосланных участников движения[7].

inslav

В 1861–1862 гг. в Царстве Польском расследование политических преступлений, наряду со специальными следственными комиссиями по отдельным делам, находилось в ведении Постоянной следственной комиссии («Следственная комиссия над политическими арестантами, учрежденная при главнокомандующем 1-й армиею и наместнике Царства»), во главе с генералом Ермоловым. С началом восстания 1863 г. была образована «Временная следственная комиссия», создавались также многочисленные военно-следственные комиссии на местах. Количество подлежащих рассмотрению дел было настолько велико, что многих повстанцев судили в Смоленске и Владимире, а нередко участники восстания высылались во внутренние губернии России без суда и следствия. Полевые аудиториаты являлись высшей инстанцией по делам повстанцев. В них направлялись заключения следственных комиссий, приговоры судов, а в отдельных случаях и полностью следственные и судебные дела. Аудиториаты подготавливали окончательные приговоры, которые утверждались наместником Царства Польского или генерал-губернаторами.

Источниковедческий анализ материалов следственно-судебных учреждений по делам участников восстания специально, как отмечала Л. А. Обушенкова, не привлекал внимания исследователей. В какой-то степени он проводился только в статье М. Ахуна, который опубликовал по данному вопросу статью[8]. Отмечая исключительное значение этих материалов как исторического источника, Л. А. Обушенкова разработала методику их источниковедческой критики. Она отмечала, что при использовании алфавитных списков полевых аудиториатов необходимо учитывать, по ее выражению, их «ограниченность», т. е. их неполноту как исторического источника, поскольку в них не могли быть учтены, например, повстанцы, убитые во время вооруженных столкновений, успевшие скрыться за границу или избежавшие ареста и следствия по иным причинам. Поэтому материалы Аудиториатского департамента все же не дают полной картины численности и социального состава участников восстания. Необходимо дополнительно привлекать сведения, содержащиеся в журналах военных действий, а также и архивы полицейских и гражданских властей на местах. В качестве примера приведен «Алфавитный список лиц, прошедших через судный отдел Киевского военного округа»[9].

Заслуживают внимания сделанные Л. А. Обушенковой наблюдения при определении сословной и социальной принадлежности участников восстания. Поскольку ко второй половине XIX в. «шляхта» давно перестала быть единым сословием, то само указание в списках

inslav

повстанцев, например пленных, на шляхетскую принадлежность не может служить достаточным основанием для отнесения человека к той или иной социальной группе, если оно не дополнено сведениями о роде занятий и имущественном положении, «так как в подавляющем большинстве потомки прежних владельцев земли превратились в обедневших работников, живущих собственным трудом либо не желающих трудиться и бедствующих» [10]. В работе приводятся сведения из списка пленных, взятых под Файславицами 12 (24) августа 1863 г., в котором в числе 12 дворян, наряду с «помощником инженера, машинистом, чиновником лесничества и арендатором имения», названы «писец, официалист и подручный рабочий в пекарне», а в списке дворян присутствуют «писарь, помощник землемера, лесничий, винокур, официалист, повар, огородник, кузнец, лакей и мельник» [11]. Ценным при анализе материалов аудиториатов и следственных комиссий является также наблюдение автора, согласно которому шляхтичи нередко, чтобы избежать или уменьшить меру наказания, указывали на свое якобы крестьянское происхождение.

В исследовании упоминается несколько списков повстанцев, в их числе как представляющие особый интерес можно привести следующие: список повстанцев в материалах Седлецкого военного отдела (более 2 тысяч лиц) [12]; алфавиты Полевого аудиториата Виленского военного округа за 1863 г. [13]; алфавитный указатель Виленской следственной комиссии за 1863–1866 гг. [14]; списки повстанцев, в том числе первых повстанческих отрядов, в делах следственных комиссий Юго-Западного края [15];

Гораздо большие трудности, по сравнению с отнесением к той или иной социальной группе, по мнению Л. А. Обушенковой, представляет определение национальной принадлежности повстанцев. Во всех официальных документах указывалось только место рождения и вероисповедание. Поляки-повстанцы, как правило, были католиками, украинцы — православными, белорусы в подавляющем большинстве — униатами. Трудно выделить литовцев, которые, являясь католиками, часто имели польские фамилии. Русских можно определить по вероисповеданию [16].

Архивные материалы судебно-следственных органов дают богатый материал для биографий как отдельных видных руководителей патриотического движения, так и рядовых повстанцев. В качестве примеров в диссертации приводятся сведения о Зыгмунте Падлевском, Болеславе Колышко, Антоне Бышевском, Эдварде Толочко, Иоакиме Озерском, Антоне Найроше, Игнацы Будзиловиче, Клете Корево, Брониславе Люгайло. Ценным при работе по изучению состава участников восстания 1863 г. может оказаться составленный

inslav

Л. А. Обушенковой перечень «Основных архивохранилищ и фондов, содержащих материалы судебно-следственных учреждений 1863–1866 гг.», в котором названы наиболее важные комплексы дел.

* * *

Таким образом, хранящиеся в архиве Института славяноведения РАН и охарактеризованные выше Сводная картотека, «Картотека Зайцева» и рукопись диссертации Л. А. Обушенковой «Документальные материалы о восстании 1863 г. в архивах Советского Союза» содержат значительное количество ценных сведений об участниках восстания 1863 г. Материалы картотек, ставшие результатом многолетнего творческого труда историков нашей страны, как и диссертация Л. А. Обушенковой, несомненно, могут оказаться полезными для исследователей, занимающихся историей польского патриотического движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Восстание 1863 года. Материалы и документы. Москва; Вроцлав, 1961–1986. Т. 1–25.

2 Как отмечала Л. А. Обушенкова, «вполне закономерен и исторически объясним тот факт, что в архивах Советского Союза отложилась документация органов царской администрации и отдельных ее представителей, проводивших в жизнь карательную политику царизма по отношению к восставшим» — *Обушенкова Л. А.* Документальные материалы о восстании 1863 года в архивах Советского Союза. Дисс. ... канд. ист. наук. М.: Институт славяноведения АН СССР, 1964. С. 9.

3 *Зайцев В. М.* Социально-сословный состав участников восстания 1863 года. Опыт статистического анализа. М., 1973. Картотека явилась основой при написании указанной книги. Внимание автора было сосредоточено на статистическом анализе, поэтому имен и конкретных сведений об отдельных участниках восстания, в отличие от картотеки, в ней почти не приводится.

4 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) [Ранее: Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА СССР)]. Ф. 801. Оп. 92/37. Отд. 1. Стол 1. 1864 г. Т. 1–38 (отсутствует том 17). Здесь и далее ссылки на архивы приводятся по указанным выше работам В. М. Зайцева и Л. А. Обушенковой.

5 См.: *Зайцев В. М.* Указ. соч. С. 20–25.

6 *Обушенкова Л. А.* Указ. соч.

7 Среди них: ведомость о числе высланных в Сибирь из Царства Польского и Западного края за политические преступления по 1 мая 1864 г. — *Герцен А. И.* ПССП. Т. 16. С. 321–325; Осужденные и наказанные в 1863–1866 гг. (в Северо-Западном крае) // Русская старина. 1886. № 6. С. 615–630; Ведомость о числе лиц, содержа-

inslav

щихся под арестом в Виленской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерниях за июнь 1865 г. // Там же. 1883. № 4. С. 193–206; Сведения о числе конфирмаций по военно-судным делам о польских мятежниках в Киевском военном округе по 1 июля 1864 г. — *Герцен А. И.* ПССП. Т. 15. С. 323; Алфавитный список лиц, причастных к делам по мятежу, предназначенных военными судами к административным взысканиям и отправляемых на жительство в отдаленные губернии, имущество коих подлежит секвестру по 1 февраля 1865 г. (по Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерниям). Вильна, 1865.

8 *Ахун М.* Документальные материалы военно-судных учреждений царской России как исторический источник // Архивное дело. 1937. № 1 (142). С. 19–55. Статья представляла собой обзор материалов фонда Аудиториатского департамента Военного министерства. В ней указывалось на важность этих материалов, однако существенным ее недостатком являлось то, что она не содержала ссылок на архивы. Позднее эти материалы были перевезены в Москву (РГВИА).

9 ЦГИА УССР. Ф. 472. Оп. 1. Д. 145, 146; Ф. 1771. Оп. 1. Д. 18.

10 *Обушенкова Л. А.* Указ. соч. С. 292.

11 Там же. С. 293.

12 ЦГВИА. Ф. 484. Оп. 3. Д. 260. Л. 1–270.

13 ЦГИА Лит. ССР. Ф. 1248. Оп. 1. Д. 613.

14 Там же. Ф. 438. Оп. 1. Д. 1443. Л. 1–126.

15 ЦГИА УССР. Ф. 471. Оп. 1, Д. 2–4.

16 *Обушенкова Л. А.* Указ. соч. С. 317.

inslav

В. С. Парсаданова
(Москва)

НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОЦЕНКЕ МАРШАЛА Э. РЫДЗ-СМИГЛЫ. К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОБЫТИЙ СЕНТЯБРЯ 1939 г.

Начало Второй мировой войны и связанные с ним события 1939 г. являются в исторической науке предметом напряженной дискуссии. Неудивительно, что в ней одно из главных мест принадлежит историкам России и Польши. Уже сама эта дискуссия стала важным фактором сотрудничества ученых наших стран. Рассматривая ее содержание, разумеется, в рамках одной статьи нельзя даже перечислить все затрагиваемые проблемы. Поэтому мы остановимся только на тех суждениях и оценках, данных в историографии маршалу Эдварду Рыдз-Смиглы.

Весной 1939 г. Наркомат иностранных дел дал задание своим представителям в Польше: составить подробнейшую справку о национальных и политических отношениях в Речи Посполитой и регулярно доносить о деятельности, вплоть до передвижений, трех лиц — бывшего премьер-министра людовца Винценты Витоса, бывшего и будущего премьер-министра генерала Владислава Сикорского и генерального инспектора вооруженных сил (на период войны их главнокомандующего) маршала Э. Рыдз-Смиглы. НКИД и советская пресса получили сведения о публичных выступлениях Рыдза, о его участии в совещаниях у президента Польши, о его разногласиях с министром иностранных дел Ю. Беком. «Справка» вылилась в статью без подписи членов политбюро ЦК ВКП(б), оправдывавших вторжение Красной Армии в Польшу в сентябре 1939 г. и «объяснявших» причины развала польского государства.

Эдвард Рыдз (Смиглы его подпольный псевдоним, переводимый как «быстрый, ловкий, гибкий») родился в 1886 г. в Бжезанах недалеко от Львова в униатской семье поденщицы и кузнеца, в тот момент сержанта австро-венгерской армии. Художник по образованию (ученик Юзефа Панкевича), поэт в душе, он прошел типичный для «пилсудчика» путь, имея за плечами только полулегальные военные курсы, стал профессиональным военным, участником всех вооруженных действий Польши с 1914 г. Волею Ю. Пилсудского он стал его наследником, обладателем маршальской булавы, вторым, а скорее, первым лицом

inslav

в государстве. Прославляемый режимом «санации», он стал ненавистен людовцам и всем легальным и подпольным левым силам в Польше. По политическим убеждениям Рыдз на международной арене был противником Германии и сторонником союза Польши с Францией, но не разделял стремления Парижа к установлению согласия с Советами, с большевиками и «введения» их в Европу. С советским государством он допускал отношения, с Коминтерном не приемлил.

После поражения в сентябрьской кампании, в ходе которой он 17 сентября 1939 г. все-таки издал приказ «С Советами не воюем», расцененный его сторонниками как предательство, на Рыдза посыпались все возможные обвинения: он-де не подготовил страну к обороне, его порицали за военную неспособность и государственную нерадивость. Рыдз был объявлен практически единственным виновником поражения Польши. Газета ЦК ВКП(б) «Правда» 21 сентября не без удовольствия повторяла слова Гитлера: «Во многих местах польские солдаты ожесточенно боролись, высшее же командование оказалось ниже всякой критики».

Сам Рыдз осознавал обреченность Польши в войне с Германией. В декабре 1939 г. он скажет: «Начиная войну, я хорошо понимал, что она неизбежно будет проиграна на польском фронте, который я считал одним из участков великого антинемецкого фронта. Начиная борьбу, я чувствовал себя командиром участка, который должен быть принесен в жертву, чтобы дать другим время и возможность организоваться и подготовиться». С приходом к власти в эмиграции других политических сил Рыдза вынудили отказаться от поста главнокомандующего, каковым стал премьер-министр правительства в эмиграции Владислав Сикорский.

Постепенно об интернированном в Румынию Рыдзе забыли, хотя советские газеты по-прежнему внимательно следили за ним и сообщали все слухи о нем, сведения о перемещениях и «исчезновении» из Румынии. Забвение продолжалось вплоть до столетнего юбилея со дня рождения маршала, когда в Варшаве и Лондоне были изданы две монографии и несколько брошюр, больше обращавших внимание на последний период его жизни, в котором для 53-летнего Рыдза фигурировали переодевания и мистификации, тропы контрабандистов, некая венгерская графиня, стихи и красные розы, тайный переход двух границ и появление Рыдза поздней осенью 1941 г. в Варшаве[1].

В условиях начала войны СССР с гитлеровской Германией Рыдз хотел внести свой вклад в борьбу против гитлеризма. Эти дезорганизующие и дезориентирующие устремления не понравились правительству в эмиграции «как весьма вредные для дела страны». Генерал Грот — Ровецкий командующий подпольными вооруженными сила-

inslav

ми — выполнил приказ премьера Сикорского и, кажется, лично отказал маршалу в сотрудничестве. Эмиссара Рыдза в армии Андерса сочли там шпионом. Маршала сразил инфаркт. Не прошло и месяца со дня его приезда в Варшаву, когда 2 декабря 1941 г. он умер и был похоронен под именем Адама Завиши на Повонзках. После него остался написанный маршалом незаконченный портрет квартирной хозяйки на Маршалковской улице и труд «Могла ли Польша избежать войны?» [2], приговор о смерти, выданный в армии Андерса, резолюции Славянских съездов и Союза польских патриотов о привлечении Рыдза к суду за сентябрьскую катастрофу.

Сталин продолжал интересоваться судьбой Рыдза, но в марте 1942 г. Андерс мог сообщить советскому руководству только, что у Рыдза был инфаркт. Сведениями о его смерти он не располагал. К моменту написания своей работы о войне Рыдз значительно смягчил свою позицию. Ему не надо было уже оправдаться в военной бездарности: его идеал — Франция продержалась меньше Польши. Маршал стал допускать возможность связей с коммунистами в Польше. Одобрял он политику Сикорского («верно взялся») по установлению контактов и союзных отношений с СССР. Правда, не без ехидства прибавлял: успехи «столь же быстрые, как продвижение немецких танковых армий под Москву и Ленинград».

Для Рыдза виновником Второй мировой войны была только Германия Гитлера, ринувшаяся на завоевание мира при попустительстве и медлительности Запада. В работе автор ярко проявлял свои антигерманские настроения. Свято верил в мессианскую роль Польши, заявил, что ее историческое предназначение — спасти Европу от немецкого реваншизма. Он сохранял приверженность теории двух врагов, хотя — в отличие от Германии — конкретных угроз со стороны СССР за межвоенное двадцатилетие (кроме как в сентябре 1938 г. во время Мюнхена) не отметил. Так что для него советский «нож за пазухой» и «удар в спину» 17 сентября 1939 г., «военная интервенция» были «неожиданны». Правда, генерал К. Соснковский утверждал, что Рыдз до сентября 1939 г. полагал возможным вступление Советов против Польши в случае, если бы «поляки безапелляционно проиграли кампанию» [3]. Но «войной» с СССР бои польских войск с Красной Армией Рыдз не назвал.

Рыдз считал, что «большую войну» можно было предотвратить пятью способами. Первый. Путем антигерманской превентивной войны (короткой и относительно легкой военной операции), что-де предлагала Польша в 1933 и 1936 гг. Франции. Второй. Ценой войны с Россией, если бы Польша пошла на нее вместе с Германией. Следствием даже полной победы союзников была бы утрата западных районов и превра-

inslav

щение Польши в вассала Германии. Третья. Рыдз сомневался в возможности избежать войны при осуществлении концепции Барту — о союзе с Россией. В этом случае Советская Россия искала бы компенсации за счет Польши и возмездия за поражение 1920 г. Восточная Польша оказалась бы во власти России. Союз с Чехословакией лишь дал бы войну уже в 1938 г., т. е. на год ранее и без каких-либо шансов на успех при неготовых к войне и пацифистски настроенных западных державах. Пятое. Возможность непосредственных переговоров с Германией привела бы к росту ее аппетитов вплоть до полного уничтожения независимости Польши и полного ее порабощения, что Германия продемонстрировала на примере Чехословакии. Польше оставалось, утверждал Рыдз, опереться на Англию и Францию: «Благодаря этому Польша в сентябре 1939 г. не была изолированной — Западные державы включились в войну». С горечью Рыдз продолжал: «В сентябре 1939 г. не помогла нам активно ни Франция, ни Англия». Итог: избежать войны Польша не могла, если не хотела потерять свое лицо и смириться с бесславным концом.

Начавшуюся войну против Германии (во Второй мировой войне Польша воевала только с Германией, объявив формально войну только Третьему Рейху) Рыдз охарактеризовал как освободительную. Польша «понесла и несет огромные жертвы, но дала начало освободительной войне от немецкого господства».

Содержание выводов Э. Рыдз-Смиглы в написанном накануне кончины маршала сочинении «Могла ли Польша избежать войны?» отразило размышления одного из видных политических деятелей периода кануна и начала Второй мировой войны о ее причинах, характере и перспективе развития военных событий, запечатлело его предвидения, заблуждения и ошибки. Примечательно, что именно воззрения и оценки политиков стали фундаментом последующей историографии, наложив на нее неизгладимый отпечаток.

Советская сторона (Молотов и Ворошилов) считали, что в сентябре 1939 г. СССР воевал, причем совместно с Германией, и положение было напряженным: «у наших воинских частей были серьезные стычки с польскими частями». Молотов одновременно заявлял о полном банкротстве польского руководства, которое «всегда проявляло так много заносчивости и бахвальства», явно намекая на Рыдза с его лозунгом, что Польша не отдаст и «пуговицы от мундира», что поляки «сильны, сплочены, готовы».

Сталин, творец пакта 23 августа, охарактеризовал начавшуюся войну как империалистическую, несправедливую с обеих сторон, ведущуюся двумя группами капиталистических держав при нейтралитете СССР. Национальное и социальное угнетение украинцев и белорусов было объявлено в СССР главной причиной падения «фашистской

inslav

Польши». Боевые действия Красной Армии 17–28 сентября 1939 г. назвали освободительным походом. Именно Красной Армии была отведена решающая роль в развитии мирового революционного процесса, о чем недвусмысленно писалось в приказах командующих фронтов перед вступлением в Польшу. (Сталин говорил Димитрову: «Что плохого было бы, если бы мы распространили социалистическую систему на новые территории и население».) Передовая «Правды» 17 сентября 1940 г. назвала советские деяния сентября 1939 г. «осуществлением своих государственных задач».

К моменту созыва Народных собраний (октябрь 1939 г.) западных областей Украины и Белоруссии термин «война» был отброшен, «освободительный поход» стал основным и вошел в политический лексикон на многие десятилетия. Также десятилетиями не исследовалось, что же на самом деле происходило в восточных областях Польши, включенных в состав Советской Украины Белоруссии и Литвы. В СССР многие годы события сентября 1939 г. изображались только в одном ракурсе — как восторженная встреча Красной Армии населением Западной Белоруссии и Западной Украины. Была, конечно, и такая часть населения, которая с одобрением встретила вступление советских войск. Воссоединение и счастливая жизнь — стали штампами советской пропаганды. За рамками официозной информации оставалась охота на «неугодных» и «классово чуждых элементов», расстрелы военнопленных, депортации и т. д. Счастье, свобода — только эти кадры и фотографии сохранены в государственном архиве кино-фоно-фотодокументов, отражены в экспозиции Музея Советской Армии, т. е. и до сих пор внедряются в массовое сознание, в умы новых поколений. (Музей Отечественной войны на Поклонной горе придерживается иных концепций: для него существует пакт от 23 августа 1939 г.).

Пропагандистский шлейф подобного освещения событий 1939–1940 гг. оказался длинным. Накануне очередной годовщины российский МИД 14 сентября 1999 г. передало следующее заявление для печати: «Не оправдывая действия сталинского режима на международной арене, нельзя в то же время не видеть, что в тот сложный период они были продиктованы не столько стремлением захвата чужих территорий, сколько необходимостью обеспечения безопасности страны. Утверждения официальной Варшавы, а также некоторых ее представителей за рубежом о том, что 17 сентября была совершена „агрессия бывшего СССР против Польши“ не имеет подтверждения в международно-правовых документах и не могут быть приняты».

В 2001 г. эта позиция получила развитие. Рупор МИД'а журнал «Международная жизнь» подчеркнув, что у России многообразный исторический опыт отношений с соседями часто негативный и труд-

inslav

ный, который отрицательно влияет на отношения, опубликовал следующие слова: необходимо «минимизировать отрицательное воздействие исторического опыта и трудностей и наслоений, оставив больше для „чистой науки", нежели для современной политической жизни и международных отношений. История должна быть уроком, опытом, но не причиной политических трудностей и враждебных стереотипов. Россия — правопреемник прошлого (и Советского Союза и имперской России), но она не должна нести ответственность за прошлые деформации, ошибки и даже преступления. К этому должны привыкать и наши соседи и партнеры, но и сама Россия должна проявлять терпимость и гибкость умение помнить свое прошлое и расставаться с ним, гордиться им, признавать ошибки» [4].

Спорные, трудные, а часто просто «закрытые» проблемы начали изучаться с конца 1980-х — начала 1990-х гг. Причины известны: раскрытие архивов, расширение источниковой базы, ослабление, а затем почти ликвидация идеологического и административного давления; большая объективность и плюрализм мнений раскрепостили историческую науку, способствовали более отчетливому проявлению позиций.

Литературе последнего пятилетия, специально посвященная проблемам польского сентября 1939 г., насчитывает в России несколько десятков названий, что несоизмеримо с немецкой и польской литературой по истории сентябрьских событий. Воздействие зарубежной историографии привело не только к расширению фронта работ по изучению начального периода Второй мировой войны в нашей стране, но и прямому объединению усилий российской науки с польской и немецкой. Труды ученых этих стран стали частью нашего исторического процесса, российской историографии (Э. Дурачиньский, С. Дембский, Я. Замойский, М. Загорняк, И. Фляйшхауер, Г. Э. Фолькман и другие) [5].

Если вернуться к оценкам сентября 1939 г., то литература, его рассматривающая, имеет несколько особенностей. Она уже не отрицает, что Польша вела освободительную войну. Правда, в некоторых работах этот вывод подвергнут многозначительному умолчанию. Главная же особенность современной российской историографии связана со сменой поколений историков, что привело — при сохранении уровня работ — как это ни странно, к большей беспристрастности и академичности дискуссии. Именно это оказалось свойственно молодым [6].

Усилилось и активизировалось «традиционное» крыло историографии. Давление прагматизма оказало влияние и на часть нетрадиционалистов, в чем. С. З. Случ упрекнул даже М. И. Семирягу. Традиционное крыло старшего поколения, представленное, в частности, В. Я. Сиполсом, подготовило новые монографические и обобщающие труды, повторив прежние установки, что для СССР пакт 23 августа был вынужден-

inslav

ным, но вполне естественным и обоснованным шагом, а присоединение восточных областей — освобождением[7]. Тезис этот присутствует и в мидовских предисловиях к публикациям документов, как и в изданиях, связанны с Министерством обороны. Там наиболее распространена тактика замалчивания неприятных фактов и событий[8].

Новое поколение традиционалистов также работает активно. М. И. Мельтюхов, например, опубликовал несколько статей и издал две монографии[9]. Первая — «Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941: (Документы. Факты. Суждения)». Главная мысль автора состоит в том, что СССР не успел развязать превентивную войну против Гитлера и дойти до берегов Атлантики. Его же перу принадлежит и второй труд: «Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг.». События 1920 г. изложены в нем по полузабытым работам 1920–1930-х гг. и без учета польской литературы вопроса, даже переведенной на русский язык, например книги В. Сикорского «1920 год», столь ценимой Сталиным. Нет упоминания и о работе Иванова, вышедшей пару лет назад и трактующей войну 1920 г. с экономико-кадровой точки зрения.

О военных действиях в Польше в сентябре 1939 г. в советской историографии были только две небольшие, но качественные работы: В. В. Прунцева «Германо-польская война» (М. 1947), отражающая одну сторону черного сентября, и В. С. Коваля-Довкола «Радяньско-польської війни 1939 року» (Київ, 1991). Странно, что Мельтюхов, специалист по историографии начала Второй мировой войны в рассматриваемой работе о них равным образом не упоминает. О войне 1939 г. в монографии Мельтюхова впервые использованы материалы военного архива (РГВА). Разнообразный, разносторонний и интересный фактический материал, однако, плохо согласуется с теоретическими построениями и выводами автора.

На правом фланге традиционалистского направления современной российской историографии 1939 года следует поставить Н. А. Нарочницкую, утверждающую, что «пакт Молотова–Риббентропа является крупнейшим провалом английской стратегии за весь XX век, и поэтому его всегда будут демонизировать»[10].

В активе нетрадиционного направления, выступающего с критикой апологетической трактовки советской политики, одним из основоположников которого был М. И. Семиряга, находятся статьи, сборники статей и монографии, имеющие отношение к рассматриваемой проблеме[11]. Особо следует отметить работы Л. А. Безыменского, поднявшего новые пласты источников в Президентском архиве и отринувшего многие мифы и недомолвки в серии статей, вылившихся в книгу «Гитлер и Сталин перед схваткой»[12].

inslav

Особо следует указать на новейшую работу трех авторов — И. С. Яжборовской, А. Ю. Яблокова и автора настоящей статьи «Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях»[13], где проблема сентября 1939 г., сговора о четвертом разделе Польши занимают значительное место. В приложении к монографии впервые в России опубликовано «Заключение экспертов Главной военной прокуратуры по уголовному делу № 159 о расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского спецлагерей НКВД в апреле — мае 1940 г.» и дана история раскрытия Катынского преступления.

Итоги современного состояния изучения истории начала второй мировой войны были подведены на «круглом столе», состоявшемся в Институте славяноведения в 2000 г. Обзор дискуссии сделал С. З. Случ[14], автор многих статей по проблеме[15], выступивший наиболее решительным критиком традиционалистов, в частности Мельтюхова. Названных историков отличает противоположная трактовка содержания одних и тех же документов, источников, фактов. Они расходятся в оценке пакта Молотова–Риббентропа, в определении количества и состава противостоявших коалиций. Расходятся в определении суверенитета и критериев его нарушения, факте или отсутствии акта агрессии и самого состояния войны, наличия или отсутствия союза с Германией, необходимости существования для СССР независимой Польши между ним и Германией и т. д. и т. п. Беглый обзор историографии показывает, что нетрадиционалисты в основном по научным интересам и «происхождению» — историки-германисты и полонисты, что обуславливает более глубокую разработанность сюжетов близких им стран, а, может, и влияние на них соответствующих историографических школ.

Традиционалистами выступают историки СССР и России, близкие к МИД'у, международники. Если германисты и полонисты достигли значительных результатов в раскрытии цепочки отношений Германия — Польша — СССР, то исследование отношений Франция — Великобритания — СССР, и их взаимоотношений с блоком Германии почти в зачаточном состоянии[16].

Подобное положение в сочетании с недоступностью еще многих исторических источников как российских[17], так и английских, не дает возможности реконструировать полностью и во всех взаимосвязях процесс принятия ответственных решений и раскрыть все тайны периода сентября 1939 — июня 1941 г. Одно из необходимых и возможных направлений — изучение экономических и военных архивов.

Говоря о войне, по-прежнему спорят почти исключительно по политическим вопросам, забывая о показе военных действий, о качественном изменении их стратегии и тактики, об экономическом обосновании

inslav

и фундаменте. Заключая, можно сказать, что по рассматриваемой проблеме продолжается активный процесс накопления фактов, далеко еще не завершенный. Как не завершен их анализ и обобщение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Mirowicz R.* Edward Rydz-Śmigły. Działalność wojskowa i polityczna. Warszawa, 1988; *Leżeński C.* Kwatera 1939. Opowieść o marszałku Rydz-Śmigłym. Lublin, 1989. T. 1–2; *Wysocki J.-W.* Cień zawiszy. Ostatnie lata Marszałka Edwarda Śmigłego-Rydza. Komorów, 1991; Marszałek Edward Rydz-Śmigły. 1886–1986. Londón, 1986. – 32 c.

2 *Rydz-Śmigły E.* Czy Polska mogła uniknoc wojny? // Wrzesień 1939 w relacjach iwspownieniach. Warszawa, 1989. 1. S/ 33–51.

3 *Sosnkowski K.* Cieniom września. Warszawa, 1989. S. 46–47.

4 *Чубарьян А. О.* Десятилетие внешней политики России // Международная жизнь. 2000. № 3. С. 6.

5 *Дурачиньский Э.* Польша в политике Москвы 1939–1941 годов: факты, гипотезы, вопросы // Война и политика. 1939–1941. М., 1999; *Дембский С.* Советский Союз и вопросы польской политики равновесия в преддверии пакта Риббентропа–Молотова 1938–1939 годы // Отечественная история. 2001. № 2; *Загорняк М.* Военно-политическое положение и оперативные планы Польши перед началом Второй мировой войны // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / Пер. с нем. М., 1996. *Роде Х.* Начало войны 1939 г. в Данциге – планы и действительность // Там же; *Фолькман Г.-Э.* Польша в политико-экономических расчетах «третьего рейха» в 1933–1939 гг. // Там же; Война и политика 1939–1941. М., 1999; Россия – Франция XVIII–XX вв. М., 1995.

6 *Марков А.* Военно-политические аспекты присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии // Великая Отечественная война в оценке молодых. М., 1997.

7 *Сиполс В. Я.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны 1939–1941. М., 1997. – 447 с.; Великая победа и дипломатия 1941–1945. М., 2000. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки в четырех книгах. М., 1998. Кн. 1.

8 Пакт был «вынужденным, но необходимым шагом в реальных условиях второй половины августа 1939 г.» См.: Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. В 2-х т. М., 1990. Т. 1. С. 25.

9 *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941: (Документы. Факты. Суждения). М., 2000; *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001.

10 *Нарочницкая Н.* Старый «восточный вопрос» в новой англосаксонской политике // Международная жизнь. 2001. № 8.

inslav

11 *Невежин В. А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997; *Лебедева Н. С.* Четвертый раздел Польши и катынская трагедия // Другая война 1939–1945. М., 1996. С. 237–295; *Она же.* Польша между Германией и СССР в 1939 году // Война и политика 1939–1941. М., 1999. С. 65–84; *Она же.* Германо-польское взаимодействие и ликвидация польского государства // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939–1941. М., 1999; *Наджафов Д. Г.* Начало Второй мировой войны. О мотивах сталинского руководства при заключении пакта Молотов—Риббентроп // Война и политика 1939–1941. М., 1999. С. 85–105.

12 *Безыменский Л. А.* Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 3–26. *Он же.* Секретный пакт с Гитлером писал лично Сталин // Новое время. 1998. № 1; *Он же.* Человек, без которого не было бы пакта // Там же. 1999. № 33; *Он же.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М. 2000.

13 *Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001.

14 *Случ С. З.* Круглый стол «Начало Второй мировой войны (1939 год): современное состояние проблемы» // Славяноведение. 2000. № 6.

15 *Он же.* Германия и СССР в 1918–1939 годах: мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1914–1995). М., 1995; *Он же.* Советско-германские отношения в ходе Польской кампании и вопрос о вступлении СССР во вторую мировую войну // Славяноведение. 1999. № 6. С. 32–43; *Он же.* Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939–1941. М., 1999; *Он же.* Советско-германские отношения в сентябре—декабре 1939 г. и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // Отечественная история. 2000. № 5 и 6.

16 *Чельшев И. А.* СССР — Франция: трудные годы 1938–1941. М., 1999. Об отношениях Парижа и Лондона: *Демидов С. В.* Англо-французские отношения накануне второй мировой войны (1936–1939). Рязань, 2000; *Он же.* Великобритания и англо-франко-советские переговоры 1939 г. // Вопросы всеобщей истории: Сб. науч. трудов. Рязань, 1997. С. 144–155; *Он же.* Англо-французские военно-штабные переговоры 1938–1939 г. // Дипломатия и война. Вопросы истории международных отношений в новое и новейшее время: Ярославль. 1998. С. 104–113; Отчасти: *Поздеева Л. В.* Лондон — Москва: Британское общественное мнение и СССР (1935–1945). М., 2000.

17 *Медведев Ж. А.* Личный архив Сталина — засекречен или ликвидирован? // Вопросы истории. 2001. № 3. С. 21–38.

inslav

И. С. Яжборовская
(Москва)

СОТРУДНИЧЕСТВО ИСТОРИКОВ РОССИИ И ПОЛЬШИ В РАСКРЫТИИ ПРАВДЫ О КАТЫНИ

В задачу настоящей статьи не входит рассмотрение вопроса о самом катынском злодеянии, ставшем одним из самых страшных массовых преступлений против человечности ушедшего века. Однако история раскрытия этого преступления представляет собой относительно самостоятельную научную проблему, имеющую ключевое значение для нормального развития отношений между нашими странами. Обнародование правды о Катыни — это, не в последнюю очередь, совместная победа ученых двух стран, один из важнейших успехов исторической науки в области изучения трагических событий последних шести десятилетий XX в.

I

История массового уничтожения в 1940 г. в Катынском лесу по воле сталинского режима интернированных в СССР польских офицеров изначально была запретной темой для советской науки, а затем — и тем самым — для послевоенной науки польской. Попытки обращения к ней несли в себе смертельную угрозу для исследователя. Катынское преступление как одно из самых гнусных проявлений государственного террора хранилось в глубокой тайне, обусловленной коллективной ответственностью органов власти за его совершение и сокрытие, а также круговой порукой «повязанных кровью» и причастных ко всему этому исполнителей. Все они — как учреждения, так и люди — были враждебны выяснению правды, принципиально чужды научному изучению истории.

«Наша», «советская официальная версия» (согласно известной формуле секретаря ЦК КПСС, заведующего международного отдела В. М. Фалина) была первоначально основана на «Сообщении» Специальной комиссии Н. Н. Бурденко, призванной после освобождения Смоленска от гитлеровцев дезавуировать и фальсифицировать материалы эксгумации 1943 г. и первого заключения международной судебно-медицинской экспертизы. Проводившие ее специалисты, выводы

inslav

которых противоречили установкам советских властей, впоследствии подверглись преследованиям. Среди них только болгарский профессор М. А. Марков под угрозой репрессий как третий свидетель обвинения сотрудничал с советским обвинением в Нюрнберге, чтобы поставить под сомнение выводы первой экспертизы.

Работе комиссии Бурденко, продолжавшейся менее 10 дней, был придан псевдонаучный характер. Ее членам обещали, что будет проведена научная обработка полученных материалов, что исполнено не было, да и не могло быть за столь короткий срок. Подтасованные вещественные доказательства стали основой для якобы «авторитетной информации», подтверждением чему служили подписи ряда известных советских медиков. Тем же, кто отказывался подписывать фальшивку, Н. Н. Бурденко, как, по свидетельству Н. Я. Эйдельмана, он сам вспоминал, будучи уже тяжело больным и незадолго до смерти, говорил тогда: «Хотите ли вы подписывать документ или нет, но ваши подписи под текстом стоять будут» [1]. Участие с польской стороны даже таких лояльных по отношению к СССР представителей общественности, как члены «Союза польских патриотов», а не только ученых, в осмотре захоронений было исключено. Другое дело, что работа комиссии Бурденко была использована для агитационных целей — утверждения и распространения в польской среде «нашей официальной версии».

Версия Бурденко фигурировала в Советском Союзе в течение двух небольших отрезков времени: в 1944–1946 гг. и в начале 1950-х гг., в связи с работой комиссии Конгресса США под руководством Р. Дж. Мэддена. Во время Нюрнбергского процесса СССР попытался добиться ее международного признания, в частности, привлекая для этого и польских ученых. Планируемая комиссией А. Я. Вышинского «подготовка польских свидетелей и их показаний» вылилась в соответствующее задание прокурору специального уголовного суда в Кракове Р. Мартини. В ответ на его запрос была получена письменная экспертиза немецкого заключения, подписанная судебно-медицинскими экспертами профессорами Я. С. Ольбрахтом и С. Сегалевичем. Тщательно проанализировав текст, они с научной обстоятельностью указали на его пробелы, ошибки и неточности, а некоторые выводы признали недостаточно доказанными. Но отнюдь не отвергли составленное в 1943 г. заключение как фальшивку. Польские ученые указали на слишком краткий — всего 67 дней — срок работы для обоснования выводов (а ведь комиссия Бурденко работала менее десяти дней). Тем не менее польские ученые утверждали, что датировка убийства невозможна ни на основании данных судебно-медицинской экспертизы, ни при помощи анализа документов, которые легко подделать [2], что прямо противоречило выводам комиссии Бурденко и ставило под сомнение ее заключение.

inslav

Мы не знаем, что именно в этой связи предпринял Мартини, однако известно, что через несколько дней после получения упомянутого задания о «подготовке свидетелей» он был убит в своей квартире. Его миссию продолжил генеральный прокурор ПНР Е. Савицкий, допросивший членов Технической комиссии Польского Красного Креста. Однако, несмотря на сильное давление, те так и не дали «нужных» показаний.

Инициатива участия польских ученых в рассмотрении Катынского дела в Нюрнберге возникла с другой стороны. В Лондоне выдающийся юрист В. Сукенницкий и участник поиска поляков в СССР М. Хейтцман подготовили в начале 1946 г. содержащий обширнейший (на 450 стр.) доклад о катынском злодеянии, а затем опубликовали его в кратком и полном варианте. Английский обвинитель на Нюрнбергском процессе Х. Шоукросс вручил доклад всем обвинителям, включая и советского. Встал вопрос о его приобщении к делу. Советский обвинитель Р. А. Руденко настоял на своем последнем «только одном замечании», что «представленная здесь», т. е. официальная польская делегация «не могла представить подобного рода фашистской пропагандистской листовки» [3].

В итоге в Международном военном трибунале катынское преступление не было инкриминировано фашистским военным преступникам, что советское руководство расценило как свою неудачу, помешавшую закрыть дело. В Москве продолжали обосновывать и пропагандировать «официальную версию», на этот раз посредством «Большой советской энциклопедии». Это было признано необходимым в связи с выводами уже упоминавшейся комиссии Конгресса США, почему в 1953 г. в очередном, 20-м томе БСЭ и появилась без подписи статья «Катынский расстрел», содержащая концентрированное изложение «официальной советской версии», дополненное рядом тщательно подобранных фальсификаций [4]. Укажем только на содержащееся в этой статье гневное осуждение самого «желания получить какие-то „доказательства“ относительно убийства военнопленных польских офицеров». Фактически был наложен запрет на обращение к этой проблематике. В дальнейшем и в «Советской исторической энциклопедии», и в различных коллективных и индивидуальных трудах информации о катынском преступлении долго не появлялось. Цензура не допускала публикаций на эту тему ни в СССР, ни в Польше. Более того, по свидетельству заведовавшего польским сектором в международном ведомстве ЦК КПСС П. К. Костикова о беседе с генералом КГБ Г. С. Жуковым, не только в высшем партийном органе, «равно в НКВД, как и в КГБ, было строго запрещено вести какие-либо разговоры о Катыни даже как о немецком преступлении [5]».

inslav

II

В хрущевскую эпоху произошли некоторые изменения в трактовке проблематики начала Второй мировой войны. В частности, в первом томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза», хотя и не говорилось ни слова о существовании печально известного секретного протокола — приложения к советско-германскому договору от 23 августа 1939 г., авторы в некоторой степени отразили его содержание, указав на обозначенную в нем «демаркационную линию» сфер интересов двух держав на польской территории. К тому времени было развернуто двустороннее издание серии «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». Согласно замыслу официальных издателей, утвержденных в ЦК КПСС, предстояло, придав разработке проблемы научный вес, согласованно верифицировать эту область истории. Очередные тома вначале выходили в свет ежегодно, демонстрируя эффективность взаимодействия обеих сторон и определенную, не без некоторых затруднений, возможность продвижения в деле научной трактовки польско-советских отношений.

Подготовка очередного, шестого тома, согласно проспекту включавшего тематику 1939 г., пришлась на излет хрущевской «оттепели». Открытость научного сотрудничества сразу дала трещину, как только возглавлявший польскую часть редколлегии документального издания Т. Цесляк предложил опубликовать текст пресловутого секретного протокола, сославшись на свою публикацию документов «Польский вопрос во время Второй мировой войны на международной арене», в которой была ссылка на существование на Западе текстов секретных протоколов и краткое изложение их содержания[6]. В дело немедленно включился МИД СССР, фактически не признав за учеными право решать подобные проблемы, «составлявшие только его прерогативу». «Дезавуировав» представленные копии советско-германских протоколов и решительно отвергнув саму возможность их существования, он предъявил претензии к польским издателям по поводу несогласованной публикации. Диктат был столь жестким, что ученым, очевидно, было невозможно его преодолеть. Однако Т. Цесляк, достаточно твердый человек, прошедший ад концлагеря, отказался дать согласие на опубликование документов 1939 г. без секретных протоколов. Ради сохранения совместного издания пришли к компромиссу — от тома были отсечены до окончательного решения проблемы материалы, относящиеся к 1939 г. Длительная борьба, несогласие польской стороны обойти вопрос в очередном томе и попытка перейти сразу к изданию восьмого тома показали безрезультатность стараний сохранить объективную научность позиций. Седьмой том вышел только через четыре года и без спорных документов.

inslav

В сложившейся ситуации не приходилось надеяться и на согласие в вопросе о публикации в «Документах и материалах по истории советско-польских отношений» имеющихся документов по катынскому преступлению. Эту проблему нельзя было просто обойти, поскольку она послужила «поводом» для «приостановки» отношений Москвы с правительством генерала В. Сикорского. Навязанная сверху «официальная версия» и здесь сыграла свою роль. Руководство советской части редколлегии постаралось свести освещение темы Катыни к минимуму газетной информации о работе комиссии Бурденко, набранной петитом в подстрочнике, чтобы не возвращаться в очередном томе к трудной проблеме в связи с Нюрнбергом. Не было опубликовано ни одного архивного документа, которые могли бы способствовать объективному научному анализу катынского злодеяния. Отсутствовали в публикации даже материалы комиссии Бурденко. Зато обязывающая «официальная версия» была подкреплена сведениями о проведении в СССР кампании протеста «против гитлеровских убийств в Катыни» и сборе средств на танк «Мститель за Катынь». Все это достаточно ясно характеризует возможности, а точнее, невозможность какого-либо подлинно сотрудничества ученых двух стран в области истории советско-польских отношений периода Второй мировой войны.

III

Определенные новые перспективы постепенно начали открываться в 1980-е гг., когда в Польше вместе с либерализацией режима стала спадать завеса официального молчания и с катынской тайны. В. Ярузельский и ранее зондировал мнение советских военачальников о Катыни, но обнадеживающей стала лишь «гласность» в СССР, которая позволила поставить перед М. С. Горбачевым комплекс трудных проблем советско-польских отношений, обсуждения и прояснения тех страниц истории, которые порождали недоверие между соседними народами.

Тогдашний секретарь ЦК КПСС В. А. Медведев засвидетельствовал, что предмет особого интереса польской стороны, как стало очевидным в Москве, — Катынское дело. Он также подметил важное для нашей темы обстоятельство, что польские руководители без особого нажима, не требуя изменений советской позиции, твердо поставили вопрос о получении новых материалов по Катынскому делу для их изучения. Они настаивали на предоставлении хотя бы таких документов, которые подтверждали бы советскую версию, а также давали бы контраргументы в дискуссии о ее достоверности[7]. Тем самым польские руководители сумели придать Катынскому делу вес в глазах советского руководства и перевести разговор о нем в русло научной экспертизы.

inslav

Практическое решение этой задачи оказалось неслыханно трудным. Принятая в партийно-государственном аппарате трактовка Катынского дела сначала вылилась в действия сектора истории Отдела науки ЦК КПСС по поиску дополнительных доказательств в пользу старой версии злодеяния как нацистского преступления и «контраргументов, опровергающих утверждение об ее несостоятельности».

Вскоре, 21 апреля 1987 г., в развитие идеи обновления польско-советских отношений Горбачевым и Ярузельским была подписана «Декларация о советско-польским сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры». Соотношение идеологии и науки в этом сотрудничестве воспринимались сторонами несколько по-разному. Горбачев делал упор на идеологию, а Ярузельский надеялся устранить «белые пятна» в истории взаимоотношений между двумя странами, осудить навсегда преступления сталинщины, ликвидировав препятствия в отношениях между нашими народами.

Для реализации поставленных в декларации задач была создана особая Совместная комиссия ученых СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами, нередко именовавшаяся в печати как Двусторонняя комиссия по «белым пятнам» в истории советско-польских отношений. Первое заседание комиссии состоялось в Москве в мае 1987 г. В ее состав были введены как руководители подразделений исторической науки, так и специалисты по истории советско-польских отношений. Началась подготовка обширного перечня проблем, требующих научного изучения и более полного освещения. Польская сторона внесла в него и Катынское дело, неуклонно, до самого окончания работы комиссии ставя вопрос об его рассмотрении. Советская сторона сначала трактовала этот вопрос в высшей мере сдержанно, как требующий дополнительной глубокой проработки и «внесения предложений в ЦК КПСС». Польские ученые, напротив, вынесли доклад о нем уже на первое заседание и постоянно возвращались к представлению новых аргументов и данных, начиная с обнаруженного и переданного осенью 1987 г. официального рапорта об эксгумации в Катыни бывшего генерального секретаря Польского Красного Креста К. Скаржиньского. Все эти материалы немедленно передавались в ЦК КПСС, но никакой реакции оттуда не было. В Варшаве, между тем, с созданием комиссии была прорвана плотина молчания, и правдивая информация хлынула на страницы многочисленных изданий.

Советское политическое руководство фактически не допускало рассмотрения Катынского дела. Отражая эту линию, взявший на себя выяснение проблемы О. А. Ржешевский ограничился указанием на существование «определяющего источника» — директивной справки органов безопасности «о предварительном расследовании так называемого

inslav

Катынского дела» с «дополнением», которая предшествовала работе комиссии Бурденко. Этот ход был призван «перекрыть» дальнейшее изучение Катынского дела. Объяснялось это в то время актуальностью «борьбы с антикоммунистической пропагандой», в которой катынское преступление использовалось в качестве одного из основных доказательств вины гитлеризма, его расправ с военнопленными, необходимости продолжить суд над военными преступниками и т. д.

На заседании в Варшаве в начале 1988 г., когда катынский вопрос усилиями польских ученых все же был внесен в повестку дня как непременное условие обсуждения любых других вопросов, академик А. Л. Нарочницкий защищал выводы комиссии Бурденко и тем самым официальный миф. Он утверждал, что Нюрнбергский трибунал якобы признал вину немцев в совершении этого злодеяния. Обосновывая свои возражения, польские ученые ссылались на реальные факты из истории Нюрнбергского процесса. Так было положено начало совместной верификации учеными обеих стран официальной советской версии катынского преступления.

IV

С самого начала отношение к Катынскому делу формировалось в комиссии подспудно и не учеными-полонистами, а высшим партийно-государственным руководством обеих стран. Ученые со своей стороны при поддержке председателя советской части комиссии Г. Л. Смирнова старались продвинуться в поиске и изучении архивных документов. И если польские ученые получали поддержку своего руководства и стойко проводили линию на выяснение Катынского дела, то советские специалисты были объектом партийно-аппаратных манипуляций, главным образом в связи с основной и наиболее фальсифицированной проблемой — вопросом о судьбе польских пленных. Не сразу поняв замысел партийно-политического руководства СССР в этом вопросе, во время визита Горбачева в Варшаву Смирнов попал в крайне затруднительное положение, особенно во время пресс-конференции с множеством обращенных к ученым недоуменных вопросов. Обдумывая характер и итоги работы комиссии в этой области, Г. Л. Смирнов позже вынужден был признать: «При чем тут была наука? Наука была ни при чем с самого начала» [8].

Пообещав полякам «открыть всю правду» о катынском преступлении, Горбачев решил дополнительно прозондировать почву в научной среде в поисках более подходящего для него ответа на острые вопросы, поставленные общественностью и учеными. С этой целью он обратился в Институт всеобщей истории РАН, поскольку позиция специалистов

inslav

двусторонней комиссии по истории отношений между двумя странами была ему уже известна. В ответ на запрос генерального секретаря, согласно информации его помощника В. А. Александрова, из Института всеобщей истории была направлена справка, составленная Н. С. Лебедевой*. В ней возрождалась замалчиваемая более 30 лет и подзабытая версия комиссии Бурденко[9]. Именно эту версию и избрал Горбачев, чтобы дома, в СССР, избавиться от хлопот, ожидавших его в случае обнародования правды о Катыни.

Польская часть комиссии переадресовала недоумение ученых и общественности Смирнову, которому пришлось испытать на себе весь напор негативных эмоций, вызванных невыполнением данных на высшем уровне обещаний. Он тяжело это пережил и вскоре изменил свою, до этого сдержанную, позицию. Продумывая ситуацию, Смирнов определил подлинные причины длительного бессилия комиссии по вопросу о Катынском деле так: «В архив нас не пускали, материалы были закрыты для нас, всего мы знать не могли» [10]. Он стал выяснять суть проблемы у ученых-экспертов В. С. Парсадановой и у автора настоящей статьи, просил представить соответствующие справки.

Пытаясь преодолеть паралич деятельности комиссии ученых двух стран и обеспечить продолжение совместной конструктивной работы, Смирнов предлагал пойти путем хотя бы промежуточных решений — передать уже обнаруженные списки жертв для завершения многолетней кропотливой работы польских исследователей по реконструкции персонального состава лагерей, опубликовать целиком или хотя бы частично польскую экспертизу с комментарием или вступительной статьей кого-то из советских специалистов. Он обращался к своим партийным кураторам с предложением предоставить ученым для нормальной исследовательской работы хотя бы часть тщательно засекреченных архивных материалов. Определенные результаты приносили только его личные усилия.

Дело сдвинулось с места, и этому поспособствовало, хотя и несколько парадоксальным образом, ставшее возможным более открытое сопоставление позиций по Катынскому делу, т. е. постепенно налаживавшееся и в этой области научное взаимодействие представителей обеих сторон. О. А. Ржешевский, в ответ на инициативу польских ученых провести анализ материалов комиссии Бурденко, предложил использовать это для «интеллектуального упражнения», т. е. поисков дополнительных аргументов в пользу «нашей официальной версии». После некоторого замешательства польские коллеги приняли предложение подгото-

* В справке подробно излагалось рассмотрение вопроса о катынском преступлении в ходе работы Нюрнбергского трибунала. — *Примеч. ред.*

inslav

вить экспертизу — это позволяло включить рассмотрение дела в повестку работы комиссии и в развернутой форме представить свои аргументы. Что и было сделано М. Войчеховским, Я. Мачишевским, Ч. Мадайчиком и Р. Назаревичем.

Представленная вскоре экспертиза содержала неоспоримые доказательства неубедительности сообщения комиссии Бурденко. Первой реакцией Смирнова было не обсуждать польский доклад, а передать его «по инстанциям» Горбачеву. Советский сопредседатель комиссии надеялся поставить руководство СССР перед фактом научного анализа обстоятельств преступления, чтобы способствовать развертыванию открытой научной дискуссии и принятию, наконец, ответственного политического решения по Катынскому делу. Увы, текст польского доклада был надежно спрятан в «особую папку», где и хранился вместе с сообщением комиссии Бурденко.

Будучи опубликована в Польше, экспертиза, минуя официальные каналы, попала в печать и в СССР. Свои документальные расследования развернули журналисты. Поставленные вокруг комиссии политические ограничения переставали быть тайной для ее членов, что дало нам повод к тягостному разочарованию. В составе комиссии в то время на меня была возложена задача анализа польских материалов и публикаций, что и побудило автора этих строк в специальной записке поставить вопрос о необходимости формулирования четкой и ясной морально-политической оценки преступления, а также поисков его виновников. В записке также говорилось о необходимости расследования всех обстоятельств уничтожения польских военнопленных. В частности, впервые в СССР было прямо указано, что акции уничтожения проводились не только в Катыни, а, наряду с Катынским лагерем, еще в двух специальных лагерях НКВД для польских военнопленных [11].

Г. Л. Смирнов принял все меры, чтобы развернуть исследование проблемы Катыни и депортаций польского населения — для начала только силами советской части комиссии, — сумев обеспечить допуск в соответствующие архивохранилища для В. С. Парсадановой. Она нашла в Особом архиве материалы Главного управления по делам военнопленных и интернированных, в которых обнаружила документы о судьбах польских пленных, расстрелянных весной 1940 г. Соответствующая записка Парсадановой была передана 18 мая в ЦК КПСС. Были подготовлены две статьи, о которых польская сторона пока не знала: секретная информация ждала официального решения вопроса «наверху». Не афишировалось и то, что из членов советской части комиссии была создана подкомиссия по Катынскому делу. Таким образом, его расследование постепенно начало двигаться вперед, хотя на

inslav

официальном уровне ученым продолжали чинить препятствия, наносившие и им существенный моральный урон, и значительный вред советско-польским отношениям.

V

Тем временем польская часть комиссии, которую широкая общественность на родине упрекала в бездействии, в силу развития политических событий в Польше прекратила свою работу, опубликовав в специальном издании отчет о своих усилиях относительно выявления в совместной комиссии правды о Катыни. Подробно об этом рассказал в своей книге сопредседатель с польской стороны Я. Мачишевский. Книга так и была названа: «Вырвать правду». Несколько более скупо проблема была освещена и в вышедших из печати несколько позже воспоминаниях сопредседателя с советской стороны Г. Л. Смирнова [12].

Советские ученые продолжали поиск катынских материалов. В. С. Парсаданова и Ю. Н. Зоря, одновременно решавший как проблемы выяснения судеб своего отца, смерть которого во время Нюрнбергского процесса была связана с Катынским делом, так и комментирования соответствующего сюжета в готовящемся к изданию собрании материалов Международного военного трибунала, а вслед на ними по линии подготовки той же публикации также и Н. С. Лебедева обратились к материалам Главного управления по делам военнопленных и интернированных в Особом архиве. Стараниями Зори результаты исследований были доведены до сведения высшего советского руководства. После многих проволочек были подготовлены для передачи польскому руководству материалы, содержавшие списочный состав военнопленных из трех спецлагерей. Что касается выяснения ряда важных обстоятельств Катынского дела, то Смирнов настаивал на передаче его изучения непосредственно исследователям из различных научных центров.

В январе 1989 г. при его участии в Институте славяноведения РАН было проведено Всесоюзное совещание историков-полонистов «Актуальные задачи изучения истории Польши, русско-польских и советско-польских отношений». Нам довелось руководить работой секции «„Белые пятна“ в истории советско-польских отношений 1917–1946 гг.», где и был поставлен вопрос о расширении участия специалистов в пересмотре «советской официальной версии» преступления, что было поддержано некоторыми историками. И. И. Костюшко высказался за совместные с польской стороной усилия в этой области. Плодотворным оказалось предложение рассмотреть этот сюжет на проведенной в Институте славяноведения РАН двусторонней конференции о сотрудничестве СССР и Польши в годы Второй мировой войны [13].

inslav

Исследовательскую и просветительскую работы развернули в том же направлении активисты польской секции Общества «Мемориал». Катынская тематика стала, при участии членов комиссии историков, привлекать трансформировавшееся в обстановке «гласности» общественное мнение. Общество советско-польской дружбы организовало весной 1989 г. в Варшаве встречу советских и польских ученых, а также представителей широкой общественности на тему Катыни.

К моменту ожидавшегося приезда в Москву В. Ярузельского при участии члена комиссии ученых В. С. Парсадановой в ЦК КПСС была подготовлена информация ТАСС, официально признававшая вину в расстреле пленных «Берии, Меркулова и их подручных». Польским сектором Международного отдела ЦК планировался выход из печати нескольких статей: Ю. Н. Зори, Н. С. Лебедевой, В. С. Парсадановой, полгода ожидавших публикации. По инициативе Егора Яковлева статья Лебедевой была опубликована раньше договоренного срока и опередила принятие М. С. Горбачевым решения о передаче В. Ярузельскому материалов. Это чуть было не сорвало планируемый акт. Генеральный секретарь почувствовал себя уязвленным и предложил предоставить ученым возможность и дальше самим «копаться» с этим делом. Он давно уже видел постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 5 марта 1940 г. и всячески стремился уйти от ответственности за его опубликование. С немалым трудом удалось уговорить его не отказываться от передачи документов и тем самым обнародования хотя бы части правды.

Акт передачи материалов проходил 13 апреля 1990 г. под флагом подведения итогов работы двухсторонней комиссии историков, что было справедливо только отчасти. Приглашенный в Москву Я. Мачишевский формально не представлял комиссию (ее польской части уже не существовало). Г. Л. Смирнов, который в это время настаивал на привлечении к раскрытию и изучению материалов катынского преступления широких кругов научной общественности и расследовании его силами компетентных юристов, от подготовки материалов к передаче был фактически отстранен. Но на встрече руководителей двух стран он представлял комиссию, от имени которой и передал В. Ярузельского одну из двух папок с заветными материалами. В целом, он свою роль сыграл весьма достойно, хотя в итоге обе папки оказались у Горбачева.

М. С. Горбачев, учитывая позицию В. Ярузельского, не мог отказаться от рассмотрения проблемы «белых пятен» и заявил о намерении создать специальный советско-польский институт по истории двусторонних отношений. В тот момент этот замысел соответствовал настроениям немалой части научной общественности, но развития так и не получил.

inslav

VI

С этого времени изучение Катынского дела, наконец, приобрело юридическую форму и перешло в ведение Главной военной прокуратуры, а занимавшиеся им члены двусторонней комиссии стали ее экспертами. К ним присоединились Ю. Н. Зоря и Н. С. Лебедева. По мере сбора необходимых для следствия материалов и проведения различных следственных действий ученые-эксперты включились в подготовку заключения, взаимодействуя и с польскими специалистами-криминологами и судебно-медицинскими экспертами. Сотрудничество с польскими учеными шло по разным направлениям. Необходимость разобраться с некоторыми аспектами Катынского дела в Нюрнберге стимулировала обращение главного редактора издательства «Юридическая литература» Н. Н. Бадерскова к вице-президенту РАН академику В. Н. Кудрявцеву с просьбой порекомендовать необходимого специалиста, который помог бы наладить взаимодействие с польскими учеными. Соответствующее предложение было адресовано автору этой статьи и принято мною. Вскоре, в июне 1990 г. началась разработка совместного проекта труда по советско-польским отношениям, подготовкой которого должно было заняться также польское «Правовое издательство». В центре издательской работы над комплексным исследованием Катынского дела «Путь к правде» как первоочередные оказались юридические аспекты.

Катынская тематика стала звучать в это время на различных встречах ученых двух стран. Заслуживает особого упоминания симпозиум «Польско-советские отношения в контексте нового порядка в Европе» (Краков, апрель 1991 г.), который был проведен силами ученых при поддержке Советского комитета защиты мира, Всепольской коалиции мира и Польского совета исследований проблем мира. На нем широко и свободно, творчески обсуждались возможности дальнейшего взаимодействия в области науки, открывшиеся в посттоталитарном обществе, рассматривалась проблема преодоления негативных стереотипов в восприятии друг друга и поиска приемлемых решений в процессе верификации школьных учебников обеих стран. Отмечалась важность доведения до конца ликвидации «белых пятен», последовательного раскрытия правды о темных страницах истории двусторонних отношений.

На базе выявленного и рассекреченного в ходе расследования Главной военной прокуратуры комплекса материалов и документов началась совместная подготовка фундаментального четырехтомного издания «Катынь: пленники необъявленной войны». Однако, к большому сожалению, в России ценой больших усилий, при поддержке, в частности, ученых-экспертов Главной военной прокуратурой был

inslav

издан только один том, да и тот по своему составу не адекватен соответствующему польскому тому, не полностью отвечает требованиям двустороннего издания. Серия успешно продолжает выходить в Польше, в то время как в Москве вышел в свет как завершающий издание сводный том, включивший часть документов из 2–4 томов варшавского издания [14].

Определенное взаимодействие ученых проявилось во время выявления и передачи в Польшу в 1992 г. корпуса документов из «особых папок», в том числе Постановления Политбюро от 5 марта 1940 г. Они были опубликованы в обеих странах параллельно и практически почти одновременно. Время от времени катынская проблематика затрагивалась и на заседаниях комиссии историков России и Польши [15].

* * *

Дальнейшее сотрудничество ученых-историков двух стран не только было бы полезно, но просто-таки необходимо. Подлинно научное освещение проблем российско-польских отношений возможно только при многостороннем подходе к ним. Иначе получается то, что продемонстрировал недавно в своей книжке «Советско-польские войны: военно-политическое противостояние 1918–1939 гг.» М. И. Мельтюхов. Перенасытив свой труд ссылками на бесчисленные образчики агитационной литературы, он воспроизвел давно устаревшие идеологические мифы прошлого, не попытавшись их верифицировать при помощи подлинно научного знания событий и фактов того времени, игнорируя достижения как российской, так и практически не известной ему польской науки последних десятилетий. Это позволило упомянутому автору — впрочем, без большого успеха — попытаться в очередной раз оправдать катынское преступление [16]. Есть и другие сходные попытки, относящиеся, правда, к публицистике, отрицать масштабы и значимость этого злодеяния, важность его адекватной оценки. Поэтому позволю себе надеяться, что дальнейшее развитие исследований катынской проблематики станет доказательством нашего общего желания совместно довести Катынское дело до окончательного завершения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001. С. 288.

2 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 18.

3 Главная военная прокуратура. Д. 159. Т. 8/60. Л. 64.

4 Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1952. Т. 20. С. 389–390.

inslav

5 *Kostikow P., Roliński B.* Widzane z Kremla. Moskwa; Warszawa. Gra o Polskę. Warszawa, 1992. S. 197.

6 Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej. Zbiór dokumentów. Warszawa, 1965. S. 3.

7 *Медведев В. А.* Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». М., 1994. С. 94–95, 111.

8 *Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С.* Указ. соч. С. 235.

9 Там же. С. 287.

10 Там же. С. 236.

11 Там же. С. 267.

12 См.: *Maciszewski J.* Wydrzeć prawdę. Warszawa, 1993; *Смирнов Г. Л.* Уроки минувшего. М., 1997.

13 *Яжборовская И. С.* «Белые пятна» в истории советско-польских отношений и современность // Советские военнопленные в Движении Сопротивления на польских землях в годы Второй мировой войны. М., 1991.

14 Katyń: Dokumenty zdrodni. T. 1. Jeńcy nie wypowiedzianej wojny. Sierpień 1939 – marzec 1940. Warszawa, 1995; T. 2. Zagłada. Marzec-czerwiec 1940. Warszawa, 1998; Россия. XX век. Документы. Катынь: Пленники необъявленной войны. М., 1997; Катынь: Март 1940 г. – сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы. М., 2001.

15 *Яжборовская И. С.* Советская пропаганда 20–30-х гг. Складывание традиций и стереотипов советско-польских отношений и их верификация // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. Związki kulturalne między Polską a Rosją XI–XX w. М., 1998. С. 112.

16 *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние 1918–1939. М., 2001. С. 416–417.

inslav

Н. И. Бухарин
(Москва)

РОССИЙСКО-ПОЛЬСКОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 90-Е ГГ. XX В.

После исторических перемен в Польше и России в конце 80-х — начале 90-х гг., с преодолением некоторого замешательства сотрудничество ученых двух стран возобновилось. Прежде всего, оно восстановилось по линии Академий наук.

В марте 1993 г. во время визита в Варшаву делегации Российской Академии наук во главе с вице-президентом А. Ф. Андреевым было подписано Соглашение о научном сотрудничестве между Российской Академией наук и Польской Академией наук. Оно заменило Соглашение 1957 г. о сотрудничестве между Академией наук СССР и Польской Академией наук. В соответствии с новым Соглашением каждые три года подписываются протоколы о межакадемическом сотрудничестве. За последние восемь лет таких протоколов было подписано четыре: в марте 1993 г. на 1993–1995 гг., в апреле 1996 г. на 1996–1998 гг., в ноябре 1998 г. на 1999–2001 гг., в октябре 2001 г. на 2002–2004 гг. Такова правовая основа отношений между Российской Академией наук и Польской Академией наук.

Сотрудничество между Российской академией сельскохозяйственных наук и ПАН, Академией медицинских наук России и ПАН было возобновлено значительно позже. Протокол о сотрудничестве между Российской академией сельскохозяйственных наук и ПАН на 2001–2003 гг. был подписан в 2001 г., а протокол о сотрудничестве между Академией медицинских наук России и ПАН на 2002–2004 гг. — в октябре 2001 г.

В 1993 г. после создания Совместной комиссии по научно-техническому сотрудничеству стало возобновляться сотрудничество по линии отраслевой науки. В 90-е гг. соглашения о сотрудничестве подписали ряд российских и польских вузов.

Взаимодействие по линии РАН и ПАН было и остается основным, главным направлением российско-польского научного сотрудничества. В 1990-е гг. оно являлось единственным позитивным примером в российско-польских отношениях. В это десятилетие взаимные поли-

inslav

тические отношения никогда не были по-настоящему хорошими. Для торгово-экономических связей были характерны то взлет, то падение. Российско-польское культурное сотрудничество еле теплилось. И лишь научное сотрудничество плодотворно развивалось.

В области естественных, точных и технических наук оно было по существу продолжением советско-польского научного сотрудничества, апогей которого пришелся на 1970–1980-е гг. Из-за финансовых трудностей оно, естественно, стало уменьшенной копией сотрудничества предыдущего этапа. Связи между отдельными учеными и научными коллективами оставались прочными, совместные научные разработки — ценными для обеих сторон, подлинная заинтересованность — стабильной и плодотворной, так что сотрудничество продолжалось, несмотря на изменения экономических и политических условий. Ученые двух стран теперь сотрудничают не «для галочки», как это не раз бывало в прошлом, не во имя декларируемой дружбы, а прежде всего — в интересах науки.

Основу связей РАН и ПАН составляют долговременные научные контакты. В соответствии с тематическими планами межакадемического сотрудничества совместные исследования в 1996–1998 гг. проводились по 74 темам в области естественных и технических наук и 20 темам в области общественных и гуманитарных наук, в 1999–2001 гг. — по 63 темам в области естественных и точных наук и 14 темам в области общественных наук.

Согласно протоколам о научном сотрудничестве в 1993–1998 гг. безвалютный обмен учеными и специалистами между двумя академиями составлял 150 человеко-недель в год. В 1999–2001 гг. он достиг 200 человеко-недель в год. В 1999 г. обе стороны приняли решение увеличить, начиная с 2000 г., ежегодную квоту обмена на 50 человеко-недель для организации поездок молодых ученых. В настоящее время в совместных проектах участвуют несколько сот ученых обеих стран. В 1994–2000 гг. в рамках совместного обмена в Польшу выезжали более 500 российских ученых и специалистов. Если в 1995 г. безвалютный обмен охватил 47 человек, то в 2000 г. — 109 [1].

Вместе с тем следует констатировать, что российские исследователи проявляют больший интерес к поездкам в Польшу, чем их польские коллеги к поездкам в Россию. Диспропорция составляет 3:1 [2]. Каковы причины этой ситуации? Во-первых, увеличилось сотрудничество ПАН с западными научными учреждениями. Почти 60% личного обмена составляют связи с Германией, Францией, Великобританией и США. Обмен учеными и специалистами с Россией — всего лишь около 7% сотрудничества ПАН с заграницей. Несмотря на существенное сокращение взаимных связей, эффективность сотрудничества остается отно-

inslav

сительно высокой. Она проявляется в публикации совместных трудов, в совместных исследовательских работах по наиболее актуальным научным проблемам, результатом которых стали открытия как в области естественных, так и общественных наук.

Повышению эффективности сотрудничества между РАН и ПАН способствовало создание в рамках подписанного в июле 1995 г. руководителями Академий протокола об учреждении постов Постоянного представителя ПАН в Москве и Постоянного представителя РАН в Варшаве. Постоянный представитель Польской Академии наук при Российской Академии наук начал свою работу в мае 1997 г. К сожалению, из-за финансовых трудностей аналогичный представитель РАН так и не был направлен в Польшу.

Дальнейшему повышению эффективности российско-польского научного сотрудничества будет способствовать восстановление практики присуждения межакадемических премий за лучшие совместные работы российских и польских ученых.

Центральное место в сотрудничестве между Российской Академией наук и Польской Академией наук занимают точные, естественные и технические науки. В отчете о деятельности РАН в 2000 г. отмечается, что наиболее успешно это сотрудничество осуществляется в области химии, физики и математики[3].

В результате сотрудничества ученых Физического института им. П. Н. Лебедева и их польских коллег из Института физики плазмы и лазерного микросинтеза им. С. Калиского была создана и успешно испытана самая большая в мире установка «Плазменный фокус» с энергией в импульсе до 1 МДж. Уникальная установка — основа учреждаемого под эгидой ЮНЕСКО Международного центра по плотной замагниченной плазме. Основными направлениями деятельности Центра, в работе которого примут участие специалисты из 16 стран, станут фундаментальные исследования в области физики плотной высокотемпературной плазмы, подготовка молодых научных кадров. Планируется разработка новых импульсных плазменных технологий с целью их последующего использования в промышленности.

Ученые Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн РАН, Физического института РАН и Центра космических исследований ПАН сотрудничают в области спутниковых исследований плазменных волн в ионосфере Земли. Специалистами двух стран созданы радиочастотный анализатор и усовершенствованный солнечный радиоспектрометр, которые были использованы на борту космических аппаратов в рамках проектов «Компас» и «Коронас-Ф». В частности, в июле 2001 г. в рамках программы Российского

inslav

космического агентства на выведенном на орбиту спутнике «Коронас-Ф» находились два прибора мирового уровня — «Резик» и «Диоген». Они предназначены для исследований рентгеновских спектров солнца и позволяют определить абсолютные значения (относительно водорода) более десяти элементов в химическом составе плазмы в солнечной короне, а также исследовать их изменение во времени. Прибор «Резик» создан в рамках консорциума, образованного Институтом земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн РАН и Центра космических исследований ПАН при участии научных групп из США и Великобритании. Прибор «Диоген» — совместный российско-польский продукт[4]. В ближайшие годы полученные данные станут материалом для совместных исследований солнца.

В модуле «Природа» российской орбитальной станции «Мир», выведенном в космос 23 апреля 1996 г., работал блок телевизионных цифровых камер «Визир», сконструированный польскими учеными и предназначенный для наблюдения тестовых пространств поверхности Земли.

Академиями наук России и Польши планируется совместная разработка аппаратуры для дальней миссии к Солнцу, а также эксперименты на международной космической станции. Для зонда Марс-экспресс Европейского космического агентства, запуск которого намечается на 2003 г., создается планетарный Фурос-спектометр. Прибор конструируется Планетарным институтом во Фраскати, Институтом космических исследований РАН и Центром космических исследований ПАН. Этот прибор предназначен для снятия спектральных характеристик поверхности и атмосферы Марса.

Российско-польское сотрудничество в космосе в 90-е гг. было единственной сферой, где практически не наблюдался спад. Российские ученые — специалисты в области исследования космоса — участвовали в нескольких десятках как двусторонних, так и многосторонних встреч. Польские центры космических исследований приняли в 1990-е гг. у себя 300 ученых и инженеров из России. За эти годы вышло из печати свыше 100 совместных публикаций. А огромное количество данных, полученных в ходе реализации совместных космических проектов России и Польши, стало фундаментом для дальнейших исследований на многие годы вперед.

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (г. Пущино) и Институт агрофизики ПАН (г. Люблин) проводят совместные исследования по теме «Оценка параметров физико-химических процессов деградации почв и поведения растений в зависимости от состояния окружающей среды». В ходе совместных работ изучены свойства типичных почв Польши, России и ряда других стран.

inslav

Выполнены модельные эксперименты по влиянию подкисления на минералогию и поверхностные свойства почв. Большое научное и прикладное значение исследований определяется возрастающим промышленным загрязнением окружающей среды, ускорением процессов деградации почв.

Продолжается сотрудничество ученых Мурманского морского биологического института РАН и их польских коллег из Института геофизики, Института экологии, Института океанологии ПАН в области комплексного геофизического и геоэкологического исследования архипелага Шпицберген, Кольского полуострова и прилегающих акваторий Баренцева моря. По результатам совместных экспедиционных работ подготовлена карта биологических ресурсов Баренцева моря, монография «Радионуклиды в экосистеме региона Баренцева и Карского морей».

Учеными Института океанологии РАН совместно со специалистами Института океанологии ПАН проведены комплексные исследования экосистемы южной части Балтийского моря. В ходе совместных экспедиционных работ получен большой объем новой ценной информации, пополнившей базы данных двух стран. Активное участие в российско-польских морских экологических исследованиях принимает Институт прикладной физики РАН. Ученые из Нижнего Новгорода и их польские коллеги из Института океанологии ПАН внесли весомый вклад в теорию нелинейного рассеяния звука газовыми включениями в морские осадки. На основе предложенных теоретических моделей были разработаны новые нелинейные акустические методы диагностики осадков. Эти методы прошли успешную проверку в морских условиях в ходе совместного рейса на польском научно-исследовательском судне «Океания».

В 1990-е гг. ученые РАН принимали активное участие в деятельности расположенных на территории Польши международных научных центров: Математического центра имени С. Банаха, Международного центра по биокибернетике, Международной лаборатории сильных магнитных полей и низких температур во Вроцлаве, а также созданного в 1996 г. Международного экологического центра. Решение об утверждении последнего было принято президентами РАН и ПАН в феврале 1995 г. Основные задачи этого центра, в работе которого принимают участие также немецкие специалисты, это оценка состояния природного биоразнообразия Центральной и Восточной Европы, изучение антропогенной динамики и прогнозирование изменений экосистем в условиях современного экономического развития. В 2001 г. в Международной лаборатории сильных магнитных

inslav

полей и низких температур была введена в строй новая «Катушка», которая позволяет получать магнитные поля сильной интенсивности. Создание этой уникальной установки является крупным совместным достижением российских и польских ученых, их вкладом в мировую науку.

По сравнению с предыдущим периодом значимость общественных и гуманитарных наук в научном сотрудничестве РАН и ПАН снизились. Вместе с тем содержание контактов в области этих наук стало менее идеологизированным и политизированным. Обсуждения приобрели более свободный и творческий характер. Из пяти комиссий по общественным наукам только две продолжают свою работу — Российско-польская комиссия ученых-экономистов и Комиссия историков России и Польши. Начиная с 1994 г. первая провела семь, вторая — четыре двусторонние сессии. В центре внимания комиссии экономистов оказались ключевые проблемы экономической трансформации в России и Польше — инфраструктура рынка, факторы и механизмы экономического роста, перспективы развития взаимных внешнеэкономических связей, территориальное самоуправление в экономическом развитии, государственный долг, аграрные отношения, иностранные инвестиции.

В тематических планах научного сотрудничества между институтами РАН и ПАН в области общественных наук преобладают история, литературоведение, языкознание, проблемы истории и теории культуры. Зато очень слабо представлены экономические и политические науки. С российской стороны с польскими коллегами наиболее активно сотрудничают Институт славяноведения, Институт российской истории, Институт всеобщей истории, Институт мировой литературы, Институт русского языка и др. Вместе с тем, необходимо отметить, что после 1991 г. в России не велась работа по изданию новых, современных польско-русских и русско-польских словарей как общего, так и отраслевого назначения. В настоящее время возросла потребность в словарях, прежде всего, по экономической, коммерческой (деловой) и правой тематике.

Как и в предыдущие периоды российско-польские научные отношения не ограничивались сотрудничеством в рамках академий наук. Например, вопросы перехода России и Польши к рынку находятся в центре научных интересов и контактов между Институтом экономики переходного периода, который возглавляет Е. Т. Гайдар, и Центром социально-экономического анализа (CASE) под руководством М. Домбровского. Важную роль в организации конференций и подготовке совместных публикаций, в которых принимали участие российские и польские эксперты и которые касались состояния совре-

inslav

менных российско-польских отношений, сыграли представительства западных (в основном американских) фондов в России и Польше: Фонд Сороса, Фонд «Демократия», Фонд Карнеги, Институт Запад–Восток и т. д.

Результатом сотрудничества российских и польских архивистов и историков — Федеральной архивной службы России, Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Института всеобщей истории РАН, Института славяноведения РАН и Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации, а с польской стороны Генеральной дирекции государственных архивов Республики Польша — стали многотомные публикации документов и материалов о Катыни.

По-прежнему актуальной задачей российских и польских историков является дальнейшее совместное изучение так называемых «белых пятен» в советско-польских отношениях. Не менее важно согласование освещения истории Польши и России в российских и польских школьных учебниках в рамках совместной российско-польской комиссии по учебникам.

Координирует и направляет научно-техническое сотрудничество в рамках отраслевой науки совместная российско-польская Комиссия по научно-техническому сотрудничеству. За истекшее десятилетие тематика такого сотрудничества многократно расширилась: с 25 до 105 тем. Среди них — лазерные технологии, использование новых материалов, электроника, транспорт, переработка сельскохозяйственной, машиностроение, модернизация вертолетного парка и др. Существуют предложения дополнительно включить в программу сотрудничества еще 35 тем. В первую очередь это касается высоких технологий, технологий двойного назначения, применимых как в гражданской, так и военной областях. В рамках отраслевой науки в России и в Польше сотрудничают между собой 45 институтов.

По количеству тем, разрабатываемых польскими учеными совместно с зарубежными партнерами, доля России находится на третьем месте после Германии и Франции. Однако результаты российско-польских исследований превосходят достижения польско-немецкого и польско-французского партнерства. Внедрен ряд новых технологий, создан центр по производству подшипников путем порошковой металлургии и др. В Варшаве была проведена совместная выставка, посвященная изучению твердых металлов, в 2002 г. состоится выставка, посвященная применению лазерных технологий.

Среди барьеров, которые тормозят развитие взаимного сотрудничества и требуют преодоления, можно назвать нехватку средств для внедрения результатов исследований в производство (для решения этой

inslav

проблемы привлекаются третьи страны), таможенные сборы за передачу инновационных разработок, отсутствие единого подхода к оценке стоимости проектов и затрат на их разработку и внедрение и др.[5]

Научное сотрудничество было и остается одним из наиболее плодотворных направлений российско-польских отношений, что убедительно продемонстрировали «Дни польской науки в России» осенью 2001 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Текущий архив Российской Академии наук.

2 *Моссаковский М.* Польская Академия наук и ее роль в польской науке. Варшава, 2001. С. 26.

3 Поиск. 2001. № 13. С. 5.

4 *Клос З.* Польско-российское сотрудничество в космических исследованиях – достижения и перспективы. Варшава, 2001. С. 15.

5 Радио Полония. Русская редакция Польского радио. 2002, 16 января.

inslav

Станислав Былина
(Варшава)

СОТРУДНИЧЕСТВО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ПАН С ИНСТИТУТАМИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В ОБЛАСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

В начале мы хотели бы кратко охарактеризовать Институт истории ПАН как научное учреждение, об участии которого в польско-российском сотрудничестве в области исторических исследований пойдет речь ниже. Институт истории Польской Академии наук возник в 1953 г., следовательно, в 2003 г. он будет отмечать свое пятидесятилетие. В 1994 г. решением Президиума ПАН институту было присвоено имя Тадеуша Мантойфеля — первого директора, выдающегося историка медиевиста и заслуженного организатора науки. Институт истории находится в ведении самого большого отделения Польской Академии — Отделения общественных наук. Кроме своего центра в Варшаве (где сосредоточен основной научный потенциал института) он имеет также отделения и в других городах.

На протяжении без малого пятидесятилетнего существования Института истории изменялись его организационная структура, а также, что очевидно, концепция его роли в польской науке, стоящие перед ним основные задачи. Зато сохранился его общий исследовательский профиль, охватывающий весь хронологический период истории Польши, а также избранные направления всеобщей истории. С момента основания Института истории преобладали два основных направления исследований. Первое из них охватывает фундаментальные работы с историческими источниками: их изучение и публикацию, составление биографических словарей и словарей по исторической географии, пособий, атласов, трудов по библиографии и т. д. Эти исследования — основа исследовательской лаборатории историков, многие из которых востребованы не только исторической наукой, но и гуманитарными науками в целом как в Польше, так и за рубежом. Среди упомянутых фундаментальных изданий первое место принадлежит Польскому биографическому словарю — монументальной национальной биографии, охватывающей научно составленные биограммы заслуженных представителей польского общества с древнейших времен до наших дней. Другое направление исследований охватывает коллек-

inslav

тивные работы, предполагающие привлечение значительного материала, общего и синтетического характера, относящиеся к истории регионов, городов и т. д. Огромную роль играют также индивидуальные монографии, а также сборники научных трудов.

В течение многих лет научное сотрудничество Института истории ПАН с иностранными партнерами, в том числе с институтами Академии наук СССР, опиралось на договоры, заключенные на высшем (государственном и правительственном) или межакадемическом уровне. Предметом этих договоров и их воплощением в конкретную научную работу были проводимые совместные исследования и совместные публикации, участие научных работников в специализированных конференциях, долгосрочные или непродолжительные научные командировки. Однако, несмотря на то, что обсуждение основных направлений сотрудничества происходило на высшем уровне, а следовательно, по заданию и под контролем государственных органов (что имело и свои негативные стороны), и, прежде всего, несмотря на различные, часто чувствительные политические и цензурные ограничения, нельзя недооценивать значения почти четырех десятилетий польско-российских контактов и взаимодействия в области исторических наук.

Примером могут служить совместные работы в области издания исторических источников. Часть этих публикаций является ценнейшим достижением польской и российской науки. Конечно, это не единственный результат двустороннего сотрудничества в то время. Здесь следует вспомнить участие научных сотрудников институтов в заседаниях Комиссии историков Польши и России (ранее ПНР и СССР). Эта Комиссия сыграла, без сомнения, важную роль в укреплении научных контактов. Ее сессии были посвящены существенным научным проблемам.

В начале минувшего десятилетия возникли новые условия сотрудничества, которые получили новое качество. Нельзя не сказать о таком важном факторе, особенно для историков нового и новейшего периодов (хотя и не только для них), каковым стало открытие архивов, свободный доступ к которым прежде был невозможен Одновременно с этим большое значение имело устранение запретов и ограничений в области исследования тем, считавшихся до этого времени щекотливыми и трудными, и поэтому замалчиваемых.

Очень большое значение имеет открывшаяся ныне возможность непосредственно налаживать контакты между нашими научными сотрудниками в соответствии с их исследовательскими интересами, а также потребностями обеих сторон. В этих новых условиях сотрудничество с российскими партнерами остается одним из приоритетных направлений в совокупности научных отношений Института истории

inslav

с заграницей. Важная роль принадлежит также сотрудничеству с академическими институтами других наших восточных соседей.

Институт истории ПАН имеет непосредственные договоры о сотрудничестве с тремя институтами Российской Академии наук: Институтом российской истории, Институтом славяноведения и с Институтом всеобщей истории. Во всех трех случаях сотрудничество осуществляется на постоянной основе, наполнено реальным содержанием и реализуется, как мы полагаем, с выгодной для обеих сторон. Его характеризует: тщательный отбор совместных тем, задуманных так, чтобы отражать взаимные интересы; инспирирование новых сюжетов исследований, имеющих более широкий временной и проблемный охват. Приоритетным признается изучение Новой и новейшей истории XX в. Взаимодействие, в частности, осуществляется в исследованиях таких проблем, как «Смуты в истории России и кризисы в истории Речи Посполитой в XVII–XVIII вв.» (с Институтом российской истории РАН) и «Польско-российские отношения в XVI–XVIII вв.» (с Институтом славяноведения РАН). Изучается проблематика контактов Польши и России в XX столетии, т. н. «неизвестной истории» (с Институтом российской истории РАН), и история поляков в Российской империи и Советской России в XIX–XX вв. (с Институтом славяноведения РАН), а также исследуются связи польской и российской интеллигенции в общеевропейском контексте (с Институтом всеобщей истории РАН). Часть совместно разрабатываемых тем сейчас очень активно обсуждается в европейской науке. К ним относится и сравнительное исследование тоталитаризма в Европе в XX в., а также некоторые проблемы средневековой истории (обращение к сравнительной истории городов и антропологии культуры). Эти направления реализовались в сотрудничестве с Институтом всеобщей истории РАН.

Говоря о конкретных проявлениях сотрудничества и о его конкретных результатах, прежде всего следует перечислить научные конференции, связанные с тематикой сотрудничества, на которых ученые Польши и России сопоставляют результаты исследований и высказывают свои предложения. В последние десятилетия таких конференций было много. Мы не имеем возможности в полной мере рассмотреть их итоги и значение. Даже простое перечисление их названий едва ли будет уместно в ограниченных рамках настоящей статьи. Характеризуя их в целом, следует отметить, что в большинстве случаев они относились к политической истории Польши и России, или Польши и СССР в XIX и XX вв. На конференциях обсуждались вопросы современной истории, проблемы культуры и науки, истории историографии, складывания взаимных стереотипов восприятия поляков и россиян.

inslav

Трудно было бы сравнивать научное значение отдельных конференций. Можно высоко оценить, например, встречу, посвященную кризисам в польско-российских взаимоотношениях в XVI–XVIII вв., а также другие, на которых обсуждалась роль польских народных восстаний в формировании взаимных представлений. С признательностью вспоминаем конференцию о польско-российских научных контактах, организованную в Москве в 2001 г. в рамках «Дней польской науки в России». Это, конечно, только отдельные примеры. Стоит еще добавить, что наши научные контакты осуществлялись также на международных симпозиумах и конференциях, организованных в обеих странах независимо от программ двустороннего сотрудничества. Снова (только тезисно) упомянем наше участие в международной конференции в Москве, посвященной Петру Великому и его эпохе, а также участие российских ученых в конференции Института истории ПАН о тоталитаризме в XX в.

Едва ли есть необходимость вновь специально говорить о том, какую важную роль играет обмен информацией о ведущихся в наших институтах и в целом в Польше и в России научных разработках, о публикации монографий, особенно тех, тематика которых особенно важна для научного партнерства. Интерес к истории России как XIX века, так и советского периода у нас не ослабевает. Результатом его являются исследования, достойные внимания. Существует взаимопонимание в решении проблем совместной истории Польши и России. С успехом поднимаются также проблемы истории других наших восточных соседей. Бесспорным достижением в области публикации документов является исследование Виктории Сливовской «Биографический словарь ссыльных поляков в Российской империи». Говоря о наиболее важных монографиях, нельзя не упомянуть работы Александры Лейнванд об искусстве в Советской России в 1917–1922 годах, Анджея Новака о восточной политике Юзефа Пилсудского и Дарюша Яроша «Поляки и сталинизм».

В структуре Института истории давно существует Отдел истории России и Центральной и Восточной Европы, в состав которого входит сектор истории России. Подготовленные в этом научном отделе исследования по истории России и Центральной и Восточной Европы, а также публикация документов использовались в исследованиях и статьях по истории России и Советского Союза.

В заключение попробуем представить наиболее важные, как нам представляется, направления сотрудничества Института истории ПАН с российскими академическими институтами исторического профиля. Сотрудничество это оценивается как благополучное и систематически развивающееся. Проводятся необходимые совместные консуль-

inslav

тации, учитывая научную заинтересованность и возможности партнеров. Перспективы сотрудничества могли быть шире, доказательством чего служит несомненное расширение круга совместных научных интересов. В связи с этим нельзя не сказать и о имеющихся препятствиях, хотя они также очевидны. Связаны они, прежде всего, с очень ограниченными и недостаточными финансовыми средствами, которые выделяются на научные исследования. Взаимное сотрудничество и общая заинтересованность в совместных исследованиях между нашими институтами (говоря об общей заинтересованности, мы имеем в виду не только наши коллективы, но развитие науки в целом), к сожалению, не может в полной мере компенсировать недостаток необходимой для нашей работы материальной базы. Будем же, однако, оптимистами и выразим надежду, что в будущем будут созданы оптимальные условия для плодотворного развития сотрудничества ученых-историков наших стран, для развития науки в Польше и в России.

Перевод Л. Марней

inslav

Ежи Снопек
(Варшава)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛЬСКО-РУССКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

(ИЗ ОПЫТА ИНСТИТУТА ЛИТЕРАТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАН)

Польско-русское соседство было и остается единственным в своем роде. Граница между Польшей и Россией, разделяющая два крупнейших славянских народа, на протяжении десяти веков была и границей двух миров. С одной стороны, империя, опирающаяся на наследие Византии, с другой — государство, с самого начала своей истории связанное с западным христианством. В русской культуре склонность к мистическому созерцанию лучше всего, пожалуй, символизируют иконы, изображающие застывшие, но излучающие таинственный отсвет лики. В польской культуре более ощутимо тяготение к прагматизму, что свойственно западной цивилизации.

Неудивительно поэтому, что в истории польско-русских отношений чувство близости постоянно сосуществовало с чувством отчужденности, особенно если учесть, что Западная Русь, на которую всегда претендовала Россия, в течение длительного времени была восточной окраиной («кресами») Речи Посполитой. Чеслав Милош — автор «Rodzinnej Europy», несмотря на свое увлечение русской культурой, сильно преувеличил, подчеркивая негативный аспект польско-русских отношений: «Поляки и русские друг друга не любят. Точнее, они испытывают друг к другу разные неприязненные чувства, от обиды и презрения до ненависти, что не исключает, однако, непонятной взаимной тяги, всегда окрашенной недоверием».

Нет нужды делать вид, что не было взаимной неприязни, а иногда и проявлений враждебности. Подтверждение этому мы найдем в обеих культурах. Вместе с тем наша общая история отмечена взаимным интересом друг к другу, обменом культурными ценностями, а во многих случаях — особенно с польской стороны — искренней увлеченностью. Взаимодействие наших народов и культур проходило, можно сказать, в зоне повышенного напряжения, поэтому сегодня это крайне привлекательное поле для исторических и культурологических исследований. Необходимость таких исследований тем более важна, что они могут способствовать более глубокому взаимопониманию, а тем самым

inslav

преодолению устоявшихся схем, взаимных претензий, негативных стереотипов. В прошлом большие знатоки русской культуры, как, например, Мариан Здзеховский, излишне поддавались давлению политических сил, но теперь пришла пора, чтобы посмотреть на польско-русские культурные и литературные отношения sine ira et studio*. Уже само выявление различных проявлений взаимных связей и воздействий может быть весьма красноречивым и поучительным.

Напомним, что наши литературные контакты начались в глубоком средневековье, начало им положил один из первых документов русской письменности — Повесть временных лет 1113 года. На русские летописные своды опирался Ян Длугош, они повлияли и на более поздних польских хронистов: на произведения Марцина Бельского, Кромера, Стрыйковского и даже Нарушевича. Позднее культурное влияние шло и в обратном направлении. Одним из примеров этого является Хроника второй половины XVI в. Марцина Бельского, которая, испытав воздействие русских летописей, сама повлияла на русскую историографию.

Кульминационный момент в истории влияния польской литературной культуры на русскую приходится на вторую половину XVII в. В истории контактов наших культур это был особый период. Никогда раньше и никогда впоследствии русская литература (и шире: культура) не находилась под столь сильным влиянием польской культуры, которое имело большое значение для ее развития. Правда, даже тогда на русский язык было переведено относительно немного произведений польской литературы (например, псалмы Кохановского), но с ними знакомились в оригинале, поскольку польский язык был вторым языком образованных слоев. Перенимались образцы литературной культуры, эстетические каноны, формы версификации.

Заметим, что привилегированное положение польской стороны в польско-русских контактах не было связано тогда напрямую с уровнем польской литературы. Ведь сотней лет раньше, в «золотом» — как принято его называть — веке этой литературы она не играла столь инспирирующей роли (несмотря на явное оживление польско-русских взаимоотношений после Люблинской унии). Решающее значение имела политическая ситуация (хотя следует учитывать также способность русской культуры к восприимчивости). Шляхетская Речь Посполита во второй половине XVII в. не обладала политическим могуществом, поскольку, как известно, после ряда военных поражений она его утратила. В то же время, и это на первый взгляд кажется парадоксом, ослабление Речи Посполитой непосредственно способствовало

* Без гнева и пристрастия (*лат*).

inslav

ее культурной экспансии на Восток. Присоединение к России части белорусских и украинских земель привело к появлению в границах московского государства значительного слоя людей, воспитанных на польской культуре, которые занялись ее распространением в новой национальной и культурной обстановке.

Некоторые следы этой полонизации прослеживаются в эпоху Просвещения, когда некоторые творцы русской литературы, как, например, Кантемир и Тредиаковский, прекрасно владели польским языком. Но нельзя говорить о влиянии тогдашней польской литературной культуры на русскую, сравнимом с тем, что было сто лет тому назад. Обмен культурными ценностями в эпоху Просвещения достиг относительного равновесия: в России переводили Красицкого, Богомольца, Богуславского, в Польше — Сумарокова, Ломоносова, Кантемира. Упомянутое равновесие существовало, впрочем, на не очень высоком уровне, поскольку тогдашняя Россия обращалась уже непосредственно к западным источникам помимо Польши.

В истории русско-польских литературных связей особенно значение имеет XIX в. Он богат многочисленными и разнообразными фактами и неплохо изучен, однако по-прежнему требует кропотливой исследовательской работы. Остается еще много проблем, «белых пятен», документов, которые должны быть проанализированы и интерпретированы.

Подобным образом обстоит дело и с XX в. Он принес, как все мы знаем, новый политический опыт, который болезненно сказался на судьбах людей (подтверждением чему в обеих наших странах является, например, т. н. лагерная литература, сопоставимая в определенной степени со свидетельствами политических ссыльных в XIX в.). Почти вся вторая половина XX в. в истории польско-русских (польско-советских) литературных отношений была периодом, имевшим неповторимую специфику. Декретируемая сверху официальная дружба при тогдашнем общественном строе сочеталась с многочисленными препонами на пути взаимосвязей, с регламентацией культурного обмена и умножением запретных зон. Справедливости ради надо признать, что если говорить о количестве названий (а также тиражей) русских книг, издаваемых в Польше, и польских в России — это был наиболее плодотворный период, а среди этих книг было немало интересных и стоящих произведений (не только из числа классических произведений обеих литератур).

Выше я уже коснулся того, что независимо от политической ситуации культурная элита Польши со времен Пушкина и Гоголя была увлечена великой русской литературой. В этом контексте знаменательно, что трудный и сложный XX в. богат проявлениями интереса русских литературных кругов к творчеству польских писателей. Он начался целым потоком русских исследований творчества Мицкевича,

inslav

увенчавшихся фундаментальной монографией А. Л. Погодина. Вскоре произошло открытие Бальмонтом Словацкого, а в годы коммунистического режима польская поэзия стала источником творческих импульсов для И. Бродского.

Обрисованный лишь несколькими штрихами огромный период, во время которого взаимное притяжение сменялось отталкиванием, сотрудничество – конфликтами, дружба – ненавистью – по-прежнему интересен для исследователей обеих стран. Представляется важным, чтобы в результате публикации ценных исследований по частным вопросам, монографий, посвященных отдельным проблемам или периодам, появились обобщающие труды, как с русской, так и с польской стороны.

Институт литературных исследований ПАН почтет за честь, если его работы хотя бы в скромной мере будут способствовать более глубокому познанию истории духовного и культурного общения наших народов. С этой целью, сознавая весомость проблематики, мы уже в течение многих лет стремимся сотрудничать с русским учеными.

Институт литературных исследований Польской Академии наук (на четыре года старше самой Академии) начал свою деятельность в период усиленной и особенно догматичной идеологизации всех областей жизни в СССР и – соответственно – в Польше. Он стремился изолироваться от этой идеологизации в работах по лексикографии и литературной документации, но в результате политического нажима вынужден был заниматься и проблематикой, навязанной сверху партийными идеологами во главе со Ждановым. До 1956 г. международного сотрудничества практически не существовало. Всякие личные контакты ученых (возможно, из опасения буржуазных влияний) были нежелательны. В этой ситуации своеобразной данью духу того времени был изданный в 1952 г. коллективный труд ученых Института литературных исследований «Учение Сталина о языке и методология литературных исследований», в котором приняли участие многие позднейшие корифеи польского литературоведения.

Своеобразным переломом в этом плане явился Международный конгресс славистов в Москве, в котором участвовало – непосредственно или присланными докладами – шестеро сотрудников Института литературных исследований ПАН (М. Длуская, М. Р. Майенова, Г. Маркевич, К. Выка, Ю. Кжижановский, Е. Ворончак). Конгресс состоялся в 1958 г., когда Институт отмечал десятилетие своего существования. Можно сказать, что именно во время московской встречи лед был сломан.

В следующем году в работе варшавского семинара по сравнительной метрике принял участие проф. Виктор Жирмунский, который выступил

inslav

даже с двумя докладами методологического характера, теоретически обосновав исследования, которые проводятся вплоть до сегодняшнего дня с участием ученых практически из всех славянских стран (опубликовано уже много томов в серии «Славянская сравнительная метрика»).

В 1960 г. в организованной Институтом литературных исследований международной конференции, посвященной проблемам поэтики, принял участие проф. Д. Лихачев (позднее он неоднократно участвовал и в других конференциях). И в этой области польско-русская научная встреча оказалась весьма плодотворной. Исследования по литературному структурализму, получившие развитие в Институте литературных исследований в последующие годы, в значительной мере опирались на работы русских формалистов (а также В. Проппа).

Тематическое поле нашего сотрудничества постоянно расширялось. В 1965 г. состоялась первая совместная историко-литературная конференция, посвященная роману XIX и XX вв. В ней участвовали сотрудники Института русской литературы в Ленинграде и доктор наук Б. Бялик из Москвы.

В том же году были заключены договора о сотрудничестве с Институтом славяноведения АН СССР и Институтом мировой литературы имени М. Горького АН СССР. Предполагалось проводить совместные исследования в области поэтики и семиотики а также подготовить совместную публикацию, посвященную польско-русским литературным связям на протяжении веков с акцентом на XIX и XX вв. Уже несколькими месяцами позже появились первые плоды этих договоров: в 1966 г. на конференции по семиотике в Варшаве русские ученые представили пять докладов.

6 декабря 1966 г. в Институте литературных исследований — с участием В. Хорева и других московских полонистов — состоялось обсуждение первого варианта двухтомной «Истории польской литературы», подготовленной в Институте славяноведения АН СССР (издана в Москве в 1968–1969 гг.). В дальнейшем работа над историей польской литературы учеными этого Института была продолжена, и в ней они достигли, как мы знаем, значительных результатов.

До той поры, как видим, сотрудничество Института литературных исследований ПАН с русскими исследователями проходило без обращения к темам, в которых особенно были заинтересованы политические власти в наших странах. Положение изменилось в 1967 г., когда широко отмечалось пятидесятилетие Октябрьской революции в СССР. Тогда в Москве состоялся совместный симпозиум Института славяноведения и Института литературных исследований, посвященный польской пролетарской литературе и польско-советским литературным связям в межвоенный период. Два года спустя материалы этого симпозиума

inslav

были опубликованы отдельной книгой. В последующие годы состоялась серия польско-русских конференций, сосредоточенных на проблематике революции (1968 – «Опыт XX века и польская литературная и культурная мысль»; 1970 – «Ленин и революционная романтика в искусстве» и «Литература и революция», в которой участвовали исследователи обоих сотрудничающих с нами московских академических институтов а также полонисты из Киева и русисты из нескольких вузов. Важно подчеркнуть, что несмотря на определенные идеологические издержки, вполне объяснимые тогдашними обстоятельствами, эти конференции принесли много добросовестных и ценных исследований. Вышеназванная тематика довольно скоро была исчерпана, попутно открыв возможности для совместных исследований романтической литературы, которые долгое время были нежелательны. Они были начаты лишь в 1972 г. научным симпозиумом в Москве, который был организован Институтом славяноведения и Институтом литературных исследований. Темой симпозиума был польский романтизм и его связи с восточнославянскими литературами (материалы симпозиума были изданы в 1973 г.).

В 1970-е гг. были запланированы обширные совместные исследования XIX в. Особое место в них отводилось проекту изучения польской общественно-политической и литературной жизни в 1832–1855 гг. В работе над ним должны были принять участие польские и русские историки и литературоведы, как это было сделано при издании источников по Январскому восстанию. Проект, рассчитанный на много томов, не был доведен до конца. Выдающимся исследовательским достижением в этой области несомненно стал фундаментальный труд проф. Виктории Сливовской. При деятельном участии Института литературных исследований ПАН были изданы и другие труды – например, «Содружество польского народа в Королевстве Польском. Густав Эренберг и „свентокшижцы“». Позднее были написаны две ценные книги, посвященные отношению Пушкина к полякам и Польше (М. Зелиньская) и отношению Словацкого к России (Э. Кисьляк).

В 1978 г. состоялась, пожалуй, последняя польско-русская конференция, порожденная актуальными идеологическими потребностями: «Роль художественной литературы в построении развитого социалистического общества».

Позднее тематика этого круга появилась, правда, на конференции 1996 г., посвященной проблемам социалистического реализма на примере польской и русской литератур, но это был уже свободный выбор исследователей, которых привлекла возможность беспрепятственного анализа специфического для литературы коммунистических стран явления. Вскоре было осознано, что сходные явления присутствовали и в условиях иного тоталитаризма: фашизма и нацизма.

inslav

Народилась новая тенденция рассмотрения разных явлений в европейской перспективе (эта тенденция является, между прочим, производной новой идеологии, которая использует скорее метод пряника, а не кнута).

В этот контекст нами вписываются имагологические исследования, посвященные взаимному видению наших культур и народов. По этой проблематике, начиная с конференции Института славяноведения и Института литературных исследований в Москве в 1997 г., организованной проф. В. Хоревым, было проведено несколько совместных конференций, которые принесли ряд ценных публикаций и инспирировали подобные исследования в других странах. К этому же кругу относятся проведенные Институтом литературных исследований ПАН международные конференции, посвященные проблемам центрально-европейского романтизма (с участием сотрудников Института славяноведения РАН В. Мочаловой и А. Липатова), синтезу польской литературы для Европы (2000 г., с участием проф. В. Хорева и д-ра А. Липатова). В этом же ключе мы планируем провести совместные исследования функционирования мифа Европы в русской и польской литературе и культуре — захватывающая тема, которая родилась в итоге обсуждения планов сотрудничества между Институтом литературных исследований ПАН и Институтом славяноведения РАН.

Не подлежит сомнению, что проходящие в Европе интеграционные процессы ставят национальные культуры перед лицом новых проблем и в связи с этим естественным образом побуждают к углубленным размышлениям о месте собственного культурного наследия в появляющейся на горизонте новой конфигурации. В большой дискуссии, развертывающейся по этим вопросам, должны участвовать ученые из России, страны, которая внесла в литературный канон Европы огромный и самобытный вклад. Это тем более важно, потому что инспирирующая роль русской литературы придала своеобразие центрально-европейским литературам. Благодаря ей выдающиеся произведения этих литератур имеют самостоятельную ценность, которую мы стремимся выявить и описать как существенную составную часть общеевропейского культурного наследия. Не менее важно и то, что взаимное познание наших литератур, этой художественной сублимации нашей сложной истории, является познанием не только партнеров, но в равной степени и самих себя. Иначе говоря, чем глубже и адекватнее мы будем понимать русских, тем лучше мы поймем и самих себя.

Перевод В. Хорева

inslav

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бардах Юлиуш — академик Польской Академии наук, профессор Варшавского университета.

Бухарин Николай Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН.

Былина Станислав — профессор, доктор исторических наук, директор Института истории ПАН, почетный доктор Российской Академии наук.

Волков Владимир Константинович — член-корреспондент РАН, профессор, директор Института славяноведения РАН, сопредседатель Комиссии историков России и Польши.

Дмитриев Михаил Владимирович — доктор исторических наук, доцент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Костюшко Иван Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Лаптева Людмила Павловна — доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Макарова Галина Васильевна — научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Марней Людмила Петровна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН, ученый секретарь российской части Комиссии историков России и Польши.

Новак Анджей — доктор исторических наук, научный сотрудник Института истории ПАН.

Носов Борис Владимирович — кандидат исторических наук, заместитель директора Института славяноведения РАН.

Опацкий Збигнев — профессор, доктор исторических наук, директор Института истории Гданьского университета.

inslav

Осипов Юрий Сергеевич — академик, Президент Российской Академии наук.

Парсаданова Валентина Сергеевна — доктор исторических наук, член Комиссии историков России и Польши.

Ромек Збигнев — доктор исторических наук, научный сотрудник Института истории ПАН.

Седов Валентин Васильевич — академик РАН, главный научный сотрудник Института археологии РАН.

Сливовская Виктория — профессор, доктор исторических наук, научный сотрудник Института истории ПАН, сопредседатель Комиссии историков России и Польши, почетный доктор Российской Академии наук.

Сливовский Рене — профессор Варшавского университета, доктор филологических наук.

Снопек Ежи — доцент, доктор филологических наук, заместитель директора Института литературных исследований ПАН.

Фалькович Светлана Михайловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Филипович Мирослав — доктор исторических наук, адъюнкт Люблинского католического университета.

Шварц Анджей — доктор исторических наук, профессор Варшавского университета.

Щапов Ярослав Николаевич — член-корреспондент РАН, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Яжборовская Инесса Сергеевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института сравнительной политологии РАН.

inslav

Научное издание

Российско-польские научные связи в XIX–XX вв.

Издательство «Индрик»

Книги издательства «Индрик» можно приобрести
в книжной галерее «НИНА» по адресу:
ул. Б. Якиманка, д. 6
тел. 238-02-69

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
e-mail: **indric@mail.ru**
or by tel./fax: **+7 095 938 57 15**

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Подписано в печать 04.07.2003. Формат 60×90 1/16.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная. Бумага офс. № 1.
Печ. л. 18,0. Тираж 300 экз. Заказ 2635.
ООО «ИПФ «Индрик»
117218, г. Москва, Новочеремушкинская ул., 34
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ»,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86

inslav

insiav

Собственность
Изобразительная